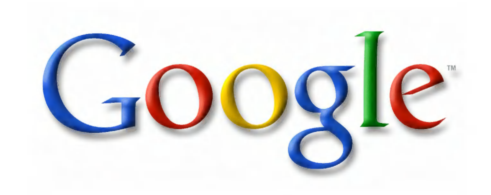
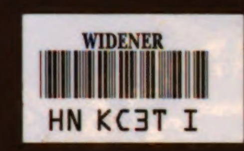



WIDENER
HN KC3T I

VE RI
TAS

Антона Будиловича.

ОБЩЕСЛАВЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ,

ВЪ РЯДУ ДРУГИХЪ ОБЩИХЪ ЯЗЫКОВЪ

ДРЕВНЕЙ и НОВОЙ

ЕВРОПЫ.

Томъ II.

ВАРШАВА.
Въ типографіи Маріи Земкевичъ,
Краковское-Предмѣстье № 17.

1892.

ДРУГІЯ СОЧИНЕНІЯ И СТАТЬИ
АВТОРА КНИГИ.

---

1. Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ. СПБ. 1869.
2. Сербія и Сербы въ періодъ возрожденія (по поводу соч. Н. Попова: Россія и Сербія). СПБ. 1870.
3. Ломоносовъ, какъ писатель. СПБ. 1871.
4. Не былъ ли православнымъ человѣкомъ Іеронимъ Пражскій? Въ Христ. Чт. за 1871 г.
5. Изслѣдованіе языка древнеславянскаго перевода XIII словъ Григорія Богослова, по рукописи Имп. Пуб. Библ. XI вѣка. СПБ. 1871.
6. Важнѣйшіе моменты югославянской исторіи (по поводу соч. Е. Голубинскаго, Исторія церквей болгарской, сербской и румынской). Въ Ж. М. Н. Пр за 1872.
7. Нѣсколько замѣчаній о польскомъ вопросѣ, съ точки зрѣнія всеславянской. Въ Рус. Мысли за 1872 г.
8. Очерки исторіи литературъ: сербо-хорватской, хорутанской, словенской, лужицкой и польской. СПБ. 1873 (въ изд. Н. Гербеля: Поэзія Славянъ).
9. Путевыя замѣтки о долинѣ средняго и нижняго Дуная. Въ Ж. М. Н. Пр. за 1874 г.
10. Нѣсколько данныхъ и соображеній изъ области общественной и экономической статистики Чехіи, Моравіи и Австрійской Силезіи. СПБ. 1875 (въ I т. Слав. Сборн.).
11. Очеркъ современнаго положенія Черной Горы. СПБ. 1875 (въ I т. Слав. Сборн.).
12. О современномъ положеніи и взаимныхъ отношеніяхъ славянъ западныхъ и южныхъ. СПБ. 1875 (въ I т. Слав. Сборн.).
13. Статистическія таблицы распредѣленія славянъ по народностямъ, государствамъ, азбукамъ, нарѣчіямъ и вѣроисповѣданіямъ, съ объяснительною запискою. СПБ. 1875.
14. XIII словъ Григорія Богослова въ древнеславянскомъ переводѣ, по рукописи Имп. Пуб. Библ. XI в Критико-палеографическое изданіе. СПБ. 1875.
15. Нѣсколько замѣчаній объ изученіи славянскаго міра. СПБ. 1877 (въ III т. Слав. Сборн.).
16. Очерки изъ сербской исторіи: I. Паденіе сербскаго царства; II. Возрожденіе сербскаго народа; III. О взаимныхъ историческихъ связяхъ народовъ русскаго и сербскаго. СПБ 1877 (въ III т. Слав. Сборн.).
17. О литературномъ единствѣ народовъ славянскаго племени. СПБ. 1877. (въ III т. Слав. Сборн.).
18. Анализъ составныхъ частей славянскаго слова съ морфологической точки зрѣнія. Кіевъ 1877 (въ Извѣст. Инст. кн. Безбородка).
19. Первобытные Славяне, въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ, по даннымъ лексикальнымъ. Вып. 1. 2. 3. Кіевъ 1878 — 1881.
20. Заговоръ графовъ Петра Зринскаго и Франца Франкопана. Эпизодъ изъ хорватской исторіи XVII в. Кіевъ 1879 (въ Изв. Инст. кн. Безбородка).
21. О Янѣ Непомуцкомъ. Варш. 1879 (въ Холмско-Варш. Епарх. Вѣдом.).

ОБЩЕСЛАВЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ,

ВЪ РЯДУ ДРУГИХЪ ОБЩИХЪ ЯЗЫКОВЪ

ДРЕВНЕЙ и НОВОЙ

ЕВРОПЫ.

Томъ II.

ОБЩЕСЛАВЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ,

ВЪ РЯДУ ДРУГИХЪ ОБЩИХЪ ЯЗЫКОВЪ

ДРЕВНЕЙ и НОВОЙ

ЕВРОПЫ.

СОЧИНЕНІЕ

АНТОНА БУДИЛОВИЧА.

Увѣнчано первою кирилло-меѳодіевскою премією

и издано иждивеніемъ

С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества.

ТОМЪ II.

Зарожденіе общаго языка

НА СЛАВЯНСКОМЪ ВОСТОКѢ.

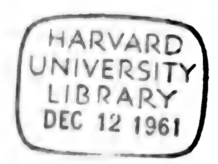
ВАРШАВА.

Въ типографіи Маріи Земкевичъ,

Краковское-Предмѣстье, N. 17.

—

1892.



Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета.

Ректоръ **И. Щелковъ.**

ЧАСТЬ II.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

Разсмотрѣвъ образованіе семи главныхъ общихъ языковъ древней и новой Европы и установивъ основныя условія, при которыхъ они обыкновенно возникаютъ и развиваются, мы перейдемъ теперь, во второй части настоящаго сочиненія, къ изученію того же историческаго явленія въ средѣ славянъ. Методъ и основные вопросы этого изученія останутся прежніе, ибо образованіе языка общеславянскаго не представляетъ чего либо исключительнаго въ исторіи человѣчества, а совершается въ тѣхъ же условіяхъ и по тѣмъ же законамъ, какъ образованіе языковъ общегреческаго, общелатинскаго и др. вышеразсмотрѣнныхъ. Разница заключается лишь въ томъ, что оборотъ этого явленія въ средѣ славянской не только не завершился, какъ въ языкахъ греческомъ или латинскомъ, но даже не для всѣхъ ясно обозначился, напоминая въ этомъ отношеніи языкъ итальянскій до Аріоста или нѣмецкій до Опица. Намъ придется, слѣдовательно, изучать общеславянскій языкъ не въ наличности, а въ генезисѣ, и притомъ въ довольно ранній, зародышный, такъ сказать, періодъ его развитія. И тутъ мы встрѣтимъ борьбу тѣхъ же естественныхъ, общественныхъ и личныхъ силъ, развивающихся то въ центростремительномъ, то въ центробѣжномъ направленіяхъ, но борьбу еще не законченную ни въ мірѣ явленій, ни въ сознаніи людей. Изученіе феномена въ такомъ пе-

ріодѣ соединено съ особыми затрудненіями—въ родѣ тѣхъ, какія встрѣчаетъ при изученіи новооткрытой кометы астрономъ, не знающій еще ни быстроты и времени ея движенія, ни эксцентричности эллипса. Но затрудненія эти значительно ослабляются, если мы станемъ изучать оборотъ общеславянскаго языка въ ряду другихъ аналогическихъ явленій, памятуя при этомъ и основные законы этнологіи, соціологіи и филологіи.

Точкою отправленія при этомъ будетъ картина нынѣшнихъ діалектическихъ отношеній славянства, въ его дробленіи по нарѣчіямъ, разнорѣчіямъ, говорамъ, причемъ мы попытаемся опредѣлить ихъ относительный возрастъ и отмѣтить преобладающее направленіе ихъ внѣшняго и внутренняго развитія. Затѣмъ мы разсмотримъ попытки образованія общихъ языковъ на славянскомъ югѣ, западѣ и востокѣ, на почвѣ діалектовъ — болгарскаго, сербскаго, чешскаго, польскаго и русскаго, прослѣдимъ судьбу этихъ діалектовъ въ роли общихъ языковъ, вникнемъ въ причины ихъ историческихъ успѣховъ и неудачъ, и опредѣлимъ относительные размѣры ихъ нынѣшнихъ силъ. Эти указанія исторіи послужатъ читателю критеріемъ для оцѣнки теоретическихъ сужденій объ общемъ языкѣ славянъ, начиная съ Юрія Крижанича и до нашихъ дней. Въ послѣсловіи мы изложимъ свой взглядъ на этотъ предметъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Діалектическія отношенія славянъ.

Народъ, столь многочисленный и распространенный какъ славяне, въ сто-милліонномъ множествѣ занимающій то самъ по себѣ, то въ смѣшеніи съ другими народами, чуть не шестую часть суши, на протяженіи отъ Чешскаго лѣса и Норическихъ Альпъ до Великаго океана и отъ Новой земли до Архипелага и „стѣнъ недвижнаго Китая“,— такой народъ не можетъ не дробиться на множество нарѣчій, разнорѣчій и говоровъ, тѣмъ болѣе, что ни церковь, ни государство, ни литература не объединили еще прочно всѣхъ его вѣтвей, какъ это случилось со многими другими народами старой и новой Европы.

Все разнообразіе новославянскихъ говоровъ можно свести къ тремъ основнымъ группамъ: А. восточной, Б. южной и В. западной.

Къ первой принадлежатъ многочисленныя вѣтви русскаго народа, занимающаго обширную область отъ средней Вислы и верхней Тисы до Камчатки и Сахалина, а отъ тундръ сѣвера до склоновъ Паропамиза; ко второй — славяне задунайскіе, населяющіе весь почти Балканскій полуостровъ, съ прилегающими угорскими и подальпійскими землями, отъ Варны и Бургаса на востокѣ до о. Виса (Lissa) и р. Сочи (Isonzo) на западѣ, а отъ озеръ Блатенскаго и Целовецкаго на сѣверѣ до подножій Пинда и Аѳона на югѣ; къ третьей наконецъ — уцѣлѣвшія вѣтви славянъ привислянскихъ, пріодерскихъ, прилабскихъ, съ примыкающими къ нимъ съ юга поморавцами, поважцами,

погронцами, ипольцами, отъ кашубскаго Поморья на сѣверѣ до горъ Фатры на югѣ и отъ устья р. Сяна на востокѣ до Дамажлицкихъ (Taus) воротъ на западѣ.

Въ смыслѣ діалектическомъ группы эти подраздѣляются на слѣдующія нарѣчія и поднарѣчія:

А. 1) нарѣчіе великорусское, съ разнорѣчіемъ бѣлорусскимъ;

2) нарѣчіе малорусское, съ разнорѣчіемъ червонорусскимъ.

Б. 3) нарѣчіе болгарское, съ разнорѣчіемъ македонскимъ;

4) нарѣчіе сербское, съ разнорѣчіемъ хорватскимъ;

5) нарѣчіе словинское, съ разнорѣчіемъ резьянскимъ.

В. 6) нарѣчіе чехо-моравское, съ разнорѣчіемъ словенскимъ;

7) нарѣчіе верхнелужицкое (мильчанское), съ разнорѣчіемъ нижнелужицкимъ;

8) нарѣчіе польское, съ разнорѣчіемъ кашубскимъ.

Каждое изъ этихъ восьми нарѣчій съ такимъ же числомъ соподчиненныхъ разнорѣчій можетъ быть подраздѣлено еще на большее или меньшее число говоровъ, каковы являются напримѣръ:

1) въ нарѣчіи великорусскомъ: окающіе (на сѣверовостокѣ) и акающіе (въ серединѣ и на юговостокѣ): къ послѣднимъ довольно близко примыкаетъ и разнорѣчіе бѣлорусское;

въ нарѣчіи малорусскомъ: говоры чернорусскіе (Подляшье и Полѣсье) и украинскіе (на юговостокѣ); въ разнорѣчіи червонорусскомъ: говоры подольско-волынскіе, галицкіе и подкарпатскіе;

2) въ нарѣчіи болгарскомъ: говоры подбалканскіе или ѳракомизійскіе и шопскіе (въ Западной Болгаріи), рупаланскіе (въ южной Ѳракіи и восточной Македоніи [1]) и помацкіе (на границахъ Ѳракіи и Македоніи); въ разно-

---

[1]) Ср. Archiv für Slavische Philologie, пр. Ягича, VII, 320 сл.; VIII, 96 сл.

рѣчіи македонскомъ: говоры восточные (демиргиссарскій и др.), южные (солунскій, костурскій и др.), западные (охридскій, дебрскій), серединные (битольскій, штипскій);

3) въ нарѣчіи сербскомъ или штокавщинѣ: говоры екавскіе (на востокѣ: ресавскій и др.), іекавскіе (на югѣ: герцеговинскій и др.), икавскіе (на западѣ: тутъ босенскій, далматинскій, славонскій и др. [1]);

въ разнорѣчіи хорватскомъ: говоры чакавскіе (на юговостокѣ) и кайкавскіе (на сѣверозападѣ);

4) въ нарѣчіи словинскомъ: говоры доленскій, нотранскій, горенскій (въ Крайнѣ), хорутанскіе (зильскій и др.), штирійскіе, угрословинскіе (замурскіе и др. [2]);

5) въ разнорѣчіи словенскомъ: говоры серединные, восточные (русско-словенскіе) и западные (моравско-словенскіе);

въ нарѣчіи чешскомъ: говоры южные (собственно-моравскіе, съ подраздѣленіемъ на западные и восточные [3]), восточно-чешскіе (подсудетскіе), серединные (Прага, Хрудимъ, Литомѣрицы) и западные (подшумавскіе);

6) въ нарѣчіи верхнелужицкомъ: говоры будышинскій, любійскій, голянскій;

7) въ нарѣчіи польскомъ: говоры слезскіе, великопольскіе, мазовецкіе, малопольскіе.

При живыхъ сношеніяхъ славянъ эта діалектическая дробность ослабляется нѣсколько тѣмъ обстоятельствомъ, что въ узлахъ соприкосновенія нѣсколькихъ нарѣчій и разнорѣчій существуютъ переходныя формы: русско-польскія (говоры подляшскій, горальскій и лемковскій), русско-словенскія (сотацкій, гемерскій и н. др.), болгарско-сербскія (тимоцкій, сѣверно-македонскій), хорватско-словинскія (кайкавскій), словенско-польскія (сѣверно-оравскій, сѣверно-

---

[1]) Ibid. IX, 456.

[2]) Ср. Archiv Ягича, XI, 546.

[3]) Bartoš, Dialektologie Moravska (Brno 1886), принимаетъ въ Моравіи поднарѣчія: словенское, дольское, валашское, ляшское, ганацкое, горацкое и чешское.

липтовскій), чешско-польскія (освѣтимскій, опольскій) и др. Лишь въ двухъ мѣстахъ не находимъ связующихъ звеньевъ: 1. между малорусскимъ и болгарскимъ нарѣчіями, и 2. между словинскимъ и словенскимъ. Они разорваны, кажется, утвержденіемъ волоховъ въ древней Дакіи и мадьяръ въ древней Панноніи. На сѣверѣ такой же пробѣлъ замѣчается между разнорѣчіями нижнелужицкимъ и кашубскимъ. Нѣкогда они были связаны говорами полабско-поморскими и ободритскими [1]), которые вытравлены впослѣдствіи колонистами саксскими и тюрингскими.

Относительная сила главныхъ нарѣчій выражается въ круглыхъ числахъ слѣдующими цыфрами соотвѣтствующихъ имъ населеній: русскихъ 75 мил., поляковъ 11 мил., чехо-моравянъ со словаками $7^1/_4$ мил., сербо-хорватовъ до 6 мил., болгаръ до 4 мил., словенцевъ до $1^1/_2$ мил., сербо-лужичанъ до 150.000, что даетъ въ совокупности до 105 мил. Распредѣляя эти цифры по діалектическимъ группамъ, получимъ:

А. въ группѣ восточной 75 мил., т. е. приблизительно 71,4%;

Б. въ группѣ южной 11,5 мил., т. е. приблизительно 11%;

В. въ группѣ западной 18,4 мил., т. е. приблизительно 17,6%.

Отсюда явствуетъ, что группа восточная или русская болѣе чѣмъ вдвое сильнѣе обѣихъ остальныхъ вмѣстѣ взятыхъ и болѣе чѣмъ въ шестеро многолюднѣе непосредственно слѣдующей за нею — польской.

Дробность нарѣчій и говоровъ возростаетъ слѣдовательно по направленію отъ востока къ западу, въ зависимости отчасти отъ горнаго характера послѣдняго, отчасти же отъ разъѣдающаго дѣйствія иноязычныхъ стихій, особенно нѣмецкой.

Это различіе станетъ еще разительнѣе, если мы всмотримся въ грамматическій строй и лексическій составъ

[1]) Ср. Archiv VIII, 134; ср. 146.

діалектическихъ видовъ и разновидностей славянскаго востока, юга, запада. Взаимное разстояніе нарѣчій великорусскаго и малорусскаго должно бы быть тожественно съ различіемъ нарѣчій болгарскаго и сербскаго, или чешскаго и польскаго, какъ равностепенныхъ въ классификаціонномъ отношеніи. На дѣлѣ видимъ противное. Оба русскія нарѣчія представляютъ однѣ и тѣ же основы вокализма и консонантизма, ту же акцентуаціонную систему, ту же ступень морфологическаго развитія, тѣ же категоріи матеріальныхъ и формальныхъ значеній, тѣ же условія фразеологическаго и синтактическаго сочетанія словъ, за изъятіемъ такихъ второстепенныхъ и частныхъ подробностей, какъ конь—кȋнь; бѣда—бида, меня—мэнэ; Иванъ! Иване!; буду читать—читати-му и т. п. Совершенно другое видимъ во взаимныхъ отношеніяхъ нарѣчій болгарскаго и сербскаго, изъ коихъ первое представляетъ вокализмъ крайне глухой, образовавшійся на почвѣ ринезма, второе же — ясный и чистый, вовсе лишенный этой подпочвы; первое имѣетъ характерные дифтонги *шт*, *жд* или ихъ замѣны *к'*, *г'*, второе—не менѣе специфическіе полифтонги ћ, ђ, переходящіе индѣ въ *ч*, *й*; система склоненій перваго настолько разложилась, что похожа скорѣе на новогреческую, румынскую, пожалуй даже французскую, чѣмъ на сербохорватскую. Отсюда же вытекаетъ и глубокое отличіе связанной болгарской конструкціи отъ вольной сербской, основанной на флексивномъ, а не на позиціонномъ началѣ. Если мы взглянемъ затѣмъ на строй нарѣчій польскаго и чешскаго, то и здѣсь замѣтимъ довольно глубокія различія какъ въ системѣ звуковъ и формъ, такъ равно и въ строѣ предложеній. Польское нарѣчіе имѣетъ ринезмъ, чешское не обнаруживаетъ и слѣдовъ его; первое отличается яснымъ и широкимъ тембромъ гласныхъ, второе—глухимъ и узкимъ, съ примѣсью сонантовъ ($р_о$, $л_о$), дифтонговъ, и съ господствомъ высокихъ тоновъ (*е*, *і*) надъ средними (*а*) и низкими (*у*, *о*); первое сохранило сильное, хотя и однообразное (на предпослѣднемъ слогѣ) удареніе экспиративнаго типа, тогда какъ второе перене-

сло центръ тяжести на долготныя отношенія гласныхъ, совершенно забытыя въ польскомъ. Въ системѣ согласныхъ польскій характеризуется сохраненіемъ смягченныхъ согласныхъ, которые значительно ограничены въ чешскомъ господствомъ средняго по твердости выговора этихъ звуковъ. Эти различія звуковыя отражаются и въ области формъ — гораздо лучшимъ сохраненіемъ флексій въ польскомъ, чѣмъ въ чешскомъ, гдѣ множество окончаній совпало, подъ дѣйствіемъ уподобленій, особенно въ мягкихъ основахъ. Фразеологія и синтаксисъ польскаго нарѣчія менѣе пострадали отъ вліянія нѣмецкаго, чѣмъ въ чешскомъ, которое въ замѣнъ того успѣшнѣе провело систему пуризма въ лексикальномъ составѣ, изгнавъ множество варваризмовъ, донынѣ запружающихъ не только польскій литературный стиль, но и просторѣчія этого языка.

Если бы мы взяли для аналогіи съ русскими „нарѣчіями" по одному члену изъ западной и южной группы, напр. чешскій и сербскій, польскій и болгарскій, или лужицкій и словинскій, то само собою понятно, что взаимное разстояніе послѣднихъ было бы еще значительнѣе, особенно въ лексикальной области, которая не менѣе грамматики сплачиваетъ нарѣчія каждой изъ трехъ группъ, обособляя въ то же время нарѣчія иногрупныя.

Такимъ образомъ, если въ классификаціонной системѣ мы называемъ нарѣчіями не только сербское и болгарское, чешское и польское, но также великорусское и малорусское, то дѣлаемъ это въ видѣ уступки господствующему обычаю и за отсутствіемъ въ діалектической терминологіи названія промежуточнаго между нарѣчіемъ и разнорѣчіемъ. Будь такое названіе, оно гораздо точнѣе соотвѣтствовало бы дѣйствительному отношенію двухъ основныхъ разновидностей восточной группы говоровъ.

При этомъ не лишено значенія и то обстоятельство, что группа А (русская) занимаетъ серединное положеніе между группами Б и В, которыя составляютъ какъ-бы два діалектическихъ полюса славянства. Это отмѣчено еще

Востоковымъ въ 1820 г. [1]), а затѣмъ усвоено было Надеждинымъ, Максимовичемъ, Срезневскимъ и другими нашими языковѣдами [2]). Они руководились при этомъ грамматическими признаками. Но не менѣе замѣтна эта серединность русскихъ нарѣчій въ средѣ прочихъ славянскихъ и на лексикальномъ ихъ составѣ, который поражаетъ сверхъ того и чрезвычайнымъ обиліемъ русскихъ словъ, составляющимъ навѣрно не менѣе трехъ четвертей кореннного запаса словъ во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ [3]).

Чѣмъ бы ни объяснять эту серединность русскихъ нарѣчій въ семьѣ славянской, — расположеніемъ ли древнѣйшихъ русскихъ областей въ центральной части племенной области, близъ подбескиднаго водораздѣла системъ балтійской (западно-славянской) и черноморской (южнославянской), или генетическими связями русскаго народа съ выходцами западными (радимичи и вятичи?) и южными (сербы и хорваты въ Иллирикѣ?), — самый фактъ этой серединности не подлежитъ сомнѣнію. Онъ имѣетъ важное значеніе не только въ этнологіи, но и въ исторической діалектологіи славянъ.

Какъ ни значительна діалектическая разрозненность нынѣшнихъ славянъ, все же нельзя сказать, что она представляетъ нѣчто исключительное въ средѣ другихъ большихъ племенъ. И древніе греки раздѣлены были на множество нарѣчій, разнорѣчій, говоровъ, хотя и менѣе различныхъ между собою, чѣмъ славянскіе. Впрочемъ, греки не были столь многочисленнымъ и разселеннымъ народомъ, какъ славяне. Если же мы возьмемъ древнихъ италиковъ,

---

[1]) „Русскій языкъ составляетъ середину между восточными (читай: южными) и западными діалектами (читай: нарѣчіями) славянскими". Востокова А., Филологическія наблюденія. СПб. 1865 г., стр. 15.

[2]) См. особенно Максимовича, Собраніе сочиненій, Кіевъ 1880 г., т. III, стр. 6, 41, 45.

[3]) Подтвержденіе этого можно найти и въ моемъ трудѣ: Первобытные славяне, въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ, Кіевъ 1872 г.

то въ нарѣчіяхъ осскомъ, латинскомъ и умбрскомъ, пожалуй, найдемъ діалектическія особи, разошедшіяся между собою далѣе, чѣмъ болгаре, сербы, словенцы,—а можетъ быть и далѣе, чѣмъ рускіе, сербы, чехи. Такъ и въ новоитальянской средѣ нарѣчія ломбардское, тосканское и сициліанское, въ испанской — кастильское, каталанское, галлегское, во французской—ойльское, ронское, провансское, гасконское, разошлись между собою не менѣе русскаго, болгарскаго и польскаго. Если же возьмемъ племя германское, представляющее болѣе сходства со славянскимъ по своей многочисленности, разселенности и исторической разобщенности, то взаимныя отношенія группъ скандинавской, англійской и нѣмецкой еще дальше взаимнаго разстоянія группъ А, Б, В въ семьѣ славянской. Даже нарѣчія нѣмецкаго материка—нижнія, серединныя, верхнія отстоятъ другъ отъ друга не ближе, чѣмъ нарѣчія славянскаго востока, юга и запада. Это доказываетъ и относительная легкость изученія всѣхъ славянскихъ нарѣчій, въ сравненія съ нѣмецкими. Говоримъ „изученія", а не пониманія, ибо нечего намъ самообольщаться на этотъ счетъ: нынѣшнія славянскія нарѣчія понятны взаимно лишь въ средѣ общей группы и то до извѣстной только степени, при помощи нѣкотораго навыка; нарѣчія же иногрупныя, напр. болгарское для русскаго, или чешское для серба, представляютъ при взаимныхъ объясненіяхъ немаловажныя затрудненія. Они могутъ быть устранены лишь изученіемъ, хотя и не столь продолжительнымъ, какъ при усвоеніи нарѣчія нидерландскаго алеманомъ, или фризскаго тирольцемъ.

Когда же образовались въ славянской средѣ эти — относительно глубокія — діалектическія грани, эти обособленные нарѣчные типы?

Уже a priori могли бы мы утверждать, что они идутъ отъ сѣдой старины, въ виду общей медленности діалектическаго роста всѣхъ вышеразсмотрѣнныхъ нарѣчій и особенной консервативности языка славянскаго, по которой онъ занимаетъ первое за литовскимъ мѣсто въ семьѣ аріо-

европейской. Но имѣется не мало и положительныхъ о томъ свидѣтельствъ, восходящихъ къ очень раннимъ эпохамъ,— за 500 или даже за 1000 лѣтъ до нашего времени. Отъ XVI-го напримѣръ вѣка мы имѣемъ не только письменные памятники на всѣхъ главныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, но даже попытки классификаціи послѣднихъ въ грамматическихъ сочиненіяхъ того времени. Такъ, въ нашихъ старыхъ Азбуковникахъ XVI—XVII-го в. встрѣчаются указанія на нарѣчія: литовское (западно-русское), польское, чешское, сербское, болгарское. То же видимъ въ древнихъ хронографахъ и между прочимъ въ „Бесѣдѣ о грамотѣ и ея строеніи" новгородца Евдокима, XVI-го в. Не безызвѣстны были нашимъ книжникамъ того времени и болѣе частныя племенныя особи, напр. хорваты, хорутане, моравяне, поморяне, мазовшане и др. [1]).

Изъ грамматистовъ южно-славянскихъ самыя полныя свѣдѣнія о нарѣчіяхъ того времени находимъ у словенца Богорича, который въ сочиненіи: Arcticae horulae (Виттенбергъ 1584 г.) даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о нарѣчіяхъ: московскомъ (lingua moshovitica), рутенскомъ (rutenica, т. е. нарѣчіе западно-русское), далматинскомъ (сербскомъ?), хорватскомъ, словинскомъ (carniolana vel rectius slavonica), чешскомъ (boemica), польскомъ (polonica), лужицкомъ (lusatica). Мимоходомъ онъ упоминаетъ еще волоховъ (valachi), рацовъ (т. е. сербовъ) и болгаръ на югѣ, а моравянъ и поморянъ на западѣ. Богоричъ зналъ, что славянскія нарѣчія отличаются другъ отъ друга меньше, чѣмъ „мишенское" отъ „саксонскаго" (т. е. серединнонѣмецкое отъ нижненѣмецкаго); что русское нарѣчіе относительно ближе къ церковно-славянскому и къ хорватскому, чѣмъ къ нарѣчіямъ западнымъ, и что разнорѣчія далматинское, хорватское и краинское (словинское) составляютъ особенно тѣсную діалектическую группу.

То же видимъ у другихъ словинскихъ и хорватскихъ пи-

---

[1]) Ср. Первольфа, Славяне и ихъ взаимныя отношенія и связи. Варшава 1888 г., II, 464—468.

сателей 1550—80-хъ годовъ, напр. Трубера, Крелля, Юрія Далматина, Варѳоломея Георгіевича, Фауста Врамчича, которые не только знали названія главныхъ славянскихъ нарѣчій, но отчасти и степень ихъ взаимнаго сродства, болѣе тѣснаго между южными и восточными, чѣмъ между южными и западными [1]). Изъ разнорѣчій же того времени особенно точно распредѣляли они ближайшія къ нимъ хорвато-словинскія, между которыми различали: далматинское (штокавщину?), хорватское (чакавщину?) и безьяцкое (хорватскую кайкавщину?); затѣмъ: краинское (доленское и др.), красское (на плоскогорьѣ Краса), хорутанское (короское) и штирійское [2]).

На западѣ самый полный обзоръ славянскихъ нарѣчій XVI-го в. находимъ въ Чешской грамматикѣ (1571 г.) Іоанна Благослава. Онъ представилъ не только перечень, но и сравнительную характеристику слѣдующихъ нарѣчій: чешскаго (съ разнорѣчіями: моравскимъ, слезскимъ, словенскимъ), сербо-лужицкаго, польскаго (съ разнорѣчіемъ мазовецкимъ), русскаго (съ московскимъ), болгарскаго, словено-хорватскаго (съ сербскимъ, боснійскимъ). И ему не безызвѣстно было о бо́льшемъ сходствѣ нарѣчій сѣверозападныхъ между собою, напр. чешскаго съ польскимъ, чѣмъ съ нарѣчіями южными или восточными. Еще подробнѣе свѣдѣнія о славянскихъ областныхъ разновидностяхъ того времени встрѣчаемъ въ „Объяснительной книжкѣ чешскихъ словъ“ (1587 г.) Филона Бенешовскаго. Тутъ находимъ не только основныя областныя дѣленія: земля чеш-

---

[1]) Одинъ Врамчичъ выражаетъ противоположную мысль, будто южные славяне менѣе понимаютъ русскую рѣчь, чѣмъ чехи или поляки (Первольфъ, Отчетъ 1889 г., 10 стр.).

[2]) Ср. Первольфъ, Славяне II, 286, 295—297, 257 сл. По В. Георгіевичу, славянскія нарѣчія столь же различны между собою, какъ итальянскій языкъ отъ испанскаго или нѣмецкій отъ фламандскаго. Будь это такъ, не могъ бы его землякъ Деллабелла (ок. 1728) сказать, что его понимали тѣ болгаре, сербы, поляки, которыхъ ему приходилось исповѣдывать. Ibid. 301, 302.

ская, лужицкая, польская, русская, болгарская, сербская, хорватская, словинская, угорская, но и болѣе второстепенныя ихъ подраздѣленія, совпадающія съ разнорѣчіями: земли моравская, слезская, кашубская, мазурская, подляшская, бѣлорусская, волынская, кіевская, сѣверская, далматинская, боснійская [1]).

Изъ среды славянъ прибалтійскихъ, хотя большею частью и онѣмеченныхъ уже къ XVI-му в., вышли нижненѣмецкіе ученые Альбертъ Кранцъ, Бугенгагенъ, Канцовъ, которые также имѣли и сообщили свѣдѣнія не только о нарѣчіи славянъ полабскихъ и вендскихъ (сербо-лужицкихъ), но и о родственныхъ имъ нарѣчіяхъ славянъ чешскихъ, польскихъ, русскихъ, болгарскихъ, сербскихъ, съ болѣе частными разновидностями: поморскою, кашубскою, литовскою (зап. русск.), далматинскою, истрійскою, угорскою и др. Кранцъ зналъ и то, что разстояніе между этими нарѣчіями аналогично тому, въ какомъ находятся нарѣчія итальянскія и нѣмецкія [2]).

Не чужды были эти свѣдѣнія и образованнымъ полякамъ XVI-го в. какъ видимъ изъ сочиненій Мончинскаго, Кнапскаго, Буднаго, особенно же Горницкаго. Послѣдній въ своемъ „Польскомъ дворянинѣ“ (1566) не только перечисляетъ нарѣчія: польское, чешское, русское, болгарское, сербское, хорватское, но и ставитъ вопросъ объ ихъ относительной древности и взаимныхъ различіяхъ, причемъ правильно выдѣляетъ чешско-польскую группу, какъ особенно тѣсную въ сравненіи съ прочими восточными и южными нарѣчіями [3]).

Самый же подробный переченъ польскихъ разнорѣчій того времени находимъ у Буднаго, различавшаго великопольское, краковское (т. е. малопольское), мазовецкое, сандомирское, къ которымъ примыкаетъ по его мнѣнію подляшское [4]).

---

1) Ibid. II, 49—55.
2) Ibid. II, 14—16.
3) Ibid. II, 152, 157 сл.
4) Ibid. II, 153.

Но и независимо отъ этихъ теоретическихъ сообщеній мы можемъ доказать существованіе въ XVI-мъ в. не только всѣхъ нынѣшнихъ нарѣчій, но и бо́льшей части разнорѣчій по сохранившимся памятникамъ письменности того времени. Двойственность русскихъ нарѣчій особенно ясно отражается въ актахъ московской и польсколитовской Руси того времени; но она замѣтна и въ памятникахъ литературныхъ, напр. въ Домостроѣ и Пересопницкомъ евангеліи, если снять тутъ верхній слой — въ первомъ церковнославянскаго, во второмъ же польскаго происхожденія. Даже болѣе второстепенные діалектическіе оттѣнки: различеніе говоровъ окающихъ и акающихъ въ великорусскомъ, выдѣленіе изъ среды послѣднихъ бѣлорусскаго разнорѣчія, въ средѣ же малорусской различеніе говоровъ украинскихъ и червонорусскихъ, проглядываютъ въ XVI-мъ вѣкѣ съ достаточной опредѣленностью въ грамотахъ и актахъ. До нѣкоторой степени они замѣтны и въ болѣе удаленныхъ отъ просторѣчій памятникахъ богословской, исторической, юридической и — если угодно — изящной литературы того времени, напр. въ посланіяхъ духовныхъ лицъ и дѣяніяхъ соборовъ, въ письмахъ царей и бояръ, въ Стоглавѣ и Судебникѣ, временникахъ и лѣтописяхъ, путешествіяхъ и повѣстяхъ, въ достаточномъ количествѣ дошедшихъ до насъ отъ XVI-го в. изъ Руси московской; съ другой же стороны — въ Библіи Скорины и Апокрисисѣ Христофора Бронскаго, въ словарѣ Зизанія и Лѣтописи литовской, въ Литовскихъ статутахъ и повѣстяхъ западно-русскаго происхожденія.

Относительно южнославянскихъ нарѣчій мы можемъ сослаться: для болгарскаго нарѣчія на Люблянскій сборникъ XVI—XVII-го вѣка, описанный В. И. Ламанскимъ въ статьѣ „Непорѣшенный вопросъ“ [1]); для нарѣчія сербскаго — на произведенія далматинскихъ поэтовъ XVI-го в. Марулича, Лучича, Ветранича, Гекторевича, Чубрановича, Налешковича, Держича, Раньины и др., рѣчь которыхъ

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1869 г., ч. CXLIII, CXLIV, стр. 106.

довольно близка къ народнымъ говорамъ Дубровника, Сплѣта, Фара и другихъ приморскихъ городовъ того времени; для поднарѣчія хорватскаго — на переводы протестантскихъ дѣятелей: Бучича, Пергошича, Врамца; для словинскаго нарѣчія—на аналогическіе переводы Трубера, Крелля, Богорича; для нарѣчія чешскаго — на Кралицкую Библію, сочиненія Яна Благослава и Сикста изъ Оттерсдорфа, Карла изъ Жеротина и Даніила изъ Велеславина; для серболужицкаго нарѣчія — на переводы Евангелія и Лютеранскаго катихизиса Ник. Якубицы, Альбина Моллера и Вячеслава Ворѣха; для польскаго наконецъ нарѣчія —на сочиненія Рея изъ Нагловицъ, Кохановскаго, Шимоновича, Кленовича, Орѣховскаго, Скарги. По грамотамъ и актамъ можно бы доказать существованіе въ XVI-мъ в. и еще нѣкоторыхъ поднарѣчій, напр. словенскаго, поморскаго, мазовецкаго. Что касается взаимнаго разстоянія этихъ нарѣчій и поднарѣчій въ XVI-мъ в., то оно было ближе нынѣшняго, но въ самой незначительной степени, такъ что всѣ тѣ затрудненія во взаимномъ пониманіи, какія приходится преодолѣвать нынѣшнимъ славянамъ, особенно въ нарѣчіяхъ иногрупныхъ, существовали въ общихъ чертахъ и за триста лѣтъ передъ симъ, какъ это засвидѣтельствовано и нѣкоторыми изъ вышеназванныхъ славянскихъ языковѣдовъ того времени.

Но XVI-ый в. не былъ первоначальнымъ періодомъ образованія нынѣшнихъ діалектическихъ типовъ славянства. Главнѣйшіе изъ нихъ восходятъ къ болѣе глубокой, отчасти даже доисторической древности. Такъ относительно русскаго нарѣчія мы можемъ по памятникамъ доказать, что оно имѣло всѣ свои основныя черты, отличающія его отъ нарѣчій южныхъ и западныхъ, уже въ XI—XII-мъ вв. Это было нарѣчіе съ полногласіемъ, безъ ринезма, съ очень опредѣленной окраской глухихъ (*ъ* какъ *о*, *ь* какъ *е*), съ *ѣ* разлагающимся въ направленіи то къ *е*, то къ *і*, съ довольно строгимъ различеніемъ слоговъ твердыхъ и мягкихъ, съ характерными перезвуками дифтонговъ *dj*, *tj* въ *ж*, *ч* (вм. церковнославянскихъ *жд*, *шт*,

серб. ђ, ћ, чешско-польскихъ *дз* или *з*, *ц* и т. п.). Въ области флексій уже тогда въ русскомъ языкѣ были: характерные родит. пад. тоѣ душѣ, доброго, синего, доброѣ, синеѣ; мягкое окончаніе въ настоящемъ вр. 3 л. ведеть, несуть. Этимологическія формы имперфекта и аориста если и существовали въ XI-мъ в. (что намъ представляется сомнительнымъ), то во всякомъ случаѣ вымирали уже тогда, какъ видно изъ грамотъ, гдѣ онѣ встрѣчаются лишь изрѣдка, въ мѣстахъ историческаго характера [1]). Изъ древнѣйшей русской грамоты (Мстиславовой), восходящей къ 1130 году, мы видимъ, что не только звуки и формы, но и вся фразеологія, синтаксисъ, лексиконъ успѣли сложиться у насъ къ тому времени въ типъ, которому и донынѣ остался вѣренъ русскій языкъ въ общихъ чертахъ. Конечно, въ то время онъ не распадался еще на двѣ діалектическихъ группы — великорусскую и малорусскую, которыя опредѣляются собственно съ XIV в., съ періода распаденія Руси на восточную и западную, московскую и польсколитовскую. Но зародыши этого распаденія лежали въ тѣхъ дробныхъ говорахъ, которыя могли въ общемъ соотвѣтствовать русско-славянскимъ племенамъ: словѣнъ (говоры новгородскіе и псковскіе), кривичей (полоцко-смоленскіе), дряговичей (позднѣйшіе бѣлорусскіе), вятичей и радимичей (серединнорусскіе), сѣверянъ и полянъ (черниговско-кіевскіе), дулѣбовъ (галицко-волынскіе), хорватовъ (подкарпатскіе) и др. [2]). Нѣкоторыя черты этихъ древнерусскихъ говоровъ напоминаютъ нынѣшнія разнорѣчія тѣхъ

---

[1]) Ср. Соболевскій А., Лекціи по исторіи русскаго языка, СПб. [2] 1891 г., стр. 144 сл., 208 сл. Авторъ назначилъ слишкомъ позднюю пору для исчезновенія аориста — XIV в.! Онъ упустилъ изъ виду, что наши старые писатели и даже дьяки любили, какъ и нынѣшніе старовѣры, щеголять церковнославянизмами, въ ряду коихъ имперфекты и аористы занимали видное мѣсто. Ср. о томъ еще К. Аксакова, Ломоносовъ въ исторіи русскаго языка. Москва 1846 г.

[2]) Ср. Соболевскій, Лекціи по исторіи русскаго языка [2] 36—40.

же областей, другія—совершенно отличны отъ послѣднихъ, такъ что непрерывность діалектическаго развитія не вездѣ можетъ быть доказана. Тутъ встрѣчаются и слои вывороченные позднѣйшими переворотами, внутренними передвиженіями, инородческими вторженіями, потрясеніями политическими, общественными, церковными, вообще событіями этническаго и культурнаго рода.

На югѣ тройственность нарѣчій болгарскаго, сербскаго и словинскаго замѣтна въ очень давнюю пору и можетъ быть доказана по памятникамъ XI—XII в. Для болгарскаго мы можемъ, вмѣстѣ съ Миклошичемъ, сослаться на Болонскую псалтырь, написанную „въ Охридѣ градѣ.... при цр̃и Асѣни Блъгарсъкъмъ" (неизвѣстно которомъ: I или II?), въ концѣ XII-го или первой половинѣ XIII-го вѣка, гдѣ глубокое разстройство вокализма (особенно смѣшеніе звуковъ ъ—ь, ѫ—ѧ и н. др. [1]) отражается даже въ спискѣ съ болѣе древняго и вѣроятно болѣе выдержаннаго подлинника. Но слѣды подобнаго разстройства замѣчаются и въ другихъ, еще болѣе древнихъ церковнославянскихъ памятникахъ болгарскаго извода, напр. въ Саввиной книгѣ, Супрасльской рукописи, листкахъ Слуцкихъ, Новгородскихъ, Хиландарскихъ, Македонскомъ и Ундольскаго, относимыхъ Срезневскимъ къ XI-му в. [2]). Вслѣдствіе того онъ допускалъ раннее существованіе на югѣ нѣсколькихъ нарѣчій юсового типа, отличныхъ отъ первоначальнаго ц.-слав. языка [3]) и — прибавимъ отъ себя — соотвѣтствовавшихъ различнымъ говорамъ болгарскаго нарѣчія. Къ тому же заключенію пришелъ и проф. Ламанскій на основаніи данныхъ Бѣлградскаго синаксаря 1330 г., Бѣлградскаго евангелія конца XII-го или начала XIII-го в.

---

[2]) Miklosich Fr., Altslovenische Formenlehre in Paradigmen, Wien 1874 г., стр. VII; Срезневскій И., Древніе славянскіе памятники юсоваго письма, СПб. 1868 г., стр. 50 сл. Ср. Лескинъ, въ Archiv d. Sl. Phil. IV, 565 сл.

[3]) Древніе слав. пам. юсоваго письма, стр. 5, 43.

[1]) Ibid. 167.

и нѣкоторыхъ еще болѣе древнихъ памятниковъ: Погодинской псалтыри XII-го в., Евгеніевской псалтыри, Супрасльской рукописи, Сборниковъ 1073 и 1076 гг., Словъ Григорія Богослова, Миней XI-го в. и н. др. [1]). Если столько слѣдовъ звукового перерожденія и смѣшенія грамматическихъ формъ, характеризующихъ болгарское нарѣчіе, находится въ памятникахъ, писанныхъ на языкѣ литературномъ, то тѣмъ болѣе подобныхъ чертъ должны мы предполагать въ живыхъ болгарскихъ говорахъ того времени, составлявшихъ слѣдовательно довольно обособленную діалектическую группу.

Глубокая древность сербскаго нарѣчія доказана Шафарикомъ въ Serbische Lesekörner и подтверждена Майковымъ въ Исторіи сербскаго языка. Отъ XIII—XIV-го в. мы имѣемъ для него цѣлый рядъ не только церковныхъ (Кормчая 1262 г., Апостолъ и Евангеліе шишатовецкіе 1324 г.) и историческихъ (напр. Житія Стефана Немана и св. Савы), но и юридическихъ памятниковъ (Законникъ Душана и другіе примыкающіе къ нему). Тутъ сербское нарѣчіе является уже со всѣми своими характерными особенностями: отсутствіемъ полногласія и ринезма; нахожденіемъ сонантовъ $р_о$, $л_о$; перезвуками *у*, *е* для ж, ѧ; смѣшеніемъ ѣ съ ь, ы съ і; дифтонгами ђ, ћ вм. *dj*, *mj*; ослабленіемъ смягчаемости многихъ согласныхъ; флексіями мѣстоименнаго склоненія на *га* и т. п. Но всѣ эти черты встрѣчаемъ и раньше XIII-го в., напр. въ грамотѣ боснійскаго бана Кулина 1189 г., нѣкоторыя же и въ Маріинскомъ четвероевангеліи, которое г. Ягичъ пріурочиваетъ къ одной изъ сербо-хорватскихъ областей XI-го в. Для хорватскаго же нарѣчія сошлюсь на изданные недавно г. Ягичемъ Вѣнскіе глагольскіе отрывки XII-го в., представляющіе на ц.-славянской основѣ много чертъ спеціально-хорватскихъ.

---

[1]) Ламанскій В., О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ, СПб. 1864 г., стр. 36 сл.; ср. его же, Непорѣшенный вопросъ, въ Ж. М. Н. Пр., ч. CXLIV, стр. 122.

Не лишено значенія и то обстоятельство, что въ Винодолѣ и донынѣ сохранились основныя черты говора, на которомъ написанъ Винодольскій статутъ 1288 г. [1]).

И словинское нарѣчіе возникло не въ XVI-мъ вѣкѣ, а гораздо раньше, какъ это доказываютъ четыре краинскія роты и нѣсколько урбаріевъ XV-го в., хорутанскіе Pater noster, Ave Maria и Credo нач. XV-го в., Люблянская пѣснь во славу Богородицы XIV-го в. [2]), а равно отрывочныя слова и фразы въ латино-нѣмецкихъ хроникахъ и актахъ средневѣковаго періода. Счастливая случайность сохранила для этого нарѣчія и одинъ болѣе древній памятникъ — Фрейзингенскія статьи, относимыя Копитаромъ къ 957—994 гг. [3]). Хотя основа этого памятника церковнославянская [4]), тѣмъ не менѣе и словинскій переписчикъ оставилъ въ рукописи довольно слѣдовъ своего произношенія, которое живо напоминаетъ нынѣшнее нарѣчіе подальпійскихъ словенцевъ. По расшатанности ринезма оно далеко отстоитъ отъ нормъ церковнославянскаго языка, но довольно рѣзко отличается и отъ двухъ другихъ южныхъ нарѣчій, приближаясь нѣкоторыми чертами къ нарѣчіямъ западнымъ.

Въ средѣ послѣднихъ мы можемъ предполагать уже въ древнюю пору существованіе по крайней мѣрѣ двухъ нарѣчій: чешско-словенскаго и ляшскаго. Ихъ типы вполнѣ выразились въ сохранившихся памятникахъ XIII—XIV-го в., напр. для чешско-словенскаго: въ духовныхъ пѣсняхъ этого времени, въ переводѣ псалтыри, въ легендахъ о св. Екатеринѣ, Маріи, Алексѣѣ и др., въ Алексан-

---

[1]) Ягича, Маріинское четвероевангеліе, СПб. 1883 г., стр. 410. Ср. Его же въ Archiv II, 351; IV, 405, 390; Его же: Glagolitica 1890 г.

[2]) Kleinmayr I., Zgodovina slovenskega slovstva, Celovec 1881 г., стр. 39—43. Ср. еще Archiv Ягича V, 692.

[3]) Kopitar B., Glagolita Clozianus, Vindobona 1836 г. стр. XXXIV.

[4]) Ср. Срезневскаго, въ Филологическихъ наблюденіяхъ Востокова. Приложеніе, стр. 86 слл.

дреидѣ XIV-го в., въ Новой Радѣ приписываемой Смилю изъ Пардубицъ, затѣмъ въ хроникѣ Далимила, въ юридическихъ сочиненіяхъ пана изъ Розенберга и Андрея изъ Дубы, въ философскихъ разсужденіяхъ Ѳомы Штитнаго и др.; въ письменности же польской: въ духовныхъ пѣсняхъ XIII—XIV-го в., въ псалтыри Флоріанской, въ судебныхъ ротахъ XIV-го в. и др. По чешскимъ и польскимъ словамъ и выраженіямъ въ латинскихъ хроникахъ и актахъ болѣе ранняго времени мы видимъ, что и въ XI—XII-мъ вв. эти нарѣчія существовали въ томъ же приблизительно видѣ, какъ въ XIII—XIV-мъ вв. [1]). То же доказываютъ и два церковнославянскіе отрывка съ признаками чехословенскаго извода, сохранившіеся въ глагольской транскрипціи не позже XI-го в.— одинъ въ музеѣ Пражскомъ, другой же — въ Кіевскомъ, при Духовной Академіи [2]). Слѣдуетъ однако отмѣтить, что мѣсто ихъ написанія не извѣстно: палеографическіе признаки указываютъ на западную Македонію или Албанію [3]).

---

[1]) Ср. Бодуэнъ де Куртенэ И., О древнепольскомъ языкѣ. Лейпцигъ 1870 г.

[2]) Въ первомъ встрѣчаемъ всѣ характерныя особенности этого нарѣчія, въ области вокализма и консонантизма, какъ то: отсутствіе ринезма, замѣну ѫ въ у (на соудишти, прѣмоудраи, въпиюце, помилѹи), ѧ въ и (коупиша, оудариша, обличатъ), смѣшеніе ъ съ ь (отьцоу, розьство, апостолъскаго, въкоушъ, насъицъшаго), специфическія замѣны ц.-слав. дифтонговъ *жд*, *шт* въ з, ц (оутвръзение, розъство, просвѣцъ, хвалѧцимъ, обидѧцъ), сохраненіе группы *дл* (модлитва, свѣтидлъна, сѣдидлъна, въседлиса) и т. п. Ср. Höfler und Šafařik, Glagolitische Fragmente, Prag 1857 г., стр. 31 сл., 47. То же видимъ въ Кіевскихъ отрывкахъ: подазь, о томьзе, тоузимъ, обѣцѣние, помоцьѭ, просѧце. Только ринезмъ тутъ выдержанъ отлично, по большей ли вѣрности писца преданію и оригиналу, или быть можетъ по знакомству его съ ринезмомъ славянъ македоно-албанскихъ. Ср. Срезневскій, Свѣд. и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. СПб. 1867 г., стр. 544; Ягичъ, Glagolitica 1890 г., 44 сл.

[3]) Ср. Geitler, Die Albanesischen und Slavischen Schriften 153 стр.

Такимъ образомъ мы можемъ считать несомнѣннымъ существованіе не только въ XVI-мъ или XIV-мъ, но даже въ XI-мъ вѣкѣ всѣхъ главнѣйшихъ славянскихъ нарѣчій: русскаго, болгарскаго, сербскаго, словинскаго, чешскаго и конечно польскаго.

Быть можетъ существовали тогда и нѣкоторыя изъ нынѣшнихъ разнорѣчій [1]), но доказать это трудно, а потому можно и оспаривать, тѣмъ болѣе, что относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр. малорусскаго, мы имѣемъ положительныя доказательства позднѣйшаго выдѣленія. Зато есть полное основаніе предполагать, что шесть вышеозначенныхъ основныхъ нарѣчій существовали не только въ XI-мъ в., но и раньше. Столь обособленные типы, какъ нарѣчія русское и болгарское, сербское и словинское, чешское и польское, не могли сложиться вдругъ, а выработались мало по малу, въ теченіе многихъ вѣковъ, не только достигающихъ эпохи кирилло-меѳодіевской, но быть можетъ и юстиніановской или еще болѣе древней. Въ подтвержденіе послѣдняго мы могли бы сослаться на нѣкоторыя данныя славянскихъ древностей: на отмѣченный уже Іорнандомъ и Прокопіемъ дуализмъ славянъ и антовъ [2]), какъ будто соотвѣтствующій юговосточной и сѣверозападной группамъ славянскихъ нарѣчій у Добровскаго; на такой же дуализмъ югославянъ древнѣйшаго образованія (болгарскихъ и словинскихъ) и пришлыхъ впослѣдствіи изъ Подкарпатья вѣтвей сербо-хорватскихъ [3]); на исконную двойственность славянъ западныхъ, послужившую основою и для стариннаго преданія о прародителяхъ Чехѣ и Лѣхѣ, братьяхъ Руса и т. п. Но это выходитъ уже изъ ра-

---

[1]) Миклошичъ допускаетъ это для хорватскаго, но безъ доказательствъ и съ одной лишь, да и то неважной примѣтой (die Ersetzung das altsl. ѣ), для отличенія его отъ сербскаго. Altsloven. Formenlehre, стр. XXVII.

[2]) Sclavini et Antes... Σκλαβηνοὶ καὶ Ἄνται. Ср. Šafařik, Sebrané spisy II, 689, 692.

[3]) По Константину Багрянородному. Ibid. II, 716.

мокъ настоящаго обзора, обнимающаго лишь послѣднее, историческое тысячелѣтіе жизни славянскихъ нарѣчій, насколько она связана съ ходомъ образованія въ ихъ средѣ общаго языка. Преданія послѣдняго не восходятъ далѣе эпохи кирилло-меѳодіевской.

Установивъ для этой послѣдней эпохи существованіе основныхъ нынѣшнихъ нарѣчій, мы не думаемъ этимъ утверждать, что ихъ взаимныя отношенія были совершенно подобны нынѣшнимъ. Наоборотъ, нельзя сомнѣваться, что они были значительно ближе между собою, чѣмъ нынѣшнія нарѣчія или даже тѣ, какія опредѣляются уцѣлѣвшими памятниками XI—XIV-го вв. Но все же это была близость совершенно обособленныхъ нарѣчій [1]), а не соподчиненныхъ разнорѣчій или областныхъ говоровъ. Она не исключала довольно глубокихъ различій не только звукового, но и формальнаго, фразеологическаго, синтактическаго, лексикальнаго характера. Такимъ образомъ внутреннія затрудненія, какія предстояло побороть въ этой діалектической средѣ Кириллу Философу и его брату при утвержденіи общаго языка были если и не столь значительны, какъ въ наше время, все же и не маловажны. Во всякомъ случаѣ, никто не рѣшится теперь утверждать, что затрудненія того и нашего времени представляли величины несоизмѣримыя.

Что касается внѣшняго положенія славянскихъ нарѣчій въ различные періоды ихъ жизни, то оно довольно существенно измѣнялось въ теченіе послѣдняго тысячелѣтія, причемъ однако главныя ихъ средоточія и общее размежеваніе оставались приблизительно тѣ же. Русское нарѣчіе и въ IX-мъ в. занимало восточную часть племенной области, на протяженіи отъ Ладожскаго озера до Крыма и отъ Тисы до Оки; словѣнское — впослѣдствіи болгарское — примыкало къ нему на югозападѣ, въ низовьяхъ

---

[1]) Die Slavischen Sprachen schon in uralter Zeit, gewiss schon vor dem neunten Jahrhundert, geschieden waren wie heutzutage... Miklosich, Altslovenische Formenlehre, VI сл.

Дуная, простираясь оттуда до нижней Марицы и Вардара, а отъ Рудогорья семиградскаго до отроговъ Пинда; сербское расположено было въ древнемъ Иллирикѣ и нижней Паннонiи, отъ Желѣзныхъ воротъ до Истріи и отъ горъ Проклятья до береговъ Блатенскаго озера; словинское сосредоточено было въ Норическихъ Альпахъ, забѣгая оттуда вглубь Тироля и въ равнины венетскія съ одной стороны, а въ западную Паннонію съ другой. Тутъ соприкасались съ нимъ побѣги чехословенскаго нарѣчія, ограниченнаго Баконскимъ лѣсомъ и чешскимъ Рудогорьемъ, Шумавою и Татрами. Къ сѣверовостоку отъ этого нарѣчія простирались области ляшскія, достигавшія на востокѣ устьевъ Сяна и западнаго Буга, на сѣверѣ Балтійскаго поморья, на западѣ же — нижней Лабы, ибо къ этому нарѣчію примыкали и вѣтви прибалтійскаго славянства. Лишь среднелабскіе и сальскіе сербы, праотцы нынѣшнихъ нижнихъ и верхнихъ лужичанъ, не принадлежали къ балтійско-ляшскому нарѣчію, а составляли переходъ отъ него къ чехо-словенскому, съ которымъ соприкасались по гребню Рудогорья (Erzgebirge).

Въ видѣ оторванныхъ отъ основного ствола вѣтвей разбѣгались еще тогда къ югу обширныя колоніи: во 1-хъ, славянъ малоазійскихъ, сосредоточенныхъ между восточнымъ Олимпомъ и древней Троей, главнѣйше въ Опсикійской темѣ, омываемой съ сѣвера водами Пропонтиды [1]), и во 2-хъ, славянъ морейскихъ, занимавшихъ горные узлы Пелопоннеса и твердыни Тайгета, въ недалекомъ разстояніи отъ исторической Олимпіи и царственнаго Лакедемона [2]).

Но довольно рано, уже съ конца IX-го в., славянъ начинають тѣснить со всѣхъ сторонъ: съ востока инородцы финнскаго и тюркскаго происхожденія — хазары и ма-

---

[1]) Ср. Ламанскій, О славянахъ въ Малой Азіи, Африкѣ и Испаніи. СПб. 1859 г.

[2]) Ср. Гильфердингъ, Собраніе сочиненій, СПб. 1868 г., I, 281 сл., 293.

дьяры, потомъ половцы, печенѣги; съ запада—нѣмцы баварской и саксской вѣтвей; съ сѣвера — нордскіе викинги шведскаго и датскаго происхожденія; съ юга же — византійскіе греки, албанцы, итальянцы. Лишенные общей государственной организаціи и ослабляемые внутренними областными раздорами, славяне не въ силахъ были отразить стольких соперниковъ, которые нерѣдко дѣйствовали и по взаимному соглашенію, какъ напр. печенѣги съ греками, мадьяры съ нѣмцами. Первыми пали въ этой неравной борьбѣ отрѣзанные отъ центровъ то моремъ, то горами побѣги славянъ малоазійскихъ и морейскихъ, эллинизованныхъ кажется уже въ X—XI-мъ вв. За ними слѣдовали славяне Дакіи, Языгіи (между Тисою и Дунаемъ) и Паннонія, если и не истребленные мадьярскимъ и позднѣйшими печенѣго-половецкими набѣгами, то все же значительно ослабленные въ этихъ областяхъ. Славяне эти не могли уже впослѣдствіи претворить въ свою народность ни финно-тюркскихъ пришлецовъ на среднемъ, ни волошскихъ поселенцевъ на нижнемъ Дунаѣ. Быть можетъ эта задача была бы разрѣшена угорскими и дакійскими славянами позже, соединенными силами племенной и культурной ассимиляціи, какъ это удалось Руси въ тюркскихъ степяхъ и финнскихъ тундрахъ; но силы эти вновь и вновь были разбиваемы то погромомъ монгольскимъ, то завоеваніемъ турецкимъ, то внутренними антагонизмами славянъ православныхъ и католическихъ.

Въ областяхъ подальпійскихъ значительно обрѣзаны были области словинскія распространеніемъ нѣмцевъ изъ Баваріи и итальянцевъ изъ Венеціи. Послѣдніе успѣли было покрыть — хотя и не особенно густымъ и долговѣчнымъ слоемъ — Истрію, словинское и хорватское Приморья и Далмацію.

По линіи отъ Пасова (Passau) до Прешпурка (Presburg) соединительныя вѣтви славянства западнаго съ южнымъ были разорваны въ X—XI-мъ вв. Австрійской маркой; къ сѣверу же отъ Чехіи племена сербо-лужицкія по Салѣ и средней Лабѣ постепенно вытравлены франконо-

тюрингцами и верхнесаксами, поколѣнія же славянъ нижнелабскихъ, ободритскихъ и поморскихъ — нижнесаксами, фламандцами и датчанами, путемъ то завоеваній, то колонизаціи, то культурной ассимиляціи. На подмогу послѣднимъ явились потомъ рыцари тевтонскаго и ливонскаго орденовъ, довершившіе при помощи польскихъ олигарховъ гибель по крайности двухъ третей ляшскаго славянства.

Процессъ этотъ закончился въ общихъ чертахъ къ XIV—XV-му в. Но отдѣльныя вѣтви прибалтійскаго славянства сохранялись въ болѣе закрытыхъ мѣстностяхъ и до XVIII-го в., напр. въ Люнебургской степи близъ Гамбурга. Кое-гдѣ уцѣлѣли онѣ и до настоящаго времени, напр. въ Приморьѣ кашубскомъ, въ болотахъ средней Спревы и въ песчаныхъ бо́рахъ верхнихъ лужичанъ.

Такимъ образомъ, изъ сплошной почти въ IX-мъ в. западно-славянской территоріи отъ Руяны до Олимпа и отъ верхней Дравы до нижняго Дуная остались въ настоящее время два полуострова: чехоморавскій и болгаро-сербословинскій, разрѣзанные глубокимъ иноплеменнымъ заливомъ въ долинахъ угорской и волошской, по среднему и нижнему Дунаю, съ сѣвера же омываемые безпокойнымъ прусскимъ моремъ. Двумя длинными губами оно врѣзывается въ Слезію, чуть не до Кракова, и въ область мазовецко-жмудскихъ озеръ—до Мемеля, охватывая съ сѣвера и юга землю польскую и размывая ее въ центрѣ, по линіи отъ Познани на Лодзь къ Варшавѣ.

Но какъ ни велики потери, понесенныя славянскимъ языкомъ на западныхъ и южныхъ окраинахъ, онѣ возмещаются до нѣкоторой степени расширеніемъ площади русскаго нарѣчія. Вслѣдствіе того оно еще болѣе прежняго представляется серединнымъ стволомъ прочихъ нарѣчій и общею ихъ опорою въ борьбѣ съ инородческими языками, особенно съ могучимъ и наступательнымъ языкомъ нѣмецкимъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Образованіе и судьбы общаго церковнославянскаго языка.

Не разъ уже указываемо было и германистами, и славистами на аналогичность ц. слав. языка съ готскимъ и подвига Кирилла Философа съ Вульфилинымъ. Дѣйствительно, въ условіяхъ зарожденія этихъ двухъ языковъ, въ ихъ внутреннемъ характерѣ и судьбахъ нельзя не замѣтить большого сходства. Оба зародились въ темахъ Византійской имперіи, въ непосредственной близости къ средоточіямъ восточно-христіанской образованности; оба развивались главнымъ образомъ въ области церковно-литургической, на почвѣ переводной, соединяя въ себѣ главнѣйшія достоинства и недостатки языковъ іератическихъ; оба рано оторваны были отъ родныхъ корней и жили затѣмъ то въ большемъ, то въ меньшемъ удаленіи отъ своей колыбели; оба считаются въ наукѣ основами изученія прочихъ родственныхъ діалектовъ и языковъ: первый — германскихъ, второй же — славянскихъ, напоминая въ этомъ отношеніи санскритъ въ филологіи индійской, зендъ въ иранской, а діалектъ Гомера въ греческой. Но эти черты сходства не исключаютъ и существенныхъ различій между двумя названными языками: готскій зародился въ IV-мъ в., ц. славянскій въ IX-мъ в.; первый былъ органомъ аріанской, второй православной церкви; тотъ едва успѣлъ обнять южныя вѣтви германства, этотъ получилъ общесла-

вянское значеніе и распространеніе. Да и періодъ развитія или лучше прозябанія готскаго языка, въ тѣсныхъ рамкахъ церковной письменности, безъ осязательныхъ слѣдовъ внутренняго движенія и роста, длился не долѣе пяти-шести вѣковъ, тогда какъ нашъ ц. слав. языкъ вотъ уже тысячу лѣтъ раздается въ самыхъ отдаленныхъ концахъ славянскаго міра и прошелъ цѣлый рядъ жизненныхъ метаморфозъ. Онъ оставилъ за собой не два-три кодекса, какъ готскій, а груды письменныхъ памятниковъ, наполняющихъ и наши, и западно-славянскія, отчасти и неславянскія древлехранилища. Но самое главное преимущество языка ц. славянскаго заключается въ важности его культурной роли въ исторіи славянства, которую можно бы сравнить съ ролью не готскаго языка въ судьбахъ германизма, а скорѣе — средневѣковой латыни въ жизни романскихъ народовъ и языковъ, еслибы въ средѣ послѣднихъ господствовала та же свободная любовь къ языку-предку, какую находимъ въ средѣ славянской.

Къ „языку-предку“? Да, условно мы можемъ назвать такъ и ц. славянскій, но не въ діалектическомъ, а въ культурномъ смыслѣ, по его значенію въ исторіи славянской образованности, особенно въ развитіи общаго языка славянъ, коего онъ былъ праотцемъ и первообразомъ, хотя и не окончательной формой.

Мѣсто, время и условія зарожденія ц. славянскаго языка и теперь еще, послѣ множества старыхъ и новыхъ разысканій, представляютъ много спорнаго. И это не должно насъ ни удивлять, ни пугать, ибо то же мы видимъ въ эмбріологіи многихъ другихъ общихъ языковъ, напримѣръ греческаго, итальянскаго, нѣмецкаго. Положимъ, эпоха зарожденія ц. слав. языка гораздо ближе къ намъ и историчнѣе, чѣмъ вѣкъ Гомера или Эсхила; но эпохи Данта и Лютера еще новѣе, а между тѣмъ зачатки установленной ими рѣчи все еще покрыты густымъ туманомъ. Не составляетъ ли онъ неизбѣжной принадлежности самаго процесса, похожаго на образованіе рѣки изъ горныхъ ручьевъ и подземныхъ ключей?

Особымъ затрудненіемъ при изученіи генезиса ц. славянскаго языка служитъ то, что до насъ не дошли подлинные и несомнѣнные его памятники за полтора или даже за два вѣка его начальной жизни. О состояніи этого языка въ IX-мъ в. намъ приходится дѣлать заключенія по памятникамъ конца X-го или даже XI-го в., степень близости коихъ къ кирилло-меѳодіевскимъ текстамъ представляется иксомъ нашего уравненія. Второй неизвѣстной его величиной является соотношеніе славянскихъ нарѣчій XI-го и IX-го вв., особенно въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ непрерывность ихъ развитія была прервана въ X—XI-мъ вв. важными племенными и культурными переворотами, каковы напр.: эллинизація славянъ малоазійскихъ и морейскихъ, разгромъ древнихъ населеній Дакіи и Панноніи уграми, разрушеніе царства великоморавскаго нѣмцами, болгарскаго греками и т. п. А такъ какъ уравненіе съ двумя неизвѣстными получаетъ не одно опредѣленное, а нѣсколько неопредѣленныхъ и условныхъ рѣшеній, то и вопросъ о зарожденіи ц. слав. языка можетъ быть разрѣшенъ лишь въ извѣстномъ приближеніи. Свѣточемъ въ этой темной области могутъ и должны служить „Паннонскія житія“ свв. Кирилла и Меѳодія, самый древній, обширный и достовѣрный источникъ для начальнаго періода ц. слав. языка и письменности. Сообщаемыя въ нихъ свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Солунскихъ братьевъ до такой степени согласны и съ общимъ характеромъ той эпохи, и съ имѣющимися въ источникахъ — греческихъ, латинскихъ, славянскихъ—частными о томъ данными, что смѣло могутъ быть положены во главу угла при возсозданіи начальной эпохи славянскаго образованія. Соображенія и выводы языковѣдные также не лишены при этомъ значенія, но лишь подъ условіемъ согласія съ установленными историческими данными. Вотъ почему и мы изложимъ здѣсь прежде всего историческія свѣдѣнія о зарожденіи ц. слав. языка, а затѣмъ попытаемся освѣтить и провѣрить ихъ болѣе или менѣе вѣроятными языковѣдными данными и домыслами.

Основоположники ц. славянской письменности были, какъ всѣми признано, солунцы по рожденію и византійцы по воспитанію. А такъ какъ Солунь былъ тогда, какъ и теперь, городомъ разноплеменнымъ, составленнымъ изъ смѣси ославяненныхъ грековъ и огреченныхъ славянъ въ смыслѣ двуязычія (bilingues), то есть полное основаніе утверждать, что и въ домѣ „друнгарія" Льва наши первоучители Константинъ и Меѳодій уже въ дѣтствѣ могли отлично изучить мѣстный славянскій языкъ, ибо „селоунине", по словамъ императора Михаила „вьси чисто словѣньскы бесѣдоуѭть" [1]).

На 15-мъ году жизни, около 842 г., юный Константинъ оставилъ Солунь и притомъ надолго, чуть ли даже не навсегда, получивъ возможность довершить свое образованіе и развить свои богатые таланты въ болѣе сильномъ образовательномъ центрѣ — Цареградѣ. Не станемъ останавливаться на извѣстныхъ подробностяхъ о его близкомъ отношеніи къ императорскому семейству и къ знаменитому византійскому полигистору, позже патріарху Фотію. Достаточно отмѣтить, что нашъ первоучитель прошелъ лучшую византійскую школу того времени и занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ между цареградскими учеными, удостоенный за то и рѣдкаго званія „философа".

Но тутъ представляется вопросъ: какъ и насколько могъ онъ поддержать свое знакомство со славянскимъ языкомъ въ Цареградѣ, въ довольно значительномъ удаленіи отъ родного Солуня, куда онъ могъ заглядывать лишь изрѣдка и урывками, а быть можетъ и вовсе не заглядывалъ, судя по молчанію о томъ Паннонскаго житія? При отвѣтѣ на этотъ вопросъ не слѣдуетъ упускать изъ виду племенного состава тогдашней Восточной имперіи вообще, а ея столицы и сопредѣльныхъ съ нею темъ въ частности. Византія въ IX-мъ в. вовсе не была имперіей греческой въ народномъ смыслѣ, а развѣ въ культурномъ отношеніи. Она походила скорѣе всего на нынѣшнюю Ав-

---

[1]) Панн. жит. Меѳ.; гл. V.

стрію, или пожалуй на Турцію 60-хъ годовъ, въ которой элементъ османскій преобладалъ лишь въ государственной области, вовсе не составляя господствующаго по числу населенія, въ сравненіи со славянами и симитами. Разноплеменность Византійской имперіи не могла не отразиться и на составѣ ея столичнаго населенія, какъ это видимъ и въ нынѣшней Вѣнѣ, въ Будапештѣ, въ Стамбулѣ. Такой первостепенный торговый и промышленный, церковный и государственный, вообще — культурный городъ, какъ Цареградъ въ IX-мъ в., не могъ не служить центромъ притяженія не только для окрестныхъ народовъ, но и для отдаленныхъ концовъ тогдашняго міра. Къ нему стремились народы и скандинавскаго сѣвера, и арабскаго юга, и хазарскаго востока, и франкскаго запада. Но всего тѣснѣе были связи этого царственнаго города съ племенемъ славянскимъ, бóльшая часть котораго жила тогда по берегамъ Чернаго и Эгейскаго морей и по теченію впадающихъ въ нихъ рѣкъ: Днѣпра, Днѣстра, Дуная, Марицы, Струмы, Вардара и др. Славянскія поселенія доходили съ сѣвера до Пропонтиды, а за нею продолжались и въ Малой Азіи, особенно въ темѣ Опсикійской, расположенной по скатамъ малоазійскаго Олимпа и по теченію р. Рындака, въ непосредственномъ сосѣдствѣ Босфора, а слѣдовательно и Цареграда [1]). Естественно предположить, что улицы и базары послѣдняго переполнены были тогда славянами изъ дальнихъ, а еще болѣе изъ ближнихъ земель и областей, особенно же изъ селеній славянъ пропонтидскихъ и малоазійскихъ. Между ними было конечно не мало людей образованныхъ, если изъ ихъ среды могли выходить и воеводы, и патріархи, даже императоры [2]). Вотъ въ средѣ

---

[1]) Ламанскій В., О славянахъ въ Малой Азіи, Африкѣ и Испаніи. Ср. мою статью: О греко-славянскомъ характерѣ дѣятельности Кирилла и Меѳодія въ „Меѳодіевскомъ юбилейномъ сборникѣ", Варшава 1885 г., стр. 8 сл.; Малышевскій И., Святые Кириллъ и Меѳодій, Кіевъ 1886 г., стр. 445 сл.

[2]) Ср. мою ст. въ Меѳодіевскомъ юбил. сб. 7.

этихъ-то образованныхъ славянъ Цареграда и могъ поддержать, даже развить свое знаніе славянскаго языка Константинъ Философъ въ теченіе 20-лѣтняго періода, раздѣляющаго время его прибытія изъ Солуня въ Цареградъ около 842 г. и удаленія оттуда въ миссію великоморавскую въ 862 г.

На какомъ же нарѣчіи могли происходить его сношенія со славянами цареградскими? На солунско-македонскомъ? Едва ли. Солунцы не могли составлять въ этой славянской средѣ большинства, а потому должны были примкнуть къ рѣчи мѣстныхъ, цареградскихъ славянъ, которая едва ли могла значительно разниться отъ рѣчи сосѣднихъ славянскихъ областей по Пропонтидѣ, съ европейской и малоазійской ея сторонъ.

Сношенія Константина Философа со славянами малоазійскими были тѣмъ чаще, что въ ихъ области лежалъ знаменитый тогда центръ византійскаго монашества и пустынножительства — Олимпъ, на которомъ въ числѣ многихъ другихъ подвижниковъ находился въ 50-хъ годахъ и старшій братъ Философа—Меѳодій, въ средѣ иноковъ одного съ нимъ грекославянскаго происхожденія и духа. По нѣкоторымъ указаніямъ паннонскаго житія Константина Ф. можно догадываться, что и онъ провелъ здѣсь не малое время, особенно въ промежутокъ между сарацынскою (851 г.) и хазарскою (858 — 860 г.) миссіями [1]. Объ образѣ его жизни въ этой грекославянской средѣ и родѣ занятій мы не находимъ подробныхъ свѣдѣній въ житіи, кромѣ общаго указанія: **въ Олимпъ же шьдъ къ Меѳодию братоу своюмоу, начатъ жити и молитвж творити беспрѣстани въ богоу, тъкъмо кънигами бесѣдоуя** [2]). Что это были за книги? Главнымъ образомъ, вѣроятно греческія, отчасти же и латинскія, быть можетъ еще еврейскія и арабскія, такъ какъ послѣ греческаго эти три языка были особенно необходимы Философу, предызбран-

[1]) Ср. Малышевскій, Кир. и Меѳ. 441.
[2]) Панн. жит. Кир. Фил. гл. VII.

ному для миссіонерскихъ подвиговъ на сарацынскомъ югѣ, хазарскомъ востокѣ и латинскомъ западѣ. Но скоро обнаружилось, что высшимъ призваніемъ его было просвѣтить не арабовъ, не хазаръ, не романцевъ, а славянъ, выступавшихъ тогда необозримыми рядами на сцену всемірной исторіи. Вѣроятно ли предположеніе, будто Константинъ Философъ лишь тогда почувствовалъ это свое призваніе, когда явилось въ Цареградъ въ 862 г. посольство отъ великоморавскихъ князей, съ просьбою о снаряженіи въ ихъ землю миссіи? Въ такомъ случаѣ едва ли и обратились бы на него именно глаза императора, патріарха и всего цареградскаго синода. То обстоятельство, что Константинъ Философъ успѣшно выполнилъ раньше миссіи сарацынскую и хазарскую, само по себѣ не могло еще служить указаніемъ на его пригодность для миссіи славянской, гдѣ ему предстояло встрѣтиться не съ мусульманствомъ или еврействомъ, а съ язычествомъ славянъ, своекорыстіемъ франковъ, нетерпимостью латынянъ. Да и необыкновенный, единственный въ лѣтописяхъ человѣчества успѣхъ великоморавской миссіи Солунцевъ указываетъ на то, что они были къ ней приготовлены предшествовавшими условіями, трудами, размышленіями. Вотъ почему мы не колеблемся утверждать, что между „кънигами", которымъ „прилежалъ" Меѳодій и съ которыми „бесѣдовалъ" Философъ, были и славянскія, — приблизительно тѣ же, о которыхъ разсказываетъ черноризецъ Храбръ въ Сказаніи о письменехъ: **Прѣжде оуко словѣне не имѣхѫ кънигъ, нъ чрътами и рѣзами чьтѣахѫ и гатаахѫ, погани сѫще. Крьстивъше же сѧ римьскыми и грьчьскыими письмены нѫждаахѫ сѧ пьсати словѣньскѫ рѣчь безъ оустроениꙗ** [1]). Въ то время и въ той мѣстности, гдѣ жили въ 850-хъ годахъ Константинъ и Меѳодій, т. е. въ Цареградѣ и малоазійской Словѣніи, мы не можемъ предполагать знакомства съ „чрътами и рѣзами", напоминающими германскія руны; не можемъ до-

[1]) Šafařik P., Památky dřevního písemnictví Jihoslovanův. Praha. Приложеніе, стр. 89.

пустить и того, что эти „словѣне... крьстивъшеса римьскыими.... письмены нжждаахжса пьсати“, такъ какъ въ IX-му в. латынь сильно уже ослабѣла въ Восточной римской имперіи не только въ церковномъ, но и въ государственномъ употребленіи, вытѣсненная языкомъ среднегреческимъ. Зато третій видъ докирилловской письменности славянъ: „грьчьскыими письмены“, если могъ гдѣ либо существовать и развиваться, то скорѣе всего именно въ той цареградско-пропонтидской Словѣніи, гдѣ жили передъ великоморавской миссіей Солунскіе братья. Вотъ почему мы полагаемъ, что между „кънигами“ ихъ въ подолимпскомъ монастырѣ, гдѣ Меѳодій былъ сначала простымъ инокомъ, а позже игуменомъ, окруженный „поспѣшьникы, иже бѣахж того же доуха, юго же и си“ [1]) (Солунцы), не могли не находиться и „кънигы словѣньскыя“, писанныя на языкѣ мѣстныхъ славянъ греческими буквами, но довольно механически, „безъ оустроюнии“. Новымъ побужденіемъ къ изученію и разработкѣ этой зарождавшейся письменности могли служить для Солунскихъ братьевъ впечатлѣнія хазарской миссіи, гдѣ они повстрѣчались со славянами русской вѣтви, у которыхъ тоже могли быть зачатки письменности, именно церковной. На это какъ будто указываетъ загадочное мѣсто Паннонскаго житія св. Кирилла: обрѣте же тоу (Кириллъ Философъ въ Корсунѣ) юваньгелию и псалътырь роусьскыими письмены пьсано и члоѣка обрѣтъ глаголжшта тож бесѣдож и бесѣдова съ нимь, и силж рѣчи приимъ, своюи бесѣдѣ прикладаня различьнаи письмена гласьнаи и съгласьнаи, и къ Богоу молитвж творя, въскорѣ начатъ чьсти и съказати [2]). По возвращеніи изъ этой миссіи, гдѣ величіе славянскаго племени и его духовная жажда открылись Философу еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ это могло быть раньше, по впечатлѣніямъ отъ крещенной уже цареградско-пропонтидской его

---

[1]) Панн. жит. св. Меѳодія, гл. V.

[2]) Панн. жит. Кир. Ф. гл. VIII. Мѣсто это можетъ быть впрочемъ объясняемо и въ готскомъ смыслѣ.

вѣтви, „**словѣньскыıа кънигы**“ должны были получить въ его глазахъ еще большую важность. При этомъ такому образованному и проницательному филологу не трудно было замѣтить недостатки и механической греческой транскрипціи, и самаго языка этихъ книгъ, по которымъ не прошла еще „устрояющая“ рука мастера.

Вотъ въ какомъ кругѣ идей и занятій носилась мысль Философа въ ту пору, когда въ Цареградъ прибыли въ 862 г. послы отъ князей Ростислава великоморавскаго, Святополка нитранскаго и Коцела блатенскаго, съ просьбою прислать имъ „**оучителя таковаго, иже бы ны въ свои ıазыкъ истиньнѫѭ вѣрѫ христиıаньскѫѭ съказалъ**“ [1]). Не удивительно, что когда императоръ Михаилъ III съ патріархомъ Фотіемъ и другими „совѣтниками“ обратились къ Константину Философу съ предложеніемъ взять на себя эту миссію, то первымъ вопросомъ Философа было: „**аште имаѭть** (моравяне) **боукъвы въ ıазыкъ свои**“, такъ какъ онъ не берется „**на водѫ бесѣдѫ напьсати**“ (т. е. просвѣщать на непонятномъ языкѣ), а вмѣстѣ съ тѣмъ не желаетъ получить „**еретичьско имѧ**“ [2]), т. е. требуетъ формальнаго разрѣшенія на литургическое употребленіе славянскаго языка. Получивъ отъ цареградскаго синода это разрѣшеніе и узнавъ, что моравяне не имѣютъ еще „**боукъвъ въ ıазыкъ свои**“, т. е. народной письменности, Философъ, хотя „**троудьнъ сы и больнъ тѣлъмь**“ [3]), не отклонилъ отъ себя предстоявшаго подвига и приступилъ къ сборамъ въ миссію. Въ чемъ же они состояли? **Шьдъ же Философъ, по прьвомоу обычаю, на молитвѫ сѧ наложи и съ инѣми поспѣшьникы. Въскорѣ же сѧ емоу Богъ яви, послоушаıа молитвы своихъ рабъ, и абие съложи письмена и начатъ бесѣдѫ пьсати евангельскѫѭ: искони бѣ слово и слово бѣ оу Бога и Богъ бѣ слово**“ [4]).

---

[1]) Панн. жит. Кир. Ф. гл. XIV.
[2]) Панн. жит. Кир. Фил. гл. XIV.
[3]) Ibid. гл. XIV.
[4]) Ibid. гл. XIV.

Гдѣ же это произошло? Не въ Цареградѣ, ибо онъ оттуда ушелъ (шьдъ), какъ это обычно дѣлалъ (по прькому обычаю) въ минуты, требовавшія особенной сосредоточенности, молитвеннаго настроенія и содѣйствія „поспѣшниковъ“. Между послѣдними первое мѣсто занималъ старшій братъ Философа—Меѳодій, котораго онъ называлъ передъ смертію „однояремнымъ воломъ, вспахивающимъ ту же борозду“ [1]), и объ участіи коего въ начальномъ переводѣ Евангелія, Апостола и Избранныхъ службъ мы имѣемъ положительное свидѣтельство въ паннонскомъ житіи Меѳодія (гл. XV). А такъ какъ послѣдній былъ въ 862 г. игуменомъ Полихроніевскаго монастыря, во внутренней Опсикіи, то на этотъ монастырь поневолѣ обращается наше вниманіе при рѣшеніи вопроса: куда ушелъ Кириллъ изъ Цареграда передъ великоморавской миссіей и кто были его поспѣшники въ „сложеніи письменъ“ и въ „начальномъ написаніи бесѣды евангельской“? Нигдѣ не могъ онъ найти лучшихъ „поспѣшниковъ“, какъ въ средѣ иноковъ подолимпскихъ, особенно въ Полихроніевскомъ монастырѣ Меѳодія, гдѣ подолгу живалъ и самъ Философъ и гдѣ слѣдовательно его „духъ“, его взгляды на необходимость просвѣщенія славянъ на ихъ собственномъ языкѣ могли уже раньше быть предметомъ обсужденія и соглашенія. Тутъ могъ найти Философъ и славянскія рукописи „грьчьскыими письмены пьсаныя“, о которыхъ повидимому говоритъ Храбръ. Онѣ то и могли послужить точкою отправленія для „устроенной“ Философомъ графики и составленнаго имъ перевода богослужебныхъ книгъ. Тутъ же, въ средѣ сподвижниковъ Меѳодія, могли найтись и подготовленные къ дѣлу писцы для изготовляемыхъ въ миссіи кодексовъ, а наконецъ — участники въ переводѣ, наряду съ Меѳодіемъ, подъ главной редакціей самого Философа.

Когда же самыя необходимыя для миссіонера книги были уже готовы и онъ могъ двинуться въ дальній и трудный путь, то нашлись конечно въ средѣ этихъ подолимп-

---

[1]) Панн. жит. Меѳ. гл. VII.

скихъ „поспѣшниковъ“ и люди, которые взялись сопутствовать ему въ Великоморавію. Они то поддержали воздвигнутое имъ наскоро зданіе, когда учитель палъ по истеченіи 6—7 лѣтъ, подъ бременемъ трудовъ и огорченій.

Какимъ путемъ шла греческая миссія, съ Философомъ во главѣ, изъ Цареграда въ Великоморавію, доподлинно неизвѣстно. Но принимая во вниманіе, что какъ въ древніе, такъ и въ средніе вѣка главный путь съ востока на западъ, по которому совершались передвиженія римлянъ, скитанія готовъ, наѣзды гунновъ и аваръ, набѣги славянъ, крестовые походы, марши турокъ и австрійцевъ, пролегалъ по долинамъ сербоболгарской Моравы и Марицы, мимо нынѣшнихъ городовъ Бѣлграда, Ниша, Срѣдца, Пловдива и Одрина къ Цареграду [1]), — мы въ правѣ заключить, что это былъ и „моравскій путь“ Солунскихъ братьевъ [2]).

Житія ничего не говорятъ о томъ, какія впечатлѣнія вынесены ими и какіе слѣды оставлены во время этой поѣздки поперекъ всего Балканскаго полуострова, чрезъ области славянъ болгарскихъ и вдоль сербскихъ. Но если вспомнить, что крещеніе князя Бориса послѣдовало года два спустя послѣ этого какъ будто случайнаго и мимолетнаго прохожденія чрезъ Болгарію Славянскихъ первоучителей; что въ народныхъ преданіяхъ болгаръ рѣшеніе князя Бориса приведено въ связь съ дѣятельностью свя-

---

[1]) Ср. Jiřeček K., Die Heerstrasse von Belgrad nach Constantinopel, Prag 1877 г., стр. III.

[2]) **пѫти сѧ ꙗтъ моравьскааго**... Панн. жит. св. Меѳодія, гл. X. Ср. Jiřeček, Heerstrasse стр. 75. Проф. Малышевскій (Кир. и Меѳ. стр. 136 сл.) предпочитаетъ въ этомъ случаѣ путь югозападный, чрезъ Солунь и оттуда вѣроятно моремъ въ Далмацію (стр. 198), Паннонію, Моравію. Но его соображенія о томъ не особенно убѣдительны, ибо мать святыхъ Кирилла и Меѳодія могла жить тогда и не въ Солунѣ. Да и житіе Кир. Фил. (гл. XV) слишкомъ опредѣлительно говоритъ о прибытіи миссіонеровъ въ Паннонію изъ Моравіи, а не наоборотъ, чтобы возможно было въ томъ сомнѣваться.

тыхъ Братьевъ, особенно Меѳодія, и что послѣ смерти послѣдняго ученики его нашли наиболѣе радушный пріемъ и воспріимчивую почву у славянъ Мизіи, Ѳракіи и Македоніи: то невольно зарождается сомнѣніе въ раздѣляемомъ многими, особенно Миклошичемъ и Голубинскимъ, отрицаніи кирилло-меѳодіевскаго толчка въ христіанизаціи болгаръ при князѣ Борисѣ.

Во всякомъ случаѣ, участіе Солунцевъ въ этомъ событіи могло быть лишь косвенное, такъ какъ въ 864—865 гг., когда оно окончательно созрѣло и совершилось, они находились не на южной, а на сѣверной или верхней Моравѣ, куда прибыли въ 863 г.

Гдѣ находился тогда князь Ростиславъ и гдѣ онъ „съ великоѭ чьстиѭ приꙗтъ“ грекославянскихъ миссіонеровъ, изъ житій не видно; но всего естественнѣе предположеніе, что это случилось въ столицѣ Великоморавскаго государства, которая находилась тогда не въ Нитрѣ или Блатнѣ, стольныхъ городахъ Ростиславовыхъ подручниковъ, Святополка словенскаго и Коцела блатенскаго, а въ Велеградѣ моравскомъ, близъ нынѣшнихъ посадовъ—Стараго Мѣста и Угорскаго Городища. Вотъ тутъ-то открыли они первую народнославянскую школу, при содѣйствіи князя Ростислава, который „събьравъ оученикы въдасть ꙗ оучити [1]). Что школа эта, по духу времени и условіямъ своего возникновенія, имѣла церковный характеръ, это видимъ и изъ словъ житія: „и наоучи (Кириллъ Фил.) ꙗ (оученикы) оутрьнѭи и годинамъ, объдьнѭи и вечерьнѭи и павечерьници, и таинѣи слоужьбѣ [2]).

Но каковъ былъ языкъ этой школы, этого ученья? Конечно тотъ, который былъ знакомъ учителямъ, для котораго сложены были или лучше — устроены еще передъ выѣздомъ въ „путь моравскій“ письмена и на который переведены ими Евангеліе, Псалтырь и Избранныя службы. Труды Братьевъ по переводу службъ, его обработкѣ,

---

[1]) Панн. жит. Кир. Ф. гл. XV.
[2]) Ibid. гл. XV.

списыванію и распространенію, продолжались и въ Великой Моравѣ, при участіи взятыхъ изъ Цареграда „поспѣшниковъ“, а впослѣдствіи быть можетъ и нѣкоторыхъ великоморавскихъ учениковъ. На это указываютъ слова житія: „въскорѣ же са вьсь црькъвьныи чинъ прѣложи“ [1]). Но это было не начало, а дальнѣйшее развитіе кирилло-меѳодіевскаго языка, на прежней діалектической основѣ и въ прежнемъ направленіи, причемъ мѣстные уроженцы уже по незнанію греческаго языка могли принимать въ этомъ трудѣ лишь очень второстепенное и болѣе писарское, чѣмъ писательское участіе.

По истеченіи сорока мѣсяцевъ пастырской и учительской дѣятельности въ Моравѣ и сопредѣльныхъ съ нею краяхъ (Чехіи? Словачинѣ?), Солунскіе братья отправились въ Римъ „свѧтитъ оученикъ своихъ“. Вотъ тогда-то впервые они вступили на почву паннонскую и посѣтили столицу Блатенскаго княжества, лежавшую, какъ полагаютъ, въ г. Блатнѣ [2]), близъ соименнаго озера (Balaton): „Приѩтъ же и (Кирилла Ф.) иждщь Коцелъ, кънѧзь панонськъ, и възлюби вельми словѣньскы боукъвы, и наоучиса имъ, и въдавъ до пѧтидесѧтъ оученикъ оучитиса имъ, и великѫ юмоу чьсть сътвори, мимо проводи и [3]).

Въ словахъ этихъ съ такой опредѣленностью обозначенъ моментъ первоначальнаго появленія Философа съ Братомъ и учениками (подолимпскими и моравскими?) въ Паннонія и такъ ясно указана мимолетность (мимо проводи и) этого явленія, длившагося вѣроятно нѣсколько лишь мѣсяцевъ, что трудно сомнѣваться въ вѣрности этого факта, особенно въ такомъ источникѣ, какъ Паннонскія житія, для которыхъ казалось бы не Моравія, а Паннонія должна стоять на первомъ планѣ. Если же это вѣр-

---

[1]) Ibid. гл. XV.

[2]) Мосбургъ, Салаваръ? См. Historia conversionis Carantanorum: in castro Hezilonis, noviter Moseburch vocato. Бильбасовъ, Кир. и Меѳ. I, 125. Ср. Dudik, Dějiny Moravy I, 122.

[3]) Панн жит. Кир. Ф. гл. XV.

но, то и рѣчи быть не можетъ о переводѣ Константиномъ и его споспѣшниками священныхъ книгъ на нарѣчіе паннонскихъ славянъ, которое могло быть имъ изучено лишь мимоходомъ и то въ очень поздній періодъ (866—867 гг.), когда главный трудъ по „сложенію письменъ" и переводу „службъ" былъ уже произведенъ—отчасти въ Полихроніевскомъ монастырѣ въ Опсикіи, отчасти же въ моравскомъ Велеградѣ.

Что славянскій языкъ уже въ этотъ начальный періодъ моравской миссіи получилъ литургическое примѣненіе, это видимъ какъ изъ свидѣтельства Паннонскаго житія св. Меѳодія о раннемъ переводѣ братьями не только Евангелія, Апостола, но и Избранныхъ службъ" [1]), такъ и изъ вышеприведеннаго мѣста легенды о Кириллѣ Философѣ: **наоучи ѩ** (моравскихъ учениковъ) **оутрьнѣи и годинамъ, обѣдьнѣи и вечерьнѣи и павечерьници и таинѣи слоужьбѣ** [2]). То же доказываютъ жалобы на греческихъ миссіонеровъ со стороны „латинскихъ и фряжскихъ архіереевъ, съ евреями и учениками" [3]), и тяжелая борьба съ тріязычниками итальянскими, выдержанная Философомъ сначала въ Венеціи [4]), а затѣмъ и въ Римѣ [5]).

А потому, читая въ тѣхъ же житіяхъ разсказъ о „словѣнскихъ книгахъ", которыя папа Адріанъ II-ой „**приимъ... освѧти и положи ѩ въ црькъви свѧтыѩ Маріѩ**"... и по которымъ затѣмъ „**пѣша литоурьгиѭ въ црькъви свѧтаго Петра словѣньскъіимь ѩзыкъмь** [6]), мы не должны думать, что это были книги, переведенныя въ Панноніи или Римѣ, и что тутъ впервые была отслужена славянская литургія. Наоборотъ, мы можемъ утверждать, что книги эти не различались отъ переведенныхъ въ По-

---

[1]) Панн. жит. Меѳ. гл. VII.
[2]) Ibid. гл. XV.
[3]) Панн. жит. Кир. гл. XV.
[4]) Ibid. гл. XVI.
[5]) Панн. жит. Меѳ. гл. VI.
[6]) Панн. жит. Кир. гл. XVII.

лихроніи и Велеградѣ, по которымъ уже нѣсколько лѣтъ совершались и „оутрьнии, и годины, и обѣдьнии, и вечерьнии, и павечерьница, и таинаи слоужьба“ [1]) въ предѣлахъ Великоморавскаго государства. Папа своимъ разрѣшеніемъ освятилъ лишь совершившійся фактъ [2]), и то подъ давленіемъ печальныхъ опытовъ въ Болгаріи, какъ это блистательно разъяснено еще П. А. Лавровскимъ [3]).

По смерти Кирилла Философа, произошедшей въ Римѣ 14 февраля 869 г., Меѳодію пришлось изъ помощника стать главою новоучрежденной славянской церкви и письменности. Съ величайшей энергіей и успѣхомъ несъ онъ этотъ подвигъ еще 15 лѣтъ, въ различныхъ мѣстностяхъ паннонской или лучше великоморавской архіепископіи. Въ теченіе этого періода времени не разъ мѣнялись политическія обстоятельства его паствы, не разъ одолѣвали и въ Римѣ неблагопріятныя славянской церкви теченія. Но ни полтретья-годичное его заключеніе въ баварской тюрьмѣ, ни запретительныя посланія папы Іоанна VIII-го въ 873 и 879 гг., ни даже измѣна Ростиславову дѣлу со стороны его племянника, князя Святополка, — ничто не могло поколебать въ Меѳодіи вѣрности тѣмъ идеямъ и учрежденіямъ, которыя завѣщаны славянству его великимъ Братомъ. Тѣмъ же „кирилловскимъ“ духомъ были безъ сомнѣнія одушевлены и всѣ прочіе его „поспѣшники“, а равно и новые ученики Меѳодія въ Панноніи, Моравіи и смежныхъ съ ними славянскихъ странахъ. Если и впослѣдствіи, на разстояніи многихъ вѣковъ отъ этой первосла-

---

[1]) Панн. жит. Меѳ. гл. XV. Ср. Ягичъ въ Archiv X, 294.

[2]) Это подтвердилъ самъ папа Адріанъ въ посланіи къ великоморавскимъ князьямъ: „Мы же... оумыслихомъ... посълати Меѳодии... на страны ваша... да вы оучить, якоже ѥсте просили, съказаꙗ кънигы въ ꙗзыкъ вашь, по вьсемоу црькъвьноуоумоу чиноу испльнь, и съ святоѭ мьшеѭ, рекъше съ слоужьбоѭ и крьщениѥмь, якоже ѥсть Философъ началъ Константинъ. Панн. жит. Меѳ. гл. VIII.

[3]) Кир. и Меѳ. Харьковъ 1863 г. Ср. Меѳод. юбил. сборн., ст. моя, стр. 98 сл.

вянской школы, мы видимъ благоговѣйное храненіе всѣхъ ея преданій и завѣтовъ, то тѣмъ болѣе должны это предполагать въ непосредственныхъ ея ученикахъ и дѣятеляхъ. При такихъ же условіяхъ и рѣчи быть не могло о добровольной и сознательной передѣлкѣ завѣщанной Философомъ азбуки, языка, письменности, въ смыслѣ напр. приближенія къ формамъ рѣчи славянъ паннонскихъ или моравскихъ. Самъ Меѳодій позаботился о томъ, совершивъ подъ конецъ жизни, около 883 г. [1]), подвигъ окончательной редакціи, а индѣ быть можетъ новаго перевода канонических книгъ Св. Писанія (**вьса кънигы исплънь, развѣ Макъкавеи**), на что потребовалось 6 — 7 мѣсяцевъ времени. Время это было бы очень незначительно для полнаго и новаго перевода. Но при содѣйствіи „двухъ поповъ, скорописцевъ зѣло" пожалуй возможно было изготовить по прежнимъ переводамъ сводный, такъ сказать, текстъ этихъ книгъ. Конечно, при этомъ помогали вѣроятно Меѳодію и ученики его, особенно старшіе, прибывшіе съ Философомъ изъ Цареграда и знавшіе основательно греческій языкъ. Но ихъ участіе было настолько второстепенно и подчинено мысли Меѳодія, что житія не упомянули объ этомъ, если не разумѣть этихъ помощниковъ подъ „попами скорописцами зѣло". Тѣмъ же вѣроятно способомъ переведенъ былъ Меѳодіемъ Номоканонъ и нѣкоторыя отеческія книги, а въ ихъ числѣ и Отчетъ Философа о его хазарской миссіи, послужившій основою для сокращеннаго разсказа о ней въ Паннонскомъ его житіи [2]).

Считая первоосновы церковнославянскаго языка, письма и образованія плодомъ высокихъ помысловъ, смѣлаго почина и организаторскаго генія Константина Философа, мы не умаляемъ заслугъ и Меѳодія какъ при выработкѣ идей этой нарождавшейся образованности, такъ и въ проведеніи ихъ въ жизнь. Отрицаемъ лишь всякое предположеніе о дуализмѣ этихъ идей или формъ ихъ осуществле-

[1]) Ср. Малышевскаго Кир. и Меѳ. стр. 297.
[2]) Панн. жит. Кир. Ф. гл. X.

нія, между прочимъ и въ языческомъ отношеніи, къ чему склоняются нѣкоторые изъ новѣйшихъ изслѣдователей [1]). Особенно же мы настаиваемъ на томъ, что по достовѣрнымъ историческимъ преданіямъ три періода великоморавской миссіи: 1) приготовительный, въ монастырѣ подолимпскомъ, 2) серединный, при жизни Философа въ Моравіи, Панноніи и Римѣ и 3) заключительный, во время архіепископскаго служенія Меѳодія на каѳедрѣ моравско-паннонской, представляютъ три органически связанныхъ момента въ развитіи одной и той же идеи, между которыми наиболѣе творческое и опредѣляющее значеніе имѣлъ періодъ первый, подолимпскій. Тамъ установлены были основы и ц. слав. графики, и грамматики, и лексикона, и литературнаго стиля. На этихъ основахъ продолжалась разработка ц. слав. языка во второй періодъ, при совмѣстномъ трудѣ обоихъ Братьевъ; на нихъ же развивались далѣе миссіонерская и писательская дѣятельность архіепископа Меѳодія. При немъ кирилловскій языкъ вмѣстѣ со славянской церковью и письменностью утвердился не только въ Моравіи, Словачинѣ, Панноніи, но мало по малу распространился и у смежныхъ вѣтвей славянства западнаго, южнаго, а вѣроятно и восточнаго.

Относительно чеховъ имѣются свидѣтельства у Косьмы пражскаго, въ житіяхъ свв. Людмилы и Вячеслава и въ нѣкоторыхъ другихъ источникахъ. Изъ нихъ мы видимъ, что Меѳодій въ 870-хъ годахъ крестилъ чешскаго князя Боривоя и жену его Людмилу, которыхъ снабдилъ конечно славянскими книгами и „попами“. Упоминаніе о томъ находимъ и въ церковнославянскомъ сказаніи объ **оубиении сватааго Ваштеслава кънаsи чешьска: и вѫда и баба свои Людьмила наоучити кънигамъ словѣньскыимъ**

[1]) Напр. проф. Малышевскій въ Кир. и Меѳ. стр. 288 сл. То же отчасти предполагаетъ и проф. Ягичъ, склонный приписывать если не самому архіеп. Меѳодію, то его подчиненнымъ начало богослуженія по римскимъ миссаламъ въ церковнославянскомъ переводѣ. Glagolitica 1890 г., стр. 6 сл.

по слѣдоу попокоу" [1]). Изъ Чехіи вліяніе моравскаго архіепископа могло распространяться и на лужицкихъ сербовъ, которые, по Дитмару [2]), платили нѣкоторое время дань Святополку великоморавскому. Прибалтійскіе славяне тоже были, кажется, христіанизованы первоначально изъ великоморавской епархіи св. Меѳодія.

О Меѳодіевской проповѣди у ляховъ сохранилось—не вполнѣ впрочемъ ясное — свидѣтельство въ Панн. житіи Меѳодія (гл. XI): „**поганьскъ кънязь сильнъ вельми, сѣдя въ Вислѣхъ, ржгаашеся христиıаномъ и пакости дѣıаше. Посълавъ же** (Меѳодій) **къ немоу рече: добро ти ся крьстити, сыноу, волеıж на своıеи ʒемли, да не плѣненъ нждьми крьщенъ бждеши на штюждѣй ʒемли и поманеши мя, ıеже и бысть**". Изъ выраженія: **ржгаашеся христиıаномъ и пакости дѣıаше** видно, что славянскіе христіане, въ смыслѣ настоящемъ, кирилло-меѳодіевскомъ, находились уже тогда и „**на Вислѣхъ**". Но ихъ князь былъ другого — языческаго или латино-нѣмецкаго — духа, какъ это часто случалось и позже въ земляхъ ляшскихъ.

Что Словачина входила въ архіепископію Меѳодія и была предметомъ его святительскихъ попеченій, видимъ какъ изъ подписи Святополка нитранскаго, наряду съ Ростиславомъ моравскимъ и Коцеломъ блатенскимъ, на посланіи 862 года къ императору Востока о присылкѣ „**оучители**", такъ и изъ упоминанія въ житіяхъ подчиненнаго Меѳодію епископа въ Нитрѣ. Таковымъ былъ съ 880 г. злостный и коварный нѣмецъ Вихингъ, главный виновникъ послѣдовавшаго по смерти Меѳодія въ 885 г. разгрома насажденной имъ церкви.

Изъ областей ляшскихъ — „на Вислѣхъ" и словенскихъ — на Вагѣ и Нитрѣ могла и должна была распространиться славянская церковь, вмѣстѣ съ ея языкомъ и письмомъ, въ области карпато-русскія, о христіанизаціи

---

[1]) Востоковъ, Филол. наблюд. стр. 92. Ср. Малышевскаго, Кир. и Меѳ. 195 сл.

[2]) Pertz V, 835.

коихъ наши и западныя лѣтописи ничего не говорятъ: въ столь глубокой древности она восходитъ [1])!

То же слѣдуетъ думать о славянахъ древней Язигіи (тисо-дунайское межурѣчье) и Дакіи, на которыхъ надвигалась уже тогда съ востока орда угровъ. Ихъ воевода (не Арпадъ-ли? [2]), находившійся уже тогда (883—884 гг.) „на странахъ дунайскихъ", пожелалъ видѣться со знаменитымъ на Востокѣ и Западѣ святителемъ. Меѳодій дѣйствительно посѣтилъ этого воеводу (по житію: **король оугорьска**), былъ принятъ имъ **„чьстьно и славьно съ веселиѥмь"** и отпущенъ **„съ любъвиѭ и съ дары великыими"**, причемъ ханъ сказалъ-де на прощаніе: **„помани мя чьстьныи отьче во святыихъ молитвахъ твоихъ присьно"** [3]). Свиданіе могло происходить гдѣ нибудь въ нынѣшней Бачкой или въ Банатѣ, смежныхъ съ паннонскою епархіею Меѳодія. Это была уже вторая встрѣча Меѳодія съ уграми. Первая произошла въ Крыму, во время поѣздки Константина Философа съ братомъ въ Хазарію, причемъ угры очень непріязненно встрѣтили миссіонеровъ, но, укрощенные неустрашимымъ и молитвеннымъ видомъ Философа, отпустили его съ дружиною [4]). Изъ позднѣйшихъ

---

[1]) Ср. Петрушевичъ А. С., Краткое историческое извѣстіе о введеніи христіанства въ Предкарпатскихъ странахъ во времена св. Кирилла и Меѳодія. Львовъ 1882 г., стр. 41 сл. Ученый авторъ доказываетъ, что границы Святополковой Великоморавіи и Меѳодіевой архіепископіи простирались до рр. Западнаго Буга и Стрыя (не Стыря ли?), упоминаемыхъ въ грамотѣ пражскаго епископства 973 г. (ср. 44). Онъ считаетъ возможнымъ, что ученики Солунцевъ сопровождали и того епископа, котораго патр. Фотій отправилъ въ 867 г. къ „россамъ" (стр. 72).

[2]) Ср. Гротъ К., Моравія и Мадьяры, стр. 270; Будиловича, Рѣчь о Кир. и Меѳ. 1885 г., стр 14. Малышевскій видитъ въ этомъ „королѣ" воеводу Лебедя, извѣстнаго изъ К. Багрянороднаго (Кир. и Меѳ. 321).

[3]) Панн. жит. Меѳ. гл. XVI.

[4]) ...**И въ прьвыи часъ молитвѫ творѧштоу ѥмоу, нападоша нань Оугри, ꙗко влъчьскы выѭште, хоташте**

событій угорской исторіи, особенно въ X — XIII-мъ вв., мы убѣждаемся, что очень рано и мадьяры подчинились благотворному вліянію кирилло-меѳодіевской церкви. Первыя сѣмена этого настроенія могли быть заброшены въ ихъ среду, какъ и въ дакійскихъ румыновъ, еще при жизни Солунцевъ.

Болгаре южные, задунайскіе, еще разъ удостоились лицезрѣнія Меѳодія, во время прохожденія его съ учениками чрезъ ихъ землю въ Цареградъ, для свиданія съ императоромъ Василіемъ I и славнымъ патріархомъ Фотіемъ, около 881, 882 г. [1]). Къ этому времени Болгарія была уже христіанизована и снова находилась въ общеніи съ церковью восточною, послѣ кратковременной, но тяжелой попытки примкнуть къ патріархату римскому (865—869 гг.). Очень естественно предположить, что, проѣзжая Болгарію, Меѳодій останавливался не въ одномъ городѣ и имѣлъ возможность еще разъ не только словомъ, но и дѣломъ доказать этимъ ближайшимъ родичамъ македонскихъ и пропонтидскихъ славянъ преимущества славянскаго богослуженія передъ латинскимъ или греческимъ.

И въ Цареградѣ богослуженіе кирилло-меѳодіевское встрѣчено было столь сочувственно какъ славяниномъ — императоромъ, такъ и другими мѣстными жителями, что для него уже тогда отведена была тамъ особая церковь. Иначе не имѣла бы цѣли обращенная къ Меѳодію просьба императора оставить ему изъ своихъ учениковъ одного попа и одного діакона съ книгами [2]), т. е. съ подбо-

---

оубити юго. Онъ же не оужасеса, ни остави своѩ молитвы, курие юлеисонъ тъкъмо зъвы, бѣ бо окончалъ оуже слоужьбѫ. Они же оузьрѣвъше и, по божию повелѣнию, оукротѣша и начаша кланитиса юмоу и слышавъше оучительна словеса отъ оустъ юго, отъпоустьше (-иша?) и съ вьсеѭ дроужиноѭ. Панн. жит. Кир. Фил. гл. VIII.

[1]) Ср. Малышевскій, Кир. и Меѳ. 277 сл.

[2]) Приѩтъ юго царь съ великоѭ чьстиѭ и радостиѭ и оучение юго похвали, оудрьжа отъ оученикъ юго попа

ромъ необходимыхъ службъ. Едва ли могъ тогда устоять Святитель и отъ желанія побывать подъ возлюбленной горой [1]), посѣтить Полихроніевскій монастырь, котораго онъ былъ нѣкогда игуменомъ, и отслужить въ немъ литургію на языкѣ, который за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ въ этомъ самомъ монастырѣ получилъ впервые строгій укладъ и литературную обработку, при содѣйствіи подвизавшейся здѣсь братіи. Въ этой формѣ могъ онъ исполнить и прощальный завѣтъ матери: **иже калю прьвѣе на сждъ идеть, да принесеть брата въ свои монастырь и тоу и погребеть** [2]). Священный прахъ Кирилла остался въ римскомъ храмѣ св. Климента, но его духъ, его молитвенный голосъ доносился уже до Олимпа въ текстахъ ц. славянскаго Евангелія, въ напѣвахъ славянской литургіи. Его могли слышать съ тѣхъ поръ въ Цареградѣ и туземные, и пришлые славяне: опсикійцы и ѳракійцы, солуняне и корсуняне, гости новгородскіе, дружинники кіевскіе, матросы морейскіе и далматинскіе.

Въ области сербо-хорватскія могло проникать изъ Моравіи славянское богослуженіе и болѣе близкимъ путемъ—черезъ Паннонію, которая не разъ видѣла въ своихъ равнинахъ сначала обоихъ Братьевъ (по пути ихъ въ Венецію и Римъ въ 867 г.), а затѣмъ Меѳодія съ его учениками, проживавшаго даже нѣкоторое время при дворѣ князя Коцела въ 869 — 870 годахъ [3]). Правда, дѣятельность архіепископа была тутъ парализована сначала полтретья-годичнымъ его полономъ у нѣмцевъ, въ 871 — 873 гг. [4]), а потомъ — десятилѣтнимъ господствомъ въ Панноніи нѣмцевъ, въ 874—884 гг. [5]). Но все таки власть

и диякона съ кънигами... такоже и патриарьхъ. Панн. жит. Меѳ. гл. XIII.

[1]) **Ты любиши горж вельми,** говорилъ Меѳодію умирающій Кириллъ. Панн. жит. Кир. гл. VII.

[2]) Панн. жит. Кир. гл. XVIII.

[3]) Малышевскій, Кир. и Меѳ. 171 сл.

[4]) Ibid. 174, 184.

[5]) Ibid. 187.

латинниковъ и пилатниковъ въ этой области была глубоко потрясена „грекомъ Меѳодіемъ, который (по словамъ Анонимной зальцбургской записки 873 г.) явился тутъ съ новоизобрѣтенными славянскими письменами, въ своей высокомѣрной (для нѣмцевъ) мудрости вытѣснилъ языкъ латинскій, римское ученіе и древнеобычныя латинскія письмена, и сдѣлалъ ненавистными части паннонцевъ миссу, евангеліе и церковныя службы, совершаемыя по-латыни“ [1]). Еще крѣпче утвердилась тутъ славянская церковь и письменность послѣ 884 г., когда Святополкъ великоморавскій успѣлъ отвоевать почти всею Паннонію отъ нѣмцевъ и возстановилъ въ ней власть Меѳодія [2]). Тогда то, по всей вѣроятности, объѣхалъ онъ въ послѣдній разъ эту часть своей архіепископіи, причемъ имѣлъ возможность, какъ выше упомянуто, гдѣ нибудь близъ устьевъ Савы и Тисы навѣстить воеводу угорскаго. Не нужно забывать при этомъ, что Паннонія обнимала въ смыслѣ церковномъ и древнюю Савію, т. е. населенное тогда вѣтвями хорватскими и сербскими межурѣчье драво-савское, на почвѣ коего находилась и древняя резиденція паннонскаго архіепископа—г. Срѣмъ (Sirmium). Епархія Меѳодія доходила такимъ образомъ чуть не до Бѣлграда. Она распространялась даже за Саву, въ нынѣшнюю Сербію и Боснію, какъ видно изъ посланія папы Іоанна VIII-го (ок. 874—875 г.) къ сербскому великому жупану Мутимиру, съ требованіемъ возвратиться по примѣру отцовъ къ паннонской епархіи [3]).

И приморская Хорватія въ древней Либурніи и сѣверной Далмаціи, отдѣленная отъ драво-савской невысокимъ кряжемъ норическо-динарскихъ Альпъ и тѣсно связанная съ нею въ отношеніяхъ племенномъ, экономичес-

---

[1]) Бильбасовъ, Кир. и Меѳ. I, 124; ср. 75.

[2]) Ср. Малышевскій, Кир. и Меѳ. 300 сл.

[3]) Admonemus te, ut progenitorum tuorum secutus morem, quantum potes, ad Pannoniensium reverti studeas dioecesim. Rački, Viek II, 298; Бильбасовъ, Кир. и Меѳ. I, 129.

комъ, нерѣдко же и государственномъ, лежала въ такой непосредственной близости къ епархіи Меѳодія, что вліяніе его не могло не чувствоваться и на Кварнерахъ, въ Винодолѣ, Книнѣ, Истріи. Не исключена возможность, что хорватское Приморье было посѣщаемо и лично Меѳодіемъ, во время поѣздокъ въ Римъ. Особенно вѣроятно такое направленіе его пути въ ту пору, когда отношенія къ нѣмцамъ не дозволяли ему избрать болѣе близкой дороги—через Штирію, Крайну и Приморье словинское, по которой проѣзжали кажется Братья въ 867 г., направляясь изъ Блатна въ Венецію. Въ послѣднемъ случаѣ они имѣли возможность видѣть и говорить съ подальпійскими словенцами и такимъ образомъ заронить въ ихъ душу любовь къ славянской національной церкви. Она могла впрочемъ проникать къ нимъ и изъ „дудлѣбской" Панноніи, подчиненной до 874 г. князю Коцелу и его учителю Меѳодію.

Такимъ образомъ, еще при жизни Меѳодія славянская церковь и письменность была насаждена и пустила болѣе или менѣе глубокіе корни не только въ Моравіи, Словачинѣ и Панноніи, но и во всѣхъ смежныхъ странахъ: Чехіи и Лужицахъ, Польшѣ и подкарпатской Руси, Языгіи и Дакіи, Болгаріи и Сербіи, Хорватіи и Хорутаніи. Церковнославянскій языкъ уже тогда завоевалъ для себя признаніе и освященіе въ обѣихъ столицахъ христіанскаго образованія—Римѣ и Цареградѣ, посрамилъ ересь пилатниковъ и сразу выдвинулъ славянство, какъ одно нравственное цѣлое, какъ новаго всемірноисторическаго дѣятеля, во исполненіе завѣта, выраженнаго въ посланіи Михаила III-го Ростиславу великоморавскому въ 863 г.: **да и вы причьтетеса великыихъ ѩзыцѣхъ, иже славать Бога своимь ѩзыкъмь** [1]).

Такова историческая традиція о зарожденіи и первоначальномъ распространеніи ц. слав. языка, въ лонѣ славянской церкви и въ формахъ кирилло-меѳодіевской пись-

---

[1]) Панн. жит. Кир. Ф. гл. XIV.

менности. Чтó же болѣе или менѣе достовѣрнаго могутъ прибавить къ этой традиціи наблюденія языковѣдныя, основанныя на уцѣлѣвшихъ памятникахъ той письменности? Насколько они подтверждаютъ данныя актовъ, хроникъ, легендъ о мѣстѣ, времени и условіяхъ возникновенія ц. слав. языка и о путяхъ его распространенія при жизни Первоучителей, или наоборотъ — опровергаютъ ихъ? Прибавить къ вышесказанному они могутъ мало, особенно вполнѣ достовѣрнаго, по причинѣ гибели подлинныхъ ц. слав. кодексовъ не только кирилло-меѳодіевской эпохи, но и всего почти послѣдовавшаго за нею столѣтія (885—985 гг.). Однако при помощи нѣкоторыхъ весьма вѣроятныхъ предположеній и домысловъ, мы можемъ дать такое объясненіе доступнымъ теперь языковѣднымъ свидѣтельствамъ, при которомъ послѣднія ни мало не противорѣчатъ вышеизложенной легендѣ исторической, а наоборотъ подтверждаютъ ее во всѣхъ подробностяхъ.

Предположенія эти заключаются главнѣйше въ слѣдующемъ: во 1) славянскія нарѣчія развивались весьма медленно, такъ что въ теченіе одного или двухъ вѣковъ не могли значительно измѣнить своихъ типическихъ особенностей; во 2) еще медленнѣе двигался въ помеѳодіевскій періодъ образованный языкъ славянъ, сдерживаемый преданіями школы, подражаніемъ прежнимъ образцамъ и благоговѣйнымъ отношеніемъ учениковъ къ завѣту Первоучителей, и въ 3) отступленія отъ этихъ двухъ условій могли произойти лишь тамъ, гдѣ естественный ростъ нарѣчій и развитіе языка были нарушены переворотами либо въ населеніи областей, либо въ культурной ихъ обстановкѣ.

На основаніи перваго домысла мы полагаемъ, что вышеуказанныя особенности славянскихъ нарѣчій въ XI—XII-омъ вв. въ общихъ чертахъ были имъ свойственны и въ IX-омъ в., являясь въ видѣ то вполнѣ опредѣлившихся чертъ, то едва намѣченныхъ стремленій въ областяхъ звуковой, формальной, лексической. Въ силу второго изъ высказанныхъ выше предположеній можемъ догады-

ваться, что отраженіе живыхъ нарѣчій на фонѣ общаго образованнаго языка, опредѣляющее изводы уцѣлѣвшихъ ц. слав. рукописей, было и въ IX-мъ в. аналогично тому, какое мы видимъ въ XI-мъ в., т. е. что рукописи болгарскія и въ IX-мъ в. нѣсколько отличались по языку и письму отъ сербскихъ, эти же отъ чешскихъ, русскихъ и т. п. Что же касается переворотовъ, измѣнившихъ отъ IX-го до XI-го в. характеръ нѣкоторыхъ нарѣчій и литературъ, то въ числѣ ихъ особенно важны: 1) эллинизація славянъ малоазійскихъ и морейскихъ, 2) заселеніе уграми и половцами долины средняго Дуная, 3) развитіе богомильства въ областяхъ болгарско-сербскихъ и 4) возникновеніе своего рода уніатской церкви, со славянскимъ богослуженіемъ и латинской іерархіей, а позже и съ римскимъ обрядомъ, въ смежныхъ съ Италіей и Германіей — особенно пріадріатическихъ—частяхъ славянства. Первое обстоятельство усложняетъ вопросъ о разнорѣчіи опсикійскомъ, второе — о паннонскомъ, третье же и четвертое внесли нѣкоторый дуализмъ въ развитіе нарѣчій болгарскаго и сербохорватскаго, отразившись на судьбѣ и прочихъ западныхъ нарѣчій.

Разсматривая съ этихъ точекъ зрѣнія по древнѣйшимъ изъ сохранившихся памятниковъ діалектическій характеръ церковнославянскаго языка, мы находимъ въ немъ черты разнообразныхъ нарѣчій, напр. болгарскія въ Савиной книгѣ и въ Супрасльской рукописи, сербохорватскія въ Маріинскомъ четвероевангеліи и въ Glagolita Clozianus, словинскія во Фрейзингенскихъ статьяхъ [1]), чехословенскія въ Пражскихъ и Кіевскихъ глагольскихъ отрыв-

---

[1]) Въ основѣ ихъ лежитъ ц.-слав. рукопись, прошедшая черезъ призму сербскаго и за нимъ словинскаго пониманія, при участіи быть можетъ еще нѣмецкаго переписчика, оставившаго слѣды своего тугоушія, особенно въ различеніи согласныхъ звонкихъ отъ глухихъ. Ср. Срезневскій, въ Филологическихъ наблюденіяхъ Востокова, стр. 86 сл. Приложенія; Archiv I, 450.

кахъ, русскія въ Остромировомъ евангеліи и Сборникахъ 1073 и 1076 г. и т. д. По этимъ чертамъ мы и различаемъ въ ц. слав. письменности изводы: болгарскій, сербохорватскій, хорутанскій, чехословенскій, русскій. Изводы эти существовали, конечно, не только въ XI — XII-мъ, но и въ IX—X-мъ вв., съ первыхъ дней распространенія ц. слав. письменности у славянъ южныхъ, западныхъ и восточныхъ.

Но рядомъ съ характерными чертами отдѣльныхъ нарѣчій, мы находимъ въ вышеозначенныхъ рукописяхъ и такія особенности языка, которыя чужды всѣмъ этимъ нарѣчіямъ, и притомъ не въ видѣ рѣдкихъ исключеній, а на каждомъ шагу, такъ что онѣ представляютъ какъ-бы общую основу всѣхъ ц. слав. кодексовъ, лишь кое-гдѣ затянутую легкимъ слоемъ то болгарскихъ, то сербскихъ, то русскихъ и т. п. примѣсей. Что же представляетъ въ діалектическомъ смыслѣ самая эта основа? Какими чертами она отличается и на почвѣ какого нарѣчія можетъ быть локализована?

Черты эти состояли приблизительно въ слѣдующемъ: присутствіе ринезма, съ тембромъ быть можетъ нѣсколько глухимъ, но достаточно разграниченнымъ; наличность двухъ гласныхъ смѣшаннаго образованія ѣ, ы, съ каналомъ, расширяющимся при ѣ, и суживающимся при ы [1]); употребленіе глухихъ ъ, ь съ тембромъ *о*, *е*, хотя и не вполнѣ яснымъ; довольно строгое различеніе слоговъ твердыхъ отъ мягкихъ; дифтонги *жд*, *шт*, *дз* (ѕ) вм. *dj*, *tj*, и смягченнаго г̑; прозрачность сложныхъ флексій въ прилагательныхъ типа: благъи, благаѥго (или благааго), благоуѥмоу (или благоуоуму); обиліе этимологическихъ формъ прошедшаго времени (имперфекта и аористовъ). Сравни-

[1]) Это явствуетъ: изъ написанія ѣ, ы въ кирилловской азбукѣ, изъ дѣйствія этихъ гласныхъ на предшествующія согласныя и изъ этимологическихъ отношеній для нихъ въ прочихъ аріо-европейскихъ языкахъ (ѣ нерѣдко = οι, ει; ы = ευ, ου, съ перестановкой?) и славянскихъ нарѣчіяхъ.

вая эти примѣты съ извѣстными уже намъ особенностями отдѣльныхъ нарѣчій, мы видимъ, что ни одно изъ послѣднихъ не совпадаетъ вполнѣ съ діалектомъ, лежавшимъ въ основѣ начальнаго ц. слав. языка. Но по суммѣ общихъ признаковъ ближе всѣхъ стоитъ къ нему безспорно нарѣчіе болгарское, какъ юсовое и обладавшее во многихъ говорахъ характерными дифтонгами *жд*, *шт*, s. Несовпаденіе это выступило бы, безъ сомнѣнія, еще ярче, если бы мы имѣли возможность сравнить ц. слав. синтаксисъ, фразеологію, терминологію, съ аналогическими особенностями другихъ тогдашнихъ нарѣчій. Ни одно изъ нихъ не могло еще тогда имѣть той синтактической гибкости, той способности къ самымъ тонкимъ ипотактическимъ сочетаніямъ, того богатства оборотовъ и установленности терминологической, какія мы находимъ въ языкѣ древнѣйшихъ кодексовъ ц. слав. Евангелія, Апостола, Псалтыри и Избранныхъ службъ. Присутствіе этихъ высшихъ достоинствъ языка и стиля указываетъ на высокую ступень культурнаго развитія общества, въ средѣ котораго выработался столь совершенный литературный органъ.

Гдѣ же можемъ мы предположить соединеніе всѣхъ этихъ условій?

Миклошичъ и Ягичъ, слѣдуя Копитару, указываютъ на Паннонію, какъ на мѣстность, вполнѣ отвѣчавшую въ половинѣ IX-го в. этимъ условіямъ. Но все, что извѣстно до сихъ поръ о языкѣ паннонскихъ славянъ, говоритъ скорѣе противъ, чѣмъ въ пользу этой гипотезы.

Въ самомъ дѣлѣ, уже изъ географическаго положенія Панноніи, т. е. нынѣшней задунайской Угріи, явствуетъ, что она не могла имѣть племенного единства, а наоборотъ представляла переходный поясъ отъ славянъ западныхъ къ южнымъ, какъ Языгія и Дакія отъ славянъ восточныхъ къ южнымъ. Баконскій лѣсъ, пересѣкающій Паннонію въ направленіи отъ Альпъ къ Карпатамъ, и теперь раздѣляетъ западную Угрію на двѣ отдѣльныя полосы, изъ коихъ сѣверная (Pannonia superior) примыкаетъ къ Моравіи и Нижней Австріи, южная же (Pannonia

inferior)—въ Штиріи съ Хорутаніей и въ Хорватіи со Славоніей. Со временъ Карла Великаго первая была формально подчинена епископу пасовскому, вторая же—архіепископу зальцбургскому. Въ первой части и теперь разсѣяны кое-гдѣ поселки моравско-словенскіе, во второй же — перемѣшаны побѣги подальпійскихъ словенцевъ съ вѣтвями сербо-хорватскими. Судя по всѣмъ имѣющимся даннымъ, то же было тутъ и въ IX-мъ в., съ той лишь разницей, что политическая зависимость не только сѣверной, но и южной Панноніи отъ Великоморавскаго государства Моймировичей должна была проложить моравско-словенскому нарѣчію доступъ и къ югу отъ Баконскаго лѣса, къ побережьямъ Блатенскаго озера. На это указываютъ и сохранившіяся въ Historia conversionis Carantanorum IX-го в. собственныя имена, напр. бояръ при дворѣ Прибины (ок. 850 г.) съ чехословенскимъ патронимическимъ суффиксомъ иц: Silic, Trebic [1]), напоминающія имя самого Ростислава великоморавскаго—Rastic. Въ грамотахъ того времени находимъ еще въ Панноніи: словенскую марку (usque in Slougensin marchan, грамота 860 г.), жупу Дудлѣбскую (Dudleipin), озеро Мутное (Mutno [2]) и т. п.

Мы не желаемъ утверждать на этомъ основаніи, что нижнепаннонское нарѣчіе IX-го в. принадлежало къ сѣверо-западной группѣ. Наоборотъ, мы полагаемъ, что большинство тамошняго населенія говорило на нарѣчіяхъ юго-западныхъ, но не исключительно юсовыхъ, а и безъюсыхъ. Ринезмъ мы можемъ предполагать лишь у паннонскихъ словинцевъ [3]), но не у хорватовъ, занимавшихъ Посавье,

---

[1]) Бильбасовъ, Кир. и Меѳ. I, 122.

[2]) Šafařík P. J., Sebrané spisy. Praha 1863, II, 470 сл. Не безъ основанія потому и проф. Ягичъ выражается иногда: altčechische oder pannonisch-slovenische. Ahchiv IX, 329. Возможно впрочемъ, что подъ slovenische онъ разумѣетъ macedonische (ср. Его же: Glagolitica, стр. 1 сл.).

[3]) Предки нынѣшнихъ межимурцевъ и прекмурцевъ? Ср. Ягичъ, въ Archiv X, 296.

а вѣроятно и всю южную часть нижней Панноніи [1]). Что касается нарѣчія болгарскаго, то оно могло соприкасаться съ Панноніей и вдоль средняго Дуная, отдѣлявшаго ее отъ Языгіи и Дакіи; но не имѣется никакихъ доказательствъ существованія этого нарѣчія по ту сторону Дуная, въ нынѣшней западной Угріи. Доводы Шафарика и Миклошича, которые ссылаются на юсовую форму Σφεντόπληχτος въ житіи св. Климента и Sfentopulchus въ посланіи папы Іоанна VIII отъ 880 г., а также на заимствованныя отъ славянъ мадьярами слова съ ринезмомъ и дифтонгами *жд, шт* [2]), не особенно убѣдительны. Князь Святополкъ могъ вѣдь употреблять для важности и церковнославянскую форму своего имени, которая болѣе соотвѣтствовала литературному стилю Моравіи того времени. По этой причинѣ и чешскій князь Вячеславъ могъ титуловаться Венцеславомъ, изъ котораго—если не изъ польскаго Więcesław—нѣмцы взяли своего Wenzel'я. Если же это предположеніе не вѣрно, то ринезмъ византійскаго и римскаго именъ Святополка могъ отражать навыки тѣхъ славянъ, которые служили въ канцеляріяхъ императоровъ и папъ или составляли греческое житіе св. Климента. Такъ и Константинъ Багрянородный передѣлалъ наши: Святославъ, Вышьгородъ, порогъ Лучане, въ Σφενδοσβλάβος, Βουσεγράδε, Βουλνηπράχ, Λεντζανήτοι и т. п. Что касается мадьярскихъ заимствованій изъ славянскаго языка, то они могли быть сдѣланы и не въ Панноніи, а напр. въ Дакіи, близъ того Ателькуза, гдѣ довольно долго сидѣли угры, подвигаясь исподоволь изъ степей южнорус-

---

[1]) Ср. Конст. Багрянородный, De administrando imperio, гл. XXX: ἀπὸ δὲ χρωβάτων τῶν ἐλθόντων ἐν Δελματίᾳ διεχωρίσθη μέρος τι, καὶ ἐκράτησε τὸ Ἰλλυρικὸν καὶ τὴν Παννονίαν.

[2]) Напр. korong, abroncs, szomszéd, munka, pentek, rend; moštoha, pešt, palašt, rozsda и т. п. Šafařik, Ursprung und Heimath des Glagolitismus стр. 31 сл. Miklosich Fr., Altslovenische Formenlehre, стр. IV—VI. Любопытно, что Свентополки встрѣчались и въ Швеціи, даже въ XIII-мъ в. Ср. Ягича Archiv VII, 137.

скихъ через равнины нижнедунайскія въ нынѣшнюю Угрію. Подобнаго рода формы существуютъ вѣдь и въ румынскомъ [1]), и албанскомъ [2]) языкахъ, въ заимствованныхъ изъ славянскаго словахъ, однако никто не обращается къ паннонскому нарѣчію для объясненія ихъ происхожденія. Что же еще можно привести въ доказательство паннонизма кирилло-меѳодіевскаго языка? Положительнаго не много; но если пуститься въ область величинъ неизвѣстныхъ, то къ двумъ даннымъ (локализація ц. слав. діалекта, характеръ паннонскаго нарѣчія) можно пожалуй прибавить еще одну: отношеніе къ нимъ глаголицы, черезъ что получается уравеніе съ тремя неизвѣстными. Но вопросъ о древнѣйшей славянской графикѣ можно разсматривать и отдѣльно отъ вопроса объ языкѣ, отъ чего разрѣшеніе обоихъ лишь выиграетъ.

Трудность рѣшенія уравненія съ тремя неизвѣстными составляетъ главный, но не единственный недостатокъ паннонской гипотезы: она находится въ полномъ противорѣрѣчіи и съ твердо установленными историческими свидѣтельствами о мѣстѣ, времени и обстановкѣ зарожденія ц.-славянскаго языка. Паннонія играла довольно важную роль въ его судьбахъ, но не въ кирилло-меѳодіевскій періодъ, а нѣсколько позднѣе—въ X—XII-мъ вв. Устроитель ц.-славянскаго языка и письма Константинъ Философъ всю жизнь провелъ въ областяхъ Восточной имперіи, главнымъ образомъ въ Цареградѣ. Въ Панноніи онъ былъ, судя по Паннонскому житію, лишь разъ и то не долго, по пути изъ Моравіи въ Венецію и Римъ, причемъ и рѣчи быть не могло о переложеніи на мѣстный діалектъ проѣзжими миссіонерами или ихъ учениками Евангелія и богослужебныхъ книгъ. По смерти Философа Меѳодію не разъ при-

---

[1]) Напр. оглиндъ speculum, тъмп obtusus, мункъ labor и т. п.

[2]) Напр. ро̨бити secare, ре̨дъ ordo, тро̨ба tuba. Miklosich, Albanische Forschungen, Wien 1870 г., I, 32—35.

шлось проѣзжать черезъ Паннонію и даже проживать въ ней нѣкоторое время, особенно въ 870 и послѣ 884 гг., какъ выше показано. Но и въ его Житіи ничего не говорится о литературныхъ предпріятіяхъ архіепископа или его учениковъ въ этой области.

Все это настолько подрываетъ вѣру въ „паннонизмъ" ц.-славянскаго языка, что проф. Ягичъ вынужденъ былъ уже подпереть эту падающую гипотезу столбомъ „моравизма", измѣнивъ терминъ „паннонскій" въ „паннонско-моравскій" или „моравско-паннонскій" [1]). Подпора очень слабая, болѣе номинальная, чѣмъ реальная, ибо съ терминомъ „моравскій" въ славянской діалектологіи связано представленіе о принадлежности къ сѣверозападной группѣ нарѣчій, къ которой ц.-славянскій ни въ какомъ случаѣ не принадлежалъ. Признать же ц.-славянскій языкъ смѣшаннымъ изъ нарѣчій юга и запада, примѣрно словинскаго или болгарскаго съ чехо-словенскимъ, едва ли кто рѣшится, въ виду полной однородности и цѣльности первоначальнаго кирилло-меѳодіевскаго языка, получаемаго по выдѣленіи всѣхъ позднѣйшихъ наслоеній.

Но если и паннонская теорія не удовлетворяетъ ни историческимъ, ни языковѣднымъ даннымъ, то ничего дру-

---

[1]) Ягичъ, Маріинское четвероевангеліе, стр. 474 сл. Ср. Archiv I, 443 сл. Впрочемъ, уже Шафарикъ въ Ursprung und Heimath des Glagolitismus (стр. 26, 36) выражался подобнымъ образомъ: ....Pannonien, Mähren mitbegriffen... Но Моравія никогда не входила въ Паннонію, за исключеніемъ развѣ паннонской архіепископіи Меѳодія. Столь же невѣроятно предположеніе г. Ягича (Archiv IX, 329), будто Македонія родина ц.-славянскаго языка въ звуковомъ и формальномъ, Паннонія же въ лексикальномъ отношеніи. Нѣсколько правдоподобнѣе уже предположеніе того же ученаго, что ц.-слав. языкъ возникъ на почвѣ македонскаго говора, но былъ потомъ перенесенъ въ Паннонію и оттуда распространился въ прочія славянскія земли. Archiv X, 179. Потому то вѣроятно проф. Ягичъ и называетъ теперь древнеславянскіе памятники паннономакедонскими. Glagolitica 1890 г., стр. 1 сл.

гого не остается, какъ локализовать начальный ц.-славянскій языкъ въ мѣстахъ его зарожденія по Житіямъ, т. е. въ Цареградѣ, на побережьяхъ Пропонтиды и у славянъ малоазійскихъ [1]). Въ пользу такой локализаціи можно привести и нѣкоторыя языковѣдныя соображенія. Въ самомъ дѣлѣ, пропонтидо-босфорскіе славяне были непосредственнымъ южнымъ продолженіемъ и эмиграціоннымъ отпрыскомъ славянъ болгаро-македоно-ѳракійскихъ [2]). Слѣдовательно, они говорили на нарѣчіи юсовомъ, съ дифтонгами *жд*, *шт*, ѕ и т. п. чертами болгарскаго нарѣчія. Но такъ какъ нарѣчіе это распадалось конечно издревле на много разнорѣчій и говоровъ, обусловленныхъ и племенною, и областною разрозненностью древнихъ славянъ вообще, а южныхъ въ частности, то и зерно малоазійскаго славянства должно было принадлежать одному изъ такихъ разнорѣчій. Отдѣленное отъ непосредственныхъ территоріальныхъ и государственныхъ связей съ центрами болгаризма, разнорѣчіе это въ теченіе VII-го—IX-го вв. могло выработаться въ довольно самостоятельный діалектическій типъ, подобно какъ это случилось съ англо-саксонскимъ, по выселеніи англовъ, саксовъ и ютовъ съ материка за море, въ Великобританію. Благопріятно должна была дѣйствовать на развитіе этого разнорѣчія и высокая культурная обстановка говорившихъ на немъ славянъ.

Но чтобы возвести эти домыслы въ историческіе тезисы, нужно бы имѣть хоть нѣсколько подлинныхъ фразъ на языкѣ малоазійскихъ славянъ IX-го вѣка. Къ сожалѣнію, мы не находимъ ихъ въ доступныхъ историческихъ источникахъ. Поэтому мы считаемъ пропонтидскую локализацію начальнаго ц.-славянскаго языка не болѣе какъ гипотезой, вполнѣ согласной съ данными историческими

---

[1]) Не на этомъ ли фактѣ построена Порфиріевская легенда о происхожденіи св. Кирилла изъ Кадокіи (Каппадокіи)? Труды Кіев. Д. Акад. 1877 г., окт.; ср. Archiv IV, 297 сл.

[2]) Ср. Šafařík, Sebrané spisy II, 248 сл.

и не противорѣчащей языковѣднымъ [1]), но требующей дальнѣйшихъ разысканій по остаткамъ малоазійскаго нарѣчія, которые вѣроятно отыщутся въ грамотахъ, хотя бы въ видѣ однихъ собственныхъ именъ.

Но, могутъ возразить намъ, не странно ли предполагать зарожденіе перваго общаго языка славянъ за предѣлами славянскаго міра, въ средѣ его заморскихъ колонистовъ? На это отвѣтимъ ссылкою на аналогію другихъ общихъ языковъ, напр. древнегреческаго, зародившагося въ малоазійскихъ колоніяхъ іонянъ; итальянскаго, выводимаго самимъ Дантомъ изъ сицилійской придворной школы поэтовъ XIII-го в.; французскаго, въ образованіи коего столь видную роль играла Англія XII—XIII-го вв.; нѣмецкаго, ведущаго свои преданія отъ Пражскихъ канцелярій Карла IV. Правда, въ дальнѣйшіе періоды развитія языки эти передвигали свои очаги отъ окраинъ къ центрамъ соотвѣтственныхъ народностей: древнегреческій достигаетъ высшаго развитія въ Аѳинахъ, итальянскій — во Флоренціи, французскій — въ Парижѣ, нѣмецкій — въ Лейпцигѣ, Геттингенѣ, Веймарѣ. Но въ этомъ отношеніи и ц.-славянскій языкъ не составляетъ исключенія. И онъ перенесъ свои очаги сначала въ Моравію и Паннонію, потомъ въ Болгарію и Сербію, съ XV-го же и XVI-го вв. утвердился на Руси. Москва еще ранѣе была средоточіемъ языка церковнославянскаго, чѣмъ сдѣлалась таковымъ же для языка новорусскаго.

По тѣснымъ связямъ литературныхъ языковъ съ графическими ихъ знаками, въ вопросѣ объ образованіи церковнославянскаго языка не лишено значенія его отношеніе къ двумъ древнимъ азбукамъ: кириллицѣ и глаголицѣ. Правда, значеніе это не столь велико, какъ думали прежде, пока не доказана была относительная близость и соотвѣтственныхъ начертаній, и орѳографическихъ системъ, и литературныхъ свойствъ. Но все же и теперь, послѣ изслѣ-

---

[2]) И г. Ягичъ считаетъ весьма вѣроятнымъ, dass die ersten Grundlagen der slavischen Liturgie bereits... in Constantinopel zu Stande kamen. Archiv VIII, 610.

дованій Гейтлера, Тайлора, Ягича, нельзя отрицать представляемаго этими азбуками дуализма въ развитіи церковнославянской графики, языка, письменности, хотя дуализмъ этотъ и смягченъ былъ единствомъ источниковъ и продолжительнымъ взаимодѣйствіемъ двухъ литературныхъ потоковъ.

Въ чемъ же заключается это единство и гдѣ причины позднѣйшаго раздвоенія?

Единство состоитъ прежде всего въ греческой первооснов҇ѣ обѣихъ азбукъ, различающихся главнѣйше тѣмъ, что кириллица основана на унціальномъ, глаголица же — на курсивномъ греческомъ письмѣ [1]). Затѣмъ сходство кириллицы и глаголицы выражается и въ томъ, что обѣ представляютъ довольно свободное примѣненіе къ славянскому языку греческой графики, усиленной дюжиной новыхъ начертаній, для выраженія чуждыхъ греческому языку звуковъ. Между дополнительными начертаніями многія настолько сходны между собою [2]), что трудно отрицать общность ихъ происхожденія. Количество и качество звуковыхъ типовъ, выраженныхъ совокупностію графическихъ средствъ кириллицы и глаголицы, приблизительно одно и то же [3]). Орѳографическая система обѣихъ также не отличалась первоначально. Она основывалась на звуковомъ,

---

[1]) Ср. Geitler, Die Albanesischen und Slavischen Schriften; Taylor Is., въ Archiv f. slavis. Philologie V, 191 сл.; Ягичъ, Четыре критико-палеографическія статьи.

[2]) Напр. Ж и Ⰶ, Щ и Ⱋ, Ѵ и Ⱛ, Ш и Ⱎ. Ср. Archiv VII, 456 сл.

[3]) Обѣ азбуки имѣютъ напр. зѣло (ѕ : Ⰸ), глухіе гласные (ъ : Ⱏ; ь : Ⱐ), гласные смѣшаннаго образованія (ы : ⰟⰊ; ѣ : Ⱑ), юсы (ѫ : Ⱘ; ѧ : Ⱔ), нѣкоторые іотованные гласные (ю : Ⱓ; ѭ : Ⱙ; ѩ : Ⱗ). Недочетъ въ кириллицѣ ограничивается лишь буквою Ⰼ (въ родѣ новосербскихъ Ђ, ђ); въ глаголицѣ же онъ особенно замѣтенъ въ области іотованныхъ гласныхъ, между которыми не было начертаній для ꙗ, ѥ. Возможно впрочемъ и даже вѣроятно, что и въ кириллицѣ іотація развилась позже. Ср. Geitler, Die Alb. u. Slav. Schriften 97 слл.; Archiv VII, 478.

а не этимологическомъ началѣ, которое получило примѣненіе лишь впослѣдствіи, когда звуки обогнали буквы и когда письменность стала хранительницею народныхъ преданій, племенного единства. Единство двухъ графическихъ системъ отражалось и въ полномъ почти тожествѣ первоначальнаго языка кирилловскихъ и глагольскихъ переводовъ, въ отношеніяхъ грамматическомъ, лексическомъ и стилистическомъ. Наконецъ, обѣ объединены были спорнымъ тогда для многихъ, особенно на Западѣ, началомъ народности въ церкви, государствѣ, литературѣ, общимъ стремленіемъ завоевать для славянъ мѣсто между „великими народами", которые „славятъ Бога своимъ языкомъ" [1]), причемъ подъ послѣднимъ и глаголяши разумѣли первоначально не дробные діалекты отдѣльныхъ вѣтвей племени, а общій его языкъ.

При существованіи столькихъ чертъ внѣшняго и внутренняго сходства, мы не должны удивляться, что въ древнѣйшую пору никто не замѣчалъ дуализма ц.-славянскаго языка и письменности, основанныхъ на кириллицѣ съ одной стороны, а глаголицѣ съ другой, подобно какъ впослѣдствіи у западныхъ славянъ не замѣчали большой разницы между типами латинскими и швабскими, кромѣ развѣ спеціальнаго содружества первыхъ съ папизмомъ, вторыхъ же съ протестанствомъ.

Тѣмъ не менѣе въ условіяхъ возникновенія двухъ ц.-славянскихъ азбукъ и внутреннемъ характерѣ ихъ замѣтны уже въ начальный періодъ такія особенности, которыя могли и даже должны были впослѣдствіи дать особое направленіе ихъ развитію, по расходящимся историческимъ путямъ.

Уже то обстоятельство, что кириллица основана на старомъ унціальномъ письмѣ среднегрековъ, которое держалось болѣе въ церковной, чѣмъ въ государственной письменности тогдашней Византіи, тогда какъ глаголица раз-

---

[1]) Панн. жит. Кир. Фил. гл. XIV.

вилась изъ болѣе новой и свѣтской скорописи, указываетъ на различіе опредѣляющихъ факторовъ образованія двухъ азбукъ. Кириллицу мы можемъ назвать родной дочерью среднегреческой церкви, глаголицу же — скорѣе падчерицей Византійскаго государства. Первая зародилась въ средѣ пропонтидскихъ славянъ, въ священномъ поясѣ подолимпскихъ монастырей, получивъ окончательное „устроеніе“ въ одной изъ келій Полихроніевскаго монастыря, подъ перомъ славнаго грекославянскаго Миссіонера; вторая же, по всѣмъ доступнымъ теперь даннымъ, должна быть локализована—какъ догадывался еще Прейсъ—въ побережьяхъ Адріатики [1]), слѣдовательно на краю греческаго государства и внѣ собственныхъ предѣловъ цареградскаго патріархата.

Въ азбукѣ кирилловской на греческой основѣ нѣтъ никакихъ наслоеній, указывающихъ на вліянія латинскаго Запада; въ глаголицѣ они имѣются, какъ это доказано Гейтлеромъ относительно нѣкоторыхъ начертаній [2]). Наслоенія эти являются какъ бы исторической закваской, которая опредѣлила дальнѣйшее развитіе всей глагольской письменности въ направленіи римско-славянскомъ, т. е. уніатскомъ по позднѣйшей терминологіи. Но замѣтными послѣдствіями отразилась эта закваска на характерѣ глагольской письменности не при жизни Первоучителей, а позже, подъ вліяніемъ разныхъ дополнительныхъ факторовъ діалектическаго и культурнаго рода.

Такимъ образомъ въ періодъ времени съ 862 по 885 г. не только сложился, но и распространился ц. славянскій языкъ въ большей или меньшей мѣрѣ у славянъ и южной, и западной, и восточной діалектическихъ группъ, по-

---

[1]) Ср. мою статью въ Меѳодіевскомъ юбилейномъ сборникѣ, стр. 49 сл. На это указываютъ и сербскія названія юсовъ (iusz, hie) въ Abecedarium Bulgaricum. Archiv IV, 311.

[2]) Geitler, Die Albanesischen und Slavischen Schriften. Особенно наглядно латинское происхожденіе глагольскихъ буквъ: ♈ (к), ᒥ (п), ь (х), что отчасти допускаетъ и г. Ягичъ. Archiv VII, 473.

лучивъ у нихъ значеніе литургическаго, а до нѣкоторой степени и вообще образованнаго языка, ограничиваемаго въ своихъ правахъ не столько другими діалектами, сколько вторженіемъ чужихъ общихъ языковъ, особенно греческаго съ юговостока и латинскаго съ югозапада. Единство этого языка ни мало не было парализовано въ вѣкъ Первоучителей дуализмомъ графики и примѣсями инодіалектными, которыя развѣтвили его цѣльный стволъ лишь по истеченіи многихъ столѣтій, въ періодъ выдѣленія новославянскихъ образованныхъ діалектовъ и частныхъ языковъ.

Дальнѣйшая жизнь ц. славянскаго языка въ тысячелѣтіе, отдѣляющее насъ отъ года смерти Меѳодія (885 г.), можетъ быть по внѣшнимъ и внутреннимъ событіямъ подраздѣлена на три періода: 1) древній, съ конца IX-го по конецъ XII-го в.; 2) средній, обнимающій XIII-ый, XIV-ый, XV-ый вв. и 3) новый, съ XVI-го в. по наше время.

Въ первый періодъ ц. славянскій языкъ достигъ наибольшей распространенности, наибольшаго литературнаго развитія и внутренней цѣльности; во второй онъ ослабѣваетъ на западѣ, востокѣ, а подъ конецъ и на югѣ, теряя свое прежнее значеніе въ жизни свѣтской и разлагаясь въ области звуковой, отчасти и формальной; въ третій наконецъ онъ совершенно замираетъ на западѣ, теряетъ внутреннюю живучесть на югѣ и постепенно окаменѣваетъ на востокѣ, закрѣпленный книгопечатаніемъ. Живые центры этого языка находятся въ первый періодъ главнѣйше въ Болгаріи, во второй — въ Сербіи, въ третій — въ Руси. Разнообразіе его функцій, широта общественнаго употребленія гораздо значительнѣе въ вѣка начальные, чѣмъ въ средніе, когда выступаютъ соперники и внѣшніе, и внутренніе, въ видѣ новославянскихъ діалектовъ, которые въ новый періодъ возвышаются до роли частныхъ, но уже независимыхъ отъ ц. славянскаго языковъ. Въ такой же послѣдовательности сокращается примѣняемость послѣдняго къ діалектической средѣ и оскудѣваетъ внутренняя жизнь его, такъ что въ періодъ средній онъ можетъ быть названъ уже полуживымъ, а въ новый — по-

лумертвымъ. Даже внѣшнія измѣненія графическихъ знаковъ и орѳографическихъ системъ приблизительно совпадаютъ, особенно въ кириллицѣ, съ этими тремя періодами: уставъ, полууставъ, скоропись, — правописаніе звуковое, полузвуковое, историческое — чередуются въ движеніи древнихъ, среднихъ и новыхъ вѣковъ исторической жизни этого языка.

При распространеніи ц. славянскаго языка въ древній періодъ важное значеніе имѣло изгнаніе Святополкомъ великоморавскимъ учениковъ Меѳодія изъ Великой Моравіи, по навѣтамъ коварнаго Вихинга. Изъ Житія Климента Велицкаго мы знаемъ, что ученики эти „разошлись въ разныя страны, по Божьему изволенію, чтобы также и большее число странъ озарить свѣтомъ Евангелія“ [1]). Климентъ съ Наумомъ и Ангеларіемъ отправились тогда внизъ по Дунаю къ Бѣлграду, а оттуда въ Болгарію, въ просвѣщеніи которой они приняли дѣятельное участіе, особенно Климентъ († 916 г.), около 30-ти лѣтъ насаждавшій ц.-славянскій языкъ и письменность въ Македоніи и Албаніи [2]). Здѣсь, близъ древней Охриды, работалъ съ нимъ и Наумъ, какъ видно изъ сохранившагося житія его [3]). Очень возможно, что и другіе ученики Меѳодія перенесли въ то же время свою просвѣтительную дѣятельность въ Болгарію, которая вслѣдствіе того съ конца IX-го и начала X-го в., въ управленіе дѣятельнаго и образованнаго князя, потомъ царя Симеона, стала изъ колоніи метрополіей ц.-славянскаго языка и письменности. Болѣе извѣстными дѣятелями ея были послѣ Климента и Наума: епископъ Константинъ, попъ Григорій, экзархъ Іоаннъ,

---

[1]) Бильбасовъ, Кир. и Меѳ. II, 356. Ср. Ж. М. Н. Пр. 1885 г. апр., ст. проф. Дринова: объ епископствѣ св. Климента въ Великой Моравѣ.

[2]) Бильбасовъ, Кир. и Меѳ. II, 363 слл. Но легенда объ изобрѣтеніи имъ особой азбуки оспаривается уже не только Лескиномъ (Archiv III, 79 сл.), но и самимъ г. Ягичемъ (ib. IV, 115; VII, 462).

[3]) Бильбасовъ, Кир. и Меѳ., II, 372.

черноризецъ Храбръ и во главѣ всѣхъ — самъ царь Симеонъ. Правда, до насъ не дошло ни одного подлиннаго кодекса этого золотого вѣка ц.-славянской литературы; зато уцѣлѣло много позднѣйшихъ списковъ, по коимъ можно составить понятіе о ея характерѣ и содержаніи. Изъ этой школы вышли переводы: толкованія псалмовъ и пророковъ, нѣкоторыхъ сочиненій Аѳанасія Александрійскаго, Кирилла Іерусалимскаго, Іоанна Златоуста (Златоструй), Василія Великаго (Шестодневъ), Григорія Богослова (XIII словъ), Ефрема Сирина, инока Антіоха, Іоанна Лѣствичника, Іоанна Дамаскина (Небеса, Грамматика?), Ѳеодора Студита, Георгія Амартола (Хронографъ), Малалы (тоже) и др. Тутъ переведены и нѣкоторыя Житія святыхъ, Прологъ, Палея, а вѣроятно и повѣсти о Троѣ, Александрѣ Великомъ, Синагрипѣ, Девгеніи, Стефанитѣ и Ихнилатѣ (до XIII-го в.). Тогда же составлены и два энциклопедическіе Сборника, сохранившіеся въ русскихъ спискахъ 1073 и 1076 гг. Изъ оригинальныхъ сочиненій особенно важны Паннонскія житія, приписываемыя съ бо́льшимъ или меньшимъ вѣроятіемъ св. Клименту (въ греческомъ подлинникѣ?), и Сказаніе о письменахъ Храбра, затѣмъ — отреченныя книги поповъ Богомила и Іереміи [1]) и антибогомильская „бесѣда“ Косьмы Пресвитера.

Столь быстрому и блестящему развитію ц.-славянскаго языка и письменности въ Симеоновой Болгаріи благопріятствовали, сверхъ вышеуказаннаго переселенія учениковъ Меѳодія, и многія другія обстоятельства: спеціальная близость этого языка къ болгарскому нарѣчію того времени, достаточное знакомство болѣе образованныхъ болгаръ съ греческимъ языкомъ, съ котораго переводимы были означенныя сочиненія, опасное сосѣдство Болгаріи съ Византіей и необходимость развивать народныя силы для отраженія могучей волны эллинизма. Сверхъ того ц.-славянскій языкъ былъ очень полезнымъ цементомъ для спайки раз-

---

[1]) Ср. Соколовъ, Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ. М. 1888 г., стр. 113 сл., 142.

розненныхъ географически и этнически частей государства, чѣмъ не могъ не дорожить столь проницательный государь, какъ Симеонъ.

Тѣмъ не менѣе этотъ ранній разцвѣтъ ц.-славянскаго языка въ Болгаріи не былъ особенно продолжителенъ. Со второй половины X-го в. она клонится къ упадку какъ въ политическомъ отношеніи, подъ ударами нашего князя Святослава и орудовавшихъ имъ грековъ, особенно Іоанна Цимисхія и Василія II, такъ и въ отношеніи духовномъ, благодаря сильному разливу богомильства. Съ 1019 г. начинается продолжительный періодъ византійскаго господства во всѣхъ болгарскихъ областяхъ, длившійся до возстановленія въ 1185 г. Болгаріи братьями Петромъ и Асенемъ, родоначальникомъ второй царской династіи — Асенидовъ. Обстоятельства эти не благопріятствовали развитію въ Болгаріи XI-го—XII-го вв. ц.-славянскаго языка и литературы, за исключеніемъ развѣ отреченной, которая лучше правовѣрной выражала антигреческое настроеніе болгаръ того времени. На почвѣ этого настроенія могло возникнуть въ нѣкоторыхъ болгарскихъ краяхъ, особенно македоно-албанскихъ, если не предпочтеніе, то терпимость къ глагольской графикѣ, развивавшейся въ славяно-адріатическомъ приморьѣ, подъ смѣшаннымъ вліяніемъ Востока и Запада, Византіи и Рима.

Такимъ образомъ Болгарія продолжила просвѣтительный подвигъ Солунцевъ, значительно пріумножила завѣщанное ими литературное наслѣдіе, утвердила ц.-славянскій языкъ не только въ литургической и писательской, но также въ государственной и общественной областяхъ, наложила печать своихъ разнорѣчій на цѣлый рядъ кирилловскихъ и глагольскихъ памятниковъ, и послужила опорною точкою при распространеніи этого языка у многихъ смежныхъ народовъ, особенно сербовъ и русскихъ.

Народность сербохорватская, расположенная въ Иллирикѣ внутреннемъ и приморскомъ, съ южными частями Панноніи, лежала гораздо далѣе болгарской отъ очаговъ образованности восточной, которая потому и не распро-

странилась въ Иллирикѣ столь рано и быстро, какъ во Ѳракіи, Мизіи, Македоніи. Въ странахъ приморскихъ ея вліяніе парализовалось до извѣстной степени западнымъ, итальянскимъ, въ областяхъ же драво-савскихъ — сверхъ того и давленіемъ нѣмцевъ, со временъ Карла Великаго. Эта двойственность культурныхъ вліяній рано расколола сербохорватскую народность на двѣ части — сербскую и хорватскую. Части эти настолько обособлены были уже при Константинѣ Багрянородномъ, что онъ относилъ этотъ дуализмъ ко временамъ императора Ираклія, считая достовѣрнымъ преданіе о прибытіи сербовъ и хорватовъ двумя отдѣльными колоннами – изъ Бѣлой Сербіи и Бѣлой Хорватіи. Быть можетъ въ преданіи этомъ и скрывается историческое зерно, но несомнѣнно, что культурныя условія гораздо болѣе племенныхъ раздвоили этотъ довольно сплоченный въ діалектическомъ отношеніи типъ. Въ исторіи ц.-славянскаго языка дуализмъ этотъ отразился очень замѣтно на двойственности сербохорватской графики и на характерѣ письменности. На площади сербскаго нарѣчія (штовавщины) рано и прочно утвердилась кириллица, тогда какъ области хорватскія (чакавскія), расположенныя вдоль Адріатики отъ р. Цетины въ Далмаціи до Истріи, были и вѣроятной родиной, и крѣпчайшей твердыней глаголицы. Въ средѣ сербской ц.-славянскій языкъ развивался если и не особенно быстро, зато непрерывно, проникая изъ среды церковной въ собственно-литературную, а до нѣкоторой степени и въ общественную, тогда какъ между хорватами періодъ скоротечнаго разцвѣта его смѣнился продолжительнымъ прозябаніемъ, подъ гнетомъ то латинскаго, то итальянскаго языковъ. Въ Сербіи и свѣтская письменность развивалась въ непрерывномъ взаимодѣйствіи съ церковною, освѣжая потокъ послѣдней приливомъ стихій разговорныхъ и въ свою очередь заимствуя изъ церковнославянскаго то слова культурнаго характера, то періодическій складъ рѣчи. Гораздо обособленнѣе было развитіе дѣлового и литературнаго стиля въ Хорватіи. На

немъ замѣтнѣе вліяніе латино-итальянское, чѣмъ ц.-славянское.

Изъ уцѣлѣвшихъ ц.-славянскихъ памятниковъ сербскаго происхожденія ни одинъ, кажется, не восходитъ къ древнѣйшему періоду, до конца XII-го в. Но изъ вполнѣ опредѣлившагося типа такихъ памятниковъ въ XIII-мъ в., въ родѣ напр. Загребской Кормчей 1262 г., Московскаго Шестоднева 1263 г., Шишатовецкихъ Апостола и Евангелія 1324 г., Младеновичевой Псалтыри 1346 г. и т. п., мы можемъ заключать, что типъ этотъ сложился уже раньше, въ XI—XII-мъ вв. На то же указываютъ высокія литературныя достоинства оригинальныхъ сербскихъ сочиненій на ц.-славянскомъ языкѣ въ началѣ XIII-го в., каковы напр. Житія Симеона Немани, писанныя его сыновьями Стефаномъ и Савою, Житіе послѣдняго, писанное Доментіаномъ и н. др. И на актовомъ языкѣ сербовъ, древнѣйшимъ памятникомъ коего служатъ грамоты боснійскаго бана Кулина 1189 г. и великаго жупана Немани 1199 г., отражается вліяніе ц.-славянскаго языка [1]).

Выше Сербіи по своему политическому и общественному развитію стояли въ X—XI-мъ вв. области хорватскія, особенно приморскія, сложившіяся при Держиславичахъ въ довольно сильное государство, которое входило сначала въ политическій союзъ съ Восточною имперіей, а позже — съ Угріей, Венеціей и наконецъ Австріей.

Изъ посланій папы Іоанна X-го къ сплѣтскому архіепископу Іоанну и подчиненнымъ ему епископамъ далматинскимъ (924 г.), а равно къ хорватскому королю Томиславу, и изъ опредѣленій Сплѣтскаго синода 925 г., направленныхъ, во 1-хъ, противъ „ученій Меѳодія, напрасно-де признаваемаго святымъ", во 2-хъ, противъ отправляемаго „in sclavinorum terra" богослуженія не на ла-

---

[1]) Грамота напр. 1199 года, начинается такъ: **Искони сътвори Богъ небо и землю и чловѣкы на неи, и благослови ю, и дасть имь власть на всѣи твари своеи.** Ср. Šafařik, Památky dřevního písemnictví jihoslovanů. Praha 1851 г., стр. 3 (приложеніе).

тинскомъ, а на чуждомъ языкѣ“ (in extranea lingua), именно на варварскомъ или славянскомъ (in barbara seu sclaviniса lingua), а наконецъ, въ 3-хъ, противъ рукоположенія на славянскомъ языкѣ священниковъ и совершенія ими службъ въ архіепископскомъ храмѣ, безъ особаго на то разрѣшенія папы [1]),—мы убѣждаемся, что въ началѣ X-го в. въ приморской Далмаціи народъ и низшее духовенство держались кирилло-меѳодіевскаго духа и богослуженія, несмотря на противодѣйствіе высшаго латинскаго клира. Въ епархіи же Нинской (Nona) и епископъ Григорій былъ тогда на сторонѣ ц.-славянскаго обряда, что вызвало его споръ съ архіепископомъ и созваніе Сплѣтскаго синода 925 г. [2]). Какъ безуспѣшна была въ X-мъ вѣкѣ борьба съ меѳодіевскими преданіями въ Далмаціи, видно изъ того, что еще во второй половинѣ XI-го в. понадобилось особое постановленіе Сплѣтскихъ же синодовъ 1059 и 1064 гг., возбранявшее рукополагать въ духовный санъ лицъ, не знавшихъ латыни, и совершать богослуженіе на ц.-славянскомъ языкѣ (in lingua sclavonica), вмѣсто латинскаго или — и это немаловажная уступка — греческаго. Постановленіе это обосновывали (по сообщенію Ѳомы Сплѣтскаго) тѣмъ, что „готскія (т. е. славянскія?) буквы выдуманы какимъ-то еретикомъ Меѳодіемъ, который начерталъ-де на этомъ языкѣ (sclavonica) много лжеученій, противорѣчащихъ правиламъ католической вѣры“. По утвержденіи этого синодальнаго опредѣленіи папою Александромъ II, всѣ славянскіе священники, по словамъ Ѳомы Сплѣтскаго, весьма опечалились, ибо всѣ ихъ храмы были закрыты и они принуждены были прекратить отправленіе обычныхъ службъ“ [3]).

Едва ли однако это послѣдовало такъ легко и скоро, какъ представлялъ себѣ двѣсти лѣтъ спустя Ѳома Сплѣтскій. Въ этомъ убѣждаетъ насъ и разсказъ его самого

---

[1]) Бильбасовъ, Кир. и Меѳ. I, 152—155.

[2]) Rački, Pismo slovjensko. Zahreb 1861 г., стр. 87 сл.

[3]) Бильбасовъ, Кир. и Меѳ. I, 156 сл.

о хорватскомъ лжеепископѣ Чеде́дѣ, который явился къ папѣ Александру II (1061—73 г.) съ двумя другими хорватскими попами — Вульфомъ и Потепою, съ просьбою о рукоположеніи для тѣхъ хорватскихъ церквей, которыя остались и послѣ второго Сплѣтскаго синода вѣрны ц.-славянскому богослуженію. Папа, раздраженный и направленіемъ, и внѣшнимъ видомъ Чеде́ды, собственноручно отрѣзалъ-де клокъ его бороды, что было объяснено Чедедѣ спутниками какъ постриженіе во епископа. Послѣ того Чеде́да сталъ освящать въ Хорватіи храмы, рукополагать священниковъ, словомъ — управлять епархіей, по обычаямъ славянской церкви, не обращая вниманія на папское отлученіе [1]). И въ посланіи того же Александра II къ діоклейскому епископу отъ 1062 г. упоминаются ввѣряемые его попеченіямъ монастыри латинскіе и греческіе или славянскіе [2]). Въ посланіи Иннокентія III къ задрскому капитулу въ 1198 г. также находимъ упоминаніе о сохраненіи хорватскими католиками „греческаго (греко-славянскаго?) обряда и языка“ и даже о вторженіи въ задрскую епархію архіепископа изъ варваровъ (т. е. славянъ), а не латынянъ, почему папа и велитъ избрать новаго [3]). Но все-таки латинизмъ постепенно отвоевывалъ почву отъ ц.-славянскаго языка и обряда въ Хорватіи, благодаря особенно западнической политикѣ даже лучшихъ хорватскихъ государей, напр. Томислава, Кресимира-Петра Великаго, Свинимира, дѣйствовавшихъ по внушеніямъ то франковъ, то Венеціи, то Рима.

Что же осталось отъ этой древнехорватской письменности на ц.-славянскомъ языкѣ, въ глагольскомъ облаче-

---

[1]) Assemani, Calendaria ecclesiae universae IV, 379—382.

[2]) Monasteria quoque tam Latinorum, quam Graecorum sive Slavorum cures, ut scias et haec omnia unam ecclesiam esse. Ср. Добровскій, Кириллъ и Меѳодій, М. 1825 г., стр. 85.

[3]) Cum in ecclesia vestra, quae sub obedientia sedis apostolicae perseverans, graecorum hactenus et ritum servaverit et linguam... non tam latinus, quam barbarus sit intrusus (archiepiscopus). Kukuljević, Cod. dipl. Croatiae II, 189.

ніи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ весьма затрудненъ отсутствіемъ точныхъ хронологическихъ и топографическихъ указаній въ древнѣйшихъ глагольскихъ рукописяхъ. Одна Коркская (о. Кр$_o$к или Veglia) надпись при храмѣ Св. Луціи подъ Башкою ок. 1100 г. имѣетъ точную локализацію [1]), но она писана скорѣе по-хорватски, чѣмъ по ц.-славянски. Что касается затѣмъ прочихъ древнихъ глагольскихъ памятниковъ, то ихъ родина можетъ подлежать еще спору. Такъ Glagolita Clozianus лишь по историческимъ наведеніямъ можетъ быть пріуроченъ къ Хорватіи, именно къ о. Корку, гдѣ онъ находился въ XV-мъ в. во владѣніи гр. Франгепана [2]). Маріинское четвероевангеліе найдено на Аѳонѣ и лишь по нѣкоторымъ звуковымъ особенностямъ присвояется хорватской области [3]), но могло возникнуть и гораздо южнѣе, напр. гдѣ нибудь по албанскому Дрину, въ смѣшанномъ сербско-болгарскомъ діалектическомъ поясѣ [4]). Съ бо́льшей вѣроятностью можно относить къ Хорватіи возникновеніе такихъ глагольскихъ миссаловъ, какъ сохранившійся въ Вѣнскихъ листкахъ XII-го в. [5]). Но какая это была Хорватія — южная, приморско-далматинская, или сѣверная, „паннонская" — это

---

[1]) Črnčić, Književnik II, 15 слл. Ср. Geitler, Albanesischen und Slavischen Schriften, стр. 183.

[2]) Kopitar, Glagolita Clozianus стр. V.

[3]) Ягичъ, Мар. четвероеванг., стр. 468; ср. Glagolitica стр. 5.

[4]) И оригиналъ Лѣтописи анонимнаго попа Дуклянскаго, написанный въ XII-мъ в., нѣкоторые относили къ глагольскимъ памятникамъ, на основаніи позднѣйшихъ наименованій этого оригинала: littera sclavonica, kniga hrvacka. Но подъ этими названіями могъ разумѣться въ южной Далмаціи и кирилловскій текстъ. Ср. Jagić, Istorija književnosti naroda hrvatskoga, Zagreb 1867 г. I, 116 сл.

[5]) Ср. Jagić, Glagolitica. Wien 1890 г. На южнодалматинское происхожденіе Вѣнскихъ глагольскихъ листковъ XII-го вѣка какъ будто указываетъ то обстоятельство, что въ нихъ господствуетъ ъ, а не ь, т. е. черта скорѣе древнеболгарской, чѣмъ древнехорватской редакціи. Ib. 37.

вопросъ, на который пока трудно дать положительный отвѣтъ. Что и въ послѣдней могли возникать въ X—XII-мъ вв. такіе памятники, какъ Glagolita Clozianus и однородные съ нимъ, это признается многими, особенно приверженцами паннонской теоріи, но не можетъ еще считаться доказаннымъ научнымъ тезисомъ.

Обнимая значительную часть разрушеннаго нѣмцами и уграми въ началѣ X-го в. Великоморавскаго государства, Угрія заключала въ себѣ съ тѣхъ поръ и паннонскую половину архіепископіи Меѳодія, слѣдовательно являлась естественной преемницей и хранительницей завѣщаннаго имъ ц.-славянскаго языка и письменности. Какъ ни мало разъяснена еще до настоящаго времени эта славянская струя древнеугорской жизни и образованности, все-же имѣются уже основанія утверждать, что произведенный уграми въ началѣ X-го вѣка разгромъ Великоморавіи не обратилъ долины средняго Дуная съ прилегающими подгорьями ни въ пустыню, ни въ кочевья полудикихъ степняковъ. Наоборотъ, изъ исторіи Угріи при Арпадовичахъ, изъ тѣсныхъ связей ихъ съ прочими славянскими княжескими родами, изъ уцѣлѣвшихъ отъ того времени законовъ и учрежденій, наконецъ изъ положительныхъ, хотя и отрывочныхъ свидѣтельствъ современныхъ грамотъ, хроникъ, житій, можно видѣть, что древняя Угрія была столь же органическимъ продолженіемъ Великоморавіи, какъ Чехія или Польша X—XI-го вв.

Самыя раннія извѣстія о кирилло-меѳодіевской проповѣди въ средѣ угровъ находимъ въ Паннонскихъ житіяхъ Кирилла (гл. VIII) и Меѳодія (гл. XVI), гдѣ разсказывается о встрѣчѣ перваго съ угорскими хищниками въ Крыму, а второго съ угорскимъ королемъ (воеводою?) на „дунайскихъ странахъ". Для X-го в. имѣются свидѣтельства византійцевъ о крещеніи угорскаго князя Болосуда (изъ Семиградья?) въ Цареградѣ при Константинѣ Багрянородномъ (въ 950 г.?), а нѣсколько позже — воеводы Точуна (или Дюлы?), который привезъ съ собою изъ Цареграда и монаха Іероѳея, рукоположеннаго патріархомъ въ угор-

скіе (остригомскіе?) епископы [1]). Епископу этому приписываютъ крещеніе Гейзы (Изяслава?) Точуновича, отца Стефана Святого. Послѣдній, какъ видно уже изъ греческаго имени, тоже былъ крещенъ и воспитанъ въ духѣ восточной церкви. Есть основаніе предполагать, что онъ въ душѣ пребылъ ей вѣренъ до смерти, несмотря на усилія латинниковъ и нѣмцевъ обратить и его, какъ выражается нашъ хронографъ, „на свою злочестивую вѣру“ [2]). Дѣйствительно, Стефанъ былъ преданъ греческому — или лучше грекославянскому—образованію и церкви, по крайней мѣрѣ въ первую половину своего царствованія. Онъ основалъ въ Веспримѣ греческій (грекославянскій?) женской [3]), а въ Іерусалимѣ—мужской, монастырь, и былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ какъ съ Василіемъ II македоняниномъ, такъ и съ нашимъ Владиміромъ Святымъ. Нѣкоторыя его грамоты (напр. Веспримскому Маріинскому монастырю) писаны по-гречески. Въ завѣщаніи сыну своему Емериху Стефанъ совѣтуетъ держаться преданій своей страны и управлять каждымъ народомъ по его

---

[1]) Ср. Szalay, Gesch. Ungarns I, 40; Dudik, Dějiny Moravy II, 14.

[2]) „И абіе единъ отъ князь ихъ (Пеонъ или Магеръ, т. е. паннонцевъ и мадьяръ), ему же имя Стефанъ, преставися въ благочестивой вѣрѣ Христовѣ, многая добра и богоугодная дѣла свершивъ, отъиде съ миромъ въ царство небесное. И уже многы молвы и пагубы оттолѣ насташа на грецкое царство, и не возмогоша скоро подтвердити языка сего пеонскаго на вѣру, понеже по языку своему книгъ не имѣху (?). Се же видѣвше латыни изнеможеніе греческое, пеони глаголемѣи угрѣ и прочии языкы ближня симъ, и оуны и нпиды, отъ Рима нашедше своими книгами и писаніи обратиша на свою злочестивую вѣру“. Этотъ разсказъ Эллинскаго лѣтописца XVI-го в. повторенъ и въ Эрмитажномъ хронографѣ 1660 г. См. Поповъ, Обзоръ хронографовъ I, 182 сл.

[3]) Это допускаетъ даже Fessler, Gesch. der Ungern I, 695 сл. Лишь въ 1109 году веспримскій греческій монастырь былъ-де реформованъ въ бенедиктинскій. Ibid. 696. Ср. еще стр. 398.

нравамъ и въ его духѣ, а не въ навязанномъ изчужа. О многочисленности христіанскихъ (главнымъ образомъ грекославянскихъ) церквей его времени свидѣтельствуетъ его намѣреніе, лишь отчасти выполненное, организовать въ Угріи 12 епископій. Во главѣ ихъ конечно стояла тогда Остригомская [1]). Она является какъ бы наслѣдницею Паннонской архіепископіи св. Меѳодія. Южнымъ ея противовѣсомъ была епархія Срѣмская, которая слилась потомъ съ Колочской епархіей, передавъ ей титулъ архіепископіи. Затѣмъ слѣдовали въ X—XI вв. Веспримская, Ягерская (Erlau), Рабская, Пятицерковская, Вацовская, Великоварадинская, Семиградская, Бачская, Чанадская и Загребская [2]). Это были остатки церковной организаціи Меѳодіевскаго вѣка, не разрушенной переворотами X-го в. [3]), а наоборотъ, еще укрѣпленной ими и медленно перерождавшейся изъ православной въ уніатскую, изъ послѣдней же въ латинскую въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ, вплоть до нашихъ дней. Съ организаціей же этой связано было употребленіе ц.-славянскаго языка въ богослуженіи, отчасти и въ письменности, что и на самомъ дѣлѣ видимъ въ Угріи не древняго лишь, но также средняго и даже новаго періода. Но чтобы видѣть это, необходимо войти въ духъ оффиціальной терминологіи тогдашней латинской церкви и латинской лѣтописи, которыя намѣренно избѣгаютъ упоминанія ц.-славянскаго языка и обряда, прикрывая послѣд-

---

[1]) Не она ли подразумѣвается въ каталогахъ греческихъ митрополитовъ Льва Мудраго и позднѣйшихъ, подъ наименованіемъ Στριόμα, слѣдующая за Срѣмомъ: Συρμίον ἤ νῦν Οὐγγρία καὶ Στριόμα. Migne, Patrol. gr. cursus completus, Paris 1863 г., т. CVII, 396.

[2]) Ср. Fessler, Gesch. d. Ungern I, 663. Ср. 657, 673, 671, 674, 675 сл. Слѣдуетъ однако замѣтить, что уже при св. Стефанѣ митрополичій храмъ въ Остригомѣ былъ посвященъ латинскому святому Адальберту. Это какъ будто указываетъ на уніатское направленіе канонизованнаго папою уже въ 1081 году Стефана. Ср. Fessler, G. d. U. I, 370; ср. 473.

[3]) Ср. Pilgrimus, De conversione Hungarorum ок. 971—991 г.: Et quondam... proprios VII antistites eadem orientalis Pannonia habuit... quorum etiam quatuor usque dum Ungari regnum Bavariorum invaserunt in Moravia manserunt. Ср. Dudik, D. M. I, 225, 222; II, 13—15.

ній маскою то паганства (pagani), то въ наилучшемъ случаѣ—грецизма [1]).

Не къ грекославянской ли напр. церкви принадлежали тѣ угорскіе pagani, которые изгнали въ 1046 г. латинствовавшаго короля Петра Нѣмца (Petrus Alemanus 1037—41), убили поставленныхъ имъ латинскихъ епископовъ и, вызвавъ изъ Руси Андрея I, возвели его въ свои короли, при участіи славянскихъ епископовъ? [2]) Этому Андрею приписываютъ учрежденіе „греческаго“ Св. Андреевскаго монастыря въ Вышеградѣ, а его женѣ, Анастасіи Ярославовнѣ (дочери Ярослава Мудраго), женскаго „греческаго“ монастыря въ Тормовѣ [3]). Тѣмъ же Андреемъ I-мъ былъ, кажется, учрежденъ монастырь Тихонскій, у Блатенскаго озера, перешедшій потомъ къ бенедиктинцамъ [4]). Подобная борьба грекославянизма (а не язычества) съ германолатинизмомъ повторилась затѣмъ при Соломонѣ (1063 — 74), Гейзѣ и еще нѣсколько разъ позже, въ XI-мъ, XII-мъ и даже XIII-мъ вѣкѣ, когда Бѣла IV стоялъ во главѣ „христіанъ“, а его сынъ Стефанъ V во главѣ „паганъ“, т. е. грекославянъ (1267 г.).

Что касается значенія термина: graecus, graeci въ тѣ вѣка по отношенію къ Угріи, то не отрицая возможности употребленія его въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ въ этнологическомъ значеніи, мы все-таки можемъ утверждать, что во многихъ грамотахъ и актахъ церковнаго характера терминъ этотъ имѣлъ вѣроисповѣдное значеніе, т. е. соотвѣтствовалъ нашему выраженію—грекославянскій обрядъ. Въ противномъ случаѣ, откуда набралось бы въ Угріи та-

---

[1]) Это прекрасно разъяснено А. И. Добрянскимъ во многихъ статьяхъ, особенно же въ рѣчи на Свято-Дмитріевскій праздникъ въ Вѣнѣ, прочитанной г. Живнымъ и напечатанной въ вѣнскомъ журналѣ: Parlamentär 14 нбр. 1886 г. Ср. о томъ Первольфа, Славяне III, 45, 93, 22.

[2]) Ср. Fessler, Gesch. d. Ungern I, 405, 422, 425.

[3]) Ibid. I, 696 сл.

[4]) Ibid. I, 685. Ср. объ этомъ монастырѣ замѣтку А. И. Добрянскаго въ газетѣ Slovensky Svet 25 мая 1889 г.

кое множество греческихъ чернцовъ, которые наполняли въ XI—XII-омъ вв. монастыри: Свято-мартинскій, на холмѣ Паннонскомъ, Веспримскій, Вышеградскій, Нитранскій, Тихонскій, Стольнобѣлградскій, Пятицерковскій, Свято-Дмитріевскій въ Срѣмѣ, Чанадскій, Арадскій и др.! [1]) Да и могли ли бы черноризцы чехо-моравскіе поддерживать столь живыя связи съ угорскими, какія видны изъ житія Ивана Пустынника [2]) и Сазавской хроники [3]), если бы въ тогдашней Угріи черноризцы были не славяне или не грекославяне, а греки? Наконецъ, изъ житія печерскаго подвижника Моисея Угрина († 1041) мы доподлинно знаемъ, что монахи угорскіе, польскіе и русскіе того времени находились въ близкихъ сношеніяхъ, какъ единовѣрцы и соплеменники. Лишь позже, съ XII-го и въ слѣдующіе вѣка, когда въ Угріи черные монахи постепенно переименованы были въ

---

[1]) Кое что говорится объ этихъ монастыряхъ и у Fessler, Gesch. d. Ung. I, 367 сл., 684 сл.

[2]) Qui fuit consanguineus S. Stephani (не Арпада ли?). Fontes Rer. Boh. I, 112.

[3]) Монахи сазавскіе по изгнаніи въ 1055 г. изъ Чехіи нашли пріютъ въ Угріи, откуда шесть лѣтъ спустя вызвалъ ихъ обратно король Вратиславъ: Vitus itaque abbas assumptis fratribus suis, ...peregre profectus est in terram Hunnorum... Wratislaus missis legatis ad regem Hunnorum de exilio Vitum abbatem et fratres ejus cum honore reduxit. Fontes rer. Boh. I, 366. Что касается Вышеграда, въ которомъ — по житію св. Прокопія — tunc famosum studium sclavonicae linguae vigebat (ib. 361) и гдѣ учился этотъ святой, то не рѣшаемся утверждать, что это былъ Вышеградъ угорскій, ибо „греческій“ монастырь въ немъ былъ основанъ Андреемъ I, во второй половинѣ XI-го в., тогда какъ Вышеградскій монастырь при Прагѣ восходитъ къ болѣе глубокой древности и легко могъ имѣть при себѣ famosum studium linguae slavonicae въ началѣ XI-го вѣка. Къ тому же въ житіи св Прокопа при словахъ: in castro Wissegradiensi мы не находимъ прибавки: in Hungaria или in terra Hunnorum, какъ ниже объ изгнаніи Вита съ братьей (ib. 361; ср. 366). Отмѣтимъ, что изъ Чехіи происходили угорскіе епископы: колочскій Astricus, ягерскій Bonifacius, загребскій Духъ. Fessler, Geschichte d. Ung. I, 665, 672, 489.

бенедиктинцевъ, а послѣдніе въ цистерсіанцевъ, премонстратовъ и др., они все болѣе и болѣе удалялись отъ восточныхъ первообразовъ иночества и постепенно превращались въ ордена латинскіе.

Что и въ концѣ XII в. процессъ этотъ далеко еще не завершился, это мы видимъ изъ болгарскаго житія св. Іоанна Рыльскаго. Тутъ разсказывается, какъ угры во время войны съ болгарами, полонивъ въ Срѣдцѣ мощи этого южнославянскаго святого, увезли ихъ въ свой престольный Остригомъ (Гранъ) и положили въ церкви св. Адальберта, гдѣ онѣ пролежали лѣтъ пять [1]). Изъ наименованія церкви видимъ, что въ Остригомѣ жили тогда и неправославные; но изъ благоговѣнія къ мощамъ Іоанна Рыльскаго усматриваемъ, что они не были и паписты, а всего скорѣе—по нашей нынѣшней терминологіи—уніаты.

То же явствуетъ изъ древнеугорскихъ законовъ, особенно церковныхъ, развивавшихся на основѣ грекославянской Кормчей, напр. въ законахъ св. Владислава (1077—95), Коломана (1095—1115), Стефана II († 1131), Бѣлы II († 1133). Въ уставѣ св. Владислава прямо назначенъ потокъ и разграбленіе для тѣхъ латинниковъ, которые не захотятъ подчиняться опредѣленіямъ господствующей (т. е. грекославянской?) церкви. Лишь съ конца XII-го в., съ Бѣлы III, начинается болѣе замѣтный поворотъ къ Западу, сначала въ формѣ уніи, а позже и къ чистому латинству. Но начало этого западническаго направленія въ Угріи восходитъ ко временамъ св Стефана и довольно ясно выразилось въ половинѣ XI-го в., въ дѣятельности напр. чанадскаго епископа Герарда [2]).

Судя по обилію въ угро-латинскомъ дѣловомъ стилѣ древняго и средняго періодовъ славянскихъ словъ, въ родѣ: жупанъ, надворникъ, приставъ, воевода, правда, ду-

---

[1]) Ср. Голубинскаго, Исторія православныхъ церквей, стр. 661; Сырку, въ Сборникѣ имени В. И. Ламанскаго 1883 г., стр. 356.

[2]) Fessler, Gesch. d. Ung. I, 677 сл.

шеникъ, узбѣгъ [1]) и т. п., можно догадываться, что образованный славянскій языкъ, т. е. ц. славянскій, имѣлъ встарь и государственное значеніе въ Угріи.

Слѣды широкаго употребленія ц. славянскаго языка въ древней Угріи сохранились и въ живомъ мадьярскомъ лексиконѣ, напр. въ словахъ: barát (монахъ), kereszt (крестъ), szereda, szerda (срѣда), csötörtök (четврътъкъ), péntek (пѧтъкъ), szent (свѧтъ), pokol (пьклo), hála (хвала), vecsernye (вечерьнѧ [2]) и т. п. То же отражается на многихъ мѣстныхъ названіяхъ, напр. Пештъ (пешть), Серенчъ (сърѧшта), Мункачъ (мѫка), Сомборъ (сѫборъ) и т. п.

Этнологическое и культурное единство древней Угріи со славянами хорошо подмѣчено и хронистомъ Гельмольдомъ, который прямо говоритъ, что Угрія не отличается отъ Славоніи ни по нравамъ, ни по языку [3]). Конечно, это не была страна чисто славянская, съ однороднымъ населеніемъ. Иначе св. Стефанъ не внушалъ бы своему сыну Емериху помнить, что царство, объединенное (м. б. насильственно?) по языку и по нравамъ, бываетъ обыкновенно слабо и хрупко [4]). Но славяне настолько преобладали въ древней Угріи надъ прочими народами — мадьярами, половцами, румынами, нѣмцами, что опредѣляли ея племенной типъ и историческую роль. Угрія была такимъ образомъ какъ бы продолженіемъ славянской Великоморавіи. Въ сознаніи этого св. Стефанъ завѣщалъ сыну „подражать обычаямъ предшествовавшихъ царей, ибо нелѣподе греку управлять латинянами по греческимъ обычаямъ и наоборотъ — латинянину греками по латинскимъ [5]).

---

[1]) Ср. Fessler, Gesch. d. Ung. I, 563, 564, 583, 590.

[2]) Miklosich, Die Slavischen Elemente im Magyarischen, Wien 1871 г., стр. 11 сл. Ср. Asboth, въ Arch. IX, 696.

[3]) Quod si adjaceris Ungariam ad partem Slavoniae, quia nec habitu, nec lingua discrepat.

[4]) Unius linguae uniusque moris regnum imbecille et fragile est. Слова эти слѣдовало бы почаще приводить себѣ на память нынѣшнимъ мадьяризаторамъ Угріи.

[5]) Grave enim tibi est hujus climatis tenere regnum, nisi

Но если все это вѣрно, то естественно ожидать сохраненія ц. славянскихъ памятниковъ угорскаго происхожденія отъ XI — XII-го вв. Нельзя сомнѣваться, что они были, а можетъ быть и есть, но точное выдѣленіе ихъ изъ среды прочихъ изводовъ затруднительно. Угрія тогда, какъ и теперь, не представляла племенного единства, а служила географическимъ и политическимъ терминомъ, распространявшимся и на мадьяръ, и на половцевъ, угроруссовъ, словаковъ, угрословинцевъ, угрохорватовъ, угросербовъ, угроболгаръ, угрорумынъ и т. п. Политическія и культурныя средоточія большей части этихъ народностей, особенно славянскихъ, находились и тогда внѣ Угріи. А такъ какъ этими средоточіями опредѣлялись формы литературнаго стиля той или другой народности, то мы не должны удивляться, если угроруссы слѣдовали русскому изводу ц. славянскаго языка, словаки чехоморавскому, угрословенцы словинскому, угрохорваты хорватскому и т. д. Никто значитъ не примѣнялся къ редакціи собственно угорской, которой вѣроятно и не было въ наличности.

Но, въ такомъ случаѣ, что же представляетъ „паннонскій" изводъ Миклошича и „паннono-моравскій" Ягича? Имѣетъ ли онъ какое нибудь отношеніе къ Панноніи XI—XII-го в., т. е. къ западной задунайской Угріи, или не имѣетъ?

Опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ труденъ. Такіе кодексы, какъ Зографское, Ватиканское и Маріинское евангелія, Glagolita Clozianus, Синайскіе Псалтырь и Требникъ и другіе древнѣйшіе памятники глагольскаго письма возникли всего скорѣе въ побережьяхъ Адріатики, гдѣ вообще въ тотъ періодъ времени господствовала глаголица [1]).

---

imitator consuetudinis ante regnatium exstiteris regum. Quis graecus regeret latinos graecis moribus, aut quis latinus graecos latinis regeret moribus?

[1]) Относительно синайскаго Требника таково, кажется, мнѣніе и г. Ягича: Archiv VII, 127. Въ Glagolitica же (Wien

Что касается „паннонскихъ“ же памятниковъ кирилловскаго письма, въ родѣ Саввиной книги, Супрасльской рукописи, поученій Кирилла Іерусалимскаго и н. др. [1]), то они могли пожалуй возникнуть и въ Угріи, но документальныхъ тому доказательствъ не имѣется. Въ видѣ вопроса можно выставить догадку: не принадлежалъ ли къ древнеугорскимъ кодексамъ кирилловскій текстъ Реймскаго евангелія, относимый теперь къ XI—XII-му вв. и заключающій, наряду съ руссизмами, нѣкоторыя особенности болгарскаго и сербскаго изводовъ [2])? Къ этой же редакціи, но болѣе поздняго времени, принадлежитъ и ц. славянская надпись на такъ называемомъ „Кошелькѣ короля Стефана“, хранящемся въ Вѣнскомъ Капуцинскомъ монастырѣ и относимомъ проф. Помяловскимъ, по признакамъ археологическимъ, къ XIII—XIV-му в. [3]). Сохраненіе ея въ числѣ святынь угорской древности доказываетъ, что еще въ XIII-мъ — XIV-мъ вв. въ Угріи живо было воспоминаніе о роли ц.-славянскаго языка при королѣ Стефанѣ и его современникахъ, почему кошелекъ его и не представлялся тогда иначе, какъ снабженный ц.-славянскою надписью.

Изъ Фрейзингенскихъ статей, представляющихъ въ латинской транскрипціи конца X-го в. славянскій текстъ

1890 г., стр. 1 сл.) проф. Ягичъ раздѣляетъ теперь всѣ глагольскіе памятники на два класса: а) pannonisch-macedonische и б) kroatische. Мостъ между ними онъ видитъ въ Кіевскихъ и Вѣнскихъ глагольскихъ отрывкахъ, изъ коихъ первые онъ считаетъ transdanubisch (отъ Вѣны), вторые же—cisdanubisch.

[1]) Miklosich, Altslovenische Formenlehre, стр. XIV сл. И проф. Ягичъ заподазриваетъ паннонизмъ Супрасл. рукоп., находя въ ней много чертъ русской редакціи ц.-славянскихъ памятниковъ. Archiv X, 180.

[2]) Ср. Соболевскій, въ Рус. Фил. Вѣстникѣ 1885 г., N 3, стр. 145 сл.

[3]) Archiv für Slavische Philologie XI, 313. По мнѣнію проф. Помяловскаго, это не кошелекъ, а сулокъ архіерейскаго посоха.

Поученія на память ап. Марка и двѣ формулы исповѣди, переведенныя, кажется, съ нѣмецкаго [1]), мы убѣждаемся, что ц.-славянскій языкъ проникалъ и въ области словенцевъ. Правда, онъ сложилъ съ себя въ этомъ памятникѣ прежнее кирилловское или быть можетъ глагольское [2]) облаченіе и явился опять въ томъ жалкомъ видѣ, „безъ оустроюнии", въ какомъ находился, по Храбру, до „сложенія письменъ" Константиномъ Философомъ. Въ латинской транскрипціи памятникъ этотъ отзывается и латино-нѣмецкимъ вліяніемъ, особенно въ текстахъ исповѣди [3]). Но все-таки онъ указываетъ на знакомство съ ц. славянскимъ языкомъ, а отчасти и литературою (поученій) высшихъ іерарховъ словинскихъ, если вѣрна догадка Копитара о составленіи отрывковъ фрейзингенскимъ епископомъ Авраамомъ (957—994 гг.). А врядъ-ли сталъ бы епископъ писать для своей паствы поученія и церковныя формулы на языкѣ, который мало ей знакомъ. Если же ц.-славянскій языкъ былъ знакомъ въ концѣ XI-го в. въ глуши хорутанскихъ и тирольскихъ Альпъ, близъ границъ Баваріи, куда только и могла распространяться юрисдикція епископа Фрейзингенскаго [4]), то тѣмъ болѣе должны мы предполагать это относительно областей восточно-словинскихъ, особенно Крайны и Штиріи, изъ коихъ первая непосредственно примыкала къ Истріи и Хорватіи, вторая же — къ западной Угріи, гдѣ, какъ мы видѣли, ц.-славянскій языкъ долго держался въ церкви, отчасти же и въ свѣтской письменности. Изъ странствованій Клоціевой глагольской рукописи, принадлежавшей нѣкогда хорватскому властелю Ивану Франгепану, а потомъ перешедшей въ собственность тирольскаго гр. Клоца [5]), мы убѣждаемся, что и въ XV-мъ — XVI-мъ въ областяхъ словинскихъ

---

[1]) Ср. Востоковъ, Фил. наблюд., Приложеніе, стр. 3 сл.
[2]) Jagić, Historija knjiž. I, 51.
[3]) Востоковъ, Фил. набл. 82 сл.
[4]) Kopitar, Glagolita Clozianus, стр. XXXIV.
[5]) Ibid. стр. V.

попадались и находили цѣнителей ц.-славянскія рукописи хорватскаго происхожденія. Тѣмъ болѣе должны мы это предполагать въ вѣка болѣе близкіе ко временамъ Коцела и Меѳодія. Не этимъ ли объясняется и традиціонное благоговѣніе къ глаголицѣ словинскихъ ученыхъ XVI-го [1]) и послѣдующихъ вѣковъ, вплоть до Копитара и Миклошича? Пусть глаголица не точно и не полно отражаетъ завѣты нашихъ Первоучителей: все же она зародилась на почвѣ ими вспаханной, ими засѣянной, хотя и съ примѣсями чужихъ „терній и волчцовъ".

Подвигаясь далѣе отъ Угріи къ сѣверу, въ области чехоморавскія, серболужицкія, ляшскія, мы и тамъ встрѣтимъ не мало слѣдовъ распространенія ц.-славянскаго языка и письменности въ древній помеѳодіевскій періодъ. Исходной точкой служила тутъ конечно Моравія со Словачиной, бывшія средоточіемъ дѣятельности Первоучителей въ Великоморавскомъ государствѣ и въ соотвѣтствовавшей его границамъ моравско-паннонской архіепископіи. Какъ ни жестоко было преслѣдованіе меѳодіевцевъ вихингистами вслѣдъ за смертью Святителя въ 885 г., все-таки мы не можемъ предполагать поголовнаго изгнанія первыхъ послѣдними. Наоборотъ, изъ житія св. Климента можно скорѣе вывести, что заключенію въ темницу, а затѣмъ „изгнанію изъ города" подверглись не всѣ двѣсти „пресвитеровъ, діаконовъ и иподіаконовъ", осиротѣвшихъ по смерти Учителя, а лишь самые выдающіеся въ ихъ средѣ дѣятели: Гораздъ, Климентъ, Лаврентій, Наумъ, Ангеларій, Сава. Да и изъ этихъ „вождей сонма", τοῦ χοροῦ κορυφαῖοι [2]), не всѣ направились тогда къ Истру и ушли на Бѣлградъ въ страны прибалканскія, а лишь тѣ, которые „тосковали по Болгаріи и мечтали о ней [3]), т. е. уроженцы областей болгарскихъ, какъ Климентъ, Наумъ, Ангеларій. Прочіе

---

[1]) Ср. Kleinmayr J., Zgodovina Slovenskega slovstva, стр. 27.

[2]) Бильбасовъ, Кир. и Меѳ. II, 277.

[3]) Βουλγαρίαν ἐπόθουν, Βουλγαρίαν περιενόουν. Ib. II, 289.

могли отправиться и въ другія страны, напр. Чехію, Польшу, Русь, которыя были и ближе, и родственнѣе ученикамъ Меѳодія изъ моравянъ, напр. Горазду [1]), чѣмъ страны и народности югославянскія. Но большинство учениковъ Меѳодія осталось въ Моравіи и, послѣ нѣкотораго перерыва подъ управленіемъ Вихинга, вновь начало отправлять ц.-славянское богослуженіе, такъ что направленное противъ него посланіе Стефана VI (885 — 886) къ Святополку [2]) не долго оставалось въ силѣ. Въ 899 г. самъ папа Іоаннъ IX чрезъ своихъ легатовъ возстановилъ, по желанію князя Моймира, моравскую архіепископію, съ тремя подчиненными ей епископіями, не внимая жалобамъ и угрозамъ епископовъ нѣмецкихъ [3]), считавшихъ Моравію частью Пасовской, а Паннонію—Зальцбургской епархіи. И мадьярскій погромъ не могъ заглушить въ Моравіи молитвъ и пѣсенъ на ц.-славянскомъ языкѣ, тѣмъ болѣе, что угры, принявшіе въ себя уже много стихій славянскихъ во время пребыванія въ странахъ понто-азовскихъ, а затѣмъ дунайскихъ [4]), въ X-мъ — XI-мъ вв. вовсе не были врагами церкви славянской, а скорѣе ея поборниками противъ нѣмцевъ. Но все-таки послѣ паденія государства Моймировичей Моравія сходитъ на второй планъ въ отношеніи политическомъ и церковномъ. Велеградъ уступаетъ свою первенствующую роль на славянскомъ западѣ чешской Прагѣ, которая съ 973 г. является и формально его наслѣдницею въ церковномъ отношеніи. Она становится престольнымъ городомъ обширной епископіи, обнимавшей всю сѣверную часть Святополковой Великоморавіи — отъ Чешскаго лѣса на западѣ до верховьевъ запад-

---

[1]) ...Γοράσδον... ἐκ Μοράβου γενόμενον. Ib. II, 287.

[2]) Бильбасовъ, Кир. и Меѳ. I, 142.

[3]) Ibid. I, 143 сл., 149 сл. Мѣстонахожденіе четырехъ моравскихъ епископій 899 г. не извѣстно въ точности. Позднѣйшія преданія указывали на 1) Speculum Juliense или Soliguturum, 2) Faviana, 3) Nitra, 4) Vetvar. Ср. Dudik, Dějiny Moravy II, 12.

[4]) По Панн. житію Меѳодія, гл. XVI.

наго Буга и Стыря на востокѣ, а отъ сербо-лужицкихъ боровъ на сѣверѣ до словенскаго Поважья и лѣсовъ Моуранскихъ (Mailberg въ нижней Австріи) на югѣ [1]). Положимъ, учрежденная въ этомъ году съ согласія императора Оттона I и регенсбургскаго епископа пражская епископія была латинская, а не славянская, что положительно оговорено папою Іоанномъ XIII въ сохраненномъ Косьмою посланіи къ Болеславу I [2]). Но уже самая эта оговорка показываетъ, что и въ 973 г. была въ Чехіи церковь славянская, державшаяся тѣхъ же обрядовъ, какіе господствовали въ Болгаріи и Руси (подкарпатской?), съ богослуженіемъ ц.-славянскимъ (slavonica lingua), бороться съ которымъ и предстояло теперь латинонѣмецкому епископу въ Прагѣ, при помощи — къ сожалѣнію — многихъ мѣстныхъ князей и королей!

Что „болгарско-славянская" или „русско-славянская секта" не была въ Чехіи 973 г. чѣмъ либо новымъ и оторваннымъ отъ меѳодіевскихъ насажденій въ Моравіи IX-го вѣка, это доказываютъ ц.-славянскія житія и службы св. Людмилѣ и князю Вячеславу, въ одной изъ коихъ читаемъ: „и вда и (т. е. Вячеслава) баба своя Людмила научити книгамъ словеньскимъ, по слѣду попову, и навыче разумъ

---

[1]) Bielowski A., Monumenta Pol. Hist. I, 147. Ср. Регель, въ Сборн. имени В. И. Ламанскаго, 329 сл.

[2]) ...Non secundum ritus aut sectam Bulgariae gentis vel Ruziae (Russiae), aut Slavonicae linguae, sed magis sequens instituta et decreta apostolica... Fontes Rer. Bohem. II, 36. Грамота эта считается теперь многими подложною (напр. Krch, List papeže Jana XIII въ Beseda učitelská 1884 г., 215 сл.), но по основаніямъ не особенно убѣдительнымъ. Можно согласиться лишь съ тѣмъ, что Косьма нѣсколько свободно перифразовалъ ее; но духъ учредителей Пражской епископіи, особенно Оттона I и его прелатовъ, отражается въ этой грамотѣ съ замѣчательной откровенностью и мѣткостью. Вообще же критическіе очерки Корха (Krch) по чешской исторіи X—XI-го в. заслуживаетъ полнаго вниманія и напрасно г. Колоусекъ причисляетъ ихъ къ „псевдоисторической школѣ" (Č. Č. M. 1882—83 гг.).

добрѣ" [1]). Сдѣлавшись княземъ, Вячеславъ читалъ не латинскія лишь, но и „греческія книги или словеньскія", и притомъ „прочиташе ивнѣ безъ блазна" (внятно безъ запинки). Если случалось, что „который попинъ проданъ", Вячеславъ выкупалъ его; по всѣмъ городамъ онъ „устроилъ церкви". Не можетъ быть сомнѣнія, что это были церкви славянскія и что та роковая „заутреняя" [2]), идя на которую князь убитъ сообщниками своего брата — Болеслава, была ц.-славянская. Въ противномъ случаѣ этотъ князь и его бабушка Людмила, конечно, не попали бы въ число святыхъ восточной церкви, о чемъ свидѣтельствуютъ два Житія его, встрѣчающіяся въ нашихъ Прологахъ и Четь-Минеяхъ, и упоминаемыя уже въ XII-мъ в. въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ [3]).

Какова была организація этой чешско-славянской церкви X-го в., доподлинно неизвѣстно. Несомнѣнно однако, что она имѣла не только своихъ поповъ, но и епископовъ. Одинъ изъ нихъ присутствовалъ, по Житію, на постригахъ кн. Вячеслава [4]). Лишь съ 973 г. въ силу соглашенія Болеслава II чешскаго и Мечислава I польскаго съ императоромъ Оттономъ I въ Кведлинбургѣ, приняты мѣры для разрушенія этой старой организаціи, къ чему въ частности призваны были пражскіе епископы, — сначала Дитмаръ, а затѣмъ Войтѣхъ. Объ этомъ послѣднемъ мы читаемъ въ одномъ — правда позднѣйшемъ — житіи Кирилла Философа: „Потомъ же, многомъ лѣтомъ минувшимъ, пришедъ Войтѣхъ въ Мораву и въ Чехы и въ Ляхы, раздруши вѣру правую, и русскую грамоту отврьже, а латинскую

---

[1]) F. R. B. I, 128.

[2]) F. R. B. I, 131.

[3]) Востоковъ, Фил. наблюд. Приложеніе, стр. 107. Ср. F. R. B. I, стр. XII сл.

[4]) Призва Воротиславъ князь епископа етера со всѣмъ клиросомъ... и постригоша князи ини. Востоковъ, Филолог. набл. 92. Ср. F. R. B. 127 (призвавъ Вратиславъ... епископы и весь причетъ церковный). Ср. Kroh, Kritické úvahy o dějinách našich. III. Praha 1883 г., стр. 9.

вѣру и грамоту постави, и правыя вѣры епископы и попы иссѣче, а другыя разгна, и иде въ прусскую землю хотя и тѣхъ въ вѣру привести, и тамо убьенъ бысть Войтѣхъ, латыньскый пискупъ". Тутъ вѣрно изображенъ характеръ дѣятельности Войтѣха, этого Бонифація въ миньятюрѣ, перваго и усерднѣйшаго питомца магдебургской антиславянской школы. Но славянское преданіе преувеличиваетъ размѣры и послѣдствія его западническихъ подвиговъ. „Пискупъ" натолкнулся въ Чехіи на такое сопротивленіе со стороны приверженцевъ грекославянской церкви, что не могъ побороть его. Вслѣдствіе того и принужденъ онъ былъ блуждать по свѣту, внѣ границъ собственной епархіи, пока его не постигла судьба Бонифація, только не у саксовъ, а у пруссовъ [1]).

Отъ XI-го в. дошло до насъ нѣсколько указаній на существованіе въ Чехіи ц.-славянскаго языка и богослуженія, особенно въ житіяхъ (латинскомъ и чешскомъ) св. Прокопа и въ хроникѣ Сазавской обители. О первомъ извѣстно, что онъ былъ пустынножитель чешскаго происхожденія, въ совершенствѣ владѣвшій ц.-славянскимъ кирилловскимъ письмомъ (и языкомъ? [2]), которому обучился, по словамъ позднѣйшаго латинскаго Житія, въ замкѣ Вышеградскомъ (подъ Прагой?), гдѣ тогда процвѣтало-де изученіе этого языка и письменности [3]). Основанный имъ монастырь былъ главнымъ, если и не единственнымъ средоточіемъ ц.-славянскаго богослуженія въ Чехіи отъ 1032 по 1097 г., съ малымъ перерывомъ отъ 1055 по 1061 г., когда са-

---

[1]) Ср. мою статью: Очерки изъ церковной исторіи западныхъ славянъ. Варшава 1880 г.

[2]) Sclavonicis litteris, a sanctissimo Quirillo episcopo quondam inventis et statutis, canonice admodum imbutus. F. R. B. I.

[3]) Videntes autem hujus preclari genitores pueri tantam graciam Dei in eo rutilare, commendaverunt eum in castro Wissegradensi magistro liberalium litterarum studiis, ut eorum informatione celestibus instrueretur disciplinis, ubi tunc famosum studium sclavonicae linguae vigebat. F. R. Boh. I, 361.

завскіе монахи, съ игуменомъ Витомъ во главѣ, изгнанные въ 1055 г. Спытигнѣвомъ въ Угрію, были возвращены оттуда въ 1061 г. королемъ Вратиславомъ [1]). Послѣдній, по желанію чешскаго сейма и народа, ходатайствовалъ въ 1079 г. передъ папою о разрѣшеніи для всей Чехіи ц.-славянскаго богослуженія, но Григорій VII въ посланіи 2 января 1080 г. наотрѣзъ ему въ томъ отказалъ, называя „наивныя желанія народа" на этотъ счетъ „суетной дерзостью" [2]). Но еще лѣтъ 16 продержалось ц.-славянское богослуженіе въ Сазавѣ, пока въ 1096 г. тамошніе монахи не были изгнаны королемъ Бретиславомъ и замѣнены латинниками, вѣроятно изъ братіи „реформованнаго" Войтѣхомъ Бревновскаго монастыря. Вмѣстѣ съ разогнанными черными монахами разсѣялись и собранныя въ этой обители книги, и никогда уже не оглашали ея сводовъ своими священными звуками [3]). Но духъ св. Прокопа еще долго жилъ здѣсь, какъ видимъ изъ Сазавской

---

[1]) F. R. B. I, 366.

[2]) Erben, Regesta Bohemiae I, 71. Ср. мои Очерки 31 сл.; Krch, Kritické úvahy III, 8.

[3]) ...Libri linguae eorum deleti omnino et disperditi, nequaquam ulterius in eodem loco recitabuntur. Сазавская хроника, Script. rer. Boh. I, 102. Впрочемъ нѣсколько ниже мы читаемъ въ той же Сазавской хроникѣ: ...Abbas Diethardus libros, quos non invenit loco sibi commisso, praeter sclavonicos (значитъ таковыя оставались въ Сазавѣ!), ipsemet nocte et die immenso labore conscripsit. Ibid. стр. 204. Ср. Ганка, Сазавоеммаусское благовѣствованіе. Прага 1846 г., стр. V. По догадкѣ А. И. Патеры, однимъ изъ сазавскихъ „черныхъ монаховъ", но уже по изгнаніи ихъ, въ XII-мъ в., вписаны ц.-славянскія глоссы въ латинскую рукопись: Libri IV Dialogorum S. Gregorii papae, находящуюся въ Пражской капит. библіотекѣ (Č. Č. M 1878). Гебауеръ (въ Arch. f. Sl. Ph. VI, 279 сл.) старается доказать, что глоссы эти принадлежатъ древнечешскому, а не церковнославянскому языку, но это весьма сомнительно для такихъ словъ, какъ: изволи maluit, часто (censto) sedule, похотѣнему concupitae, того рад ad hoc, медлящего commorantem, изповѣдаше fatebatur и т. п.

хроники (ок. 1162 г.), проникнутой славянскимъ направленіемъ, изъ Житія св. Прокопа (XIII-го в.) и изъ разсказовъ продолжателей Косьмы Пражскаго о неправовѣрномъ (т. е. не латинскомъ) направленіи игуменовъ этого монастыря — Сильвестра († 1160 г.) и Рейнгарда (около 1172 г.). Лишь по передачѣ Сазавскаго монастыря иноземнымъ августиніанамъ затерты тутъ слѣды игуменовъ Прокопія, Вита, Божетѣха.

Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что Сазавская обитель была единственнымъ греко-славянскимъ монастыремъ въ Чехо-Моравіи. Наоборотъ, все заставляетъ думать, что она занимала лишь первое мѣсто между ними, какъ Печерская у насъ, или Студеницкая въ Сербіи. Въ противномъ случаѣ не могъ бы Вратиславъ въ 1080 г. ссылаться въ ходатайствѣ передъ Григоріемъ VII о разрѣшеніи славянскаго богослуженія на желанія народныя (quod a vestris impudenter exposcitur), а папа не внушалъ бы ему противостоять этой суетной дерзости (vanae temeritati). Если же лѣтопись молчитъ о грекославянскихъ церквахъ и монастыряхъ Чехіи и Моравіи XI—XII-го в., то лишь потому, что это была лѣтопись латинская!

Отъ XII-го в. имѣются и нѣкоторыя другія указанія на сохраненіе въ чешскоморавскомъ народѣ кирилло-меѳодіевскихъ преданій. Въ лѣтописяхъ того времени мы нерѣдко встрѣчаемъ извѣстія о живыхъ связяхъ Премысловичей съ Рюриковичами, Арпадовичами, Комненами. Король Владиславъ II заключилъ даже союзъ съ императоромъ Мануиломъ Комненомъ (1148 г.) и породнился какъ съ нимъ, такъ и съ русскимъ княземъ Изяславомъ Мстиславичемъ. Его же бояринъ — моравянинъ Богута предпочелъ остаться въ Цареградѣ, поступилъ тамъ на службу и лѣтъ 17 спустя, въ 1164 г., прибылъ въ Чехію уже въ качествѣ императорскаго посла. Въ Чехіи и Моравіи дѣла приняли тогда столь неблагопріятный для папы оборотъ, что онъ принужденъ былъ высылать особыхъ легатовъ (напр. Гвидона) для упорядоченія ихъ въ латинскомъ духѣ.

Еще хуже стояли тогда латинскія дѣла въ Моравѣ, какъ доказываютъ неоднократные папскіе интердикты, особенно въ періодъ латинизаторской дѣятельности оломуцкаго епископа Здика.

Очевидно, оффиціальный латинизмъ прикрывалъ тогда чешскоморавскую народную почву лишь тонкимъ слоемъ, подъ которымъ тлѣлъ пепелъ кирилло-меѳодіевскихъ преданій и завѣтовъ, еще разъ вспылавшій яркимъ пламенемъ въ вѣкъ гуситства [1]).

Что же осталось отъ этого періода ц.-славянской письменности чехословенскаго извода? Очень мало,—собственно двѣ только рукописи, писанныя глаголицей въ X-мъ или XI-омъ вв. и извѣстныя подъ названіемъ Пражскихъ и Кіевскихъ глагольскихъ отрывковъ, по мѣсту своего нахожденія. Обѣ рукописи — литургическаго характера: въ пражской — свѣтильны и служба страстей, согласные съ греческими оригиналами, въ Кіевской—часть миссала, переведеннаго съ латинскаго языка. Языкъ — ц.-славянскій, съ тѣми особенностями, которыя встрѣчаются въ прочихъ глагольскихъ рукописяхъ древнѣйшаго типа. Но на этомъ основномъ фонѣ мелькаютъ нѣкоторыя чехословенскія черты, указанныя уже выше, въ родѣ: модлитва, свѣтидлъна, хвалацимъ, обидацъ, розъство, оутьвръзение и т. п. [2]). Тѣ же черты встрѣчаются и въ Кіевскихъ отрывкахъ: обѣцѣниѣ, просаце, подазь, такозе, тоузимъ. Но есть въ нихъ и одно важное отличіе отъ пражскихъ — строгая выдержанность юсовъ [3]). Она могла возникнуть лишь въ средѣ ринестовъ—южныхъ (македонскихъ?) или сѣверныхъ (ляш-

---

[1]) Ср. Kalaš J., Jaká jest dějinná půda hnutí husitského. Praha 1887.

[2]) Šafařík und Höfler, Glagolitische Fragmente 31 сл. Таковъ же языкъ вышеупомянутыхъ ц.-славянскихъ глоссъ XII-го въ латинской рукописи Libri IV dialogorum S. Gregorii papae, въ Пражской капит. библ. N A. CLXXIII, по изд. Патеры въ Č. Č. M. 1878 г.

[3]) Срезневскій, Свѣд. и замѣтки 544. Ср. Ягичъ, Glagolitica 1890 г., стр. 44 сл.

скихъ). Не разрѣшается ли эта загадка предположеніемъ, что Кіевскіе отрывки написаны въ одной изъ областей пріадріатическихъ, какимъ нибудь словакомъ или чехомъ, жившимъ въ средѣ братіи югославянскаго происхожденія? Да и пражскіе отрывки скорѣе возникли въ той же пріадріатической полосѣ, чѣмъ на Словачинѣ, въ Моравіи или Чехіи, ибо глагольская письменность, насколько извѣстно, была локализована тогда въ краяхъ пріадріатическихъ и врядъ ли проникала въ X-мъ — XI-мъ вв. въ страны дунайскія [1]). Попытка пересадить ее въ Чехію была сдѣлана лишь въ XIV-мъ в. Карломъ IV, но, какъ извѣстно, весьма неудачно. На кирилловскій, а не глагольскій характеръ чехословенскаго извода ц.-славянскаго языка древняго періода указываетъ и вышеприведенное мѣсто изъ буллы 983 г., воспрещающей чехамъ богослуженіе по болгарскому или русскому обряду [2]). Въ этомъ убѣждаетъ насъ и чисто кирилловскій характеръ возникшихъ въ Чехіи X—XI-го вв. ц.-славянскихъ житій и службъ, сохранившихся въ русскихъ редакціяхъ, но съ болѣе или менѣе замѣтнымъ слоемъ чешскимъ. Таковы: Житіе св. Людмилы; Страсть св. Вячеслава; Убіеніе св. Вячеслава, князя чешьска; Перенесеніе мощей св. Вячеслава князя; Канонъ св. мученику Вячеславу. Всѣ они сохранились въ русскихъ Прологахъ XIII—XV-го вв. и въ нашихъ Четь-Минеяхъ [3]). Для рѣшенія вопроса о времени и мѣстѣ

[1]) Иначе думаетъ г. Ягичъ—Archiv IV, 315, 468. То же въ Glagolitica 1890 г., стр. 4 сл. Но ему не удалось поколебать доводовъ Гейтлера, отрицающаго распространеніе глаголицы не только въ Чехіи или Моравіи, но даже въ Панноніи IX—X-го вв. Его взглядъ на македонское происхожденіе Пражскихъ и Кіевскихъ глагольскихъ отрывковъ заслуживаетъ внимательной провѣрки. Ср. Archiv VII, 458 сл.

[2]) Non secundum ritus aut sectam Bulgariae gentis vel Russiae. F. R. B. II, 36.

[3]) Убіеніе имѣется и въ глагольскомъ бревіарѣ 1443 г., но не въ полномъ видѣ. F. R. B. I, стр. XII—XIV.

возникновенія этихъ памятниковъ всего важнѣе Убіеніе св. Вячеслава. Рѣчь этого древнаго и важнаго житія сильно руссификована рядомъ переписчиковъ, но и теперь еще въ ней можно распознать чехословенизмы [1]), хотя основа языка ц.-славянская. Но тутъ не замѣтно ничего специфически глагольскаго, почему мы должны думать, что Убіеніе составлено въ Чехіи Х-го в. письмомъ кирилловскимъ и въ соотвѣтственной редакціи. То же относится ко всѣмъ другимъ означеннымъ житіямъ и службамъ чешскаго происхожденія, составленнымъ въ Х-мъ а быть можетъ и въ XI-мъ в. [2]). Если это вѣрно, то и въ выраженіи Сазавской лѣтописи о св. Прокопѣ: „онъ былъ превосходно ознакомленъ со славянскими письменами (книгами?), изобрѣтенными нѣкогда и установленными святѣйшимъ епископомъ Кирилломъ“ [3]), нужно разумѣть кирилловскую, а не глагольскую письменность. Съ предположеніемъ этимъ вполнѣ согласно и старинныя преданія чеховъ, считавшія св. Прокопа кирилловцемъ, а не глаголяшемъ. Въ противномъ случаѣ не могъ бы приписываться ему въ XIV-мъ в. кирилловскій кодексъ, подаренный Карломъ IV Эммаусскому монастырю и составляющій древнѣйшую и драгоцѣннѣйшую часть такъ называемаго Реймсскаго евангелія.

На господство въ древней Чехіи и Моравіи кириллицы, а не глаголицы, указываетъ и древняя кирилловская запись въ Райградскомъ мартирологѣ, относимомъ къ Х-му

---

[1]) Востоковъ, Фил. набл., Приложеніе, стр. 105, 109.

[2]) Kroh, Kritické úvahy 18, 22, относитъ причтеніе Вячеслава и Людмилы къ лику святыхъ ко времени до 973 г., когда славянская организація чешской церкви была подорвана учрежденіемъ въ Прагѣ латинскаго епископства. Но канонизація святыхъ славянскихъ совершается не синодами, а „гласомъ народа“, который могъ громко раздаваться въ честь Людмилы и Вячеслава и въ Чехіи XI-го в.

[3]) Sclavonicis litteris, a sanctissimo Quirillo episcopo quondam inventis et statutis, canonice admodum imbutus. F. R. B. I.

вѣку [1]), а также присутствіе кирилловскихъ буквъ въ орнаментѣ народныхъ вышивокъ этихъ странъ, хотя значеніе этихъ начертаній давно забыто ихъ населеніемъ [2]).

Къ числу остатковъ ц.-славянскаго языка въ Чехіи принадлежатъ многіе отвлеченные термины чешскаго нарѣчія, въ родѣ: церкевь, крест, поп [3]); створитель, спаситель, вскрисеніе, зповѣдь, модлитва [4]); формы личныхъ именъ: Климент, Митръ (Димитрій), и н. др. [5]). Да и старинная народная пѣснь: „Господине, помилуй ны" [6]) (вм.

---

[1]) Šafařik, Glagolitische Fragmente 58.

[2]) Wankel, Beitrag zur Geschichte der Slaven in Europa, Olmütz 1885 г. „О глубокой древности этихъ мотивовъ шитаго орнамента, говоритъ Ванкель, свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что русскіе, словаки, моравяне, сербы, хорваты имѣютъ не только общій стиль орнаментовъ, но и общую терминологію для его составныхъ частей, и что на нѣкоторыхъ богато вышитыхъ, предназначенныхъ для священнаго употребленія платкахъ... находимъ въ качествѣ орнаментовъ кирилловскія буквы, которыя вышиваются по старой памяти, хотя никто не знаетъ ихъ настоящаго смысла". Нѣкоторыя изъ сохранившихся литургическихъ облаченій съ кирилловскими буквами Бекъ (Böck, Ges. d. liturgischen Gewänder) относитъ къ XIII-му в. Таковъ и вышеупомянутый „кошелекъ св. Стефана" съ вышитой надписью XIII—XIV в., угро-русской кажется редакціи.

[3]) До 60 селеній въ нынѣшней Чехіи носятъ названія: Cerekev, Popovice и т. п. Ср. Dudik, Dějiny Moravy IV, 308 сл. Даже одна изъ шахматныхъ фигуръ называлась подревнечешски pop. Archiv III, 653.

[4]) Dudik, Dějiny Moravy I, 104. Гораздо раньше Дудика отмѣтилъ ц.-славянизмы въ древнечешскихъ переводахъ Св. Писанія и нашъ проницательный славяновѣдъ Прейсъ.

[5]) Первольфъ, Славяне II, 519.

[6]) Косьма Пражскій упоминаетъ объ ней, какъ о всенародномъ гимнѣ (о иронія!) уже при вступленіи въ 973 г. на пражскую епископію сакса Дитмара. Ее пѣли на войнѣ Премысла II съ угорскимъ Бѣлою въ 1260 г., да и вообще въ каждое воскресеніе и въ другіе праздничные дни во время крестныхъ ходовъ. И теперь она не совсѣмъ забыта въ Чехіи. Ср. Krch, Kritické úvahy III, 8.

смилуй се надъ нами), которую народъ особенно любилъ по словамъ Косьмы Пражскаго (dulcem cantilenam), указываетъ своей терминологіей на ц.-славянскій первоисточникъ, восходящій къ древнѣйшей исторической эпохѣ.

Но и въ Чехіи съ Моравіей, какъ въ Угріи, ц.-славянскій языкъ очень рано былъ ограниченъ въ своихъ правахъ языкомъ латинскимъ, на которомъ издревле пишутся тутъ грамоты, акты, хроники и даже житія славянскихъ святыхъ. напр. Legenda Sanctorum Cyrilli et Methudii, patronorum Moraviae; Historia beati Ivani; Passio S. Ludmilae; Passio S. Venceslavi; Vita S. Procopii, и др. Въ общественномъ же употребленіи ц.-славянскій языкъ рано встрѣтилъ тутъ соперника въ языкѣ нѣмецкомъ. Вотъ почему вліяніе двухъ этихъ языковъ гораздо замѣтнѣе на составѣ и строѣ языка чешскаго, чѣмъ вліяніе ц.-славянскаго.

О распространеніи ц.-славянскаго языка въ области сербо-лужицкаго и прибалтійскаго славянства не имѣется точныхъ свѣдѣній. Если вѣрно извѣстіе Дитмара Межиборскаго (Мерзебургскаго), что въ княженіе Святополка отъ Богеміи зависѣло и среднее Полабье [1]), то можно предполагать, что туда проникали изъ Моравіи и Чехіи отголоски кирилло-меѳодіевской проповѣди. Этому какъ будто противорѣчитъ сохраненная Косьмою Пражскимъ грамота 983 года о границахъ Пражской епископіи, по которой она простиралась на сѣверѣ не далѣе „лѣса, расположеннаго на границѣ мильчанъ“ [2]) (т. е. верхнихъ лужичанъ). Но при составленіи этой грамоты на веронскомъ съѣздѣ нѣмецкихъ и итальянскихъ князей въ іюнѣ 983 г., императоръ

---

[1]) Boemii regnante Suetopulco duce quondam fuere principes nostri. Chronicon VI, 60. Ср. Palacký, Dějiny I, 156.

[2]) Deinde ad aquilonem hii sunt termini: Psovane, Chrovati et altera Chrovati, Zlasane, Trebovane, Boborane, Dedosane, usque ad mediam silvam, qua Milcianorum occurrunt termini. Bielowski, Mon Pol. Hist. I, 147. Ср. Регель, въ Сборн. статей по славяновѣдѣнію, стр. 319 слл., 326.

Оттонъ II могъ намѣренно обрѣзать сѣверныя границы архіепископіи, такъ какъ онѣ забѣгали въ области, преднамѣченныя уже саксами для своихъ непосредственныхъ завоеваній, и слѣдовательно какъ бы входившія уже въ раіонъ архіепископіи дѣвинской (магдебургской, основанной въ 967 г.), съ подчиненными ей епископіями, между которыми Межиборская (Merseburg) и Мишенская (Meissen) расположены были въ области верхнихъ лужичанъ, а Гавельбергская и Браниборгская (Brandenburg) въ области лужичанъ нижнихъ.

Что связи чехоморавскаго населенія съ серболужицкимъ и даже прибалтійскимъ продолжались и въ послѣдующіе вѣка, это видимъ изъ сохраненія и у лужичанъ пѣсни „Господине, помилуй ны", а равно изъ почитанія поморянами св. Вячеслава чешскаго. Во имя послѣдняго былъ храмъ въ городѣ Волынѣ или Юлинѣ, освященный Оттономъ Бамбергскимъ [1]).

Сохранились преданія, что нѣкоторые латинскіе епископы X-го — XII-го вв. въ областяхъ посальскихъ и полабскихъ писали на славянскомъ языкѣ и имѣли славянскія книги, проповѣди и т. п. [2]). Но что это былъ за языкъ, ближе не извѣстно.

---

[1]) Ebo, Vita S. Ottonis, кн. III, гл. 15. Ср. Kroh, Kritické úvahy III, 31.

[2]) Такъ межиборскій (мерзебургскій) епископъ Божо (Bozo, до 971 г.) sclavonica scripserat verba; другой межиборскій же епископъ Вернеръ (до 1111 г.) libros sclavonicae linguae sibi fieri jussit, ut latinae linguae charactere idiomata linguae sclavorum exprimeret (Лѣтопись мерзебургской епископіи); старградскій же епископъ Бруно (ок. 1156 г.), по Гельмольду, habuit sermones conscriptos verbis sclavicis, quos populo pronunciaret opportune (ср. Востоковъ, Фил. набл., Прибавл. 75). Зналъ славянскій языкъ и Оттонъ Бамбергскій, миссіонеръ у поморянъ въ началѣ XII-го в. Не исключена возможность, что этотъ языкъ, книги и проповѣди были ц.-славянскіе, передѣланные примѣнительно къ нарѣчію мѣстныхъ славянъ, въ родѣ Фрейзингенскихъ статей для хорутанцевъ.

Объ императорѣ Оттонѣ I мы также знаемъ изъ Витикинда, что онъ владѣлъ латинскимъ и славянскимъ языками, но рѣдко ими пользовался [1]). Въ виду саксскаго происхожденія этого императора можно догадываться, что подъ sclavonica здѣсь разумѣлся діалектъ славянъ среднелабскихъ. Про ободритскаго князя Готшалка Прибигнѣвовича, современника и соратника Канута Великаго въ Англіи, сохранилось извѣстіе, что отвоевавъ свое наслѣдственное славянское княжество, онъ распространялъ тамъ христіанство, переводя съ этой цѣлью на туземный (т. е. славянскій) языкъ проповѣди латинскихъ и нѣмецкихъ миссіонеровъ, за что возставшій народъ убилъ его. Въ связи съ этими указаніями не лишено значенія то обстоятельство, что миссіонеры датскіе, приходившіе въ 972 году и позже изъ смежныхъ фризскихъ—вѣроятно и балтійско-славянскихъ — областей, назывались попами (Poppo [2]). Вообще, о сербахъ лужицкихъ и славянахъ прибалтійскихъ слѣдуетъ думать, что и имъ въ X — XI-мъ вв. знакомъ былъ ц.-славянскій языкъ, какъ органъ богослуженія и письменности. Но скоро онъ былъ заглушенъ насильственнымъ вторженіемъ латыни и нѣмечины.

Этими обрывками грекославянской церковной организаціи объясняется и взаимная ненависть прибалтійскихъ славянъ съ саксами, и ожесточеніе ихъ борьбы, и относительная ея продолжительность, какъ въ Поморьѣ, такъ еще болѣе въ Полабьѣ. Тутъ донынѣ хранятся осколки серболужицкаго славянства, нѣсколько разъ освѣженнаго при-

---

[1]) Romana lingua sclavonicaque loqui sciebat, sed rarum est, quod earum uti dignaretur.

[2]) Widukind, y Pertz V, 463; Ditmar, Chronica II, 8; Адамъ Бременскій II, 33; Snorro I, 393. Ср. Maclear, A history of christian missions 251, 328. Такой Poppo упоминается и въ Краковѣ между епископами X-го в. у Дитмара, Chronica IV, гл. 28. О ц. славянскихъ христіанскихъ терминахъ въ сербо-лужицкомъ языкѣ ср. Miklosich, Die christliche Terminologie. 1875 г.

ливомъ духовныхъ силъ съ юга—изъ Чехіи, Моравіи, Силезіи, въ періодъ меѳодіевскій, гуситскій, чешскобратскій.

Нѣсколько счастливѣе были въ этомъ отношеніи восточныя вѣтви ляховъ—поляки. Мы знаемъ уже изъ Паннонскаго житія Меѳодія, что одинъ изъ польскихъ князей „сѣдя въ Висльхъ", былъ наставляемъ архіепископомъ „крьститися волеѭ своеѭ на своеи земли", но не послушался его, за что вскорѣ очутился въ „чужой землѣ" и лишенъ былъ возможности дѣйствовать „по своей волѣ" [1]).

Кого бы ни разумѣть подъ этимъ „княземъ поганскимъ, сильнымъ вельми, сидѣвшимъ на Вислѣхъ",—передъ нами открывается картина весьма ранняго проникновенія изъ Великой Моравіи въ Польшу національной церкви, съ ея священнымъ языкомъ и книгами. Она пустила въ ней столь глубокіе корни, что долго не могли вырвать ихъ поборники Вихинговъ, Войтѣховъ, Гавденціевъ и Станиславовъ.

При первыхъ наслѣдникахъ Семовита славянская церковь и письменность безпрепятственно распространялись въ польскія области, особенно малопольскія, куда могли направиться и многіе изъ учениковъ Меѳодія, тѣснимые изъ Моравіи вихингистами. Латинская реакція получаетъ бо́льшую силу лишь со второй половины X-го в., когда въ Познани появляется (967 г.) подчиненный Магдебургу латинонѣмецкій епископъ Іорданъ, а нѣсколько позже (973 года) и на Краковъ распространяется юрисдикція такого же епископа въ Прагѣ. Но, судя по нѣкоторымъ даннымъ, еще долгое время держались тутъ епископы или „владыки" славянскіе, вѣроятно подчиненные грекославянской архіепископіи моравской, возстановленной, какъ мы видѣли, въ 899 г. [2]). Очень вѣроятно, что и въ Гнѣзнѣ былъ первоначально грекославянскій епископъ, формально подчиненный въ 967 году епископу познанскому [3]). Мечиславъ

---

[1]) Панн. жит. Меѳ. гл. XI.

[2]) Ср. Петрушевичъ, Краткое извѣстіе о введ. христіанства въ предкарпатскихъ странахъ. Львовъ 1882, стр. 23—25.

[3]) Ibid. 26.

или Местько I конечно не крещенъ, а развѣ перекрещенъ въ 966 г. въ латинскую вѣру изъ славянской, подъ давленіемъ нѣмцевъ и вліяніемъ чешской княжны Дубравки, съ ея спутниками латино-нѣмецкаго духа, который при Болеславахъ сталъ быстро распространяться въ Чехіи [1]).

Что въ Польшѣ еще долго и послѣ Мечислава I-го держалось ц.-славянское богослуженіе, это видимъ между прочимъ изъ свидѣтельства Галла, что при погребеніи Болеслава Храбраго его подданные дѣлились на латынниковъ и славянъ [2]), т. е. приверженцевъ латинскаго и ц.-славянскаго обряда. Послѣдній упоминается, наряду съ латинскимъ и греческимъ, и въ письмѣ нѣмецкой княжны Матильды къ Мечиславу II (ок. 1027 г. [3]). Да и для кого была бы основана въ 1000 г. Болеславомъ Храбрымъ, по соглашенію съ Оттономъ III и папою Сильвестромъ II, Гнѣзненская латинская архіепископія, съ подчиненными ей епископіями—Колобрегскою, Краковскою, Познанскою, Вратиславскою, не считая Познанской, если бы до 966 г. жители этихъ странъ были язычники?

Въ одномъ изъ нашихъ хронографовъ „разрушеніе правой вѣры и замѣна русской грамоты латинскою“ приписывается пражскому „латинскому пискупу Войтѣху“ не только въ Чехахъ и на Моравѣ, но и въ Ляхахъ [4]). На дѣлѣ ц.-славянскій языкъ и богослуженіе существовали въ Польшѣ еще долго и послѣ Войтѣха. Очень вѣроятна до-

---

[1]) Ср. Bielowski, Wstęp krytyczny do dziejów Polski 516 сл.; Kroh, O postrižinách sv. Vacslava, 1887 г. Тутъ разсмотрѣнъ вопросъ и объ извѣстныхъ изъ Длугоша постригахъ Мечислава I польскаго, указывающихъ на крещеніе его по грекославянскому обряду. Такъ приблизительно думалъ и Мацѣевскій, въ Pamiętniki do dziejów Polski I, 151 сл.

[2]) ...Latinorum et slavorum quotquot estis incolae. Bielowski, M. P. Hist. I, 413.

[3]) ...Cum in propria et in latina deum digne venerari posses, in hoc tibi non satis, graecam superaddere maluisti. Bielowski, M. P. H. I, 323.

[4]) Bielowski, M. P. H. I, 90 сл.

гадка новѣйшихъ историковъ, что антагонизмомъ церквей славянской и латинской объясняются записанныя Косьмой Пражскимъ (подъ 1022 г.), Галломъ, Длугошемъ и др. лѣтописцами, извѣстія о внутреннихъ усобицахъ и смутахъ въ Польшѣ XI-го в., напр. объ убіеніи въ 1003 г. итальянскихъ пустынниковъ, присланныхъ ок. 996 г. для реформаціи польскихъ монастырей, а равно о бунтѣ въ 1025 г. по смерти Болеслава Храбраго, при чемъ „въставше людіе избиша епископы (латинскихъ?) и попы и бояры своя“ [1]), отпавъ вмѣстѣ съ тѣмъ, по Галлу, отъ латинской вѣры (a fide catholica deviantes [2]). Этотъ мятежъ вызванъ былъ народнымъ неудовольствіемъ на совѣтниковъ Болеслава Храбраго за изгнаніе славянскихъ монаховъ (nigri monachi), между коими находился и извѣстный изъ Кіевскаго Патерика Моисей Угринъ († 1041 г.). По аналогіи съ Хорватіей, Угріей, Чехіей можно догадываться, что въ польскихъ бенедиктинскихъ монастыряхъ, напр. на Лысой горѣ, въ Тынцѣ, Сетѣховѣ, Межирѣчьѣ и др. долго держался грекославянскій обрядъ, заведенный черноризцами (monachi nigri) меѳодіевскаго насажденія и духа. Что еще въ половинѣ XII-го в. церковное положеніе Польши и Чехіи во многомъ напоминало тогдашнюю Русь, видимъ изъ письма краковскаго епископа Матвѣя и польскаго боярина Петра Властовича къ знаменитому клермонтскому аббату Св. Бернарду (1143 г.), въ которомъ послѣдній приглашается въ Польшу для искорененія „обряда нечестивыхъ русскихъ“ и обращенія на путь истины „безпорядочныхъ славянъ“ (slavos incompositos) въ Польшѣ, Богеміи и вообще въ „Славоніи“ [3]).

---

[1]) Начальная рус. лѣтопись подъ 1030 г.

[2]) Ср. Петрушевичъ, Краткое извѣстіе 28 сл.

[3]) Nec modo in Ruthenia, quae quasi est alter orbis, verum etiam in Polonia et Boemia, vel communi appellatione Slavonia, quae plures provincias continet, talem ac tantum fructum, tamque Deo acceptabilem feceritis, ut ab ipso postmodum audiretis: Euge serve bone et fidelis. Bielowski, Mon. Pol. Hist. II, 15 сл.

О раннемъ распространеніи въ польскихъ областяхъ ц.-славянскаго языка, съ кирилловскимъ письмомъ, свидѣтельствуютъ и находимыя тамъ кирилловскія надписи, напр. на Олавской иконѣ Богоматери, найденной въ Слезіи въ 1817 году [1]), на монетахъ (пинчовскихъ, борнгольмскихъ и др.) „Болеслава" [2]), а равно изъ многихъ древнепольскихъ нарицательныхъ и собственныхъ словъ ц.-славянскаго происхожденія, въ родѣ: cerkiew, pop, Popowo, и т. п. [3]). На то же указываетъ весьма древній въ Польшѣ культъ Кирилла и Меѳодія, какъ апостоловъ и патроновъ Польши [4]). Вячеславъ чешскій изстари считается народнымъ святымъ и у поляковъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ посвященный ему соборъ на Вавелѣ въ Краковѣ [5]). Самый фактъ весьма поздняго появленія польскихъ переводовъ Библіи (съ XIV-го в.) позволяетъ догадываться, что въ рукахъ древнепольскаго духовенства были другіе, болѣе или менѣе понятные народу тексты Св. Писанія, которыми оно могло пользоваться при собесѣдованіяхъ съ народомъ и въ проповѣдяхъ [6]). Не лишено значенія и то

---

[1]) Maciejowski, Pamiętniki do dziejów Polski I, 147.

[2]) Петрушевичъ, Кр. изв. 35. Г. Болсуновскій (Bołsunowski K., Solidy Bolesława. Кіевъ 1888 г.) приписываетъ эти монеты Болеславу Тройденовичу (1337—40 гг.), но главнымъ основаніемъ того служитъ предположеніе о несуществованіи у поляковъ кириллицы въ X—XI-мъ вв.

[3]) Петрушевичъ, Кр. изв. 35. Слово „попъ" встрѣчаемъ и въ Псалтыри Флоріанской. Характерно и то, что греческія слова „Kyrie eleyson" были издревле боевымъ кличемъ поляковъ, какъ и прочихъ западныхъ славянъ. Ср. Brückner, въ Archiv VIII, 572.

[4]) Ср. Breviarium XIV-го в. въ СПб. у Bielowski, M. P. H. I, 88. Не лишено вѣроятности предположеніе Неринга, что самый миѳъ о братьяхъ Лехѣ, Чехѣ и Русѣ, сыновьяхъ Пана (по Богуфалу — Башко) и выходцахъ Панноніи (по Нестору — Иллюрика?), зародился по выселеніи учениковъ св. Меѳодія изъ Угріи. См. Archiv d. Sl. Phil. III, 469, 472.

[5]) Ср. Первольфъ, Славяне III, 169 сл.

[6]) Ср. Maciejowski, Pamiętniki I, 157. На это указы-

обстоятельство, что въ Краковской епархіи еще въ половинѣ XIII-го в. держались посты греко-славянскаго, а не латинскаго обряда [1]).

Считая такимъ образомъ доказаннымъ не только существованіе, но и довольно сильное распространеніе ц.-славянскаго языка прежде всего въ Малой Польшѣ и Слезіи, затѣмъ въ Великой Польшѣ, а наконецъ и въ Мазовіи, особенно въ столѣтіе отъ временъ Меѳодія до Мечислава I-го и Болеслава Храбраго, мы не рѣшаемся однако утверждать, что онъ занялъ тутъ такое положеніе, какъ въ областяхъ южнославянскихъ и даже въ Угріи X—XI-го вѣковъ. Подобно чехамъ, поляки обращались къ этому языку лишь въ литургической области, изучая его „по слѣдоу поповоу", какъ св. Вячеславъ чешскій. Съ половины X-го в. въ богослуженіе поляковъ вторгается и латинскій языкъ, вмѣстѣ съ зародышами латинонѣмецкой іерархіи, которая была окончательно организована по указаніямъ Оттона III-го Болеславомъ Храбрымъ. Этотъ великій государь въ своей внутренней политикѣ похожъ скорѣе на Святополка великоморавскаго и Болеслава II-го чешскаго, чѣмъ на Ростислава и св. Вячеслава, искавшихъ спасенія отъ нѣмцевъ въ духовномъ единеніи со славянствомъ, на почвѣ ц.-славянскаго литургическаго языка и письменности. Ошибка роковая, которая не могла быть возмещена всѣми военными успѣхами Болеслава Храбраго! Послѣдствія этой гибельной связи Болеслава съ латинонѣмецкой имперіей и церковью обнаружились вслѣдъ за его смертью—въ народномъ возстаніи на поставленныхъ имъ епископовъ и прелатовъ и въ избіеніи многихъ изъ нихъ.

ваютъ и церковнославянизмы въ польской Библіи Софіи, въ родѣ напр. словъ: казнь, лесть, мзда, отрокъ, перстъ, покаяніе, выспрь, пойте и т. п. Ср. Огоновскаго Е., въ Archiv IV, 363 сл. Напрасно г. Нерингъ отрицаетъ ц.-славянское происхожденіе всѣхъ этихъ терминовъ (Arch. IV. 383).

[1]) Ср. Dudik, Dějiny Moravy I, 121; Первольфъ, Славяне III, 218 сл.

Сколько разъ и впослѣдствіи повторялись народные протесты противъ этой латинонѣмецкой закваски польскаго государства, церкви, общества, всей образованности, пока наконецъ не наступила катастрофа, предсказанная еще Меѳодіемъ въ пророческихъ словахъ къ тому польскому князю, „сѣдаштоу на Вислѣхъ“ [1])!

Но ни одинъ изъ славянскихъ народовъ не воспользовался въ столь широкой мѣрѣ великимъ даромъ Первоучителей — ц.-славянскимъ языкомъ, какъ русскіе. Соприкасаясь въ IX—X-мъ вв. своими западными границами съ областями Великоморавскаго государства, а южными — съ Симеоновой Болгаріей, они поставлены были въ счастливую возможность черпать одновременно изъ живыхъ ключей и моравско-паннонской, и дакійско-болгарской образованности того времени. Съ другой стороны, прикрытые съ запада твердынями лѣсистыхъ русскихъ Карпатъ, по линіи отъ Татръ до Альпъ Семиградскихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣленные отъ областей латинонѣмецкихъ промежуточнымъ поясомъ ляшскихъ, чехословенскихъ и угорскихъ земель, наши предки могли съ большей свободой сдѣлать выборъ между христіанскими вѣроисповѣданіями, которыя индѣ навязаны были народу географической и политической необходимостью. Въ этомъ отношеніи сказаніе Начальной лѣтописи объ „испытаніи вѣръ“ княземъ Владиміромъ и его боярами не лишено важнаго иносказательнаго значенія.

Изъ этой же лѣтописи ясно, что въ преданіяхъ русскихъ людей XI-го в. долина средняго Дуная, съ прилегающимъ на югѣ „Илюрикомъ“, на сѣверѣ же Моравою, считалась не только племенной, но и духовной прародиной славянъ: „По мнозѣхъ же временѣхъ сѣли суть словѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска (нижній Дунай?). И отъ тѣхъ словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими . . . Бѣ единъ языкъ словѣньскъ: словѣни, иже сѣдяху по Дунаеви, ихже

[1]) Панн. жит. Меѳ. гл. XI.

пріяша угри, и морава и чеси и ляхове и поляне, яже нынѣ зовомая Русь. Симъ бо первое преложены книги Моравѣ, яже прозвася грамота словѣньская, яже грамота есть въ Руси и въ Болгарѣхъ дунайскихъ... Тѣмже словѣньску языку учитель есть Андроникъ апостолъ, въ Моравы бо ходилъ: и апостолъ Павелъ училъ ту; ту бо есть Илюрикъ... тѣмъ же и нашъ Руси учитель есть Павелъ, понеже училъ есть языкъ словѣнескъ... А словѣньскыи языкъ и рускыи одно есть" [1]).

Не сохранились ли въ этихъ преданіяхъ отголоски тѣхъ отношеній и думъ, которыя пронеслись надъ „бѣлохорватскою" (т. е. угрорусскою и вообще червонорусскою) частью нашей племенной области въ вѣкъ Ростислава и Меѳодія, когда она входила такъ или иначе въ Великоморавскую державу и церковь, простиравшуюся, если вѣрить грамотѣ 983 г., до Буга и Стыря? Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что древнія границы русскаго племени въ странахъ предкарпатскихъ и закарпатскихъ лежали гораздо западнѣе нынѣшнихъ, до рр. Шаёва, Тисы и Самоша, а быть можетъ и еще далѣе, какъ въ словенскихъ нынѣ предгорьяхъ Татръ, такъ и на Ниру, въ котловинѣ угорской. И политическія грани Руси и Угріи пролегали въ X-мъ вѣкѣ да и гораздо позже не по водораздѣльному кряжу Бескида, какъ теперь, а по западнымъ его предгорьямъ, какъ это видно изъ грамотъ и топографическихъ названій [2]). Лишь при такомъ предположеніи можемъ мы понять слова нашей начальной лѣтописи о Вла-

---

[1]) Лѣтопись по Лаврентьевск. сп. СПб. 1872 г., стр. 5, 24 сл., 27.

[2]) См. Добрянскаго А. И., О западныхъ границахъ подкарпатской Руси со временъ св. Владиміра, Жур. М. Н. Пр., т. CCVIII, отд. 2, стр. 139 сл. По его мнѣнію, русское племя встарь простиралось за Карпатами до рр. Быстрой Кереши (Sebes Körös), Тисы, Теплы (Hejö), и по склонамъ горъ Матры до Дуная, между Вацовомъ и Парканемъ (Waizen, Párkány), къ сѣверозападу же—до водораздѣла рр. Вага и Грона. Ср. еще Дулишковичъ, Историч. черты угрорусскихъ. Унгваръ

димирѣ св.: **И бѣ жива съ кънязи окольными миръмь, съ Болеславъмь ладьскымь, и съ Стефанъмь оугорьскымь, и съ Андрихъмь** (Ольдрихомъ?) **чешьскымь** [1]. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ могли бы русскія владѣнія соприкасаться съ чешскими, если не въ Спишѣ и Гемерѣ, за которыми начиналась подчиненная Чехамъ до 999 г. Словачина [2])?

При такомъ расположеніи Русь не могла быть посторонним зрителемъ того, что происходило на Вагѣ и Нитрѣ, Тисѣ и Дунаѣ. Наоборотъ, она принимала съ X-го в. дѣятельное участіе въ политической, церковной и литературной жизни Угріи съ прилегающими странами, служа издревле хранительницею „старой вѣры", опорною точкою ц.-славянскаго языка и богослуженія [3]). На это указываетъ и кирилловскій текстъ Реймсскаго евангелія, таковой же на вышеупомянутомъ кошелькѣ (вѣрнѣе—сулкѣ) кор. Стефана и довольно обильные русизмы во многихъ изъ такъ называемыхъ „паннонскихъ" кодексовъ.

Карпатская паства Меѳодія и его учениковъ донынѣ сохранила завѣщанный ими ц.-славянскій языкъ, кириллицу и народное богослуженіе. До конца прошлаго вѣка и гемерскіе словаки (илиословененная Русь?) въ области Четнекъ держались еще „греческаго или лучше русскаго обряда" [4]). А такъ какъ Русь закарпатская въ смыслѣ на-

---

1874 г., I, 92 сл.; Bidermann, Die Ungarischen Ruthenen II, 46 сл., 56 сл.

[1]) Подъ 996—997 г.

[2]) Ср. Sasinek, въ Parlamentär, 25 сент. 1887 г., стр. 4.

[3]) Ср. Rede des Ungarischen Landtags-Abgeordneten A. v. Dobrzanszky, in der Adress-Angelegenheit. Wien 1861, стр. 67 сл.; Дулишковичъ, Историч. черты угрорусскихъ II, 16 сл.; Bidermann, Die Ungarischen Ruthenen II, 44; ср. 59, 91 сл.

[4]) Bartholomäides L., Memorabilia provinciae Csetnek, Neusohl 1799 г., стр. 78. Deprehendimus his in oris signa ritus christiani, non tantum latini, verum etiam graeci, seu potius ruthenici. Ср. Дулишковичъ, Историч. черты угрорусскихъ I, 111. Замѣтимъ, что въ этой области находится и с. Кобеля-

родномъ никогда не была оторваннымъ звеномъ, а наоборотъ живымъ членомъ Руси цѣлокупной, прежде же всего — Червонной, съ которой связана и легкими сообщеніями чрезъ низкіе русскіе Бескиды, и близостью говоровъ, и судьбами историческими,—то ясно, что и кирилло-меѳодіевское движеніе не могло остановиться на рубежахъ Руси закарпатской, а было передано ею соплеменникамъ по сю сторону горъ, до „Стыря и западнаго Буга“, по словамъ вышеприведенной грамоты 983 г. Съ какой любовью приняли эти хорваты, бужане, дулѣбы ниспосланный имъ изъ „странъ дунайскихъ“ даръ ц.-славянскаго языка и богослуженія, видимъ изъ ранняго возникновенія въ ихъ областяхъ цѣлаго ряда епископій: червеновладимірской, перемышльской, галицкой и угровецко-холмской, не упоминая краковской, которая могла распространяться лишь на малопольское населеніе [1]). Ц.-славянскій языкъ и богослуженіе такъ тѣсно сочетались въ этихъ краяхъ съ русскою народностью, что и вѣковымъ усиліямъ Польши, наставляемой и подстрекаемой латинниками и нѣмцами, не подъ силу было расторгнуть этотъ глубокій союзъ, чтобы затѣмъ подавить ц.-славянскій языкъ латынью, а русскую народность — польскою. Особенно поучительна въ этомъ отношеніи судьба Руси Опатовской, представлявшей крайній западный побѣгъ нашего племени, за Вислой, на склонахъ Лысой горы. Еще въ XIII-мъ в. аббатъ Опатовскаго монастыря считался вмѣстѣ и „русскимъ епископомъ“, конечно — уніатскимъ, для завѣдыванія проживавшими въ этой области русскими [2]). До XIV—XV-го вв. оставались

рово, родина славнаго П. І. Шафарика. Въ XV-мъ в. здѣсь, въ Гемерской жупаніи, преуспѣвало гуситство (ib. 112). Ср. Bidermann H., Die Ungarischen Ruthenen, Innsbruck 1867 г., II, 81.

[1]) Петрушевичъ, Краткое извѣстіе 56.

[2]) ...Monasterium Oppathoviense, cujus monasterii abbas et ruthenorum episcopus pro catholicis ibi degentibus de novo fuerat erectus. Богуфалъ, у Петрушевича, Краткое извѣстіе, стр. 64.

русскіе храмы и въ сосѣднихъ съ Опатовской областью городахъ — Сандомірѣ, Чмелевѣ, Казимірѣ [1]).

При живыхъ сношеніяхъ Руси подкарпатской черезъ Волынь съ Кіевомъ и другими нашими древними центрами, очень рано должны были проникать оттуда на Днѣпръ, Двину, Волховъ отголоски ц.-славянскаго языка и письменности. Слѣды этого видимъ между прочимъ въ подробныхъ свѣдѣніяхъ нашей Начальной лѣтописи о великоморавской миссіи Кирилла и Меѳодія. Не потому ли въ древнерусскихъ главнѣйше спискахъ дошли до насъ и Паннонскія житія Кирилла и Меѳодія, и службы имъ, и житія св. Людмилы и св. Вячеслава чешскихъ, и Канонъ послѣднему и нѣк. друг. памятники западнославянскаго происхожденія [2])? Петрушевичъ высказалъ предположеніе, что тѣмъ же, западнымъ путемъ проникло въ древнюю Русь и нѣкоторое знакомство съ глаголицей [3]); но оно основывается на шаткой гипотезѣ о существованіи глаголицы въ Угріи. Вообще же Русь издревле держалась кириллицы, которая воспринята была нашими предками первоначально изъ рукъ Солунцевъ и непосредственныхъ ихъ учениковъ во второй половинѣ IX-го в., а окончательно у насъ утвердилась въ X-мъ в., благодаря тѣснымъ связямъ съ Цареградомъ и Болгаріей, въ которой нашъ князь Святославъ желалъ даже видѣть „середу земли своея" [4]). Памятникомъ этихъ сношеній остались договоры Олега, Игоря и Святослава съ греками, отражающіе и въ позднѣйшихъ сохранившихся спискахъ вліяніе не только гре-

---

[1]) Ibid. 66.

[2]) Не угрорусскаго ли происхожденія описанныя гг. Шляпкинымъ (Ж. М. Н. Пр. 1884 г. N 12) и Архангельскимъ (Изд. Общ. люб. древ. письм. N 5, 1884 г.) уніатскія „Молитвы кающагося грѣшника", въ спискахъ XIII—XV-го вв, гдѣ встрѣчаемъ воззванія къ свв. Войтѣху, Вячеславу, Магнушу, Кануту, Венедикту, Кириллу, Меѳодію, но рядомъ и Борису, Глѣбу и др. свв.? Въ языкѣ много архаизмовъ.

[3]) Краткое извѣстіе 73 сл.

[4]) Лаврент. лѣт. подъ 969 г.

ческаго, но и ц.-славянскаго языка. На немъ, безъ сомнѣнія, молилась въ храмѣ св. Ильи „крещеная Русь“, упоминаемая въ договорѣ 945 г. [1]). Но еще болѣе широкимъ и глубокимъ потокомъ полился къ намъ ц.-славянскій языкъ и письменность съ Владиміра Святого и съ оффиціальнаго крещенія Руси въ 988 г. Съ тѣхъ поръ основываются въ ней школы и начинается систематическое „ученик къниžьное“. Основою его были конечно близкія къ народному пониманію книги ц.-славянскія, ибо иначе не сказалъ бы лѣтописецъ: „симъ же (ученикамъ) раздаиномъ на оученые книгамъ, събысться пророчьство на русьстѣй земли, глаголющее: въ оны дние оуслышать глусии словеса книжьнаи и ясьнъ будеть языкъ гугнивыхъ“ [2]).

Между книгами этими мы должны предполагать первосписки тѣхъ кодексовъ библейскаго, богослужебнаго, учительнаго и историческаго содержанія, которые дошли до насъ въ изрядномъ числѣ отъ XI—XII-го вв., въ родѣ: Остромирова (1056, 57 г.), Архангельскаго (1092 г.), Туровскаго, Мстиславова (ок. 1115 г.), Юрьевскаго (около 1120 г.), Галицкаго (1144 г.) и Добрилова (1164 г.) евангелій, Новгородскихъ Миней (1095, 96, 97 г.) и Стихираря (1157 г.), Псалтыри Евгеніевской и Чудовской, Сборниковъ 1073 и 1076 г., Пандектовъ Антіоха, XIII словъ Григорія Богослова (XI-го в.) и н. др.

Общее число сохранившихся рукописей русской редакціи съ XI-го по конецъ XIV-го в. простирается до 500. Можно думать, что по крайней мѣрѣ половина ихъ восходитъ своими первоисточниками къ XI—XII-му вв.

И эта обширная древнерусская литература на церковнославянскомъ языкѣ не состояла изъ однихъ списковъ или переводовъ съ греческаго. Наоборотъ, завѣщанныя кирилломеѳодіевскою, болгарскою и западнославянскою школами литературныя сокровища были пріумножены въ древней Руси цѣлымъ рядомъ самостоятельныхъ сочиненій бого-

---

[1]) Лаврент. лѣт. подъ 945 г.

[2]) Ibid. подъ 988 г.

словскаго, историческаго и даже беллетристическаго содержанія, въ родѣ напр. слова Иларіона, поученій Ѳеодосія Печерскаго и Никифора, проповѣдей Кирилла Туровскаго, сказаній черноризцевъ Якова, Нестора, Сильвестра, житій Антонія и прочихъ старыхъ подвижниковъ Печерскихъ, Антонія Римлянина, Евфросиніи Полоцкой, Странника игумена Даніила, Повѣсти временныхъ лѣтъ и сопровождающихъ ее лѣтописныхъ сводовъ, поученія Владиміра Мономаха, вопросовъ Кирика, слова Даніила Заточника, церковныхъ уставовъ Владиміра, Ярослава, Всеволода и др., а наконецъ Слова о полку Игоревѣ. Уже изъ этого перечня можно видѣть, какую широкую литературную область занялъ тогда на Руси ц.-славянскій языкъ, болѣе или менѣе видоизмѣненный примѣнительно къ строенію и составу русскаго нарѣчія. Область эта была гораздо шире, чѣмъ у славянъ западныхъ и даже южныхъ, гдѣ наряду съ языкомъ ц.-славянскимъ были и другіе литературные органы—латинскій у первыхъ, а греческій у вторыхъ. На Руси изъ подъ власти ц.-славянскаго языка была изъята лишь будничная, такъ сказать, область актоваго или дѣлового употребленія, гдѣ мы встрѣчаемъ русскую рѣчь уже съ X-го в., напр. въ Договорахъ съ греками, Русской Правдѣ, грамотахъ Мономаха, его сына Мстислава, внука Всеволода и др. князей и частныхъ лицъ. Такъ случилось, что славянство восточное, на языкѣ и въ средѣ котораго не дѣйствовали непосредственно славянскіе Первоучители, стало уже съ XI-го в. главнымъ наслѣдникомъ завѣщанныхъ ими идей, главнымъ дѣятелемъ въ сохраненіи и дальнѣйшей разработкѣ ц.-славянскаго языка! Его пріобрѣтенія въ великой восточной равнинѣ, на протяженіи отъ Стыря и Буга до Дона и Волги, а отъ Корсуня и Тмуторокана до Ладоги и Обонежья съ избыткомъ вознаградили тѣ утраты, которыя понесъ ц.-славянскій языкъ въ X—XII-мъ вв. въ странахъ подальпійскихъ и подшумавскихъ, подолимпскихъ и подсудетскихъ. Сознаніе того, что „безчисленный какъ звѣзды“ [1]) русскій народъ является

[1]) Gens autem illa Ruthenica multitudine innumerabili

средоточіемъ славянской церкви, выражается очень рано въ наименованіи ея „обрядомъ русскимъ", напр. въ сохраненномъ Косьмою Пражскимъ посланіи папы Бенедикта VI чешскому князю Болеславу II отъ 983 г. [1]), а еще рѣшительнѣе — въ письмѣ краковскаго епископа Матвѣя 1143 г., гдѣ св. Бернарду Клермонтскому приписывается вопросъ: „возможно ли искоренить нечестивый обрядъ русскихъ и ихъ вѣрованія" [2])? Дѣйствительно, въ половинѣ XII-го в. Русь вполнѣ заслуживала этой чести не только по обширности своихъ владѣній (quasi est alter orbis) и многочисленности населеній, но и по размѣрамъ литературныхъ вкладовъ, по широкому примѣненію ц.-славянскаго языка не только въ богослуженіи, но и во всѣхъ родахъ высшей литературы, быть можетъ и въ разговорѣ образованныхъ сословій, особенно духовнаго. Одна Болгарія могла сравниться въ послѣднемъ отношеніи съ Русью, но лишь въ X-мъ в., до паденія перваго царства, повлекшаго за собою торжество языка греческаго въ государственной, а отчасти въ церковной и литературной областяхъ.

Разсмотрѣвъ внѣшнія судьбы ц.-славянскаго языка въ древній помеѳодіевскій періодъ его исторіи (въ X—XII-мъ вв.) и доказавъ его общеславянское значеніе на всемъ почти пространствѣ, заселенномъ тогда нашимъ племенемъ, за изъятіемъ развѣ славянъ морейскихъ, — мы должны еще коснуться вопроса, насколько цѣленъ и однороденъ былъ строй и составъ этого языка и насколько отразилось на немъ вліяніе различныхъ нарѣчій славянскаго юга, запада и востока?

---

seu sideribus adaequata, по словамъ краковскаго еп. Матвѣя въ 1143 г. Bielowski, M. Pol. Hist. II, 15.

[1]) ...non secundum ritus aut sectam Bulgariae gentis vel Ruziae aut slavonicae linguae. Бильбасовъ, Кир. и Меѳ. I, 155.

[2]) Dilectus filius vester magister A. nos ex parte vestra consuluit, si quis posset et impios Ruthenorum ritus atque observantias extirpare. Bielowski, M. P. H. II, 15. Ср. Петрушевичъ, Краткое извѣстіе 60.

Нельзя отрицать, что грамматика и лексиконъ древняго ц.-славянскаго языка представляютъ нѣкоторыя особенности въ памятникахъ болгарскихъ, сербохорватскихъ, чехословенскихъ, русскихъ, въ зависимости отъ областныхъ и нарѣчныхъ наслоеній на первоначальной кирилломеѳодіевской основѣ. Особенности эти наиболѣе замѣтны въ области звуковой, гдѣ редакція болгарская характеризуется: смѣшеніемъ гласныхъ узкихъ съ широкими, іотованныхъ съ чистыми, ѫ съ ѧ, ѭ съ ѣ, ъ съ ь, а кое-гдѣ и ослабленіемъ ринезма въ направленіи къ глухому ъ или ь, съ сохраненіемъ дифтонговъ жд, шт въ замѣнѣ группъ *dj*, *tj* и съ зародышами постпозиціоннаго члена тъ(сь); сербохорватская: замѣною ѫ въ *у*, ѧ въ и (позже *е*), смѣшеніемъ ы съ и, ъ съ ь, превращеніемъ праславянскихъ группъ *dj*, *tj* въ г̑, к̑ (позднѣйшія ђ, ћ); словинская: сближеніемъ ѫ съ *о*, ѧ съ *е*, ы съ *і*, превращеніемъ *dj*, *tj* въ *й* (j), ч (č); чехословенская: замѣною ѫ въ *у*, ѧ въ и, смѣшеніемъ ъ съ ь, превращеніемъ группъ *dj*, *tj* въ *з* (*дз*?), *ц*, группъ же типа пл — въ *пъ*, и сохраненіемъ группъ типа *дло* (вм. ло ц.-слав. и прочихъ юговосточныхъ нарѣчій); русская: замѣною ѫ въ *у*, ѧ въ и, смѣшеніемъ ѣ съ *е*, индѣ съ *і*, строгимъ различіемъ ъ отъ ь, съ замѣною ихъ въ позиціи *о*, *е*, отсутствіемъ сонантовъ $р_о$, $л_о$, превращеніемъ праславянскихъ группъ торт, терт (ц.-слав. трат, трѣт) въ *торот*, *терет*, а группъ *dj*, *tj* въ *ж*, *ч*.

Въ области формъ особенно выдѣляются сербохорватскіе и хорутанскіе генитивы на *га* (тога) и русскіе на *ою* зълого), *оѣ* (зълоѣ), въ глаголахъ же—обиліе аористныхъ формъ на югѣ и скудость на сѣверозападѣ и востокѣ, особенно по части архаичныхъ — вторыхъ и сигматическихъ — аористовъ.

Лексикальный составъ ц.-славянскаго языка представляетъ нѣкоторыя особенности въ глагольской письменности при сравненіи съ кирилловской, довольно удовлетворительно разъясненныя Шафарикомъ, какъ наслоенія хорватскаго, словинскаго, отчасти и чехословенскаго про-

исхожденія [1]), въ родѣ напр. чакавско-кайкавскихъ: **локва** (кирил. **тжча**, pluvia), **оток** (островъ, insula), **лѣкы** (яко, uti), **цѣшта** (ради, causa, gratia), **трѣвлые** (сапогъ, calceus), **ыдръ** (скоръ, celer), **тепж** (бия, percutere); или чехо-словенскихъ: **ашоутъ** (въсоуе, frustra), **година** (часъ, hora), **крижь** (крьстъ, crux), **понѣ** (vel, κἄν), **попелъ** (пепелъ, cinis), **сцѣгло** (особь, privatim) и т. п.

Для опредѣленія родины отдѣльныхъ ц.-славянскихъ кодексовъ особенности эти весьма важны, почему на нихъ и обращено въ наукѣ вниманіе. Но другое дѣло въ жизни: нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы болгарская или сербская редакція ц.-славянской рукописи дѣлала ее непонятною или просто чуждою славянамъ Чехіи или Руси и наоборотъ. Достаточно просмотрѣть каталогъ любого славянскаго древлехранилища, на Аѳонѣ ли то или въ Бѣлградѣ, Люблянѣ, Львовѣ или Новгородѣ, чтобы убѣдиться въ полной взаимности древнихъ славянъ по употребленію ц.-славянскихъ кодексовъ. На это указываетъ обиліе рукописей смѣшанной редакціи, гдѣ на первоначальной напр. основѣ замѣтны слѣды и болгарскаго, и сербскаго, и еще какого-либо третьяго переписчика, въ зависимости отъ странствованій текста по всѣмъ славянскимъ землямъ. Для образца сошлюсь на Фрейзингенскія статьи, гдѣ не трудно выдѣлить три слоя: древнѣйшій юсовой, сербо-хорватскій и словинскій. Та же тройственность замѣтна въ кирилловской части Реймсскаго евангелія, гдѣ однако верхній слой не словинскій, а русскій. Допуская такимъ образомъ для древняго ц.-славянскаго языка извѣстный процентъ инонарѣчныхъ наслоеній [2]), мы не мо-

---

[1]) Ursprung und Heimath des Glagolitismus, стр. 33 сл.

[2]) Ср. Ламанскій В., Непорѣшенный вопросъ въ Ж. М. Н. Пр. 1869 г., ч. CXLI, стр. 125 сл.; Срезневскій, Памятники юсоваго письма, Предисловіе 153 слл. Наблюденіе это было сдѣлано еще въ XV-мъ вѣкѣ Константиномъ Костенчскимъ и повторено въ XVIII-мъ в. болгарскимъ лѣтописцемъ Паисіемъ. Ср. Первольфъ, Славяне II, 587 слл.

жемъ однако назвать его языкомъ эклектическаго образованія, такъ какъ наслоенія эти лишь тонкой пеленой ложились на фонъ кирилломеѳодіевскаго діалекта, не нарушая ни его однородности, ни вѣрности господствовавшимъ въ немъ аналогіямъ.

Если мы перейдемъ отъ формъ ц.-славянскаго языка древняго періода къ содержанію и духу развивавшейся на немъ литературы, то и тутъ замѣтимъ полную однородность основъ, при незначительныхъ лишь колебаніяхъ въ подробностяхъ. Литература эта объединена своимъ церковнымъ или — еще тѣснѣе — литургическимъ происхожденіемъ. Первая начертанная на ц.-славянскомъ языкѣ строка звучала: **искони бѣ слово и слово бѣ оу Бога и Богъ бѣ слово** [1]). Служеніе Богу сочеталось такимъ образомъ въ завѣтахъ Философа со служеніемъ слову, — богословіе со словесностью, и этотъ союзъ тянется красной нитью черезъ всѣ вѣка исторической жизни славянъ, сохранившихъ кирилломеѳодіевскій языкъ. Но особенно онъ очевиденъ въ древній его періодъ, когда языкъ этотъ хранился еще и у западныхъ вѣтвей нашего племени, измѣнившихъ ему позже для чуждой и враждебной латыни. Церковная струя въ такой мѣрѣ господствовала въ древней славянской письменности, что ею окрашивались и свѣтскія произведенія, напр. житія, лѣтописи, кормчія, такъ что для прочихъ славянскихъ діалектовъ была тогда открыта единственно область актово-дѣловая, насколько и въ нее не вторгались латынь да греческій языкъ. Впрочемъ, въ ц.-славянскихъ сочиненіяхъ болѣе или менѣе свѣтскаго характера, напр. въ нашихъ лѣтописяхъ, а еще болѣе въ Словѣ о полку Игоревѣ, ярче отражаются наслоенія инонарѣчныя. Въ нихъ довольно рано вырабатываются такимъ образомъ тѣ смѣшанныя язычныя формы, которыя опредѣляютъ строй и составъ языковъ или лучше стилей — славянорусскаго, славяноболгарскаго, славяносербскаго, со-

---

[1]) Панн. жит. Кир. Фил. гл. XIV.

ставляющихъ родъ историческаго моста къ литературнымъ языкамъ — новорусскому, новоболгарскому, новосербскому.

Въ содержаніи древней кирилловской письменности съ одной стороны, а глагольской съ другой еще не замѣтно существенной разницы, по крайней мѣрѣ въ библейскихъ книгахъ. Текстъ евангелій Зографскаго, Ватиканскаго, Маріинскаго не отличается ничѣмъ существеннымъ отъ текста Саввиной книги, Остромирова или Реймскаго евангелій, если не считать тѣхъ звуковыхъ, формальныхъ и лексикальныхъ особенностей, которыя отмѣчены выше, какъ слѣдъ инонарѣчныхъ вліяній, на почвѣ кирилловскаго востока и глагольскаго запада, вѣрнѣе — югозапада. Кое-что объясняется здѣсь и бо́льшимъ консерватизмомъ писцовъ-глаголяшей, косным отношеніемъ ихъ къ первоспискамъ и слабостью внутренняго развитія всей этой письменности, въ сравненіи съ быстрымъ ростомъ и непрерывной переплавкой текстовъ кирилловскихъ. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно предполагать и сознательное желаніе приблизиться къ чтеніямъ Іеронимовой Вульгаты, какъ каноническаго текста церкви западной, обязательнаго въ спорныхъ случаяхъ и для уніатовъ-глаголяшей [1]).

Древнѣйшія литургическія книги глаголяшей — не только южныхъ, болгарскихъ, но и сѣверныхъ, хорватско-словинскихъ — также не отличались ни по языку, ни по составу отъ кирилловскихъ. Это мы видимъ напр. изъ Пражскихъ отрывковъ и хорватскаго Праксапостола, писаннаго полукруглой глаголицей по чтеніямъ восточнаго обряда и найденнаго на переплетѣ Кормчей 1262 г. Въ одномъ же глагольскомъ служебникѣ (Задрскомъ, XII—XIII в.) чередуются даже стихи ц.-славянскіе съ греческими въ глагольской транскрипціи [2]).

---

[1]) Ср. Šafařik, Památky hlaholského písemnictví. Praha 1851 г., стр. XXXVI сл. Его же Ursprung und Heimath 12.

[2]) Šafařik, Památky hlaholského písemnictví, стр. 57: єдинъ грьчки а дроуги словѣньски велиємь гласомь сию

Но рано, вѣроятно съ конца X-го и съ XI-го в., Риму удается пропустить въ глагольскую литургическую письменность уніатскую струю—расположеніе службъ по римскому обряду. Это видимъ уже въ Кіевскихъ глагольскихъ отрывкахъ [1]) и во всѣхъ хорватскихъ миссалахъ, бревіарахъ и пр., начиная съ Вѣнскихъ глагольскихъ листковъ, относимыхъ г. Ягичемъ къ XII-му в. [2]). Къ ц.-славянскимъ памятникамъ латино-нѣмецкаго происхожденія принадлежитъ и одна часть Фрейзингенскихъ статей, именно двѣ формулы исповѣди, переведенныя съ нѣмецкаго подлинника на славано-хорутанскій такъ сказать діалектъ [3]). Есть и въ нѣкоторыхъ кирилловскихъ памятникахъ слѣды латино-нѣмецкихъ вліяній. Такъ въ сказаніи объ убіеніи св. Вячеслава чешскаго упоминается святой Эммерамъ, что указываетъ на уніатскіе святцы автора, возникшіе вѣроятно въ Панноніи, гдѣ этотъ аквитанскій епископъ († 652 г.) былъ миссіонеромъ [4]). Да и Паннонскія житія не свободны отъ оптимистическаго взгляда на „апостолика“, который отражаетъ вѣроятно воззрѣнія не греческаго ихъ автора, а славянскаго переводчика или можетъ быть интерполятора. Этимъ путемъ и въ нашу начальную лѣтопись проникли не совсѣмъ согласные съ исторіей взгляды на отношеніе „папежа римскаго“ къ ереси пилатниковъ [5]), къ которой принадлежали не только Григорій VII

пѣснь: оте тонъ ставронъ просилосанъ парапоми, тонъ киріонъ тисъ доксисъ. Єгда на крижи нечистиви пригвоздише господа славы. Греческій стихъ очевидно звучалъ: Ὅτε τὸν σταυρὸν προσήλωσαν παράνομοι τὸν κύριον τῆς δόξης. Ср. Berčić J., Čitanka, Praha 1864 г., стр. IX, 33.

[1]) Срезневскій, Свѣдѣнія и зам. о малоизв. и т. д. 539. Тутъ встрѣчаются слова: мьшѣ (missa), оплатъ (oblata), прѣфацнѣ (praefatio) и т. п.

[2]) Ср. Jagić, Glagolitica. Wien 1890 г., стр. 2.

[3]) Востоковъ, Фил. набл., Прибавленіе, стр. 5 сл.

[4]) Срезневскій, въ Востокова Фил. набл., Прибавленіе, стр. 118.

[5]) Лаврент. лѣт. подъ 898 г

и Александръ II въ XI-мъ в., а Іоанны X и XII въ X-мъ вѣкѣ, но и Стефанъ V, а по временамъ и Іоаннъ VIII въ IX-мъ в. [1]). Въ Паннонскихъ житіяхъ это объясняется условіями церковнаго положенія славянъ западныхъ, входившихъ въ патріархатъ римскій, и можетъ быть оправдано возникновеніемъ этихъ житій до формальнаго раздѣленія церквей. Послѣднее не примѣнимо къ составителю Повѣсти временныхъ лѣтъ, который жилъ, конечно, послѣ Михаила Керулларія и зналъ уже объ отторженіи Рима „отъ престола Іерусалимска и Александрьскаго и Царяграда и Антіохійскаго“ [2]), тѣмъ болѣе, что и въ русской литературѣ XI-го в. были уже полемическія сочиненія противъ латынянъ. Таковы напр. Посланіе къ латынянамъ митр. Леонтія объ опрѣснокахъ (до 1008 г.), Стязаніе съ латиною митр. Георгія (до 1079 г.) и н. др. Благодушно-наивный отзывъ Лѣтописи о „папежѣ“ при разсказѣ объ его отношеніяхъ къ Кириллу и Меѳодію могъ слѣдовательно вылиться изъ-подъ пера нашего перваго лѣтописца лишь изъ благоговѣйнаго довѣрія къ Паннонскимъ житіямъ и аналогическимъ источникамъ.

Древній періодъ ц.-славянскаго языка былъ временемъ не только наибольшаго территоріальнаго его распространенія, но и высшей литературной обработки. Съ XIII-го в. начинается хотя и медленный, но довольно замѣтный упадокъ его въ обоихъ отношеніяхъ. Но при значительной высотѣ, достигнутой этимъ языкомъ въ древній періодъ трудами начальной кирилломеѳодіевской, затѣмъ болгарской симеоновской и русской ярославовской школъ, оскудѣніе его силъ не сразу стало замѣтно, тѣмъ болѣе, что на покатости внизъ онъ былъ два раза еще задерживаемъ: въ XIII—XIV-мъ вв. усиліями писателей южнославянскихъ, съ сербскими во главѣ, въ XVI-мъ же и XVII-мъ вв. труда-

---

1) Ср. мою статью въ Меѳодіев. юбил. сборникѣ, стр. 86 сл.

2) См. Лаврент. лѣт. подъ 988 г.

ми русскихъ справщиковъ, грамматистовъ, книгопечатниковъ.

Возрожденіе ц.-славянскаго языка и письменности на югѣ вызвано было двумя одновременными почти событіями: возстановленіемъ Болгарскаго царства основателями династіи Асенидовъ въ 1185 г. и организаціей государства сербскаго Стефаномъ Неманей († 1200 г.) и его даровитыми сыновьями Стефаномъ Первовѣнчаннымъ и св. Савой. Событія эти почти совпали съ разгромомъ Византіи крестоносцами въ 1204 г., перенесшимъ, казалось, на югославянъ тѣ политическія и культурныя задачи, которыя лежали раньше на среднегрекахъ. Правда, существованіе обоихъ южнославянскихъ государствъ, организованныхъ Асенидами и Неманичами, продолжалось не болѣе двухъ сотъ лѣтъ: Болгарія пала подъ ударами турокъ въ 1393—98 гг., Сербія же разгромлена ими въ Косовопольской битвѣ 1389 г. Тѣмъ не менѣе двухвѣковое свободное ихъ развитіе на началахъ восточно-христіанской образованности, подъ завѣтные звуки ц.-славянскаго языка, оставило глубокій слѣдъ на бытѣ и характерѣ балканскихъ народовъ и на общихъ судьбахъ славянства.

Писательская дѣятельность болгаръ второго царства была довольно обширна, какъ видно изъ изряднаго числа уцѣлѣвшихъ до нашего времени среднеболгарскихъ рукописей библейскаго, богослужебнаго, а отчасти и историческаго содержанія, между которыми особенно извѣстны Болонская псалтырь, написанная **въ Охридѣ градѣ въ селѣ рѣкомымъ Равне, при цри Асѣни Блъгарсѣкымъ** [1]) (вѣроятно второмъ, въ 1221—1245 гг.) и переводъ греческой Лѣтописи Константина Манассіи (при царѣ Александрѣ Шишманидѣ, ок. 1345—50 г. [2]).

Изъ самостоятельныхъ же ц.-славянскихъ произведеній среднеболгарской редакціи первое мѣсто занимаютъ слова,

---

[1]) Срезневскій, Юсовые памятники 49 сл.

[2]) Ср. Билярскій, О среднеболгарскомъ вокализмѣ. СПб. 1858 г.

посланія и особенно житія болгарскихъ святыхъ Іоанна Рыльскаго, Пятницы, Иларіона Могленскаго, Филоѳеи Терновской, написанныя послѣднимъ болгарскимъ патріархомъ Евѳиміемъ (1375 — 93 гг.). Ему принадлежитъ и установленіе особаго „терновскаго“ извода ц.-славянскихъ богослужебныхъ книгъ, за каковой подвигъ Константинъ Костенчскій зоветъ Евѳимія „великимъ художникомъ словѣнскыихъ писменъ“, Голубинскій же—болгарскимъ Никономъ [1]).

Въ XV-мъ в. Болгарія ничего почти не произвела въ литературной области, кромѣ двухъ-трехъ словъ и сказаній, составленныхъ напр. Владиславомъ Грамматикомъ, черноризцемъ Ѳеодосіемъ и н. др. Лучшіе изъ учениковъ Евѳимія предпочли перенести свою дѣятельность въ болѣе благопріятныя для развитія ея условія: Кипріанъ (родомъ сербъ † 1406 г.) переѣхалъ въ Русь и былъ тамъ однимъ изъ лучшихъ ц.-славянскихъ писателей XV-го в.; Григорій же Цамблакъ (родомъ болгаринъ † 1419 г.) работалъ то въ Сербіи, то въ Румыніи, то въ югозападной Руси, въ духѣ и на языкѣ Евѳимія. Изъ терновской школы послѣдняго вышелъ и Константинъ Костенчскій, одинъ изъ выдающихся сербскихъ бытописателей XV-го в.

Павшая политически и оскудѣвшая духовно Болгарія осуждена была съ тѣхъ поръ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ утолять свою духовную жажду не пересыхавшими ключами родной старины, да потокомъ духовной жизни и мысли инославянскихъ единовѣрцевъ, особенно сербовъ въ XV-мъ, а русскихъ съ XVI-го вѣка. Ц.-славянскій языкъ долженъ былъ при этомъ выдержать упорную борьбу съ греческимъ въ литургической области, подъ управленіемъ фанаріотскихъ владыкъ, съ турецкимъ же — въ государственной. При этомъ не могло быть и рѣчи о дальнѣйшей обработкѣ этого языка на болгарской діалектической основѣ. Ц.-славянскія произведенія Евѳимія такъ и остались послѣднимъ монументомъ въ честь кирилломеѳодіевскаго языка, воздвигнутымъ болгарскими руками.

---

[1]) Краткій очеркъ 173 сл.

Отъ болгаръ перешелъ ц.-славянскій языкъ и богослуженіе къ румынамъ—какъ подпиндскимъ (цынцарамъ), такъ и къ молдоволошскимъ. Это должно было случиться очень рано, еще въ IX—X-мъ вв., но становится гласнымъ историческимъ фактомъ лишь съ XIII—XIV-го в., когда организуются въ Валахіи и Молдавіи княжества, имѣвшія сначала собственныхъ воеводъ изъ семиградскихъ выселенцевъ, а позже подчиненныя туркамъ. Въ XV-мъ вѣкѣ, по паденіи Болгаріи и Сербіи молдоволошскіе монастыри стали на время и активными центрами ц.-славянской письменности, имѣвшими вліяніе на западнорусскую, отчасти и на московскую духовную литературу того времени. Изъ сохранившихся церковнославянскихъ книгъ румынскаго происхожденія мы видимъ, что въ Валахіи утвердился было среднеболгарскій, позже — среднесербскій, въ Молдавіи же — южнорусскій изводъ, но не въ чистомъ видѣ, а въ смѣшеніи всѣхъ этихъ трехъ стихій, съ немногими румынизмами и грецизмами [1]). Та же діалектическая помѣсь видна и въ дѣловомъ языкѣ древней Румыніи, какъ можно убѣдиться изъ влахоболгарскихъ грамотъ, собранныхъ и изданныхъ Венелинымъ (СПб. 1840 г.). Слѣдъ этихъ вліяній отражается донынѣ во множествѣ ц.-славянизмовъ, да и вообще славянскихъ примѣсей въ румынскомъ лексиконѣ, составляющихъ до 40% всего словарнаго матеріала этого смѣшаннаго славяно-романскаго языка [2]).

Переходя затѣмъ къ обзору положенія ц.-славянскаго языка въ земляхъ сербохорватскихъ въ этотъ средній періодъ его жизни, мы замѣчаемъ, что культурная разрозненность двухъ частей этого племени — юговосточной и сѣверозападной — отразилась въ параллельномъ развитіи обѣихъ ц.-славянскихъ графикъ, кирилловской у сербовъ

---

[1]) Ср. Голубинскій, Очеркъ исторіи правосл. церквей, стр. 391—394; Востокова Филол. наблюденія, стр. 103 сл., по поводу Молдавской грамоты 1589 г. и Ветх. Зав. 1537 г.

[2]) Ср. Cihac, Dictionnaire d'étymologie daco-romane, 1879 г.; Miklosich, Slav. Elemente im Romunischen.

и глагольской у хорватовъ. Между ними пробѣгали и въ этотъ періодъ нѣкоторые связующіе токи, но, говоря вообще, это были двѣ обособленныя школы, развивавшіяся въ расходящемся направленіи.

Въ сербско-кирилловской письменности, главнымъ средоточіемъ которой былъ хиландарскій монастырь на Аѳонѣ, основу составляли все тѣ же богослужебныя, библейскія, патристическія и историко-юридическія переводныя съ греческаго сочиненія, которыя унаслѣдованы славянами отъ кирилло-меѳодіевскаго и симеоновскаго періодовъ и лишь въ слабой мѣрѣ приумножены, особенно на Аѳонѣ, въ послѣдующіе вѣка. Таковы напр. Евангеліе и Апостолъ Шишатовецкіе (1324 г.), Евангеліе Никольское (нач. XV-го в.), Псалтырь Бранка Младеновича (1346 года), московскій Шестодневъ (1263 г.), хиландарскій сборникъ словъ Іоанна Златоуста (1344 г.), крушедольское Богословіе Іоанна Дамаскина (XIV-го в.), бѣлградскія Слова Ефрема Сирина 1337 г. и Григорія Богослова (XV-го в.), Бесѣды и Лѣствица Іо. Лѣствичника (XV-го в.), Александреида, Троянская Исторія, Стефанитъ и Ихнилатъ, многочисленные апокрифы, Хронографы, Палеи, Прологи, Кормчая (1262 г.), Типики и т. п. [1]).

Но сербы сдѣлали и нѣсколько самостоятельныхъ вкладовъ въ ц.-славянскую литературу, особенно по части житій. Первое мѣсто между ними по историческимъ и литературнымъ достоинствамъ занимаютъ житія Стефана Немани, писанныя его сыновьями Савою и Стефаномъ Первовѣнчаннымъ. Затѣмъ слѣдуютъ составленныя хиландарскимъ черноризцемъ Доментіаномъ житія того же Стефана Немани и Родословъ или Цареставникъ архіеп. Даніила (1323—37 г.), изображающій въ панегирическомъ стилѣ „хвальная житія“ кралей и архіепископовъ сербскихъ. Сюда принадлежатъ по мѣсту возникновенія и темамъ житія Стефана Дечанскаго и Стефана Лазаревича, изъ коихъ

---

[1]) Ср. Майковъ, Исторія сербскаго языка 47; Jagić, Hist. književnosti I, 166, 176 сл., 197 сл.

первое написано болгариномъ Григоріемъ Цамблакомъ, въ бытность его игуменомъ дечанскимъ, второе же — Константиномъ Костенчскимъ, вышедшимъ изъ терновской школы Евѳимія. Константину Костенчскому принадлежитъ и любопытное сказаніе о письменахъ, гдѣ „тончайшій и краснѣйшій русскій языкъ“ признанъ основою ц.-славянскаго, предпочтительно передъ „дебелѣйшимъ“ болгарскимъ и „тѣснымъ“ сербскимъ [1]). Распространеніе такого взгляда на славянскомъ югѣ проложило путь русскому изводу ц.-славянскихъ книгъ во всѣ болгарскія и сербохорватскія области, сохранившія славянское богослуженіе.

Сербамъ принадлежалъ по рожденію, но болгарамъ по образованію, а Руси по дѣятельности нашъ митрополитъ Кипріянъ († 1406 г.).

Вліяніе ц.-славянскаго языка отражается на славяно-сербскомъ языкѣ лѣтописей XIV-го и слѣд. вѣковъ и на дѣловомъ стилѣ грамотъ того времени, а равно на Законникѣ Стефана Душана, съ другими примыкающими къ нему свѣтскими и духовными законами; но основа этого языка не ц.-славянская, а сербская. Еще чище народная рѣчь въ тогдашнихъ грамотахъ дубровницкихъ, писанныхъ на говорѣ босанско-герцеговинскомъ.

Въ католическихъ краяхъ сербохорватскаго племени, особенно въ поясѣ чакавскаго разнорѣчія, довольно успѣшно развивалась въ XIII — XV-мъ вв. письменность ц.-славянско-глагольская, главнѣйше въ литургической области. Папа Иннокентій IV вынужденъ былъ особой буллой (отъ 1248 г.) на имя сеньскаго епископа формально разрѣшить ц.-славянское богослуженіе для тѣхъ мѣстностей „in Slavonia“, гдѣ это утверждено стародавними обычаями, съ обязательствомъ держаться графики „іеронимовской“, т. е. глагольской [2]). Нѣсколько позже (въ 1250 г.) издана была

---

[1]) Ср. Starine Югославянской Академіи въ Загребѣ, т. I.

[2]) Porrecta nobis petitio tua continebat, quod in Slavonia est littera specialis, quam illius terrae clerici se habere a b. Hieronymo asserentes, eam observant in divinis officiis

подобная булла и на имя епископа коркскаго, въ которой разрѣшается Муселоградскому (de castro Musela) святониколаевскому „бенедиктинскому“ монастырю совершать богослуженіе по славянскимъ книгамъ римскаго обряда [1]).

Если вспомнимъ, какія усилія сдѣланы были папами IX—XI-го вв., начиная со Стефана V и кончая Григоріемъ VII, съ цѣлью отстоять и на славянскомъ востокѣ утвердившійся тогда на всемъ латинонѣмецкомъ западѣ взглядъ на единоспасаемость латыни въ литургическомъ употребленіи; если примемъ при этомъ во вниманіе и силу папства въ первой половинѣ XIII-го вѣка, нѣсколько подорванную, правда, но далеко не сломанную борьбою съ Гогенштауфенами, — то не можемъ не подивиться настойчивости хорватскихъ глаголяшей въ охраненіи ц.-славянскаго языка и богослуженія! Положимъ, въ ц.-славянскихъ глагольскихъ памятникахъ XIII — XV-го вв. мы не находимъ ничего почти новаго: тѣ же богослужебныя книги, преимущественно служебники (миссалы, schiavet) и часословы (бревіары) римскаго обряда [2]), тѣ же кодексы псалтыри, евангелія, апостола, да вдобавокъ — нѣсколько переве-

---

celebrandis. Unde ut illis efficiaris conformis, et terrae consuetudinem, in qua existis episcopus, imiteris, celebrandi divina officia secundum praedictam litteram, a nobis licentiam suppliciter postulasti. Nos igitur attendentes, quod sermo rei, et non res sermoni subjecta, licentiam tibi in illis dumtaxat partibus, ubi de consuetudine observantur praemissa, dummodo ex ipsius varietate litterae sententia non laedatur, auctoritate praesentium concedimus postulatam. Theiner, Mon. slav. meridionalium I, подъ 1248 г.

[1]) Innocentius... Episcopo Veglensi... Abbas et conventus monasterii S. Nicolai de castro Musela ordinis S. Benedicti... ut in litteris sclavicis secundum ritum ecclesiae Romanae divina officia valeant celebrare, prout iidem et praedecessores sui facere consueverunt. Theiner, Mon. slav. merid. I, 79 стр.

[2]) Они уцѣлѣли въ такомъ множествѣ, что въ одной коллекціи Берчича набралось до 45 миссаловъ и до 60 бревіаровъ. Berčić J., Čitanka, стр. X.

денныхъ съ латинскаго сочиненій нравоучительнаго содержанія, каковы напр. Уставъ бенедиктинскаго монастыря въ Роговѣ (1369 — 1400 гг.), Вербницкая рукопись пастырскаго богословія (XIV—XV-го в.), Книга св. Бернарда (doctrina S. Bernardi XV-го в.), Омишскія слова и чтенія (1396 г.), Люблянскія чтенія и житія (1462 г.), и н. другія въ томъ же родѣ [1]). Къ этой редакціи относится и глагольская часть Реймсскаго евангелія, переписанная около 1395 г. хорватскими бенедиктинцами въ Эммаусскомъ монастырѣ въ чешской Прагѣ и содержащая новозавѣтныя чтенія, — конечно по ритуалу римскому, а не греческому, который видимъ въ кирилловской части рукописи [2]).

Изъ свѣтскихъ памятниковъ хорватско-глагольскаго письма первое мѣсто занимаютъ статуты Винодольскій (1280 г.) и Коркскій (о. Кр$_{о}$к 1388 г.). Къ нимъ примыкаютъ по языку довольно многочисленныя грамоты (самая древняя изъ уцѣлѣвшихъ 1309 г.) и акты, сохранившіеся въ архивахъ Загребскомъ, Люблянскомъ, Штирско-Градецкомъ и н. др. [3]). Но всѣ эти свѣтскіе памятники писаны на хорватскомъ діалектѣ, съ нѣкоторой лишь примѣсью ц.-славянскихъ формъ, подобно грамотамъ сербскимъ, болгарскимъ, русскимъ. То же должно сказать о чакавской Александреидѣ XIV—XV-го в. и о Троянской войнѣ (глагольской) того же времени [4]).

Такъ какъ площадь хорватской глаголицы обнимала въ разсматриваемый періодъ не только хорватское Приморье и сѣверную Далмацію (до рѣки Цетины и даже мѣстами до Неретвы), съ прилегающими островами, но и всю почти Истрію и значительную часть Драво-савской области, до Пожеги и Дьякова въ нынѣшней Славоніи и до Межи-

---

[1]) Šafařik, Pam. hlah. pis., стр. LI—LIII; Berčić, Čitanka, стр. X—XV; Jagić, Hist. književnosti I, 123 сл.

[2]) Berčić, Čitanka XII сл.

[3]) Šafařik, Pam. hlah. pis. LIV.

[4]) Ср. Jagić, Hist. književnosti I, 97 сл., 125.

мурья на сѣверозападѣ [1]), то понятно, что она забѣгала въ земли словинскія и западно-угорскія. Доказательствомъ можетъ служить сохраненіе въ Люблянѣ, Штирійскомъ Градцѣ и др. словинскихъ городахъ многихъ глагольскихъ рукописей [2]), а также участіе словинскихъ протестантовъ въ изданіи глагольскихъ книгъ въ XVI-мъ в. [3]).

Самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ существованія и силы грекославянскаго обряда въ Угріи XIII-го в. служитъ обнародованное еще іезуитомъ Катоною [4]) бреве папы Иннокентія III-го отъ 1204 г. къ угорскому королю Емерику слѣдующаго содержанія: „Возлюбленныя наши чада, монахи бенедиктинцы изъ монастыря св. Эгидія въ Угріи, что въ Шомодѣ (Simig), веспримской епархіи, прибывъ къ нашему апостольскому престолу, слезно намъ изложили, что-де по смерти своего аббата они избрали себѣ другого, и притомъ латинца, согласно древнему и утвердившемуся въ этомъ монастырѣ обычаю, по которому его аббаты и монахи принадлежатъ обыкновенно къ латинцамъ (latini, по вѣрѣ или по происхожденію?). Но ты, дражайшій сынъ, отказалъ въ королевскомъ утвержденіи (новоизбраннаго аббата), заявивъ, что не допустишь тамъ (въ аббаты) никого другого, кромѣ угрина (hungarum, по вѣрѣ или по происхожденію?). Узнавъ о томъ, досточтимый

---

1) Ср. объ этомъ Šafařik, Pam. hlah. pis. XLVII и Tkalčić, въ Archiv IV, 433 слл.

2) Въ предисловіи къ нѣмецкому переводу Durandi, Rationale divinorum officiorum (Рук. вѣнск. Hof. Bibl. 1384 г.) читаемъ, что у словинцевъ литургія совершается то по-лат., то по-гречески, то in windischer Sprache (по-ц.-слав.?), по причинѣ необыкновенной распространенности этого языка. (Ср. Šuman, Die Slovenen. Wien 1881 г. стр. 109). Вальвазоръ свидѣтельствуетъ, что въ его время (1689 г.) въ Windische Mark и др. частяхъ Крайны употреблялся въ богослуженіи общепонятный Slovenische Sprache. Отъ учителей тамъ требовалось тогда знаніе кириллицы и глаголицы (Valvasor, Die Ehre des h. Krain VII, 404).

3) Ср. Kleinmayr, Zgodovina 27 сл.

4) Hist. critica Regum Hungariae IV, 735.

нашъ братъ, архіепископъ сплѣтскій, явился къ твоей свѣтлости, тотчасъ завладѣлъ тѣмъ монастыремъ (въ Шомодѣ) и немного погодя сталъ назначать туда монаховъ-угровъ по собственному усмотрѣнію, не обращая вниманія на апелляцію монаховъ упомянутаго монастыря за такую обиду къ апостольскому престолу. А такъ какъ ни для кого не ново и само по себѣ не странно, что въ твоемъ королевствѣ различныя народности имѣютъ свои обители для служенія единому Богу по монашескому уставу, — причемъ тамъ находится всего одно общежитіе латинское (въ Шомодѣ?), хотя тамъ много (общежитій) греческихъ, то мы просимъ твою королевскую свѣтлость не мѣшать вышепомянутымъ монахамъ избрать себѣ въ аббаты подходящее лицо, согласно существовавшему донынѣ обычаю и каноническимъ поставленіямъ“ [1]).

Въ какомъ бы смыслѣ ни понимать въ этомъ бреве термины: латинецъ (latinus), угринъ (hungarus), — въ вѣроисповѣдномъ ли, какъ думаютъ одни [2]), или въ пле-

---

[1]) ...Sed tu, fili carissime, regium sibi (монахамъ) noluisti praebere consensum, affirmans, quod in alium, quam hungarum, minime consentires. Venerabilis autem frater noster B. Spalatensis archiepiscopus hoc attendens ad praesentiam tuae serenitatis accessit et monasterium ipsum velociter impetravit, qui non multo post monachos ungaros pro sua instituit voluntate, appellationi non deferens, quam memorati monasterii monachi super tanto gravamine ad sedem apostolicam emiserunt... Quia vero *nec novum est, nec absurdum, ut in regno tuo diversarum nationum conventus uni Domino sub regulari habitu famulentur, licet unum sit ibi latinum coenobium, quum tamen inibi sint multa graecorum*, serenitatem regiam rogamus, quatenus non impedias, quominus praefati monachi secundum consuetudinem hactenus observatam assumant sibi personam idoneam per electionem canonicam in abbatem. Datum Romae 18 octobris 1204 г. Katona, Hist. critica IV, 735; Fejer, Cod. dipl. Reg. Hung. подъ 1204 г., т. II, стр. 446 слл. Ср. Дулишковичъ, Истор. черты угрорусскихъ II, 45.

[2]) Ср. Rede des abgeordneten A. v. Dobrzanszky, стр. 96 и во всѣхъ прочихъ статьяхъ его по этому вопросу.

менномъ (latini generis), какъ предполагаютъ другіе [1]),— во всякомъ случаѣ, изъ него слѣдуетъ, что въ Угріи того времени было много монастырей греческихъ, подъ которыми мы можемъ разумѣть отчасти православныя, отчасти же уніатскія общежитія, съ богослуженіемъ то греческимъ, то церковнославянскимъ.

Что дѣйствительно нѣкоторые изъ этихъ монастырей были чисто православнаго вѣроисповѣданія, это видимъ изъ посланія того же Иннокентія III-го къ колочскому архіепископу отъ 1205 г., въ отвѣтъ на ходатайство послѣдняго о подчиненіи его юрисдикціи епархіи Бѣловнежской (Бѣльешской, въ Бихарской жупаніи?). Папа соглашается, но лишь въ томъ случаѣ, если епархія эта не подчинена Цареградскому патріарху [2]). Нѣсколько позже, въ 1221 году, греческихъ монаховъ въ Вышеградѣ (на Дунаѣ, близъ гор. Пешта) упоминаетъ папа Гонорій III въ посланіи къ остригомскому архіепископу и пилишскому цистерсіанскому аббату, внушая имъ замѣнить этихъ монаховъ латинскими, подъ предлогомъ ихъ распущенности [3]). И Гри-

---

[1]) Fessler, Gesch. d. Ung. II, 326, 385; I, 663; ср. Dobner, Monum. II, 347. Фесслеръ понимаетъ здѣсь подъ latini французовъ на томъ основаніи, что аббатство S. Aegidii въ Шомодѣ основано-де было св. Владиславомъ для французскихъ бенедиктиновъ и подчинено французской аббатіи S. Gilles, въ нимской епархіи. Потому-то король Эмерихъ и не могъ-де назначить въ немъ аббата изъ hungari, а развѣ изъ latini, въ частности изъ французовъ, на чемъ настаивалъ папа (Ges. d. Ung. II, 385). Мы склоняемся къ этому послѣднему толкованію, въ виду того, что въ Угріи XII—XIII в. однихъ премонстратскихъ монастырей было до 40 (ср. Fessler, Gesch. d. Ung. II, 299), слѣдовательно не къ нимъ относилось выраженіе бреве: .. licet unum sit ibi latinum coenobium. Ср. ibid. II, 317, гдѣ исчислено еще 15 цистерскихъ монастырей въ Угріи того времени.

[2]) Provideas autem attentius, ne ipse episcopatus sit ecclesiae Constantinopolitanae subjectus. 3 мая 1205 г. См. Дулишковичъ, Истор. черты II, 49; ср. 973 сл.

[3]) Carissimus in Christo filius noster Rex Ungariae illustris (Андрей II) nobis insinuare curavit, quod abbatia de Wi-

горій IX въ посланіи на имя иподіакона Эгидія отъ 3-го марта 1229 г. упоминаетъ объ усиліяхъ колочскаго архіепископа присоединить къ подчиненной ему Преддунайско-срѣмской (Syrmiae citerioris) епископіи новопріобрѣтенную Андреемъ II-мъ (въ 1228 г.) область Срѣма задунайскаго (Syrmiae ulterioris), съ тѣмъ, чтобы „для чести апостольскаго престола по возможности совратить въ латинскій обрядъ въ богослуженіи и таинствахъ и привести къ послушанію римской церкви населявшихъ ту область (Syrmiam ulteriorem, между Дунаемъ и Савою) славянъ и грековъ“ [1]). Но это была нелегкая задача, какъ видимъ изъ посланія Климента VI-го отъ 1344 г. нитранскому епископу, гдѣ на послѣдняго возлагается реформовать

---

sagrade Vesprimiensis dioecesis, in qua jus obtinet patronatus, *graecos habet monachos et habuit ab antiquo*, in quorum manibus abbatia ipsa adeo in spiritualibus et temporalibus est collapsa, quod nisi personae instituantur ibidem vicinis ecclesiis lingua et vita conformes, vix aut numquam adjiciet ut resurgat. Quare postulavit instanter, ut ibi *monachos latinos institui* de nostra permissione liceret. Ideoque discretioni vestrae per apostolica scripta mandamus, quatenus solum Deum habentes prae oculis, ea, quae fuerint in hujusmodi consideranda negotio, diligenter considerare curetis et si pensatis omnibus expedire videritis, et fieri potest absque gravi scandalo et juris praejudicio aliaeni, latinos monachos institui permittatis ibidem, proviso quod *graecis monachis nunc existentibus* ibi, provisio congrua toto vitae suae tempore assignetur. 20 апр. 1221 г. Katona, Hist. critica Regum Hungariae, V, стр. 348. Ср. Theiner, M. H. H. I, 29; Fessler, Gesch. d. Ung. II, 974 сл.

[1]) Sane idem archiepiscopus humiliter supplicavit, ut cum praefata ecclesia ulterioris Syrmiae colocensis vicinior et conterminata esse noscatur, ipsam novo episcopatui, qui de licentia nostra in citeriore Syrmia debet creari, per ipsum annectere dignaremur, maxime cum ad honorem apostolicae sedis pertineat, *ut sclavi et graeci, qui inhabitant terram illam (Syrmiam ulteriorem)* in divinis officiis et ecclesiasticis sacramentis *ad latinorum ritum* et obedientiam romanae ecclesiae, si potest fieri, *convertantur.* Ср. Katona, Hist. critica Regum Hungariae, V, 545; Theiner, M. H. H. I, 88 сл.

греческій Свято-Димитріевскій монастырь (въ г. Митровицѣ, близъ Савы?), подчиненный дотолѣ (1344 г.) цареградскому патріарху. Реформа же эта должна была состоять въ замѣнѣ чернцовъ греческихъ, угорскихъ и славянскихъ (graeci, hungari, slavi) латинскими бенедиктинцами [1]). Усилія папы не пропали даромъ. Лѣтъ 25 спустя мы встрѣчаемъ подпись срѣмскаго (латинскаго) епископа подъ королевскимъ указомъ (4 іюля 1369 г.) о передачѣ латинскимъ павлинамъ славянскаго скита de monte Iregh (Ирекъ, на Фрушкой горѣ). Срѣмскій же епископъ Яковъ благодарилъ папу Евгенія IV-го особымъ письмомъ (отъ 15 марта 1437 г.) за присылку въ его епархію инквизитора Якова de Marchia, усмирившаго-де въ Срѣмѣ многихъ „схизматиковъ и еретиковъ-гуситовъ“ духовнаго и мірского чина, которые рады бы истребить всѣхъ латинскихъ епископовъ и католическій клиръ [2]). При такомъ настроеніи срѣмскихъ епископовъ и Свято-Димитріевскій монастырь не могъ не заразиться нѣкоторыми уніатскими взглядами, которые раздѣлялъ и вышедшій изъ него чернецъ, впослѣдствіи московскій митрополитъ — Исидоръ. Но скоро (1526 г.) наступила гроза турецкая, которая смыла въ Срѣмѣ довольно тонкій еще въ народѣ слой латинства и уніи, такъ что съ XV — XVI-го в. Фрушкая гора становится однимъ изъ главныхъ средоточій сербскаго монашества, а впослѣдствіи Карловцы — престольнымъ городомъ сербскихъ патріарховъ.

И въ примыкающихъ къ Срѣму областяхъ угросербскихъ, угроболгарскихъ, угрорумынскихъ, угрорусскихъ ц.-славянскій языкъ упорно держался во весь средній періодъ его жизни. Что угросербы и угрорумыны еще въ концѣ XV-го в. строго держались православія, это извѣстно меж-

---

[1]) Theiner, M. H. H. I, 667 сл. Ср. Добрянскій А. И., въ Parlamentär 14 нбр. 1886 г. То же въ Изв. слав. благотв. общ 1887 г. N 2.

[2]) Kollar, Hist. episcopatus Quinqueecclesiarum III, 356. Ср. Добрянскій А. И., въ Parlamentär 14 нбр. 1886 г., стр. 6.

ду прочимъ изъ угорскаго законника этого времени: Tripartitum Verböczianum [1]). Католическіе шокцы появились въ Угріи лишь позже. То же должно сказать о болгарахъ южной Угріи и Семиградья. Расположенныя въ юговосточной Угріи епископіи: Семиградскія (съ Бѣлградскою во главѣ [2]), Бѣловнежская (Бѣльешъ), Мармарошская, Мукачевская, Маковицкая, долго сопротивлялись напору не только латинства, но даже уніи [3]). Въ угрорумынскихъ областяхъ православіе преобладаетъ и теперь, хотя ц.-славянскій языкъ съ XVII—XVIII-го в. вытѣсненъ тутъ румынскимъ. Русь угорская была сильно ослаблена татарскимъ нашествіемъ 1241 г., но въ XIV-мъ в. она нѣсколько оживлена прибытіемъ литовско-подольскаго князя Θеодора Коріатовича съ дружиною (1338 г.), основавшаго между прочимъ уцѣлѣвшій донынѣ василіанскій монастырь въ Мукачевѣ [4]).

Между словаками очень долго держался славянскій обрядъ въ Гемерской жупаніи, гдѣ даже въ грамотахъ XVII — XVIII-го в. упоминаются рядомъ: latini и slavi, т. е. приверженцы латинскаго и ц.-славянскаго обрядовъ [5]). И въ Кремницѣ (Тековской жупаніи) схизматиковъ встрѣчаемъ еще въ грамотѣ Людовика II-го отъ 1518 года [6]). Въ Будинѣ латинизаціонныя стремленія послѣднихъ Арпа-

---

[1]) Verböczi III, 25 и индѣ. Ср. Theiner, M. H. H. I, 519. Папа Іоаннъ XXII въ 1328: Cumanis, Alachis et Sclavis et aliis infidelibus...

[2]) Въ 1290 г. папа Николай IV поручилъ своему легату въ Угріи изгнать изъ Albae Bulgaricae схизматическаго епископа и поставить вмѣсто него латинскаго. Theiner, M. H. H. I, 366; ср. I, 103.

[3]) Это допускаетъ и Fessler, Gesch. d. Ung. II, 325.

[4]) Basilovits, Notitia fundationis Koriatovichianae. Ср. Fessler, Gesch. d. Ung. III, 426, 770 сл; Дулишковичъ, Истор. черты угрорусскихъ II, 10 сл.

[5]) Bartholomeides, Notitia comitatus Gömöriensis 270, 272, 449.

[6]) Ср. Magyar Sion 1867 г. IV, 61.

довичей и Карла Роберта вызвали такое противодѣйствіе, что съ 1300 по 1309 г. городъ этотъ, предавшій публичному проклятію папу и вѣрныхъ ему епископовъ [1]), находился подъ церковнымъ запрещеніемъ, которое не помѣшало однако горожанамъ, со словакомъ Мартиномъ (Martinus Slavus) во главѣ, совершатъ богослуженіе и священнодѣйствія. Въ 1309 г. Удворскій синодъ возобновилъ это запрещеніе на будинскихъ „схизматиковъ и еретиковъ", угрожая интердиктомъ и всѣмъ ихъ единомышленникамъ въ Угріи, особенно за браки съ „рутенами, болгарами, сербами и литовцами".

Упорно держались „схизматики" и въ задунайской Угріи, древней Панноніи, напр. на рѣкѣ Рабѣ (до 1638 года? [2]), въ жупаніи Тольнянской (монастырь Грабовецкій) и въ Пятицерковской, въ которой еще въ началѣ XV-го в. упоминаются селенія невѣрныхъ (villae paganorum). Іоаннъ XXIII-ій посланіемъ отъ 31-го августа 1414 года назначилъ для этихъ селеній особаго прелата, непосредственно подчиненнаго папѣ.

Все-таки соединеннымъ усиліямъ папъ и латинскихъ епископовъ въ Угріи, нѣкоторыхъ королей (особенно Андрея II, Бѣлы IV, Карла Роберта, Людовика Вел., а затѣмъ Ягеллоновъ и Габсбурговъ) и множества западныхъ орденовъ, особенно цистерсіанцевъ и премонстратовъ, позже августиновъ и павлиновъ [3]), а наконецъ доминиканцевъ и іезуитовъ, удалось вытравить православныхъ черныхъ монаховъ, ввести унію, а затѣмъ и чистое латинство съ

---

[1]) Excommunicavimus praedictos sacerdotes (budenses), tamquam haereticos ac schismaticos. Kollar, Hist. episc. Quinqueecclesiarum II, 286 сл.; Fessler, Gesch. d. Ung. III, 74 сл. Ср. Добрянскаго, въ Parlamentär 14 ноябр. 1886 г., стр. 4. Еще въ 1506 г. Юлій II принужденъ былъ разрѣшить королю Владиславу допускать въ придворную церковь boemos et alios scismaticos, subditos tuos... et hereticos. Theiner, M. H. H. II, 572.

[2]) Slovenský Letopis I, 333.

[3]) Ср. Fessler, Gesch. d. Ung. II, 874 сл.

целибатомъ и разными другими западными новшествами. Отъ своеобразнаго смѣшенія въ этой области стараго и новаго, грекославянскаго и римскославянскаго, выработался особый обрядъ „угорской церкви“, существовавшій до XVIII-го в., когда онъ былъ вытѣсненъ обрядомъ чисто-латинскимъ. Дуализмъ внесенъ сюда смѣшеніемъ не только двухъ ритуаловъ, греческаго и римскаго, но и двухъ церковныхъ уставовъ. Въ древнее время въ Угріи господствовалъ греческій номоканонъ, очевидно въ переводѣ на языкъ ц.-славянскій, почему мы находимъ въ этой странѣ въ старое время бракъ священниковъ, посты по середамъ и пятницамъ, семинедѣльное продолженіе великаго поста и т. п. Это видно и изъ свода законовъ св. Владислава, конца XI-го в. Лишь впослѣдствіи эта „старая вѣра“, какъ зовутъ теперь еще мадьяры православіе, смѣнилась новою, послѣ продолжительной и не вполнѣ еще законченной борьбы. Не символомъ ли этого дуализма служитъ и хранящаяся въ Будинѣ корона угорскихъ королей, составленная изъ двухъ вѣнцовъ: греческаго (отъ императора Михаила Дуки?) и латинскаго, изготовленнаго, какъ думаютъ, при Карлѣ Робертѣ! [1])

Переходя отъ Угріи къ Чехо-Моравіи средняго періода, мы встрѣчаемъ и здѣсь нѣкоторыя указанія на сохраненіе ц.-славянскаго языка и богослуженія, средоточіями коихъ были опять-таки монастыри, населенные „черницами“ б. м. православными, но скорѣе „черными монахами бенедиктинскаго ордена“, уніатскаго характера. Краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ существованія такихъ монаховъ въ Чехіи еще второй половины XIII-го вѣка служитъ сино-

---

[1]) Ср. Sasinek, въ Parlamentär 3 Juni 1888 г., стр. 6, 7. Не всѣ однако согласны въ этомъ съ Сасинкомъ. По мнѣнію напр. А. И. Добрянскаго, корону слѣдуетъ считать или первоначальнымъ вѣнцомъ воеводы Гейзы (X в.), полученнымъ отъ восточнаго императора, съ позднѣйшими лишь починками, или соединеніемъ двухъ греческихъ же вѣнцовъ, данныхъ воеводѣ Гейзѣ въ X-мъ и королю Гейзѣ въ XI-мъ в.

дальное посланіе предсѣдательствовавшаго на вѣнскомъ синодѣ папскаго нунція Гвидона [1]), адресованное изъ Вѣны къ епископамъ зальцбургской митрополіи и пражской епископіи отъ 12 мая 1267 г., гдѣ читаемъ между прочимъ: „Дошла до нашего слуха и свѣдѣнія возмутительная вѣсть, что аббаты и монахи ордена св. Бенедикта въ весьма многихъ мѣстахъ, нахально отступая отъ соблюденія священнаго устава, дерзаютъ вести самую распутную жизнь, на погибель своихъ душъ и соблазнъ многимъ. Для исцѣленія подобнаго недуга мы вмѣняемъ въ непремѣнную обязанность всѣмъ епископамъ зальцбургской провинціи и епископу пражскому въ теченіе полугодичнаго срока посѣтить каждому лично, въ сопровожденіи двухъ аббатовъ цистерсіанскаго ордена, всѣ *монастыри черныхъ монаховъ* своей епархіи, съ цѣлью исправить и преобразовать эти монастыри во главѣ и въ членахъ, за изъятіемъ однако тѣхъ (монастырей), о которыхъ доподлинно извѣстно, что они подчиняются непосредственно римской церкви, такъ какъ эти послѣдніе (монастыри) мы предполагаемъ посѣтить лично, либо чрезъ особо для этой цѣли отправленныхъ лицъ. Кромѣ того мы запрещаемъ аббатамъ (черныхъ бенедиктинцевъ?) благословлять и освящать чаши, блюда и священныя облаченія и вообще исполнять какія либо епископскія требы, доколѣ они не получатъ особаго на то разрѣшенія отъ апостольскаго престола“ [2]). Это посланіе можетъ служить

---

[1]) О немъ подробнѣе говоритъ Дудикъ, въ Dějiny Moravy VI, 26 сл. и VIII, 167 сл.

[2]) Litterae encyclicae synodales cardinalis Guidonis ex concilio Viennensi. Viennae 12 maji 1267... Hinc est, quod sanctissimus in Christo pater et dominus noster Clemens papa IV ad Salzburgensem provinciam et civitatem et dioecesin Pragensem cum plenae legationis officio nos duxerit transmittendos, officii nostri debitum libenter exequimur, evellendo evellenda, plantando plantanda, recta regendo et dirigendo salubriter indirecta... Item cum clamosa insinuatio nostrum percusserit auditum et animum, quod abbates et *monachi ordinis sancti Bene-*

доказательствомъ, что въ Чехіи того времени былъ не одинъ, а много монастырей стараго (грекославянскаго?) типа, съ „черными монахами“, отчасти подчинявшимися мѣстнымъ архіереямъ, отчасти непосредственно Риму. Не съ ними ли приходилось вести папамъ, ихъ легатамъ и слугамъ столь упорную борьбу въ Чехіи и Моравіи XIII-го вѣка? Не они ли были виновниками неоднократныхъ интердиктовъ на эти земли, напр. въ 1240 и 1244 гг.? Не ихъ ли разумѣлъ еп. Брунонъ, доносившій въ 1272 г. папѣ, что въ Моравіи есть множество сектаторовъ, удаляющихся духовенства (латинскаго?), исповѣди и др. таинствъ? Не въ этомъ ли заключается разгадка и страннаго вольнодумства чешскаго короля Вячеслава II (1283 — 1305), принимавшаго при своемъ дворѣ монаховъ изъ Руси и Греціи и присутствовавшаго на ихъ службахъ на греческомъ и ц.-славянскомъ языкахъ, — конечно, совершаемыхъ въ уцѣлѣвшихъ до того времени церквахъ грекославянскаго духа и обряда? Въ „черноризцахъ“ кардинала Гвидона и сектаторахъ еп. Брунона мы склонны видѣть историческое звено, связывающее преданія монастыря Сазавскаго съ Эммаусскимъ, вѣковъ Прокопа и Гуса.

---

dicti in quam pluribus locis ab observantia sanctae regulae temere recedentes vitam nimis dissolutam ducere non verentur in suarum animarum periculum et scandalum plurimorum. Volentes igitur, ut contra hujusmodi corruptelam salubre remedium opponatur, universis episcopis Salzburgensis provinciae ac episcopo Pragensi districte praecipimus, ut quilibet ipsorum intra dimidium annum assumptis secum duobus abbatibus *ordinis Cystercienis*, omnia *claustra nigrorum monachorum* suae dioecesis visitet, corrigat, et reformet, tam in capite quam in membris, illis tamen exceptis, qui Romanae ecclesiae nullo medio subesse noscuntur, quos per nos vel per alios nobis specialiter ad hoc deputandos intendimus visitare. Prohibemus etiam abbatibus, ne calices vel patenas seu sacras vestes benedicere vel consecrare vel alia episcopalia officia exercere presumant, nisi super hoc a sede apostolica privilegium habuerint speciale. Emler, Regesta Boh. et Mor. II, p. 1172—76.

Если бы оставались еще сомнѣнія относительно возможности такого пониманія выраженія: claustra nigrorum monachorum ordinis S. Benedicti и существованія въ Чехіи XIII—XIV-го в. остатковъ грекославянскаго монашества и духа, то окончательно разсѣять ихъ можетъ и должна булла Климента VI-го отъ 1346 года на имя пражскаго архіепископа Арношта изъ Пардубицъ, гдѣ читаемъ:

„Возлюбленный сынъ нашъ, славный мужъ Карлъ, маркграфъ моравскій, довелъ до нашего свѣдѣнія, что въ Славоніи и въ другихъ областяхъ со славянскимъ населеніемъ съ разрѣшенія апостольскаго престола читаются на ихъ народномъ (т. е. ц.-славянскомъ) языкѣ обѣдни и другія каноническія службы, а даже и распѣваются, и что вслѣдствіе смутъ и войнъ въ тѣхъ краяхъ разрушены и уничтожены многіе монастыри и обители черныхъ монаховъ святаго Бенедикта и другихъ орденовъ [1]), сохраняющихъ тамъ по стародавнему обычаю означенный обрядъ и по сію пору. Вслѣдствіе того монахи и братья означенныхъ монастырей и обителей не могутъ-де послужить ни Богу, ни христіанамъ. Не имѣя средствъ поддержать свои монастыри и обители, они должны блуждать по міру, черезъ что падаетъ въ тѣхъ областяхъ богопочитаніе и христіанская вѣра. А такъ какъ, по словамъ его (Карла IV), въ предѣлахъ и близъ границъ чешскаго королевства, населенныхъ народами того же языка и происхожденія, находится много схизматиковъ и невѣрныхъ, которые не хотятъ знать Священнаго Писанія, если оно читается, объясняется или проповѣдуется имъ по-латыни, вслѣдствіе чего не легко и обратить ихъ къ христіанской вѣрѣ,—то вышепоименованные монахи, братья и проповѣдники, держащіеся названнаго (ц.-славянскаго) обряда, были бы-де крайне необходимы и полезны въ этомъ королевствѣ (т. е. Че-

[1]) ...Monasteria et loca monachorum nigrorum Sancti Benedicti et aliorum ordinum in Slavonia et nonnullis partibus de slavonica lingua existentibus. Ginzel, Cyrill und Method. 93.

хіи) и прилегающихъ къ нему областяхъ, для славы Божьей и возвеличенія христіанской вѣры [1]). Итакъ маркграфъ смиренно проситъ насъ разрѣшить, въ видѣ особой милости, тѣмъ братьямъ и церковнослужителямъ избрать въ Чехіи и ея пограничьяхъ мѣста, гдѣ они могли бы поселиться, занимаясь объясненіемъ слова Божія и совершеніемъ литургіи по обряду и обычаямъ тѣхъ (славонскихъ) краевъ. Не имѣвъ раньше свѣдѣній о такомъ положеніи дѣлъ, мы возлагаемъ на тебя, какъ вполнѣ надежнаго человѣка, отъ нашего имени разрѣшить тѣмъ монахамъ или братьямъ ордена св. Бенедикта или другого одобреннаго нашимъ престоломъ, избрать себѣ одно мѣсто въ названномъ королевствѣ или его пограничьяхъ, гдѣ они могли бы служить по вышеназванному (ц.-славянскому) обряду, какъ одобренному нѣкогда апостольскимъ престоломъ; но съ тѣмъ, чтобы они ни въ какомъ случаѣ не нарушали правъ приходской церкви избраннаго тѣми монахами и братьями мѣста и вообще никакихъ правъ третьихъ лицъ" [2]).

Изъ этой буллы мы узнаемъ, что во 1) подъ monachi nigri S. Benedicti разумѣлись на языкѣ римской куріи и хорватскіе глаголяши, получившіе отъ Иннокентія IV разрѣшеніе удержать церковно-славянскій языкъ въ богослуженіи, съ соблюденіемъ лишь римскихъ догматовъ и литургическаго ритуала [3]); во 2) что въ Чехіи

---

[1]) ...In confinibus et circa partes regni Boemiae, quae de eadem (т. е. slavonica) lingua et vulgari existunt, sunt *multi schismatici et infideles*, qui cum eis sacra scriptura *latine* dicitur, exponitur vel praedicatur, *nec intelligere volunt* nec commode ad fidem christianam possunt converti, dictique monachi et fratres vulgares praedicatores ritum praedictum habentes in dicto regno et ipsius confinibus summe necessarii et utiles pro Dei laude et augmentatione christianae fidei esse noscantur. Ср. Ginzel, Cyr. und Method. 93.

[2]) Pelzel, Kaiser Karl d. IV, Prag 1780 г. I, 90. Ср. Ginzel, Cyrill. und Method. 92 сл.

[3]) Dummodo ex ipsius varietate litterae sententia non laedatur. Ginzel, Cyr. u. Meth. 92.

и смежныхъ краяхъ находились и около 1346 года (какъ при кардиналѣ Гвидонѣ въ XIII-омъ в.) многіе схизматики и невѣрные [1]), которые были совершенно глухи къ богослуженію латинскому и на которыхъ можно было подѣйствовать лишь па языкѣ ц.-славянскомъ (in eorum vulgari), и въ 3) что папа, избирая изъ двухъ золъ меньшее, а именно обрядъ хорватскихъ глаголяшей вмѣсто болѣе опаснаго кирилловскаго, все-таки предпочелъ и глаголяшей ограничить всего однимъ монастыремъ. Въ силу этой буллы былъ сооруженъ въ Прагѣ въ 1347 г. Эммаусскій монастырь во имя блаженнаго Іеронима, какъ переводчика Св. Писанія на латинскій и славянскій (slavonicam, по преданію глаголяшей) языкъ, съ котораго произошелъ-де и чешскій, а также въ честь свв. Кирилла и Меѳодія, Войтѣха и Прокопія, какъ патроновъ Чехіи и Моравіи [2]). Вызваннымъ изъ Хорватіи чернцамъ-глаголяшамъ вмѣнено въ обязанность служить на церковно-славянскомъ языкѣ, — но по римскимъ, а не по греческимъ служебникамъ и часословамъ, насколько можно судить по уцѣлѣвшимъ отъ Эммаусскаго монастыря памятникамъ. Первое мѣсто между ними занимаетъ Реймсское евангеліе, котораго древнѣйшая, кирилловская часть, приписываемая св. Прокопу, была гдѣ-то куплена Карломъ IV (не in confinibus ли Russiae?) и подарена Эммаусскому монастырю, вторая же, глагольская, приписана въ 1395 года однимъ изъ его монаховъ. Та представляетъ евангельскія чтенія по греческому, эта же — по римскому обряду. Чрезвычайное уваженіе, которымъ пользовалась эта рукопись въ средѣ сначала хорватскихъ, а затѣмъ и чешскихъ глаголяшей г. Праги, снабдившихъ ее драгоцѣннымъ переплетомъ съ частицами святыхъ мощей, — служитъ довольно краснорѣчивымъ указаніемъ на духовное единеніе этихъ глаголяшей съ русскими [3]) кирилловцами,

---

[1]) Multi schismatici et infideles. Ibid. 93.

[2]) Ср. Ginzel, Cyrill und Method. 94 сл.

[3]) Въ послѣсловіи къ Реймсскому евангелію одинъ изъ

которыхъ Карлъ IV и Климентъ VI вѣроятно разумѣли подъ именемъ schismatici и infideles.

Эммаусскій монастырь не долго просуществовалъ съ церковно-славянскимъ богослуженіемъ. Народъ не могъ отнестись съ особымъ довѣріемъ и любовью къ этому учрежденію, разрѣшенному Римомъ въ миссіонерскихъ видахъ, съ замѣною книгъ кирилловскихъ глагольскими, а обряда грекославянскаго латинославянскимъ, какъ переходнымъ къ латинскому. Къ тому же, что значилъ одинъ пражскій монастырь, при существованіи „множества схизматиковъ и невѣрныхъ“ во всей странѣ и смежныхъ съ него областяхъ, особенно по деревнямъ! [1]).

Послѣднимъ славянскимъ дѣяніемъ этого монастыря было причащеніе подъ двумя видами, испрошенное отъ аббата Павла II (16 окт. 1419 года) войсками Жижки, и данное имъ какъ окупъ съ предназначеннаго было къ разрушенію монастыря. Вмѣстѣ съ этимъ признаніемъ утраквизма, аббатъ принужденъ былъ, кажется, выдать гуситамъ и драгоцѣнную рукопись, о которой выше была рѣчь, и которая отъ гуситовъ досталась потомъ, по соображеніямъ Ганки, въ 1451 г.—въ Цареградъ, а оттуда около 1546 г. въ Тридентъ и наконецъ въ г. Реймсъ. Тутъ она стала подъ именемъ Texte du Sacre корона-

---

чешскихъ глаголяшей называетъ кирилловскую его часть русскою: а друга страна тиех'то книжекь, іенжь ё подлѣ рус'ского ѯкна, псаль ё ѽти прокопь оӥть сву руку. Ганка, Сазаво-Емм. Благовѣств. 187.

[1]) Это видно между прочимъ изъ различенія еще Гусомъ словъ: cirkev и kostel въ смыслѣ храмовъ: деревенскаго (црькы, κυριακόν?) и городского (костелъ, castellum). Слѣдуетъ замѣтить, что и подборъ первыхъ черncовъ Эммаусскаго монастыря былъ не особенно удаченъ. Они немедленно вступили въ пререканія съ архіепископомъ, а сверхъ того аббатъ поссорился съ братьею, которая понемногу стала расползаться то изъ-за этихъ ссоръ, то изъ-за чужихъ женъ (Tomek, Dějepis m. Prahy III, 249).

ціоннымъ евангеліемъ французскихъ королей, отъ Франциска II до Людовика XVI включительно [1]).

Но Реймсское евангеліе было не единственнымъ письменнымъ памятникомъ Эммаусскаго монастыря. Съ 1356 года при немъ систематически переписывались книги на „благородномъ языкѣ славянскомъ", для чего Карлъ IV назначилъ особую плату по десяти гривенъ писцу [2]). Изъ переписанныхъ тутъ рукописей кое-что уцѣлѣло въ разныхъ мѣстностяхъ Чехіи и Моравіи, напр.: въ Прагѣ, Вышебродѣ, Турскѣ, Прасколѣсахъ, Градцѣ Кралевой, Трутновѣ, отчасти и въ сосѣднихъ странахъ — Касселѣ, Ганноверѣ и др. Это главнѣйше ц.-славянскіе часословы и служебники римскаго обряда, напр. Трутновскій бревіаръ. Попадаются и кирилловскіе отрывки, напр. Кралево-Градецкій изъ евангелія русской редакціи, кажется XIII-го вѣка [3]). Нѣкоторыя же глагольскія рукописи представляютъ не ц.-славянскій, а чешскій текстъ библейскаго содержанія, но не литургическаго характера, напр. ганноверскій отрывокъ Дѣяній и н. др. [4]).

Вскорѣ послѣ 1419 года Эммаусскій монастырь былъ обращенъ въ утраквистскую консисторію, а впослѣдствіи — въ латинскій монастырь, сохранившій лишь въ наимено-

---

[1]) Петръ Великій въ 1717 г. первый обнаружилъ ц.-славянскій характеръ этого будто бы греко-сирскаго или святоіеронимовскаго евангелія. Но съ тѣхъ поръ оно какъ бы лишается прежняго обаянія. Ограбленное отъ дорогого переплета, даже затерявшееся было въ періодъ революціи, оно найдено потомъ въ Реймсской городской библіотекѣ и издано каллиграфомъ Сильвестромъ Де-Саси въ 1843 г. въ Парижѣ, иждивеніемъ императора Николая Павловича. Ср. Ганка, Сазаво-Эммаусское Благовѣствованіе, стр. VI–XII.

[2]) Ганка, Сазаво-Эмм. Благовѣств., стр. V.

[3]) По Срезневскому до 1300 г. См. его Повремен. обозр., подъ этимъ годомъ.

[4]) Описаніе и изданіе этихъ памятниковъ сдѣлано Ганкою въ соч. „Остатки слав. богослуженія у Чеховъ". Прага 1859 г. Ср. Патера, О глагольскихъ пассіоналахъ XIV вѣка (Č. Č. M. 1883 г.).

ваніи „слованскій“ память о своемъ возникновеніи и предназначеніи.

Но еще ранѣе указанныхъ переворотовъ монастырь этотъ вывелъ двѣ колоніи монаховъ-бенедиктинцевъ съ ц.-славянскимъ обрядомъ: во 1-хъ, въ Олѣшницкомъ монастырѣ ordinis Benedicti fratrum slavorum, въ Слезіи, ок. 1380 — 85 годовъ [1]), и во 2-хъ, въ г. Краковѣ, гдѣ король Ягайло съ Ядвигой учредили въ 1390 г. для нихъ славянскій монастырь, при церкви Св. Креста въ предмѣстьѣ Клепарѣ [2]). Чѣмъ вызвано было это послѣднее учрежденіе, въ точности неизвѣстно. По разсказу Длугоша (подъ 1390 г.), главное участіе въ немъ принимала Ядвига, которая вѣроятно наслѣдовала любовь къ славянскому богослуженію отъ своей матери, боснійской княжны Елисаветы, а быть можетъ и отъ славянскихъ бояръ при дворѣ ея отца, Людовика Великаго. По свидѣтельству Мѣховиты и Вуйка, она любила читать „славянскую“ (ц.-славянскую?) библію и святыхъ отцевъ [3]). Она то вѣроятно поддерживала и въ Ягайлѣ участіе къ славянскому монастырю въ Клепарѣ, которое охладѣло однако вслѣдъ за смертью Ядвиги, такъ что монастырь остался недостроеннымъ. Но ц.-славянское богослуженіе, по кирилловскимъ кажется книгамъ [4]), совершалось въ немъ

---

[1]) Cp. Wattenbach, въ Zeitschrift des Vereins f. Gesch. u. Alterthum Schlesiens. 1860 г. III, 206; Первольфъ, Славяне III, 31.

[2]) Не на мѣстѣ-ли болѣе древней славянской церкви, меѳодіевскаго происхожденія? Первымъ настоятелемъ при Ягайлѣ былъ пражскій монахъ Вячеславъ. Cp. Tomek, Dějepis m. Prahy. III, 236.

[3]) Напрасно проф. Первольфъ (Слав. II, 550) разумѣетъ тутъ подъ языкомъ славянскимъ непремѣнно польскій.

[4]) На это указываютъ и кирилловскія надписи на фрескахъ въ Свято-Крестовской часовнѣ въ Краковѣ на Вавелѣ, отъ XV-го в. По свидѣтельству Сарницкаго (подъ 1492), надгробная надпись Казимира Ягеллона была на русскомъ языкѣ, т. е. ц.-слав. кириллицей.

довольно долго, до временъ Длугоша (ок. 1470 г.), который съ сожалѣніемъ сообщаетъ о постепенномъ олатыненіи этого монастыря [1]). Къ чести этого польскаго бытописателя должно признать, что онъ, состоя самъ каноникомъ краковскаго католическаго капитула, понималъ однако и гласно признавалъ важность ц.-славянскаго языка въ богослуженіи: „Вѣковѣчной памяти заслуживаетъ, говоритъ онъ, милость Искупителя, который превознесъ родъ славянскій и чудесно его возвеличилъ дарованіемъ особенной благодати — совершать на своемъ собственномъ языкѣ всѣ священнодѣйствія и службы какъ дневныя, такъ и ночныя, со включеніемъ литургіи, чего нѣтъ ни на одномъ другомъ языкѣ, кромѣ греческаго, латинскаго и еврейскаго. Благость Божія поставила славянскій языкъ на ряду съ этими тремя превосходнѣйшими языками“ [2])! И Станиславъ Гозій, знаменитый въ лѣтописяхъ польскаго іезуитства епископъ вармійскій, основавшій первую польско-іезуитскую коллегію въ Брунсбергѣ (1564 г.), въ своемъ полемическомъ сочиненіи: De missa vulgari lingua celebranda, упоминаетъ о бывшемъ славянскомъ богослуженіи въ Клепарѣ, но безъ сочувствія къ нему, а наоборотъ, съ выраженіемъ радости, что оно не долго держалось, такъ какъ приносило-де скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. Но это относится уже къ концу XV-го в., когда окончательно

---

[1]) И Мѣховита († 1523) говоритъ въ своей Historia: In diebus pueritiae meae presbyter slavus missas idiomate slavonico continuabat. Successit tamen sermo latinus, rejecto slavonico. Это могло слѣдовательно случиться во второй половинѣ XV-го в.

[2]) Sempiternum memoriale, quo clementia Redemptoris genus slavonicum extulit, et mirifice honoravit, donando illi gratiam specialem, ut omnia sacra officia et res divinae, tam diurnae quam nocturnae, ipsa quoque sacrarum missarum arcana, idiomate ipso possent celebrari: quod nemini altero linguagio, praeterquam graeco, latino et hebreo videmus contigisse: quorum excellentiae etiam bonitas divina slavonicum aequavit. Длугошъ, Hist. Pol.

восторжествовалъ изводъ русскій, вслѣдствіе чего и отношенія къ церковнославянскому языку постепенно окрасились симпатіями или антипатіями къ его представительницѣ Россіи.

Этого не было въ средній періодъ ц.-славянскаго языка, когда Русь, благодаря татарскому нашествію, не могла удержаться на той высотѣ образованія и литературной производительноски, какія мы видѣли въ вѣкъ Ярослава и Мономаха. Она постепенно отстала не только отъ сербовъ времени Неманичей, но даже отъ болгаръ второго царства, такъ что въ концѣ XIV-го и началѣ XV-го в. она принуждена была вновь черпать писательскія силы изъ Болгаріи и Сербіи, въ лицѣ напр. митрополитовъ Кипріяна и Цамблака, серба Пахомія и др.

Въ отношеніи къ списыванію прежнихъ переводныхъ и самостоятельныхъ ц.-славянскихъ сочиненій Русь XIII—XIV-го в., пожалуй, и не уступаетъ древней, доказательствомъ чего могутъ служить многочисленные удѣлѣвшіе ц.-славянскіе кодексы русскаго извода, исчисленные Срезневскимъ въ Повременномъ обозрѣніи памятниковъ русскаго письма и языка до 1400 г. [1]). Въ этомъ обозрѣніи мы насчитали до 230 то крупныхъ, то мелкихъ сочиненій на ц.-слав. языкѣ, извѣстныхъ въ русскихъ спискахъ съ 1200 по 1400 гг., а именно: библейскихъ 46, богослужебныхъ 51, патристическихъ 25, историко-географическихъ 47, юридическихъ 25, повѣстей 4, сборниковъ 23, не включая въ это число оригинальныхъ славянорусскихъ сочиненій. Со включеніемъ послѣднихъ получимъ до 250 болѣе или менѣе обширныхъ книгъ и сочиненій на ц.-славянскомъ языкѣ и славянорусскомъ его видоизмѣненіи. При этомъ мы не принимаемъ въ расчетъ многочисленныхъ грамотъ и актовъ, какъ писанныхъ на діалектѣ, довольно близкомъ къ нарѣчіямъ того времени и лишь въ слабой степени отражающемъ вліянія образованнаго языка нашихъ предковъ — церковнославянскаго.

---

[1]) Въ X т. Изв. II отд. Акад. Н. и отдѣльно.

Такимъ образомъ, въ количественномъ отношеніи ц.-славянская наша литература средняго періода не только не уступаетъ древнѣйшей, но пожалуй даже превосходитъ ее. Но если мы примемъ въ соображеніе не количество, а качество возникшихъ у насъ въ эти два періода памятниковъ, то должны будемъ отдать рѣшительное предпочтеніе первому передъ вторымъ. Съ татарскаго погрома вплоть до сверженія ига у насъ не появилось ничего подобнаго Слову Иларіона, Поученіямъ Өеодосія, Посланіямъ и рѣчамъ Кирилла Туровскаго, Житіямъ Нестора, Поученію Мономаха, Хожденію Даніила Паломника, Повѣсти временныхъ лѣтъ, съ ея кіевскимъ и волынскимъ продолженіями, наконецъ Слову о полку Игоревѣ. Передъ этимъ послѣднимъ Задонщина столь же блѣдна, какъ Слова Серапіона передъ Поученіями Өеодосія, а лѣтописный сводъ суздальскій — передъ кіевскимъ или московскій — передъ галицковолынскимъ. Вмѣстѣ съ содержаніемъ поблекла и форма нашей ц.-славянской литературы средняго періода. Въ ея языкъ отовсюду вторгаются провинціализмы то южнаго, то западнаго, то восточнаго происхожденія, колеблющіе старинный строй ц.-славянскаго языка и не замѣняющіе его ничѣмъ однороднымъ и органическимъ [1]). Понятно, что русскіе люди конца XIV-го и начала XV-го в. не могли не дивиться грамматической правильности и относительной выдержанности изводовъ терновскаго и ресавскаго, изъ коихъ первый сталъ имъ извѣстенъ главнѣйше въ сочиненіяхъ митрополитовъ Кипріана и Цамблака, а второй—въ Житіяхъ серба Пахомія Логоөета. Въ ихъ лицѣ и въ дѣятельности ихъ учениковъ выражается своего рода синтезъ изводовъ южнославянскихъ съ русскимъ, который расширилъ содержаніе послѣдняго и тѣмъ подготовилъ его къ той роли общаго извода всѣхъ славянъ грекославянскаго и римскославянскаго вѣроисповѣданій, которая досталась нашему изводу съ XVII-го в., послѣ непродолжительной борьбы съ сербско-хорватскимъ.

---

[1]) Ср. Востоковъ, Фил. наблюд., стр. 111, 114, 121 слл.

Что касается внутренняго характера ц.-славянскаго языка въ средній періодъ, то онъ существенно отличается отъ древнѣйшаго, особенно въ звуковомъ отношеніи. По мѣрѣ того, какъ число вѣковъ и поколѣній, отдѣляющихъ ц.-славянскій языкъ отъ начальнаго періода, увеличивалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ древнѣйшіе кодексы выходили изъ употребленія, смѣняясь все новыми списками, съ возростающимъ приливомъ самыхъ разнообразныхъ діалектическихъ особенностей,—органическая стройность этого цѣльнаго прежде языка все ослабѣвала, его составъ колебался въ прежней однородности и даже понятіе о стилѣ измѣнялось въ риторическомъ направленіи.

Всего замѣтнѣе это разложеніе ц.-слав. языка на ближайшей къ его прародинѣ почвѣ — среднеболгарской. Въ немъ быстро совершается звуковое перерожденіе, въ направленіи аналогичномъ англійскому языку, именно: съ постепеннымъ усиленіемъ гласныхъ неяснаго тембра, т. е. ц.-славянскихъ ъ—ь, насчетъ и падающаго ринезма (ѫ=ъ; ѧ=ь, даже ѫ=ѧ=ъ=ь послѣ небныхъ! [1]) и глохнущихъ неударенныхъ позвучій (рѫка=ръкъ), при одновременномъ смѣшеніи гласныхъ широкихъ съ узкими, а слѣдовательно и слоговъ твердыхъ съ мягкими. Перевороты эти не могли не отразиться на смѣшеніи грамматическихъ формъ, особенно склоняемыхъ, какъ тѣснѣе связанныхъ съ вокализмомъ, что въ свою очередь привело къ измѣненію условій словорасположенія и къ постепенному превращенію строя синтетическаго въ аналитическій. Переходъ этотъ почти законченъ къ XVI—XVII-му вв., слѣдовательно совершился раньше, въ средній періодъ, что и отразилось на среднеболгарскихъ текстахъ ц.-славянскихъ книгъ. Въ этомъ можно убѣдиться по отрывкамъ изъ рукописей XIII—XIV-го вв. въ „Памятникахъ юсоваго письма“ Срезневскаго [2]). Сознаніе этой безпомощности среднеболгарскихъ текстовъ ц.-славянскаго языка не чуждо было самимъ болга-

---

[1]) Ср. Leskien, въ Archiv II, 270.
[2]) Ср. Предисловіе 153—166.

рамъ того времени. Оно очень опредѣленно выражено Григоріемъ Цамблакомъ въ Похвальномъ словѣ патріарху Евѳимію, гдѣ авторъ жалуется на „дебельство“ языка „книгъ болгарскихъ“ и ихъ „негладкость къ чтенію глагольному“, которая нерѣдко отражается на смыслѣ („истиннымъ догматомъ сопротивленіе“), чѣмъ и вызвано-де было новое „утвержденіе письменъ“ патр. Евѳиміемъ, установителемъ терновскаго извода ц.-славянскихъ книгъ [1]). На изводѣ этомъ отразилось вліяніе сербскаго. Но такъ какъ между сербскимъ и болгарскимъ нарѣчіями и тогда уже была весьма существенная разница, во многихъ отношеніяхъ даже полная противоположность (напр. въ господствующемъ тембрѣ гласныхъ), то изъ сочетанія ихъ не могло выработаться ничего грамматически стройнаго и цѣльнаго, безъ рѣшительнаго подчиненія стихій одного изъ нарѣчій другому. Да и время, когда жилъ и дѣйствовалъ Евѳимій, не благопріятствовало утвержденію въ Болгаріи обновленнаго литературнаго языка. Трудъ Евѳимія по „утвержденію письменъ“ не погибъ, конечно, для славянъ, но болѣе обильные плоды принесъ онъ не въ Болгаріи, а на Руси, черезъ посредство Кипріана и Цамблака, затѣмъ въ Сербіи, гдѣ идеи Евѳимія разрабатывалъ Константинъ Костенчскій, и наконецъ въ Румыніи, державшейся терновскаго извода даже въ печатныхъ книгахъ XVI—XVII-го вв.

Нѣсколько благопріятнѣе были условія для обновленія ц.-славянскаго языка на сербской почвѣ. Правда, сербское нарѣчіе, какъ безъюсое, не представляетъ той близости къ ц.-славянскому вокализму, какую мы видимъ въ древнеболгарскомъ. Но за то оно не подверглось ни въ древній, ни въ средній періодъ столь быстрому и полному перерожденію, какъ болгарское. Въ немъ не смѣшался тембръ глухихъ и чистыхъ гласныхъ, не слились рефлексы для ж, ѧ или для и, ѣ, не поблекли гласные флексій, а потому и не было почвы для развитія аналитическаго строя.

---

[1]) Ср. Голубинскій, Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей, 174.

Задача установителей „ресавскаго“ извода ц.-славянскихъ книгъ была слѣдовательно легче, чѣмъ патріарха Евѳимія. Но и въ этомъ изводѣ было одно больное мѣсто—неумѣнье отличать ъ отъ ь, ы отъ і, а согласные твердые отъ мягкихъ. Глухіе тутъ слились въ позиціи въ одинъ гласный тембра близкаго въ А, а позже и тожественнаго съ нимъ; широкій ы сузился до средняго і; изъ согласныхъ же лишь немногіе сохранили старинное различеніе оттѣнковъ твердаго и мягкаго. Вотъ почему сербскій изводъ, несмотря на нѣкоторыя свои преимущества и широкую распространенность на югѣ въ XV-мъ в. и даже въ XVI-мъ вѣкѣ, не могъ стать общеславянскою нормою церковнаго языка. Къ тому же силы его были на половину парализованы одновременнымъ существованіемъ хорватскаго глагольскаго извода, мало различавшагося отъ сербскаго по звукамъ и формамъ [1]), но совершенно обособившагося по вѣроисповѣднымъ и вообще культурнымъ причинамъ. Къ неблагопріятнымъ для сербскаго извода условіямъ относимъ мы затѣмъ политическій упадокъ сербскихъ областей послѣ Косовской битвы и въ XV-мъ в., подъ тройнымъ давленіемъ — туровъ съ юга, угровъ съ сѣвера и венеціанцевъ съ запада. Даже то обстоятельство, что сербскій изводъ гораздо раньше русскаго былъ закрѣпленъ книгопечатаніемъ, именно съ 1493 года, а хорватскій еще ранѣе—съ 1483 г. [2]), не составляетъ особаго преимущества, ибо въ печатномъ видѣ языкъ раньше окаменѣваетъ, чѣмъ при непрерывной, хотя и невольной передѣлкѣ рукописей переписчиками. Кристаллизовавшись раньше времени, цер-

---

[1]) Въ обоихъ: ѫ=*у*; ѧ=*е*; ъ, ь=*а*; ы=*і*. Только ѣ имѣетъ въ сербскомъ *е*, въ хорватскомъ же *і*, да вмѣсто своеобразнаго ћ въ послѣднемъ находимъ обыкновенный *ч* (č).

[2]) Изданные въ Краковѣ Швайполтомъ Фіолемъ Осмогласникъ и Часословецъ, равно какъ изданныя тамъ же Псалтырь съ возслѣдованіемъ и Тріоди постная и цвѣтная (1491 г.), представляютъ не чистый русскій изводъ, а въ смѣшеніи съ молдоволошскимъ. Ср. Каратаевъ И., Описаніе славяно-русскихъ книгъ 1491 - 1730 гг. СПб. 1878 г. I, 1—13.

ковнославянскій языкъ сербской редакціи не успѣлъ сложиться въ типъ столь стройный и выдержанный, какъ тотъ же языкъ въ русской редакціи XVI—XVII-го вв.

Объ угорскомъ и румынскомъ, чехословенскомъ и польсколитовскомъ изводахъ ц.-славянскихъ книгъ средняго періода можно сказать лишь то, что они не представляли ничего самостоятельнаго и цѣльнаго въ отношеніи къ составу и строю языка, а скорѣе смѣшеніе разнообразныхъ діалектическихъ формъ, болѣе или менѣе примыкающихъ то къ среднеболгарскому, то къ среднесербскому, среднехорватскому или среднерусскому изводамъ.

Что касается послѣдняго, то и онъ не успѣлъ еще въ этотъ періодъ претворить разнородныхъ стихій ц.-славянскаго языка въ органическое цѣлое, но приблизился къ тому болѣе любого другого извода, благодаря преимуществамъ отчасти внутренняго строенія русскихъ нарѣчій того времени, отчасти исторической ихъ обстановки, особенно съ начала XV-го в.

Носовые гласные или, выражаясь старорусскимъ терминомъ, гугнивость ѫ, ѧ искони была чужда русскому нарѣчію, а слѣдовательно и въ русскомъ изводѣ ц.-славянскаго языка она могла имѣть лишь условное, традиціонное значеніе. Это, пожалуй, недостатокъ нашего извода, но въ сравненіи лишь съ древнѣйшимъ, а не со среднеболгарскимъ, въ коемъ юсы тоже переродились въ звуки совершенно другого образованія. Зато русскій языкъ не смѣшалъ, какъ среднеболгарскій, замѣнъ для ѫ и ѧ, такъ какъ они выражались очень различными и ясными звуками—*у*, *я*. Второе преимущество русскаго извода мы усматриваемъ въ строгомъ различеніи древнихъ глухихъ—*ъ*, *ь*, изъ коихъ первый очень послѣдовательно перешелъ въ *о*, второй же въ *е*, если глухіе стояли подъ удареніемъ или передъ группою согласныхъ. Въ противномъ случаѣ ихъ слѣдъ сохранился на твердомъ или мягкомъ выговорѣ предшествующаго согласнаго и въ зависимости отъ того на характерѣ склоняемыхъ и спрягаемыхъ флексій. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ замѣны ъ-ра и ь-ря обмѣнялись ролями,

напр. въ окончаніи *тѣ* вмѣсто *ть* въ 3 л. ед. и множ. числа глаголовъ настоящаго времени; но и это произошло не по вырожденію звуковому, а въ силу психическихъ смежностей, въ данномъ случаѣ—между личными флексіями и личными мѣстоименіями (*ть* : *тѣ*). Это строгое различеніе замѣнъ для *ѣ*, *ъ* составляетъ тѣмъ бóльшее преимущество русскаго извода передъ обоими южнославянскими, что оно соединяется со столь же строгимъ различеніемъ звуковъ: ы—*і*, *а*—я, *у*—*ю*, вообще гласныхъ широкихъ и узкихъ или смѣшанныхъ, а въ зависимости отъ того — и слоговъ твердыхъ отъ мягкихъ. Въ системѣ послѣднихъ произошли, правда, со временемъ немаловажныя измѣненія въ русскомъ нарѣчіи, а слѣдовательно и въ русскомъ изводѣ ц.-славянскаго языка,—особенно въ слогахъ, образованныхъ изъ заднеязычныхъ (*г*, *к*, *х*) и среднеязычныхъ (*ж*, *ч*, *ш*, *ц*) согласныхъ, поясъ артикуляціи коихъ постепенно передвинулся въ направленіи отъ небной занавѣски къ деснамъ (вм. Кыевъ—Кіевъ, вм. женъ—жонъ и т. п.). Но это не сопровождалось особеннымъ разстройствомъ языка и правописанія, благодаря всеобщности и очевидности самого явленія. Къ тому же превращеніе это захватило и южнославянскія нарѣчія, насколько они вообще способны къ различенію звуковъ и слоговъ твердыхъ отъ мягкихъ.

Къ преимуществамъ русскаго извода принадлежитъ, на нашъ взглядъ, и отсутствіе слогообразующихъ плавныхъ ($р_о$, $л_о$), которые широко развились на югѣ, отчасти и на западѣ, вопреки преданіямъ начальнаго періода ц.-славянскаго языка [1]). Что касается нашего полногласія, то оно составляетъ слишкомъ своеобразную особенность русскаго нарѣчія, чтобы найти себѣ примѣненіе въ нашемъ

---

[1]) Въ словахъ типа: тръгъ, плъкъ и т. п. (чешск. trh, pluk) мы можемъ предполагать въ древнѣйшій періодъ присутствіе не только на письмѣ, но и въ выговорѣ глухихъ гласныхъ при плавныхъ согласныхъ, которые лишь впослѣдствіи стали сонантами.

изводѣ ц.-славянскаго языка. Въ замѣнахъ для ц.-славянскихъ дифтонговъ *жд*, *шт* русскій изводъ пошелъ такъ сказать на сдѣлку: сохранивъ первый изъ дифтонговъ, онъ измѣнилъ второй въ ассибилатную группу *шч* (виждѫ, вижду, но: хоштѫ, хощу), какъ болѣе близкую къ русскому *ч*. Замѣна эта соотвѣтствовала до нѣкоторой степени и условіямъ сербскаго консонантизма, гдѣ вм. ц.-славянскаго *шт* находимъ дифтонгъ ћ, занимающій середину между русскимъ чъ и польскимъ ць (ć).

Самую слабую сторону русскаго извода въ системѣ звуковъ составляло смѣшеніе замѣнъ для ц.-славянскаго ѣ. Въ однихъ случаяхъ звукъ этотъ сохранился въ написаніи, давно исчезнувъ въ выговорѣ; въ другихъ онъ совершенно слился и для глаза, и для слуха съ *е*, въ нѣкоторыхъ же нарѣчіяхъ — съ *і*. Русскіе писцы не рѣшились выбросить его изъ русской графики, какъ это случилось съ буквою ѫ; но они не могли установить и вполнѣ разумныхъ основаній для различенія *ѣ* отъ *е*, такъ что колебанія въ ихъ употребленіи проходятъ черезъ всѣ вѣка нашей церковной письменности, а изъ нея перешли и въ гражданскую.

Въ области флексій русскій изводъ не достигъ, конечно, того изящнаго и стройнаго развитія, какое видимъ въ древнѣйшемъ ц.-славянскомъ. На системѣ выработавшихся у насъ ц.-славянскихъ склоненій и спряженій довольно ясно отражаются и звуковыя измѣненія, и взаимодѣйствіе смежныхъ формъ, съ общимъ наклономъ къ ихъ упрощенію. Но процессъ этотъ сдерживался непрерывностію литературныхъ преданій и благоговѣйнымъ отношеніемъ русскихъ списателей къ завѣтамъ старины. Такъ получилась на Руси довольно своеобразная система ц.-славянскихъ флексій, стоящая на полупути отъ нормъ ц.-славянскихъ къ русскимъ, съ сохраненіемъ напр. прилагательныхъ флексій: *ый*, *ій*, *аго*, *яго*, но рядомъ съ окончаніями: *ому*, *ему*, *омъ*, *емъ* и т. п. Въ системѣ спряженій русскій изводъ значительно сократилъ число аористныхъ образованій. Но это не уменьшило выразительности языка, ибо и въ начальномъ ц.-слав. аористы типовъ: ве-

доша, вѣса, веджь (въ 3 л. мн.) не вносили новыхъ оттѣнковъ дѣйствія или явленія, а служили плеонастическими дублетами архаическаго или областного происхожденія. И въ лексикальной области русскій изводъ отличается нѣкоторыми особенностями, но онѣ внесены чаще для приближенія къ греческому каноническому подлиннику той или другой библейской, богослужебной или патристической книги, чѣмъ по узости лексикальныхъ средствъ русскаго нарѣчія. Наоборотъ, оно было чрезвычайно обширно въ этомъ отношеніи, въ сравненіи съ любымъ другимъ славянскимъ. Константинъ Костенчскій имѣлъ полное право ссылаться на богатство русскаго языка „тончайшими рѣчами", которыхъ не найдется-де ни въ „дебеломъ" болгарскомъ, ни въ „тѣсномъ" сербскомъ [1]).

Что касается содержанія ц.-славянскихъ книгъ въ различныхъ изводахъ средняго періода, то здѣсь довольно явственно обозначился уже едва намѣченный въ древній періодъ дуализмъ письменности глагольской и кирилловской. Въ первой, ограниченной почти исключительно литургической областью, лишь библейскіе отрывки въ миссалахъ, бревіарахъ и прочихъ богослужебныхъ книгахъ воспроизводятъ вообще вѣрно кирилло-меѳодіевскіе переводы, съ незначительной лишь переправкой ихъ по вульгатѣ. Остальное, т. е. порядокъ употребленія этихъ текстовъ въ службахъ, связующія между ними чтенія и вставки, приписки ритуальнаго характера, — все это отлично отъ службъ кирилловскихъ и заимствовано изъ литургическихъ книгъ латинской церкви. Даже языкъ глагольскихъ текстовъ второй группы существенно разнится отъ первой, представляя гораздо болѣе хорватизмовъ, чѣмъ традиціонныя библейскія чтенія.

Менѣе разницы встрѣчаемъ между содержаніемъ кирилловскихъ книгъ различныхъ изводовъ — болгарскаго, сербскаго, румынскаго, русскаго. Все это книги православныя, за исключеніемъ немногихъ богомильскихъ, изъ

[1]) Starine, Zagreb. I.

обширной области апокрифическихъ повѣстей и сказаній. Господствующее содержаніе церк.-славянской литературы этихъ редакцій богословское, съ примыкающими къ нему — историческимъ, юридическимъ и нравоучительно-повѣствовательнымъ. Обыкновенно книги эти имѣли общеславянское значеніе и распространеніе, по крайней мѣрѣ въ средѣ православныхъ и уніатовъ. Рукописи болгарскія читались и переписывались въ Сербіи, сербскія — въ Румыніи и на Руси, причемъ Аѳонъ, съ его тремя братскими монастырями, Зографскимъ, Хиландарскимъ и Руссикомъ, служилъ какъ бы символомъ, а вмѣстѣ залогомъ и условіемъ духовнаго обмѣна между народами болгарскимъ, сербскимъ, русскимъ.

Со второй половины XIV-го в., когда установляются какъ бы школы ц.-славянскаго языка и письменности — святогорская (вѣроятно съ развѣтвленіями на три части, по тремъ славянскимъ монастырямъ и изводамъ), терновская, ресавская, а съ XV-го в. и московская, переписчики рукописей могли болѣе сознательно относиться къ переложенію съ одного извода на другой [1]), по крайней мѣрѣ въ системѣ звуковъ. Но и тогда, при слабости грамматическихъ свѣдѣній переписчиковъ и механичности работы, переложенія оказывались нерѣдко весьма непослѣдовательными и смѣшанными по чертамъ извода.

Нельзя не отмѣтить, что съ наибольшей свободой относились при этомъ къ своей задачѣ „списатели“ русскіе, которые подновляли не только звуки и формы языка, но и содержаніе текстовъ, примѣнительно къ успѣхамъ ихъ изученія и пониманія. Въ этомъ легко убѣдиться при сравненіи русскихъ текстовъ Евангелія, Апостола, Псалтыри и другихъ библейскихъ книгъ съ одной стороны, а бол-

---

[1]) „Богь вѣсть, велма ни ѥ било усильно прѣставлѣти га (извода светогорского правога) на срьбскы ѥзыкь, и како смо вь изводѣ находили, тако смо писали, ни одлагали, ни прилагали“. Слова переписчика Тріоди 1374 г. Ср. Первольѳа, Славяне II, 563.

гарскихъ и сербскихъ съ другой. Вотъ почему разстояніе, отдѣляющее языкъ русской библіи, 1499 напр. года, отъ текстовъ первоначальныхъ, значительно дальше, чѣмъ въ соотвѣтственныхъ кодексахъ болгарской, сербской или хорватской редакцій.

Совокупность всѣхъ изложенныхъ условій и вліяній уже въ XV-мъ в. выдвинула русскій изводъ на первое мѣсто между славянскими. Взглядъ, выраженный составителемъ папской буллы отъ 973 г. о тожествѣ ц.-славянскаго языка и богослуженія съ „обрядомъ или сектою болгарскою или русскою“ [1]), повторенъ затѣмъ: въ Повѣсти временныхъ лѣтъ [2]), въ толкованіи жидовскихъ словъ „на русьскую рѣчь“ при новгородской Кормчей 1283 г., въ русскихъ спискахъ Паннонскихъ житій и Хронографовъ XV-го и сл. вѣковъ [3]), у чешскаго лѣтописца Далимила [4]), у сербо-болгарскаго списателя Константина Костенчскаго [5]), въ служебникѣ митрополита Кипріяна [6]), въ Геннадіевской Библіи 1499 г. и во многихъ другихъ памятникахъ древняго и средняго періодовъ. Взглядъ этотъ все болѣе утверждался съ XV-го в., по мѣрѣ ослабленія славянскаго юга и запада, въ періодъ наибольшаго разлива османскихъ турокъ въ странахъ балканскихъ и среднедунайскихъ. Этому чрезвычайно благопріятствовалъ и быстрый ростъ

---

[1]) Non secundum ritus aut sectam Bulgariae gentis vel Rusiae aut slavinicae linguae. Бильбасовъ, Кир. и Меѳ. I, 155.

[2]) А словеньскый языкъ и русьскый одно есть. Лѣтопись по Лаврент. сп. подъ 898 г.

[3]) Посланъ бысть философъ Константинъ въ Мораву... и книгы написавъ русьскымъ языкомъ... потомъ же... пришедъ Войтѣхъ въ Мораву... и русьскую грамоту отврьже. Ср. Бодянскій, О времени происхожденія славянскихъ письменъ 91 сл.; Первольфъ, Славяне II, 448 сл., 588.

[4]) Ten arcibiskup (Method) Rusin bieše, mšu svú slovansky služieše.

[5]) Въ сказаніи о письменахъ. Starine, Zagreb. I.

[6]) Сии служебникъ преписанъ ѿ грецкыхъ книгъ на ру҃скыи ӕзыкъ рукою своѥю. Кипріанъ“. Буслаевъ, Историч. христоматія 135.

Московскаго государства, послѣ низверженія татарскаго ига,—притомъ не въ политическомъ лишь, но и въ культурномъ отношеніи. Одно лишь обстоятельство могло съ той поры парализовать развитіе и распространеніе русскаго извода: это — отдѣленіе Руси западной отъ восточной и присоединеніе ея къ Польшѣ, запечатлѣнное пресловутыми уніями, Люблинскою 1569 года и Брестскою 1596 года. Распаденіе русскаго народа на два политическихъ тѣла было тѣмъ опаснѣе, что оно открывало Русь западную для вторженія черезъ Польшу латинонѣмецкихъ началъ и учрежденій, оказавшихся столь гибельными для ц.-славянскаго языка и церкви въ земляхъ угорскихъ, чехоморавскихъ, ляшскихъ. Къ счастію, русско-польская унія могла дѣйствовать съ полной силой не долѣе одного вѣка, до возсоединенія Руси Малой съ Великою при Хмѣльницкомъ, въ нѣкоторыхъ же областяхъ — еще одно столѣтіе, но уже въ періодъ распаденія Польскаго государства и образованности. Этого времени было не достаточно для искорененія на Литвѣ, Украйнѣ и Руси Червонной церковно-славянскаго языка, или хотя бы для такого лишь измѣненія содержанія и формы его памятниковъ, какое видимъ въ письменности хорватско-глагольской, при сравненіи съ сербско-кирилловскою. Ц.-славянскій языкъ и церковь пустили столь глубокіе корни въ духѣ и бытѣ западнорусскаго народа, что ихъ не возможно было вырвать даже при помощи іезуитскихъ уловокъ, не задѣвая самой сердцевины его жизни. Къ тому же политическія грани между Русью польскою и московскою имѣли характеръ слишкомъ поверхностный, искусственный и измѣнчивый. Они не могли пресѣчь движеніе соковъ, обмѣнъ и веществъ, и силъ между двумя половинами одного и притомъ въ высшей степени живучаго организма. Надъ ними возвышались своды общей церкви, оглашаемые звуками общихъ пѣснопѣній, на общемъ языкѣ и по тѣмъ же кирилловскимъ книгамъ.

Итакъ, если въ литературѣ богословской, исторической, юридической XVI — XVII-го вѣковъ и замѣчает-

ся немалая разница между школами восточнорусскою и западнорусскою, между сочиненіями напр. Максима Грека и Макарія, Сильвестра и Зиновія, Грознаго и Курбскаго, Никона и Кошихина съ одной стороны, а Лаврентія Зизанія и Копыстенскаго, Барановича и Голятовскаго, Симеона Полоцкаго и Θеофана Прокоповича съ другой, — то различіе это отражается болѣе въ языкѣ, чѣмъ въ духѣ и направленіи. Въ такихъ же сочиненіяхъ, какъ Катихизисъ Петра Могилы, Грамматика Мелетія Смотрицкаго, его же Слова, а равно Проповѣди Гавріила Бужинскаго и Епифанія Славинецкаго, Четьи-Минеи Дмитрія Ростовскаго, мы почти не замѣчаемъ ни въ языкѣ, ни въ содержаніи чего либо спеціально западнорусскаго [1]), а должны признать ихъ произведеніями общерусскими. Еще въ бо́льшей мѣрѣ запечатлѣны такимъ характеромъ библейскія и литургическія рукописи и книги, вышедшія въ періодъ политической разрозненности русскаго народа. Между библіями: московскою 1499 г., острожскою 1581 года [2]), исправленною московскою же 1663 г. и окончательною—1571 г., нельзя усмотрѣть никакой разницы въ характерѣ извода, а развѣ въ исправности текста. Этотъ послѣдній представляетъ въ четырехъ названныхъ библіяхъ безспорное движеніе впередъ, въ отношеніяхъ формальномъ и матеріальномъ, по строю языка и соотвѣтстію перевода съ каноническимъ греческимъ подлинникомъ. Чей вкладъ въ этотъ литературный фондъ больше,—восточный или западный, московскій или русколитовскій, рѣшить трудно, да и нѣтъ особенной надобности, при полной взаимности обѣихъ половинъ Руси въ совершеніи этого

---

[1]) За изъятіемъ немногихъ полонизмовъ, въ родѣ напр.: абымъ, гдыбымъ и т. п. у Мелетія Смотрицкаго, вм. ц.-слав. а быхъ и т. п. Ср. Лебедева, О степени вліянія Польши на языкъ и училища въ Россіи 45 сл.

[2]) Лишь въ немногихъ вѣтхозавѣтныхъ книгахъ тутъ замѣтно вліяніе западнорусскихъ редакцій, особенно Скорины. Ср. Владиміровъ, Ф. Скорина 213 сл.

подвига. Судя по формамъ окончательно установленнаго въ XVII-мъ в. библейскаго текста, которыя болѣе соотвѣтствуютъ нашимъ говорамъ екающимъ, чѣмъ икающимъ, можно бы думать, что въ языкѣ этого текста восторжествовала въ концѣ концовъ редакція восточная, а не западная,—великорусская, а не малорусская. Но это заключеніе можетъ быть и оспариваемо, въ виду того, что сохраненіе буквы ѣ возможно соединить и съ икающимъ ея выговоромъ, какъ это видимъ въ Хорватіи, да и въ нынѣшней малорусской діалектической подлитературѣ, при этимологическомъ или по крайней мѣрѣ историческомъ правописаніи. Тѣмъ же общерусскимъ характеромъ запечатлѣны тексты богослужебныхъ книгъ нашего новаго извода. При установленіи окончательной ихъ редакціи въ равной мѣрѣ подвизались какъ виленскіе, кіевскіе, львовскіе, такъ и московскіе, новгородскіе, псковскіе издатели и книгопечатники. Одинъ и тотъ же типографъ нерѣдко работалъ и на востокѣ, и на западѣ, напр. Иванъ Ѳеодоровъ въ Москвѣ, Заблудовѣ, Львовѣ, Острогѣ, Петръ Тимофеевъ Мстиславецъ—въ Москвѣ же, Заблудовѣ и Вильнѣ. Главнымъ же дѣятелемъ Никоновскаго книгоисправленія былъ кіевскій эллинистъ и богословъ Епифаній Славинецкій. Такъ и въ установленіи окончательнаго текста учительныхъ ц.-славянскихъ книгъ потрудились равномѣрно и московскій митрополитъ Макарій († 1564) въ своей знаменитой энциклопедіи—Великія Четьи-Минеи, и воспитанникъ кіевской академіи Димитрій Ростовскій († 1709), составитель второй, меньшей по объему, но не по значенію въ духовной жизни Руси, Четь-Минеи.

Въ двухъ послѣднихъ изданіяхъ Русь подвела итоги всему написанному на ц.-славянскомъ языкѣ, соорудила пантеонъ для всѣхъ истинныхъ подвижниковъ не русской лишь, но и болгарской, сербской, угорской, чешской, словомъ — общеславянской церкви, увѣковѣчивъ ихъ дѣянія и думы на широкомъ фонѣ общехристіанской образованности.

Да и вообще русская школа ц.-славянскаго языка,

русскіе изводы ц.-славянской письменности характеризуются неутомимымъ собираніемъ и разумной переработкой всего цѣннаго и пригоднаго въ прочихъ родственныхъ изводахъ. Доказательствомъ служатъ многочисленные русскіе списки всѣхъ почти важнѣйшихъ произведеній ц.-славянской письменности — болгарской, сербской, даже чешской (напр. житія и службы свв. Людмилѣ и Вячеславу) редакцій, а равно обиліе инославянскихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ въ нашихъ древлехранилищахъ. Русскій монастырь на Аѳонѣ былъ однимъ изъ важныхъ, но далеко не единственнымъ узломъ, гдѣ нити нашей ц.-славянской письменности сплетались съ болгарскими, сербскими, да и съ греческими. Были и другія точки соприкосновенія между ними, на нижнемъ напр. Дунаѣ, гдѣ Молдовалахія служила мостомъ изъ Руси въ Болгарію, затѣмъ — въ долинѣ Потисской, гдѣ закарпатскіе побѣги Руси соприкасались болѣе или менѣе непосредственно съ сербскими въ Банатѣ, Бачкой, Срѣмѣ [1]), впослѣдствіи же и гораздо сѣвернѣе, въ Рацъ-Дорогѣ, Рацъ-Бесерменѣ, и другихъ сербскихъ колоніяхъ на верхней Тисѣ. Далѣе къ сѣверу, въ Гемерѣ и Спишѣ, Русь соприкасалась съ чехословенскимъ, а затѣмъ и съ польскимъ племенемъ. Такимъ образомъ для нея открытъ былъ и славянскій югъ, и западъ, благодаря чему она легко могла всосать въ свой духовный организмъ всѣ стяжанія славянской жизни и мысли. Когда же съ теченіемъ времени сношенія Руси съ духовными соратниками за Бескидами и Дунаемъ стали очень трудны, благодаря двойному кордону — польскому и турецкому, а позже австрійскому и румынскому, то и въ этотъ періодъ Русь находила доступъ къ духовнымъ сокровищамъ инославянскимъ, чрезъ посредство то частныхъ лицъ, то особыхъ миссій, отправлявшихся для собиранія нужныхъ рукописей и книгъ. Много важныхъ ко-

[1]) Въ началѣ XVI-го вѣка монахъ Андрей Русинъ, изъ г. Сянока въ Галичинѣ, списалъ одну рукопись въ Сланкаменѣ, между угросербами. Ср. Первольфъ, Славяне II, 571.

дексовъ привезъ съ собою митрополитъ Кипріянъ. То же можно думать про Григорія Цамблака и Пахомія Логоѳета, въ XVI-мъ же вѣкѣ — про Максима Грека и н. др. Для князя Константина Острожскаго разыскиваемы были нужныя при изданіи Библіи рукописи не только на Руси, но и въ монастыряхъ болгарскихъ, сербскихъ, греческихъ. Обильную книжную жатву собралъ на грекославянскомъ югѣ и патріархъ Никонъ (черезъ посредство Арсенія Суханова), подготовлявшій матеріалъ для исправленнаго изданія Библіи, богослужебныхъ, патристическихъ и другихъ книгъ. Особенно много доставлено тогда въ Москву „словенскихъ и сербскихъ ветхихъ книгъ“ съ Аѳона, а также получено въ даръ отъ патріарховъ печскаго и охридскаго [1]). Ими воспользовался потомъ Епифаній Славинецкій и прочіе „справщики“, установившіе нынѣшнюю нашу ц.-славянскую редакцію.

При такихъ и столькихъ преимуществахъ русскаго извода передъ румынскимъ, болгарскимъ, сербскимъ, хорватскимъ, эти послѣдніе должны были мало по малу подчиниться ему въ теоріи и на дѣлѣ, — тѣмъ болѣе, что условія мѣстной жизни на славянскомъ югѣ нисколько не благопріятствовали ни въ XVI-мъ, ни въ XVII-мъ в. самостоятельной переработкѣ ц.-славянскихъ текстовъ въ духѣ южныхъ изводовъ. Въ началѣ этого періода поддерживалось, правда, еще тамъ нѣкоторое инерціонное движеніе, данное писателями предшествовавшаго времени, особенно въ земляхъ сербскихъ. На нихъ турецкое иго не сразу обрушилось всей тяжестью, какъ на Болгарію. Оставались еще сербскія области независимыя и полунезависимыя, какъ Черная Гора и смежныя съ ней части Албаніи, Старой Сербіи, Герцеговины. Къ тому же сербы находили себѣ выходъ на Адріатическое море, гдѣ нѣкоторые далматинскіе города, съ Дубровникомъ во главѣ, сохранили свою автономію и подъ верховенствомъ Ве-

[1]) Ср. Первольфъ, Славяне II, 574.

неціи и гдѣ Хорватское Приморье съ Кварнерами открывало сербскимъ ускокамъ просторъ для пиратства въ обширныхъ размѣрахъ. Да и въ областяхъ, завоеванныхъ турками, положеніе сербовъ въ XV-мъ и первой половинѣ XVI-го в. не было столь тяжело, какъ въ земляхъ болгарскихъ, вслѣдствіе бо́льшаго отдаленія первыхъ отъ Цареграда, пограничнаго ихъ расположенія и воинственнаго нрава жителей. Наконецъ тому содѣйствовало присутствіе въ ту эпоху при дворѣ султановъ, въ ихъ гаремахъ, министерствахъ, войскахъ, многихъ знатныхъ сербовъ и сербынь, особенно изъ Босніи, которые и по принятіи ислами сохраняли еще любовь къ своему языку и народности. Все это объясняетъ намъ появленіе довольно значительнаго числа рукописей и книгъ сербскаго извода съ конца XV-го по конецъ XVI-го вѣка. Но мы не находимъ между ними слѣдовъ самостоятельной мысли, за исключеніемъ развѣ скудныхъ лѣтописныхъ замѣтокъ, да предисловій и послѣсловій къ спискамъ и старопечатнымъ книгамъ. Средоточіемъ послѣднихъ была для сербскихъ земель Венеція, гдѣ уже въ 1493 г. напечатанъ Часословецъ сербскаго извода. За нимъ слѣдовали: Служебникъ (1519, 1527, 1554 гг.), Псалтырь (1519—20, 1538, 1546, 1561), Молитвословъ (1527, 1547, 1560), Осмогласникъ (1537), Минея (1538), Требникъ (безъ года и 1570), Тріодь постная (1561), еще Часословецъ (1566) и н. др. Въ изданіи ихъ принимали участіе: подгорицкій воевода Божидаръ Вуковичь Джуричь съ сыномъ Викентіемъ и сербскіе монахи изъ Черногоріи, Герцеговины, Старой Сербіи. Но и въ собственно сербскихъ земляхъ были тогда церковнославянскія книгопечатни, напр. въ Цетиньѣ (въ 1494—95 г.) и въ смежныхъ съ Черногоріей: Скадрѣ (1563), Меркшиной Церкви (1562—66); въ герцеговинскихъ монастыряхъ Гораждьѣ (1529 — 31) и Милешевѣ (1544—57), въ сербскихъ — Руянскомъ (1537) и Бѣлградскомъ (1552). Изданныя здѣсь книги были тоже богослужебнаго характера: Октоихи (1494), Псалтыри (1495, 1529, 1544, 1557), Требники (1531, 1545), Служебники (1527), Еван-

гелія (1537, 1552, 1562), Тріоди (1561, 1566) и н. др. [1]). Къ изданіямъ этимъ примыкаютъ до нѣкоторой степени и книги босанскихъ францисканцевъ, напечатанныя въ Венеціи и Римѣ (съ 1570—80 год.) на такъ называемой буквицѣ, которая представляетъ видоизмѣненіе сербской кириллицы, нѣсколько аналогическое малорусской „кулишевкѣ". Но книги эти были написаны собственно на босанскомъ діалектѣ, съ бо́льшею или меньшею примѣсью церковнославянизмовъ, съ цѣлью легче провезти въ православную среду контрабандный римскій товаръ, въ родѣ Катихизиса Канизія (Римъ, 1583 г.) въ переводѣ Симона Будинича изъ Задра, Исповѣдаоника Стефана Матіевича (Римъ, 1630 г.) и т. п. [2]).

Церковныя потребности Болгаръ были нѣкоторое время удовлетворяемы румынскими типографіями, тоже издававшими ц.-славянскія богослужебныя книги, напр. въ семиградскихъ городахъ: Брашовѣ (Kronstadt, Евангеліе конца XV-го в.), Шебежѣ (Mühlenbach въ Семиградьѣ, праздничная Минея 1580 г., Псалтырь 1577 г., Евангеліе 1579, Постная Тріодь) и въ Бѣлградѣ (Семиградскомъ=Karlsburg, Четвероевангеліе 1572 г.) и въ волошскихъ: Торговиштѣ (Евангеліе 1512 г., Требникъ 1534—36 г., Апостолъ 1547 г., Октоихъ безъ года, Цвѣтная Тріодь 1649 года) и Долгопольѣ (Kimpolung, Требникъ ок. 1635 г. [3]).

И глагольская письменность рано отливается въ печатную форму, на станкахъ Венеціи (съ 1483 по 1812 годъ), хорватскаго Сеня (Zeng, 1507, 1508 и сл.), Рѣки (Fiume, 1531), даже въ Тюбингенѣ и въ Урашѣ (1561—65), но въ послѣднихъ двухъ городахъ не на ц.-славянскомъ языкѣ, а на хорватскомъ діалектѣ, въ переводахъ

---

[1]) Šafařik, Sebrané spisy III, 253—258. Ср. Каратаевъ, Опис. славянорус. книгъ [2] I, 13, 14 слл.

[2]) Ср. Первольфъ, Славяне II, 273, 275 сл.

[3]) Šafařik, Sebrané spisy III, 255—258. Ср. Каратаевъ, Опис. I, 22; K. Jireček, въ Archiv VIII, 132.

протестантовъ Антона Далматина и Стефана Истріанина. Съ 1631 же года Римъ становится, наряду съ Венеціей, средоточіемъ глагольскаго книгопечатанія.

Изъ типографій этихъ вышли въ XV—XVI-мъ вв. на ц.-славянскомъ языкѣ: нѣсколько Букварей или Азбуковниковъ (1528, 1531, 1561), Псалтырь (1561), Миссалы или Сьяветь (1483, 1528, 1531), Бревіаръ (бр$_{о}$віаль 1561), Требникъ (1509), Проповѣди брата Роберта (1508), Житія римскихъ архіереевъ и цесарей (1531), Молитвенники (1507) и т. п. [1]). Во всѣхъ этихъ изданіяхъ господствовали формы сербскаго извода (сербульи), не исключая даже румынскихъ старопечатныхъ книгъ [2]). Впрочемъ уже и ранѣе, съ XIV-го вѣка, сербскій изводъ сдѣлалъ большія завоеванія на болгарской почвѣ, въ Македоніи, Албаніи, да и въ самой Болгаріи. Въ XV-омъ в. онъ проложилъ себѣ путь даже въ Зографскій монастырь на Аѳонѣ и въ Рыльскій подъ Срѣдцемъ. Но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ усиленія турецкаго ига на всемъ Балканскомъ полуостровѣ, со включеніемъ Румыніи и Угріи, падаютъ послѣдніе пріюты сербизма въ странахъ Поддинарскихъ, а болгаризма—въ подгорьяхъ Семиградскихъ Альпъ. Одна за другой закрываются церк.-славянскія книгопечатни въ земляхъ сербскихъ и румынскихъ. Съ ними замираетъ и духовная жизнь всего славянскаго юга, кромѣ одного Дубровника. Но онъ развивался на другой, латино-итальянской культурной основѣ, слѣдовательно безплодно для судебъ ц.-славянскаго языка.

Вотъ въ эту то глухую пору начинаютъ распространяться на югѣ, какъ лучъ свѣта и надежды, богослужебныя, библейскія, учительныя книги русскаго извода, сначала въ рукописяхъ, а съ конца XVI-го и начала XVII-го вѣка и въ печатныхъ изданіяхъ. Такъ въ Хиландарскомъ

---

[1]) Šafařik, Památky hlah. písemnictví LI - LIII.

[2]) Онѣ издавались не для „молдовлаховъ и угровлаховъ" лишь, но и для „руссовъ, срьбовъ, булгаръ". Ср. Предисловіе къ Требнику Долгопольскому, ок. 1635.

сербскомъ монастырѣ на Аѳонѣ сохранилось и до настоящаго времени много русскихъ рукописей и сербскихъ списковъ съ нихъ XVI—XVII-го вв., несмотря на сожженіе многихъ „книгъ московскихъ“ греческими славяноборцами XVII—XVIII-го вв. [1]). Сербы-хиландарцы временъ Ивана Грознаго, поднося ему иконы своихъ національныхъ святыхъ Симеона, Савы, Милутина, Лазаря, прямо заявляли ему, что находясь подъ игомъ агарянъ и претерпѣвая обиды отъ грековъ, они возлагають свои надежды лишь на Бога да на русское „святое, великое и благочестивое царство“ [2]).

И Русь вышла на встрѣчу этимъ потребностямъ и надеждамъ. Издавая ц.-славянскія книги, она постоянно имѣла въ виду „всѣхъ согласующихся языку словенскому... людей“ [3]), въ частности же: „болгаръ и сербовъ, мылтянъ и волоховъ“ и „прочіихъ народовъ пресладчайшаго языка славенска“,... „егоже шерокость земли шерокости равна“ [4]). Для всѣхъ православныхъ славянъ составлялъ свой „Лексиконъ славеноросскій“ Памва Берында (Кіевъ 1627 г.) и свое „Грамматики славенскія правильное синтагма“ Мелетій Смотрицкій (Вильна 1618 г.). И Иннокентій Гизель въ Синопсисѣ (1678 г., стр. 12) не безъ основанія выдвигалъ „единство славенскаго языка“, „аще въ нѣкихъ стра́нахъ ма́лѡ что въ словесе́хъ и премѣни́ся“. Скоро это желаніе осуществилось на дѣлѣ. Изданія русскихъ типографій постепенно вытѣснили и румынскія, и сербскія, и венеціанскія ц.-славянскія книги; они стали употребляться въ богослуженіи, въ школахъ, въ частномъ обиходѣ на пространствѣ отъ Бѣлаго моря до Архипелага и отъ Великаго Океана до береговъ Адріатики. Когда же

---

[1]) Ср. Первольфъ, Славяне II. 570.

[2]) Ibid. II, 571.

[3]) Предисловіе къ Острожской библіи 1581 г. и Московской 1663 г.

[4]) Слова кіевскаго іеромонаха Іоакима въ 1582 г. Ср. Первольфъ, Славяне II, 578 сл.

со второй половины XVIII-го в. стала заниматься заря новаго историческаго дня на грекославянскомъ югѣ, когда въ Венеціи (съ 1761 г.), Вѣнѣ (съ 1771 г.), Будинѣ (съ 1796 г.) вновь стали печататься ц.-славянскія книги для православныхъ сербовъ и болгаръ, — то въ основу этихъ изданій положены московскія, кіевскія, печерскія, вообще книги новорусскаго извода, примѣнительно къ нормамъ Мелетія Смотрицкаго. Таковы напримѣръ: венеціанскій Псалтырь 1763—65 гг., „первѣе напечатанный въ Москвѣ въ 1761 г.“; Требникъ 1764—65 гг., „на подобіе въ Москвѣ напечатаннаго въ 1761 г.“; будинская Библія 1804 г., на подобіе кіевской 1788 г. и др.

Но самымъ нагляднымъ доказательствомъ силы новорусскаго извода служитъ принятіе его въ руководство и въ Римѣ, при изданіи глагольскихъ церковныхъ книгъ для хорватскихъ католиковъ, подъ руководствомъ конгрегаціи de propaganda fide. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежалъ императору Фердинанду II, который, подаривъ папѣ Урбану VIII глагольскіе шрифты, полученные изъ Венеціи, просилъ его воспользоваться ими для снабженія хорватскихъ глаголяшей церковными книгами, въ видахъ огражденія ихъ отъ наплыва кирилловскихъ книгъ. Папа возложилъ это дѣло на хорватскаго монаха Рафаила Леваковича, который еще раньше (въ 1629 г.) издалъ глагольскій „Азбуквиднѣкъ“ и слѣдовательно былъ хорошо подготовленъ къ предстоявшему труду. Проведя нѣкоторое время въ Рѣчипосполитой, въ средѣ западнорусскихъ уніатовъ, и изучивъ употребляемый въ ихъ книгахъ русскій изводъ, этотъ римскій справщикъ (corrector et reformator librorum ecclesiasticorum linguae illyricae) воспользовался имъ для установленія текста изданныхъ имъ въ Римѣ: „Миссала римскаго ва език словенскій“ (1631), а еще болѣе — „Часослова римскаго славинскимъ языкомь“ (1648 г.). При обработкѣ послѣдняго помогалъ Леваковичу холмскій уніатскій епископъ Меѳодій Терлецкій, настоявшій на очищеніи языка отъ „чужихъ далматинскихъ словъ“ и на замѣнѣ ихъ ц.-славянскими, въ формахъ русскаго извода. Устано-

вленный такимъ образомъ и утвержденный Инновентіемъ X текстъ глагольскаго миссала и бревіара легъ въ основу и позднѣйшихъ римскихъ же изданій Ивана Пастрича (Часословъ 1688 г. и Миссалъ 1706 г. [1]). Но, несмотря на содѣйствіе русскихъ уніатовъ, и въ этомъ второмъ римскомъ изданіи оставалось еще не мало уклоненій отъ русскаго извода, особенно въ миссалѣ. Это, очевидно, не удовлетворяло ни вкусу хорватскихъ глаголяшей, ни цѣлямъ римской куріи. Вслѣдствіе того просвѣщенный папа Бенедиктъ XIV, по просьбѣ задрскаго епископа Викентія Змаевича, поручилъ сплѣтскому глаголяшу Матвѣю Караману еще разъ просмотрѣть глагольскій миссалъ и дать ему окончательную редакцію. Караманъ переработалъ его текстъ въ духѣ чистаго русскаго извода и, несмотря на протесты нѣкоторыхъ близорукихъ соотечественниковъ изъ среды духовенства, провелъ этотъ изводъ очень послѣдовательно въ „Миссалѣ римскомъ славенскимъ языкомъ“ 1741 г., который, по утвержденіи Бенедиктомъ XIV [2]), оставался съ тѣхъ поръ священнымъ текстомъ глаголяшей до недавняго времени. Въ итальянскомъ разсужденіи: „О тожествѣ литературнаго славянскаго языка и необходимости сохранить его въ священныхъ книгахъ“ Караманъ представилъ и теоретическіе доводы въ пользу усвоенія хорватскими глаголяшами новорусскаго извода, въ видахъ проложить этимъ путь уніи въ среду славянскихъ схизматиковъ [3]). Этими, безъ сомнѣнія, соображеніями руководился и папа Бенедиктъ XIV, когда въ буллѣ въ хорватскимъ епископамъ глагольскихъ и смѣшанныхъ епархій, отъ 15 августа 1754 г., воспретилъ употребленіе миссаловъ и бревіаровъ на хорватскомъ діалектѣ (... slavo vulgari sermone conscriptos), вмѣсто разрѣшеннаго Іоанномъ VIII, а подтвержденнаго Урбаномъ VIII и Инно-

¹) Ср. Первольфъ, Славяне II, 582 сл.

²) Ср. Ginzel, Cyr. u. Meth., 102 сл. (Приложеніе I).

³) Identità della lingua litterale slava e necessità di conservarla ne' libri sacri. 1753.

кентіемъ Х ц.-славянскаго языка (slavum litterale [1]).

Въ XIX-мъ в. многіе изъ славянскихъ ученыхъ и дѣятелей оказались близоруче этого умнаго папы. Они увидѣли въ руссификаціи глагольскихъ текстовъ Леваковичемъ, Пастричемъ и Караманомъ чуть не измѣну и хорватизму, и папизму. Копитаръ назвалъ даже Карамана „злымъ рокомъ глаголитизма“ [2]). И Шафарикъ принялъ сторону противниковъ Карамана въ вопросѣ о принятіи въ глагольскій текстъ русскихъ словъ и формъ, считая введеніе послѣднихъ „тяжелымъ ударомъ для глагольщины“ [3]). Подъ давленіемъ такихъ взглядовъ стало потомъ и въ средѣ хорватскихъ глаголяшей обнаруживаться стремленіе возвратиться къ древнѣйшимъ типамъ хорватской глаголицы. Каноникъ Парчичъ издалъ съ этой цѣлью въ 1881 г. особый „Прилогъ римьскому мисалу словѣньскимь езикомь лѣта 1741“ (т. е. Приложеніе къ Карамановскому миссалу [4]). Попытка запоздалая и противоисторическая! Не на хорватской почвѣ зародился ц.-слав. языкъ, не ея соками онъ и питался въ своемъ тысячелѣтнемъ уже оборотѣ. Упругая живучесть хорватскаго глаголитизма тѣмъ главнѣйше и

---

[1]) Ср. Ginzel, Cyrill und Method. I примѣчаніе, стр. 102 сл.

[2]) Mala avi rei glagoliticae natus. Šafařik, Pam. hlah. pis. L.

[3]) Ibid. L. Такъ думалъ и проф. Ягичъ (Archiv VI, 142). Основательныя же возраженія противъ этой теоріи представлены проф. Первольфомъ (Отчетъ 1889 г., стр 62). Слѣдуетъ однако оговориться, что впослѣдствіи и проф. Ягичъ нѣсколько видоизмѣнилъ свой взглядъ на ц.-славянское богослуженіе у хорватовъ и рекомендуетъ уже имъ просто замѣнить глагольскіе тексты кирилловскими, можно полагать — нынѣшней, т. е. русской редакціи. Ср. Archiv X, 299.

[4]) Ср. Первольфъ, въ Меѳодіевск. юбил сборн., стр. 78. Кромѣ этого Appendix ad missale Romano-Slavonicum anni 1741 (Romae 1881) г. Парчичъ приготовилъ къ печати новый текстъ цѣлаго Миссала и Часослова на ц.-славянскомъ языкѣ хорватской редакціи, предназначенный къ вытѣсненію извода русскаго (Первольфъ, Отчетъ 1889 г., стр. 62).

объясняется, что онъ опирался на одновременное существованіе такого же языка и письменности въ Сербіи, Болгаріи, Албаніи, Угріи, Румыніи, Литвѣ, Руси, на территоріи, равной цѣлой части свѣта (quae quasi est alter orbis), въ средѣ народовъ, безчисленныхъ какъ звѣзды (gens ... multitudine innumerabili ceu sideribus adaequata [1]). Главнымъ же источникомъ относительной слабости глаголяшей въ области литературной, да и вообще культурной, была ихъ графическая отдѣльность отъ славянства кирилловскаго. Она еще возростетъ, если глаголица будетъ тутъ замѣнена латиницей, о чемъ хлопочутъ уже многіе изъ слугъ Рима въ средѣ глаголяшей [2]). Слѣдуетъ ли и теперь увеличивать эту отдѣльность, ослабляя силу хорватской взаимности съ соплеменниками сербскими, болгарскими, русскими, на почвѣ общаго литургическаго языка, если ужъ не общаго церковнаго обряда и религіозныхъ основъ? Если хорватизмъ умѣстенъ въ литургической области, то скорѣе хорватизмъ чистый, тотъ, о которомъ мечтали Антонъ Далматинъ и Степанъ Истріанинъ въ XVI-мъ вѣкѣ, а Стефанъ Русичъ въ XVIII-мъ в., чѣмъ давно отжившій свой законный вѣкъ славянохорватизмъ, въ искусственной реставраціи Берчича или Парчича.

Какъ бы то ни было, ц.-славянскій языкъ и донынѣ сохранился въ церковномъ употребленіи въ четырехъ хорватскихъ епархіяхъ: коркской (о. Кр$_{о}$къ, Veglia), задрской, сплѣтской и шибеницкой [3]), въ 130—140 приходахъ, съ 80,000 душъ населенія и семью монастырями [4]). Ко-

---

[1]) Слова краковскаго епископа Матвѣя о Руси и русскихъ. Bielowski, Mon. Pol. hist. II, 15 сл.

[2]) Ср. Memoria sulla conversione dell'alfabeto glagolitico nel latino pei libri liturgici slavi. Zara 1882; Archiv VI, 142.

[3]) Что касается епархіи сеньско-модрушской, то въ ней глаголитизмъ исчезъ въ 1800—30-хъ годахъ. См. объ этомъ: Soić V., Rasprawa ob obstoječoj porabi staroslovenskog ili glagoljskog jezika pri vršenju svete mise po obredu rimokatoličkom u sdruženih biskupijah Senjskoj i Modruškoj. Bakar 1882.

[4]) По даннымъ 1857 г. у Ginzel, Cyrill und Method,

нечно, это лишь осколокъ прежняго хорватскаго глаголитизма, забѣгавшаго на сѣверъ до Межимурья, на западъ до Истріи, а на югъ до границъ Албаніи, гдѣ къ нему примыкалъ глаголитизмъ болгарскій. Но и въ нынѣшнемъ видѣ онъ представляетъ знаменательный образчикъ живучести великихъ идей, хотя бы и въ неполномъ, извращенномъ ихъ воплощеніи.

Въ послѣднее время, когда великіе юбилеи: тысячелѣтія изобрѣтенія письменъ въ 1862 г., смерти Кирилла Философа въ 1869 г. и Меѳодія въ 1885 г., нѣсколько освѣжили кирилло-меѳодіевскіе завѣты въ сознаніи всѣхъ славянъ, вызвавъ цѣлый рядъ новыхъ изслѣдованій по всѣмъ частямъ кирилло-меѳодіевскаго вопроса и даже демонстративную буллу Льва XIII: „Grande munus“,—ц.-славянскій языкъ выступилъ вновь на очередь общественнаго обсужденія и даже на путь практическихъ завоеваній. Во главѣ борцовъ за признаніе этого языка литургическимъ органомъ католическихъ славянъ стоятъ нынѣ знаменитый дьяковскій епископъ Штросмайеръ на югѣ и славный угрорусскій дѣятель А. И. Добрянскій на западѣ. Штросмайеръ развилъ эту мысль главнымъ образомъ въ многочисленныхъ своихъ пастырскихъ посланіяхъ [1]) по

Прилож. III, 122—132. Новѣе свѣдѣнія у проф. Первольфа (Отчетъ 1889 г., стр. 68), но лишь для сплѣтской епархіи: изъ 137 ея приходовъ въ 50 богослуженіе ц.-славянское, въ 69 смѣшанное (попъ говоритъ по-лат., народъ отвѣчаетъ по-ц.-слав.) и въ 18 — чисто латинское; но и въ послѣднихъ по праздникамъ Евангеліе и Апостолъ читаются и по-хорватски. Ср. еще: Milinović, Crtice o slovenskoj liturgiji (Zadar 1880); Славян. изв. 1889 г., стр. 368; Stefan Ivančić, Poraba glagolice kod redovnika III reda sv. Franje po Dalmaciji, Istri i Kvarneru. Zadar 1887; S. Ljubić, Borba za glagolicu (Rad LVII); Jagić, Glagolitica 1890 г., стр. 3, 59 сл.

[1]) Одно изъ нихъ было конфисковано за то австроугорскими властями. За письменныя же привѣтствія СПб. славянскому обществу (отъ 20 февр. 1888 года) и ректору Кіевскаго университета (въ іюлѣ 1888 г.) еп. Штросмайеръ получилъ публичный выговоръ отъ австрійскаго императора.

епархіи, Добрянскій же—въ статьяхъ вѣнскаго Parlamentär'а и люблянскаго (теперь терстскаго) „Славянскаго Свѣта“ за послѣдніе годы. Какъ ни различны взгляды этихъ дѣятелей и писателей на основы и задачи славянской образованности, оба сходятся однако въ признаніи важности ц.-слав. языка для народной будущности и католическихъ славянъ. Подъ знаменемъ этого языка Штросмайеръ и Добрянскій успѣли собрать изрядное число послѣдователей, которые продолжаютъ и теоретическую разработку, и практическое распространеніе этой плодотворной мысли. Соединеннымъ ихъ усиліямъ удалось нѣсколько измѣнить взглядъ на этотъ вопросъ и римской куріи. Это обнаружилось между прочимъ въ ея конкордатѣ въ 1887 г. съ Черногоріей, по которому католикамъ возстановленной папою барской епископіи изъ подданныхъ (3—4000 душъ) князя Николая разрѣшено употребленіе ц.-славянскаго языка въ богослуженіи, по тѣмъ миссаламъ и бревіарамъ, какіе приготовлены Парчичемъ для Далмаціи и Хорватскаго приморья, но въ кирилловскихъ изданіяхъ. Эта уступка куріи не представляетъ, правда, ничего новаго въ лѣтописяхъ южнаго и западнаго славянства. Она не разъ была дѣлаема папами прежнихъ вѣковъ, напр. Адріаномъ II, Іоанномъ VIII и IX, Иннокентіемъ IV и X, Климентомъ VI, Урбаномъ VIII, Бенедиктомъ XIV [1]), какъ это показано и въ настоящемъ очеркѣ. Но въ наше время уступка эта имѣетъ бо́льшее значеніе потому, что она совпала съ пробужденіемъ самосознанія и инстинктовъ жизни даже въ самыхъ поблекшихъ вѣтвяхъ славянскаго племенного дерева. Вотъ почему она немедленно вызвала печатныя въ журналахъ [2]) и устныя на собраніяхъ и вѣ-

---

[1]) Ср. Ginzel, Cyrill und Method, приложеніе I. Да и въ настоящее время въ Хорватіи есть уніатская епархія (крижевацкая, съ 23 приходами и свыше 10,000 прихожанъ), имѣющая ц.-славянское богослуженіе, по кирилловскимъ книгамъ русскаго извода.

[2]) Напр. въ вѣнскомъ изданіи: Věstnik, Časopis spolků

чахъ [1]) заявленія многочисленныхъ общественныхъ кружковъ—хорватскихъ, словинскихъ, словенскихъ, чехоморавскихъ и др. о желаніи воспользоваться предоставленнымъ папою черногорскимъ католикамъ разрѣшеніемъ совершать богослуженіе хотя бы по римскому обряду, но на священномъ для каждаго славянина кирилло-меѳодіевскомъ языкѣ и письмѣ. Къ сожалѣнію, австрогерманское правительство [2]), какъ во дни Людовика Нѣмецкаго и Карломана, Арнульфа и Оттоновъ, возстало противъ этихъ стремленій, быть можетъ не безъ основаній полагая, что церковное освобожденіе католическихъ славянъ отъ путъ латыни было бы первымъ шагомъ къ низверженію ими западнаго ига и во всѣхъ прочихъ культурныхъ областяхъ. Этимъ объясняется непослѣдовательный образъ дѣйствій и римской куріи, которая то отказываетъ хорватамъ, словенцамъ, моравянамъ, чехамъ [3]) въ томъ, что ею же разрѣ-

---

česko-slovanských ve Vídni; въ моравскихъ: Kroměřižské Noviny (съ 1889 г. Velehrad), Moravská Slovač, Selské Listy, Komenský; въ чешскихъ: Národní Listy, Východ, отчасти Čech, Posel z Podhoří, Hlasy z Šumavy, Otavan, Vyšehrad, Stráž na Šumavé; въ словенскихъ: Narodnie Noviny; въ словинскихъ: Slovensky Narod, Slovanski Svet, Naša Sloga (Терстъ), Jedinost (тамъ же); въ хорватскихъ: Obzor, Narodni List (Задръ), Draškov Raboš (Сплѣтъ), Diritto Croato (въ Пулѣ, Pola); въ польскихъ: Orędownik (въ Познани: грозилъ въ январѣ 1888 г. архіеп. Диндеру славянскою церковью въ случаѣ забвенія поляковъ Римомъ).

[1]) Такое вѣче состоялось напр. въ августѣ 1887 г. въ Хомыжѣ подъ Гостыномъ на Моравѣ, въ присутствіи до 6000 участниковъ, которые единодушно приняли резолюцію о возстановленіи ц.-славянскаго богослуженія. Искренность этого и другихъ аналогическихъ заявленій католическихъ славянъ засвидѣтельствована нынѣшнимъ барскимъ (въ Черногоріи) латинскимъ епископомъ Симономъ Милиновичемъ въ рѣчи къ папѣ, напечатанной въ задрскомъ Narodni List.

[2]) Ср. Národní Listy, Прага, 20 іюля 1887 г. Первая ударила въ набатъ Nordd. Allg. Zeit., за нею Kreuz-Zeitung, Pester Lloyd и другіе оффиціозы пресловутой „лиги мира".

[3]) Извѣстно посланіе папскаго нунція въ Вѣнѣ Галим-

шено для сербовъ барской епархіи, то вновь какъ бы возвращается къ преданіямъ Бенедикта XIV и открываетъ въ самомъ Римѣ, въ Apollinarium, каѳедру ц.-славянскаго языка. Подъ давленіемъ австрогерманскаго правительства сталъ въ оппозиціонное отношеніе къ ц.-славянскому литургическому языку и австрійскій католическій епископатъ, какъ это выразилось по почину люблянскаго епископа въ пастырскомъ посланіи (1887 г.) противъ него іерарховъ горицкой церковной провинціи въ земляхъ словинскихъ [1]). Враждебно отнеслись къ ц.-славянскому литургическому языку и загребскій архіепископъ Михаловичъ, шибеницкій еп. Фоско, задрскій Мопа и мн. др. Этотъ послѣдній высказался въ далматинскомъ сеймѣ (1888 г.) даже въ пользу замѣны хорватско-глагольскаго богослуженія латинскимъ. Это не парализовало однако въ Далмаціи стремленій къ возстановленію ц.-славянскаго богослуженія. Лѣтомъ 1891 г. духовенство Омишскаго (Almissa) деканата и всего нижняго теченія р. Неретвы (Narenta) подало о томъ особую записку сплѣтскому епископу. Врядъ ли однако она встрѣтитъ сочувствіе въ Вѣнѣ и Римѣ. Довольно недвусмысленно заявили протестъ противъ этихъ стремленій и чешскіе іерархи [2]), не говоря уже про угор-

---

берти литомѣрицкому епископу Шеблю (Schöbl) противъ ц.-славянскаго богослуженія.

[1]) Ср. отвѣтъ на это посланіе А. И. Добрянскаго: Von einem Slaven. Zur Steuer der Wahrheit, Wien 1888 г. (изъ Parlamentär). Впослѣдствіи пульскій епископъ (Pola въ Истріи) запретилъ даже чтеніе Апостола и Евангелія въ костелахъ на народномъ языкѣ!

[2]) Пражскій архіепископъ Шенборнъ запретилъ даже чешское пѣніе во время богослуженія, замѣнивъ его латинскимъ! Противъ этого распоряженія протестовали граждане Праги, устроившіе для того особое собраніе въ клубѣ Новомѣстскихъ избирателей въ апрѣлѣ 1888 г., гдѣ опредѣлено хлопотать о возстановленіи церковнославянскаго богослуженія. Да и Пражская консисторія большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ одного признала намѣреніе архіепископа опаснымъ,

скихъ, какъ наиболѣе зависимыхъ отъ славяноборческаго правительства, а потому крайне враждебныхъ и ц.-славянскому языку. А между тѣмъ языкъ этотъ красуется на регаліяхъ староугорскихъ королей, какъ обличительный упрекъ потомкамъ свв. Стефана и Ладислава, Гуніада и Корвина!

Такъ случилось, что и на Велеградскомъ юбилеѣ 1885 г., въ память второго учредителя славянской литургіи, паломники моравскіе, чешскіе, угорскіе, польскіе, даже червонорусскіе принуждены были слушать богослуженіе на языкѣ и по ритуалу не Меѳодія, а скорѣе Вихинга, этого первообраза упомянутыхъ латино-нѣмецкихъ епископовъ!

Кто побѣдитъ въ концѣ концовъ,—славянскіе ли народы, просящіе у своихъ духовныхъ отцовъ хлѣба, или эти отцы, подающіе вмѣсто него камень,—покажетъ близкое уже будущее. Но уже и теперь несомнѣнно, что ц.-славянскій языкъ дѣйствуетъ въ средѣ католическихъ славянъ какъ скрытая сила, имѣющая важное значеніе въ предстоящемъ размежеваніи тевтонства со славянствомъ въ племенной и культурной областяхъ [1]).

Но какая бы судьба ни предстояла ц.-славянскому языку въ средѣ католическихъ славянъ,—усвоятъ ли они его себѣ и спасутся, или будутъ и впредь коснѣть въ ярмѣ латинства и погибнутъ въ народномъ смыслѣ,—языкъ этотъ и въ настоящемъ своемъ распространеніи, между 75 мил. русскихъ и 8—9 милліонами югославянъ, принадлежитъ къ числу сильнѣйшихъ и славнѣйшихъ литургическихъ языковъ міра. Правда, роль его въ литера-

---

что̀ не удержало однако послѣдняго отъ изданія означеннаго распоряженія.

[1]) Это выразилось между прочимъ въ петиціи 236 жителей словинскаго селенія Подрага (близъ Постойны, въ Крайнѣ) о желаніи перейти изъ католицизма въ православіе, осенью 1889 г. Ср. Parlamentär 1 декабря 1889 г. Исходъ этого движенія былъ такой же, какъ въ 1882 г. въ с. Гниличкахъ въ Галичинѣ.

турной области значительно ослаблена съ XVIII-го вѣка установленіемъ рядомъ съ нимъ—или лучше подъ нимъ—вторыхъ письменныхъ языковъ и діалектовъ: русскаго, болгарскаго, сербскаго, на которые перешла большая часть прежнихъ функцій ц.-славянскаго языка. Но это отрѣшеніе отъ суеты дневной и „молвы житейской“ весьма благопріятно отразилось на его строеніи и составѣ. Доколѣ языкъ этотъ развивался на просторѣ общественнаго употребленія, въ живомъ взаимодѣйствіи съ говорами, онъ заимствовалъ отъ послѣднихъ и непрерывную измѣнчивость, текучесть, шаткость, что конечно составляетъ достоинство нарѣчій, но большой недостатокъ языковъ. Послѣдніе призваны къ соединенію областей и поколѣній, а не раздѣленію ихъ, надъ чѣмъ работаетъ и безъ того слишкомъ много и физическихъ, и нравственныхъ силъ. Не разъ была уже высказываема и та мысль, что нѣкоторая отдѣльность языка литургическаго отъ говоровъ, нѣкоторая оторванность его отъ жизни составляетъ даже достоинство торжественной молитвенной рѣчи. Не будь въ человѣческой душѣ этой потребности говорить съ Богомъ иначе, чѣмъ съ „другомъ или врагомъ, лошадью или собакою“, по выраженію Карла V, не находили бы мы въ исторіи всѣхъ главныхъ историческихъ народовъ болѣе или менѣе значительной разницы между языками „іератическими“ и „демотическими“, по терминологіи египетскихъ грековъ. Даже наши раскольники, столь свободно относящіеся ко многимъ другимъ историческимъ установленіямъ церкви, съ благоговѣніемъ берегутъ церковнославянскій языкъ въ своемъ богослуженіи, стараясь воспроизводить его звуки, формы, обороты и въ бесѣдахъ на важныя темы.

Эта двойственность у славянъ русскихъ, болгарскихъ, сербскихъ образованныхъ языковъ церковнаго и мірского, праздничнаго и будничнаго, не напоминаетъ ли того атмосферическаго явленія, когда послѣ грозъ и ненастій небо наконецъ прояснится и въ высшихъ слояхъ воздуха образуются неподвижныя бѣлесоватыя облака, межъ тѣмъ какъ по-

ниже несется „послѣдняя туча разсѣянной бури“, которая все еще „наводитъ унылую тѣнь“, все еще „туманитъ ликующій день“! Мѣшаютъ ли одна другой эти двѣ гряды родственныхъ по составу, но различныхъ по высотѣ облаковъ, въ свободномъ движеніи по небу? Можно ли назвать гряду верхнюю безцѣльнымъ плеоназмомъ нижней? Природа не знаетъ такихъ излишествъ. Для человѣческаго же духа отрадно сознаніе, что въ жизни людей, какъ и въ смѣнѣ атмосферическихъ явленій, есть поясъ охлажденія земныхъ испареній, составляющій какъ бы послѣднюю ступень на видѣнной Яковомъ и Дантомъ лѣстницѣ отъ земли на небо, изъ круговорота этой быстротечной жизни въ страну неподвижныхъ звѣздъ и вѣчныхъ идеаловъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Распространеніе сербскаго, чешскаго и польскаго языковъ на площади смежныхъ славянскихъ нарѣчій.

Ц.-славянскій языкъ былъ главнымъ, но далеко не единственнымъ выраженіемъ и органомъ центростремительныхъ силъ нашего племени въ области словесной. Рядомъ съ нимъ выступали въ разныя эпохи и нѣкоторые другіе сильные діалекты, занимавшіе положеніе языковъ и стремившіеся къ господству въ средѣ если не всѣхъ, то хотя нѣсколькихъ вѣтвей славянства. Таковы были особенно языки сербскій на югѣ, чешскій и польскій на западѣ и русскій на востокѣ. Предполагая посвятить последнему отдѣльную главу въ нашемъ обзорѣ, мы остановимся здѣсь на трехъ лишь первыхъ.

Выше было показано, что собственнымъ литературнымъ языкомъ древнихъ сербовъ и хорватовъ былъ ц.-славянскій, въ кирилловскомъ облаченіи у первыхъ и глагольскомъ у вторыхъ. Но очень рано рядомъ съ этимъ высшимъ, литургическимъ и богословскимъ языкомъ, въ письменности свѣтской, особенно въ грамотахъ, актахъ, законникахъ Зеты и Расы, Холма и Босны, Дубровника и Полицы, Винодола и Корка (Кр$_0$к), получаютъ нѣкоторое литературное примѣненіе и разнообразные живые говоры этихъ областей. Какъ ни мало изучены еще особенности этихъ говоровъ въ Неманьевскій періодъ, все же можно и по историческимъ соображеніямъ полагать, что наи-

большее значеніе имѣлъ между ними тотъ, на которомъ говорили въ Дуклѣ, Расѣ, Призренѣ, Печѣ, гдѣ былъ центръ государства Неманичей и престольный городъ сербскаго архіепископа, позже патріарха. Особенно высоко долженъ былъ подняться дѣловой языкъ Неманичей въ вѣкъ Душана, когда его царство подчинило себѣ въ разной мѣрѣ всѣ прочія сербскія области, со включеніемъ болгарской до того Македоно-Албаніи. Конечно, зависимость эта была скорѣе союзническая, чѣмъ подданническая; но все же это былъ союзъ гегемоническаго типа, который не могъ не возвысить діалекта южносербскаго надъ всѣми прочими, напр. шумадійскимъ, срѣмскимъ, боснійскимъ, насколько они выразились тогда въ свѣтской дѣловой письменности. Области далматинскія, приморско-хорватскія и посавскія не входили въ царство Душана, состоя въ подчиненіи — первыя главнѣйше Венеціи, вторыя же и третьи Угріи. Но вліяніе Сербіи Неманичей и Босніи Твертковичей довольно рано начинаетъ сказываться на дѣловомъ языкѣ и этихъ областей. Это мы видимъ напр. въ грамотахъ Дубровника, писанныхъ въ XIII—XIV-мъ вв. не на мѣстномъ говорѣ, а на дѣловомъ діалектѣ областей, съ которыми заключаемы были тѣ или другіе договоры. Съ государями и властелями Зеты, Травуніи, Холма, Расы Дубровникъ переписывался по южноштокавски, съ Босною же—на западномъ разнорѣчіи штокавщины.

Очевидно, въ канцеляріяхъ Дубровницкой республики были особые дьяки для составленія такихъ грамотъ на пріятнѣйшемъ для контрагента разнорѣчіи [1]).

Языкъ болѣе сѣверныхъ, хорватскихъ областей, на которомъ написаны напр. грамоты Франкопановъ (сохранившіяся съ 1309 г.), статуты Винодольскій (1288 г.), Корвскій (Veglia, 1388), Полицкій (1400) и друг. акты,

---

[1]) Ср. Медо-Пуциħ, Споменици србски. Београд 1858; Miklosich, Monumenta serbica; Карано-Твртковиħ, Србски споменици.

основавъ на хорватской чакавщинѣ. Но развитіе ея и въ этой дѣловой области подрываемо было какъ отсутствіемъ государственной независимости, такъ и одновременнымъ распространеніемъ въ Хорватіи языковъ латинскаго и итальянскаго. На послѣднихъ только и уцѣлѣли многіе статуты хорватскихъ городовъ и законники общинъ, напр. Корчульскій (Curzola 1214 г.), Рогозницкій (1235 г.), Ластовскій (Lagosta, 1310 г.), Млѣтскій (Meleda, 1345 г.) и многіе другіе. Поэтому можно было предвидѣть, что въ борьбѣ за преобладаніе хорватская чакавщина не устоитъ противъ сербской штокавщины, тѣмъ болѣе, что въ пользу послѣдней дѣйствовали, кромѣ свободнаго сербскаго государства или союза государствъ, и нѣкоторые другіе важные географическіе, этнологическіе и политико-общественные факторы.

Занимая узкое прибрежье боснійско-герцеговинской области, хорватская Далмація представляла естественное дополненіе ея и въ физическомъ, и въ экономическомъ отношеніи. Вслѣдствіе того она непрерывно была наводняема выселенцами изъ-за Динаръ, которыхъ влекли въ приморье то нужда, то торговые интересы, то соблазнъ жизни въ теплой, цвѣтущей и образованной полосѣ, вдоль унизанныхъ островами береговъ Адріатики. Этотъ потокъ съ горъ внизъ, въ приморье, увлекалъ не одно простонародье, особенно изъ Герцеговины, о которой выработалась даже поговорка: „сву (всю) землу засели, себе не насели". И властели сербскихъ областей охотно переселялись въ Дубровникъ, Сплѣтъ, Которъ, то на время по случаю какихъ либо смутъ, то на всегда по ликвидаціи дѣлъ на родинѣ. Довольно сильный уже при Неманичахъ потокъ этотъ еще болѣе разросся въ періодъ турецкаго ига. Тутъ ужъ не единицами или десятками, а цѣлыми тысячами передвигалось сербское населеніе въ Далмацію и Хорватію, въ видѣ то мирныхъ рабочихъ, то пастуховъ, ускоковъ, гайдуковъ. Потокъ этотъ въ теченіе XV — XVII-го вѣковъ совершенно размылъ чакавскія области въ адріатическомъ приморьѣ, вплоть до Истріи, оттѣснивъ часть

ихъ населенія къ сѣверу, за Капеллу и Кульпу, въ драво-савскую Славонію, Межимурье и въ югозападныя жупаніи Угріи, до Блатенскаго озера. Въ сѣверномъ направленіи разливъ сербизма достигъ не только Срѣма, Баната, Бачкой, но даже верховьевъ Тисы (Рацъ-Дорогъ, Рацъ-Бесермень) и виноградныхъ горъ къ сѣверу отъ Будина. Правда, при столь обширномъ передвиженіи сербовъ съ юго-востока къ сѣверо-западу не могли не ослабѣть старыя гнѣзда сербской народности въ Метохіи, Герцеговинѣ, Шумадіи, Боснѣ; но зато созданы были новые опорные пункты этой народности, новыя святыни и твердыни сербизма. Штокавщина растянулась съ тѣхъ поръ длинной полосой отъ Бѣлаго Дрина въ Албаніи до Мароша въ Угріи, съ поперечникомъ отъ Тимока до устья Неретвы, а впослѣдствіи и Зерманьи. Въ сравненіи съ этой обширной областью территорія приморскихъ чакавцевъ и загребскихъ кайкавцевъ казалась не болѣе, какъ узкой и окорнанной окраиной сербо-хорватской области.

Но этимъ не ограничивается услуга, сдѣланная—хотя и невольно—турками сербской штокавщинѣ. Они еще болѣе подняли ея международное положеніе тѣмъ, что сама Порта стала при Мурадѣ II, Магометѣ II, Баязетѣ II, Селимѣ I, Солиманѣ II переписываться съ Дубровницкой республикой, Угріей, Москвой не по-турецки или арабски, а по-сербски [1]), ибо всѣ почти султаны XV—XVI-го вв., до Солимана включительно, были сербы по матерямъ. Большая часть визирей и пашей того времени также были славянскаго, главнѣйше сербскаго происхожденія [2]). Примѣръ цареградскихъ канцелярій нашелъ подражателей въ Угріи и Румыніи, гдѣ впрочемъ и раньше славянскій языкъ былъ въ ходу. Такъ Матвѣй Корвинъ

---

[1]) Ср. Карано-Твртковича, Србски споменици, NN 113, 164, 168, 173; Miklosich, Mon. Serbica NN 308, 339, 374, 375, 389, 437, 438, 447, 452, 454, 472, 473, 476, 477.

[2]) Таковъ напр. Могаметъ Соколовичъ въ XVI в., о которомъ ср. К. Ирѣчка, въ Archiv IX, 292 сл.

издалъ на сербскомъ языкѣ грамоты дарственную фратру Александру Дубровчанину (1465 г. [1]) и подтвердительную для Свято-Николаевскаго монастыря въ Гвоздѣ (Хорватія, 1463 [2]). Отъ угорскаго контркороля Іоанна Запольи имѣется сербская грамота Мехметъ-бегу (1537 г. [3]). Молдавскій воевода Александръ издалъ по-сербски грамоту 1566 г. къ Дубровчанамъ [4]). На этомъ языкѣ сносился и Скандербегъ Кастріотъ съ Дубровникомъ. Даже австрійскіе императоры, съ легкой руки султановъ, не брезгали иной разъ сербскими грамотами. Такъ императоръ Сигизмундъ далъ нѣсколько сербскихъ грамотъ валашскимъ монастырямъ (1418—29 г. [5]), Фердинандъ же I—глагольскую грамоту капитулу сеньскому (1527 г. [6]).

Слѣдуетъ признать, что штокавщина была вполнѣ достойна этого почетнаго положенія по внутреннимъ преимуществамъ своего состава и строя передъ болѣе архаическими и смѣшанными разнорѣчіями чакавскимъ и кайкавскимъ. Преимущества эти проявляются напр. въ болѣе простой, передвинутой къ начальнымъ слогамъ слова акцентуаціи; въ замѣнѣ однообразнаго чакавскаго иканья (*ѣ*=*і*) болѣе гибкимъ и звучнымъ іеканіемъ (*ѣ*=*ие*=je [7]); въ устраненіи трудныхъ для югославянъ согласныхъ: твердаго *л* и спиранта *х*, путемъ вокализаціи перваго (био вм. бил) и опуще-

---

[1]) Miklosich, Mon. Serbica, N 494.

[2]) Эта грамота писана глаголицей. Ср. Kukuljević-Sakcinski, Monum. historica slavorum meridionalium № XCI.

[3]) Miklosich, Mon. Serb. N 479, 480, 481.

[4]) Ibid. N 483.

[5]) Ср. Венелинъ, Влахо-болгарскія или дако-славянскія грамоты. СПб. 1840 г., стр. 36, 49, 52, 55.

[6]) Kukuljević-S., Monum. hist. slav. merid. № CCXXIII.

[7]) Этому не противорѣчитъ нахожденіе иканья и въ западной, боснійской штокавщинѣ, ибо, во 1-хъ, иканье это можетъ быть остаткомъ прежняго хорватскаго разнорѣчія въ западной Боснѣ; во 2-хъ, оно все-таки составляетъ очень частное явленіе въ штокавскомъ разнорѣчіи, но общее въ чакавскомъ. Ср. Broz Iv., Crtice iz hrvatske književnosti. Zagreb 1886. I, 152.

нія второго (муа вм. муха); въ параллелизмѣ замѣнъ для *dj*, *mj*—ђ, ћ, вм. хорватскихъ *j*, *ć*. Въ области же формъ позднѣйшій относительно возрастъ штокавщины характеризуется особенно переходомъ формы предложнаго падежа множ. числа въ родительный пад. (јато голубовах или голубова) и сліяніемъ флексій дательнаго, творительнаго и предложнаго падежей множ. числа въ общемъ окончаніи на *ма* (к вратима, на зидовима, съ краљевима [1]).

Преимуществамъ грамматическаго строя штокавщины вполнѣ соотвѣтствуютъ и достоинства ея фразеологіи, лексикона, наконецъ стиля, развитаго самимъ народомъ въ великолѣпныхъ юнацкихъ пѣсняхъ о короляхъ Неманичахъ и князѣ Лазарѣ, о Маркѣ Королевичѣ и гайдукахъ, о всѣхъ наконецъ перипетіяхъ пятивѣковой борьбы сербовъ съ турками, не вполнѣ законченной и въ наше время.

Всѣмъ этимъ преимуществамъ внѣшняго положенія и внутренняго характера штокавщины хорватская чакавщина могла противопоставить одно лишь, правда, очень важное: болѣе поздній историческій возрастъ народа и присутствіе въ странѣ сильныхъ образовательныхъ средствъ и средоточій. Первое мѣсто между ними занималъ, безспорно, Дубровникъ. За нимъ слѣдовали прочіе старые далматинскіе города: Сплѣтъ, Задръ, Шибеникъ, Трогиръ, Старый Градъ (на о. Гварѣ) и н. др. Доказательствомъ бо́льшей культурной зрѣлости населенія этихъ городовъ, въ сравненіи съ сербскими „сельяками“ XV—XVI-го вв., служитъ обширная далматинская литература того времени. Главными дѣятелями этой литературы были далматинцы, получившіе образованіе въ Падуѣ, Болоньѣ, Римѣ. Но нѣкоторые воспитались и въ мѣстныхъ среднихъ школахъ, съ латинскимъ языкомъ и итальянизованными преподавателями, напр. въ Задрѣ (съ 1282 г.), Которѣ (съ XIII-го в.), Дубровникѣ (съ XIV-го в.), Шибеникѣ (съ 1414 г.), Трогирѣ (съ 1420 г.), Сплѣтѣ (съ 1555 г. [2]).

---

[1]) Ср. Broz Iv., Crtice I, 146 сл.

[2]) Ср. Ljubić, Ogledalo književne povêsti jugoslovena. II, 311 сл.

Далматинская литература пользовалась обыкновенно латинскимъ и итальянскимъ языками, почему и является органическою частью итальянской временъ возрожденія и гуманизма. Но подобно тому, какъ въ тогдашней Италіи рядомъ съ литературою высшею, на языкахъ Цицерона и Петрарки, во всѣхъ почти областяхъ существовали низшія подлитературы лирическаго, сатирическаго, пародическаго, отчасти и серіознаго содержанія, въ стихотворной главнѣйше формѣ, такъ и въ далматинскихъ городахъ развивается съ конца XV-го в. особая областная подлитература на языкѣ „словинскомъ", по мѣстной терминологіи.

Вникая въ строй этого языка по сохранившимся литературнымъ памятникамъ, мы замѣчаемъ, что въ болѣе раннихъ изъ нихъ, напр. у сплѣтца Марулича († въ 1524 году), гварца Луцича († послѣ 1534 года) и дубровчанъ Менчетича († 1501 г.) и Держича († ок. 1510 г.), въ основу положены формы чакавскаго разнорѣчія, близкія къ тѣмъ, какія мы находимъ въ глагольскихъ грамотахъ и статутахъ далматинско-хорватскихъ городовъ и общинъ XIV—XV-го вв. Но по мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся въ глубь XVI-го в., изучая напр. сочиненія дубровчанъ Ветранича († 1576 г.), Чубрановича († ок. 1559 г.), Налѣшковича († 1585 г.), мы видимъ на чакавскомъ фонѣ все болѣе и болѣе штокавскихъ наслоеній [1]). Къ концу XVI-го в. у дубровчанъ уже преобладаетъ штокавщина, такъ что въ сочиненіяхъ Динка Раньины († въ 1607 г.) и Динка Златарича († въ 1607 г.) звуковой строй рѣчи чисто штокавскій и лишь въ формахъ мелькаютъ еще чакавизмы, какъ преданіе забываемой старины [2]). Въ осталь-

---

[1]) Въ родѣ напр. формъ: био вм. бил, жѐна вм. жен, моя вм. ма и т. п.

[2]) Ср. Ягича, въ Arch. IV, 489; VI, 81 сл.; VII, 492. Авторъ относитъ къ XV—XVI-му вв. распространеніе въ южной Далмаціи іекавщины, на икавской первоначально почвѣ. Относительно Дубровника ср. еще Rešetar, Die Čakavština und

номъ далматскомъ приморьѣ нѣсколько долѣе держится чакавщина. Она преобладаетъ напр. еще у Бараковича († въ 1628 г.), но постепенно вытѣсняется штокавщиной у позднѣйшихъ писателей, напр. Корчульца Канавелича († 1690 г.), висца (Lissa) Витилича († 1725 г.), сплѣтца Каваньина (род. 1640) и др. Окончательная побѣда штокавщины икавскаго выговора (ѣ = і) рѣшена была усвоеніемъ ея тремя первоклассными дубровницкими поэтами: эпикомъ Гундуличемъ († 1638 г.), драматургомъ Пальмотичемъ († 1657 г.) и лирикомъ Джорджичемъ († 1737 г.).

Въ началѣ XVII-го в. штокавщина получила и теоретическую обработку въ древнѣйшей „иллирской" грамматикѣ пажанина (о. Пагъ) Бартоломея Кашича [1]). Онъ содѣйствовалъ и очищенію далматинской штокавщины отъ итальянизмовъ, замѣнивъ ихъ болѣе чистой боснійской фразеологіей [2]).

Изъ послѣднихъ своихъ убѣжищъ на далматинскихъ островахъ вытѣснена была чакавщина въ XVIII-мъ в. знаменитой „Пѣсмарицей" [3]) макарчанина Качича-Міошича († 1760 г.), въ которой воспѣты въ стилѣ юнацкихъ пѣсенъ всѣ важнѣйшія событія сербохорватской исторіи и которая стала настольной книгой каждаго грамотнаго хорвата на цѣлое столѣтіе.

Въ XVIII-мъ в. штокавщина, въ икавскомъ выговорѣ [ѣ = і, какъ въ западной Босніи, Далмаціи, Хорватскомъ приморьѣ] утвердилась и въ Славоніи, въ поэмахъ напр. Канижлича († 1777 г.), Рельковича († 1798), Катанчича († 1825),—то благочестиваго, то сатирическаго содержанія [4]).

---

deren einstige und jetzige Grenzen, въ Arch. XIII, 360 сл. Онъ доказываетъ, что тамъ издревле была штокавщина, — но не икавская ли?

[1]) Institutiones linguae Illyricae, 1604 г.

[2]) Ср. Zore, Naš jezik tijekom naše književnosti u Dubrovniku. Въ альманахѣ: „Dubrovnik" 1871 г., III, 193, 218.

[3]) Razgovor ugodni naroda slovinskoga, 1756 г. До 1862 г. сочиненіе это вышло въ четырнадцати изданіяхъ.

[4]) Ljubić, Ogledalo II, 482 сл.

Такимъ образомъ къ концу XVIII-го и началу XIX-го вѣка штокавщина рѣшительно восторжествовала надъ чакавщиной, которая и въ живомъ говорѣ сохранилась лишь въ Хорватскомъ приморьѣ, съ прилегающими Кварнерами и съ частью Истріи, да на нѣкоторыхъ Далматинскихъ островахъ [1]), приблизительно въ той же мѣстности, гдѣ уцѣлѣла и глагольская письменность съ ц.-славянскимъ богослуженіемъ. Между двумя этими архаизмами нѣтъ конечно причинной связи, но все же ихъ совпаденіе указываетъ на особый консерватизмъ населенія этой Либурніи [2]). Оно напоминаетъ до нѣкоторой степени иберійскихъ галлеговъ и басковъ, бретонскихъ кельтовъ и шотландскихъ скотовъ въ подобной же приморской области.

Восторжествовавъ въ XVI-мъ и XVII-мъ вв. на чакавскомъ западѣ, штокавщина въ этотъ самый періодъ крайне ослабѣлана подавленномъ турками сербскомъ востокѣ. Не мало тому содѣйствовала эмиграціонная волна, заливавшая сербами Далмацію, Хорватію, Угрію, насчетъ коренныхъ сербскихъ областей въ Метохіи, занятой по пятамъ выселенцевъ албанцами. Непрерывность литературнаго преданія была въ этихъ областяхъ поддерживаема лишь гуслярами, которые сохраняли старыя пѣсни о задушбинахъ Неманичей, о Милошѣ Обиличѣ и Вукѣ Бранковичѣ, а вмѣстѣ прибавляли къ нимъ новыя пѣсни, во вкусѣ испанскихъ романсовъ о Сидѣ Кампеадорѣ.

Съ начала XVIII-го в., по мѣрѣ постепеннаго вытѣсненія турокъ изъ Угріи, Румыніи, южнорусскихъ земель, особенно со времени Петра Великаго и Евгенія Савойскаго, начали завязываться новые узлы, выдвигаться новыя средоточія сербской образованности въ угорской Воеводинѣ. Главную роль игралъ при этомъ г. Карловецъ, въ ко-

---

[1]) Broz Ivan, Crtice I, 147.

[2]) Консерватизмъ этотъ особенно очевиденъ въ акцентуаціонной системѣ нынѣшнихъ чакавцевъ, поразительно сходной съ нашею русскою. Ср. Брандтъ, Начертаніе славянской акцентологіи. СПб. 1880 г., стр. 59 слл.

торомъ основана была въ 1733 г. первая высшая сербская школа съ преподавателями изъ Кіева. Хорошо организована была и Новосадская „духовная коллегія“, затѣмъ—школы Осѣцкая, Сомборская и др. Подъ ихъ вліяніемъ сталъ тутъ слагаться особый славяно-сербо-русскій языкъ, который держался въ наукѣ и школахъ болѣе ста лѣтъ, въ сочиненіяхъ напримѣръ архимандрита Раича, Соларича, Мушицкаго и н. др. [1]). Но языкъ этотъ не могъ имѣть будущности по причинѣ своего смѣшаннаго состава, не претвореннаго въ органическое цѣлое какимъ-либо сильнымъ поэтическимъ талантомъ. Ему предстояла судьба славянорусскаго языка въ Россіи, т. е. постепенное сближеніе съ рѣчью народной. Процессъ этого перерожденія славяносербскаго діалекта въ сербскій довольно удачно начатъ банатцемъ Досиѳеемъ Обрадовичемъ († въ 1811 году). Въ странствованіяхъ своихъ по разнымъ сербохорватскимъ областямъ, между прочимъ въ Далмаціи, гдѣ онъ состоялъ нѣсколько лѣтъ учителемъ въ Скрадинѣ, Досиѳей могъ изучить не только живыя разнорѣчія, но и литературныя формы прежняго времени, особенно далматинской поэзіи XVI — XVII-го вв. Что же касается ц.-славянскаго и славяносербскаго языковъ, то они хорошо были знакомы Досиѳею съ дѣтства и изъ времени его — хотя и кратковременнаго — иночества въ Хоповскомъ монастырѣ (въ 1753 г.). Всѣ эти вполнѣ законныя въ сербскомъ литературномъ органѣ стихіи мы дѣйствительно находимъ въ разныхъ дозахъ въ рѣчи Досиѳея. Но и онъ не былъ художникомъ слова, а слѣдовательно не могъ претворить столь разнородныхъ стихій въ органическое цѣлое. Задача была бы, вѣроятно, разрѣшена на этой же широкой историко-діалектической основѣ кѣмъ либо изъ послѣдователей Обрадовича. Но постепенность и правильности образовательнаго роста новосербскаго языка была вскорѣ нарушена Вукомъ Стефановичемъ Караджичемъ

[1]) Ср. Новаковичъ, Историја српске књижевности. Београд 1871 г., стр. 127 сл.

(† въ 1861 г.). Увлекшись своей специальностію сербскаго этнографа, Вукъ призналъ возможнымъ дать сербамъ совершенно новый языкъ, закрѣпивъ на бумагѣ грамматическія и лексикальныя особенности какого нибудь говора, напр. того, который онъ еще въ дѣтствѣ усвоилъ въ родномъ селѣ Тершичѣ, въ южной Сербіи. Затѣя—соблазнительная во многихъ отношеніяхъ по своей радикальности и сравнительной легкости, а также въ виду многихъ безспорныхъ преимуществъ живыхъ говоровъ передъ книжными языками историческаго образованія! По аналогическимъ соображеніямъ и знаменитый миланскій романистъ Манцони совѣтовалъ итальянцамъ порвать нити, связывающія нынѣшній итальянскій языкъ съ Дантовскимъ, и возвести въ норму живой говоръ флорентинскаго общества. Извѣстно, что лишь немногіе изъ учениковъ Манцони послѣдовали въ этомъ отношеніи примѣру учителя. И въ Сербіи подобное отрицаніе историческихъ преданій, съ механическимъ подчиненіемъ всѣхъ живыхъ говоровъ одному, именно „приходскому" такъ сказать говору Вука Караджича, съ его невозможной по своей шаткости и измѣнчивости фонетической ореографіей, вызвало сильные протесты, язычный расколъ и продолжительную борьбу [1]). Вукъ вышелъ изъ нея побѣдителемъ лишь благодаря стеченію чрезвычайно благопріятныхъ для его дѣла случайностей. Къ числу такихъ случайностей принадлежали: неожиданное возвышеніе Шумадіи, со времени Адріанопольскаго мира, при одновременномъ упадкѣ сербской жизни въ Угріи, Боснѣ, Далмаціи; покровительство языку Вука со стороны Обреновичей и Карагеоргіевичей, а отчасти и австрійскихъ дипломатовъ, ученыхъ, публицистовъ, съ Копитаромъ, Миклошичемъ и его ученикомъ сербомъ Даничичемъ [2]) во главѣ; отсутствіе сильнаго поэтическаго или хотя бы научнаго таланта въ средѣ антагонистовъ Вука; случайное

[1]) Ср. Кулаковскій П., Вукъ Караджичъ. Москва 1882.

[2]) Ср. Его: Рат за српски језик и правопис, Будин 1847 г.

совпаденіе южноштокавскихъ нормъ его рѣчи — близкой къ говорамъ Полимлья, Черногоріи, Герцеговины и южной Далмаціи [1]) — съ самыми блестящими произведеніями народнаго эпоса, а наконецъ случайная же близость этихъ нормъ къ штокавскому языку Гундулича и Пальмотича, Джорджича и Качича-Міошича.

Это послѣднее обстоятельство было чрезвычайно благопріятно для распространенія Вуковой рѣчи въ средѣ хорватовъ, которые справедливо смотрѣли на языкъ далматинцевъ XVI—XVII-го вв. какъ на свое дѣдовское наслѣдіе, какъ на завѣтъ прошлаго и залогъ самостоятельнаго развитія въ будущемъ. Ставъ на ту точку зрѣнія, что стародалматинская штокавщина принадлежитъ хорватамъ въ той же или и въ большей мѣрѣ, чѣмъ сербамъ, писатели хорватскіе уже предрасположены были къ принятію и Вуковой штокавщины, хотя послѣдняя во многомъ отличалась отъ икавской штокавщины Гундулича или Міошича. Отсутствіе генетической связи первой съ послѣднею не могло скрыться отъ глазъ образованныхъ хорватовъ; но, во 1-хъ, связь эта могла еще быть возстановлена позднѣйшими писателями, хотя искусственнымъ путемъ, а во 2-хъ отсутствіе въ Вуковомъ языкѣ исторической подпочвы въ глазахъ хорватовъ вознаграждалось до нѣкоторой степени его полнымъ разрывомъ съ ц.-славянскими преданіями, которыя очень замѣтны были у Раича, даже у Обрадовича, и непріятно поражали слухъ олатыненныхъ потомковъ Коцела, Мутимира, Сьдеслава. Вотъ почему когда загребскій публицистъ Людевитъ Гай († въ 1872 г.) сталъ въ своей газетѣ „Novine hrvatske“, съ еженедѣльнымъ приложеніемъ „Danicza hrvatska, slavonska i dalmatinska“, постепенно склоняться отъ прежней кайкавщины къ Вуковой штокавщинѣ, помѣщая въ своей газетѣ статьи сначала на обоихъ діалектахъ, а съ 1836 г. на одномъ штокавскомъ,—реформа эта была принята довольно благодушно загребскими, вараждинскими и крижевецкими

[1]) Ср. Broz Iv., Crtice I, 153.

кайкавцами. Не мало содѣйствовало ей и то, что Вуковица приподнесена была хорватамъ не въ кирилловскомъ, а въ латинскомъ облаченіи, по той ореографической системѣ, которая уже раньше была установлена Добровскимъ, Юнгманомъ и Шафарикомъ для чешскаго языка.

Впрочемъ переворотъ этотъ не совершился бы такъ легко, еслибы кайкавцы уже ранѣе не были подготовлены къ нему чакавскими и штокавскими бѣглецами изъ Далмаціи, Приморья, Босны, которые освѣжили въ горней Славоніи полузаглохшее было имя хорватовъ и смягчили словинскій типъ этого кайкавскаго разнорѣчія. Къ тому же ни географическое положеніе этихъ кайкавцевъ на рубежѣ областей сербохорватскихъ, словинскихъ и мадьярскихъ, ни степень ихъ литературнаго развитія въ догаевскій періодъ не могли поддержать въ нихъ надежды на самостоятельность. Ей не благопріятствовала самая смѣшанность діалектическаго строя кайкавской рѣчи, промежуточной между сербохорватскою и словинскою [1]). Да каковы бы ни были впрочемъ свойства этого разнорѣчія, могъ ли изъ него выработаться настоящій литературный языкъ, когда вся кайкавская письменность состояла изъ дюжины протестантскихъ переводныхъ книжекъ въ XVI-мъ вѣкѣ, переводной же на смѣшанный діалектъ поэмы Петра Зринскаго († 1671 года [2]), Хорватской хроники Павла Витезовича и одной — двухъ дюжинъ поучительныхъ разсужденьицъ загребскихъ канониковъ Коціанчича († 1806 года) и Миклоушича († 1833 года), да юриста Домина (род. въ 1776 г.). Не удивительно, что переходъ

[1]) Потому-то нѣмецкіе діалектологи не безъ основанія зовутъ ее wasserkroatisch, по аналогіи съ wasserpolnisch въ австрійской Слезіи.

[2]) Adrianskoga mora sirena. Венеція 1660 г. Это переводъ мадьярской поэмы Николая Зринскаго. Въ языкѣ смѣсь чакавскихъ, кайкавскихъ и штокавскихъ формъ. То же видимъ въ Kronika (Zagreb 1696 г.) Павла Витезовича, писанной на смѣси говоровъ чакавскихъ, штокавскихъ и кайкавскихъ (ср. Первольфъ, Отчетъ 1889 г., стр. 14 сл.).

Гая отъ такого слабаго, скучнаго и сильно латинизованнаго [1]) діалекта къ Вуковой штокавщинѣ очень сочувственно былъ встрѣченъ всѣми загребскими писателями 30—40-хъ годовъ, между которыми особенно выдвигались: Бабукичъ, Иванъ Мажураничъ, Раковецъ, Вукотиновичъ, графъ Драшковичъ и н. др. Къ нимъ примкнулъ и словинскій поэтъ Станко Вразъ († 1851 г.), открывая тѣмъ для сербовъ и хорватовъ надежду привлечь къ штокавщинѣ подальпійскихъ словенцевъ или — какъ ихъ стали тогда называть въ Загребѣ—„планинскихъ хорватовъ“ [2]).

Чтобы создать историческую подпочву для такого расширенія штокавщины на всемъ славянскомъ югѣ, пущена была хорватскими археологами и публицистами въ ходъ такъ называемая „иллирская теорія“, по которой сербохорватское нарѣчіе признано прямымъ, притомъ серединнымъ потомкомъ якобы славянскаго племени иллировъ, мнимыхъ праотцевъ и словинскаго нарѣчія на сѣверозападѣ, и болгарскаго на юговостокѣ. Въ духѣ этой теоріи и для вящшаго ея распространенія все сербохорватское было тогда переименовано въ иллирское. Гай перекрестилъ свои изданія въ Danica Ilirska, Ilirske narodne novine; Бабукичъ издалъ грамматику „narečja ilirskega“; гр. Драшковичъ основалъ „Матицу иллирскую“ (1842 г.). Но вскорѣ наступило разочарованіе! Австрійское правительство, мирволившее ранѣе иллиризму, въ видахъ укрѣпленія этой фикціей своихъ „историческихъ правъ“ на турецкія части Балканскаго полуострова, вдругъ спохватилось, и въ 1843 г. запретило дальнѣйшую агитацію подъ знаменемъ, которое могло бы, думалось, объединить славянскій югъ и помимо Австріи, какъ это случилось потомъ въ Италіи [3]).

---

[1]) Ср. Ягичъ, въ Archiv VIII, 323.

[2]) И проф. Ягичъ признаетъ себя скорѣе словинцемъ, чѣмъ хорватомъ по происхожденію,—но не по идеаламъ (Archiv VI, 313; ср. VIII, 315).

[3]) Ср. Petranović M., O književnom preporodu hrvat-

Съ тѣхъ поръ иллиризмъ замѣненъ великохорватствомъ, видѣвшимъ въ Загребѣ какъ бы Аѳины, а вмѣстѣ и Римъ славянскаго юга. Для просвѣщенія послѣдняго основаны были тутъ: въ 1850 г. Drustvo za povjestnicu jugoslavensku, а въ 1867 г. Jugoslavenska Akademija znanosti i umietnosti, съ Кукульевичемъ Сакцинскимъ во главѣ перваго и съ каноникомъ Рачкимъ во главѣ второй. Тѣми же объединительными мыслями руководился и епископъ Штросмайеръ при учрежденіи Загребскаго университета, наименованнаго однако не иллирскимъ, даже не югославянскимъ, а просто „Францъ-Іозефовскимъ“. Нельзя отрицать, что общества эти весьма много сдѣлали для изученія югославянской исторіи, археологіи, литературы,—гораздо больше бѣлградскаго „Ученаго дружества“ или Новосадской Матицы. Особенно цѣнно воскрешеніе загребскими учеными полузабытыхъ преданій далматинской поэтической школы XVI—XVII-го вв. Это расширило и углубило основы новосербскаго или, какъ предпочитаютъ выражаться въ Загребѣ, сербохорватскаго языка, слишкомъ узко и мелко заложенныя Вукомъ. Съ тѣхъ поръ сталъ возможенъ и историческій словарь этого языка, издаваемый нынѣ Югославянскою Академіею наукъ по плану, выработанному Даничичемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что изданіе это отразится самымъ благодѣтельнымъ образомъ и на писателяхъ сербохорватскихъ, которые до настоящаго времени могли изучать свою рѣчь лишь по этнографическому „Рјечнику“ Вука. Къ отраднымъ доказательствамъ постепеннаго отрезвленія сербохорватскаго общества принадлежитъ и прекращеніе старыхъ споровъ о названіи Вуковско-Гаевскаго языка сербскимъ или хорватскимъ. Въ сознаніи бѣлградскихъ и за-

skoga naroda, въ Program Belovarske realne gymnazie, 1885 г.; Smičiklas, Životopis V. Babukića, Zagreb 1676 г.; Wachsmuth, Gesch. des Illirismus, Leipzig 1849; Jos. Kouble, Stanko Vraz, jeho život, poesie a působení Slovanské. Praha 1882. Отсюда между прочимъ узнаемъ, что противъ иллиризма писали Штуръ и Срезневскій.

гребскихъ соплеменниковъ и соперниковъ постепенно укоренилась придуманная Даничичемъ формула для обозначенія этого языка: srbski ili hrvatski jezik [1]). Правда, формула эта не вполнѣ вѣрно выражаетъ діалектическія и историческія соотношенія означеннаго діалекта. Она признаетъ синонимами термины, имѣвшіе въ разное время, да и теперь еще сохранившіе въ разныхъ мѣстахъ довольно различныя значенія. Но такъ какъ въ ней выражается результатъ достигнутаго — хотя и условно лишь — соглашенія, и такъ какъ въ ней признается несомнѣнный фактъ цѣльности и единства сербохорватской діалектической группы, при различіи двухъ главныхъ и нѣсколькихъ второстепенныхъ ея подгруппъ и разновидностей, то въ этомъ условномъ значеніи не станемъ и мы возражать противъ этой формулы. Все же она представляетъ своего рода мостъ, построенный черезъ пропасть культурныхъ различій и недоразумѣній, раздѣляющихъ православнаго серба отъ католическаго хорвата, чуть не со временъ Константина Багрянороднаго.

Конечно, идея югославянскаго народнаго единства, сплоченнаго цементомъ штокавскаго діалекта, не осуществлена, да едва ли и осуществима, при нежеланіи принять его со стороны и словенцевъ [2]), и болгаръ; правда, что и на той ограниченной области, гдѣ господствуетъ теперь сербскій языкъ, онъ находитъ сильныхъ и опасныхъ соперниковъ въ чужихъ церковныхъ, государственныхъ и литера-

---

[1]) Проф. Ягичъ выражается также: serbisch oder kroatisch или даже: serbisch oder kroatisch-štokavisch (Archiv VIII, 590, 603).

[2]) Они читаютъ, правда, хорватскія изданія, особенно тѣ штирійцы и краинцы, которые обучались нѣкогда въ Вараждинской и Загребской гимназіяхъ; подписываются цѣлыми сотнями на изданія хорватской Матицы; понемногу и въ своемъ собственномъ діалектѣ, со временъ Блейвейса, приближаются къ формамъ и оборотамъ хорватскимъ; но все таки продолжаютъ писать по-словински въ низшей литературѣ и по-нѣмецки въ высшей, строго научной.

турныхъ органахъ, напр. латинскомъ у хорватовъ-католиковъ, итальянскомъ у далматинцевъ, кварнерцевъ, истріянъ, нѣмецкомъ въ Боснѣ, Герцеговинѣ и у кайкавцевъ, мадьярскомъ у угросербовъ [1]); правда, нынѣшнія границы сербскаго языка очень узки въ сравненіи съ временами Душана, Магомета II, Солимана Великолѣпнаго, когда онъ сталъ было господствующимъ международнымъ языкомъ всего Балканскаго полуострова, со включеніемъ Румыніи у Угріи: все же мы не можемъ отрицать значительности усилій сербохорватскаго народа въ направленіи къ язычному объединенію и относительной ихъ успѣшности, по крайней мѣрѣ на почвѣ главныхъ разновидностей сербохорватскаго нарѣчія. Если народъ этотъ не успѣлъ обезпечить господства своей рѣчи въ Македоніи и Албаніи, на почвѣ болгарской, албанской, цынцарской; если распространеніе его въ средѣ словинской остановилось на первыхъ шагахъ, не подвинулось по Савѣ и Дравѣ далѣе областныхъ границъ Тріединаго королевства; если и на сѣверѣ область сербохорватская значительно окорнана мадьярами, которые успѣли доставить своему языку господствующее положеніе въ Бараньѣ, Бачкой, Банатѣ: то виною столь горестныхъ разочарованій, утратъ и униженія былъ недостатокъ не доброй воли сербохорватовъ, а матеріальныхъ и нравственныхъ силъ для ея исполненія. И трудно предвидѣть условія, при которыхъ силы эти возросли бы настолько, чтобы парализовать антагонизмъ и равной почти по числу болгарской народности, и воинственныхъ, неукротимыхъ албанцевъ, и плодовитыхъ румынъ, и избалованныхъ нѣмцами мадьяръ, не говоря уже про такія міровыя силы, какъ языки итальянскій и нѣмецкій, наступающія на сербохорватскую область со стороны Адріатики и странъ подальпійскихъ. Во всякомъ случаѣ, въ настоящее время никто не можетъ утверждать, что сербохорватскій діалектъ воз-

---

[1]) На немъ писалъ уже гр. Николай Зринскій въ XVII вѣкѣ. Въ XIX-мъ же вѣкѣ изъ угросербовъ вышелъ и Петефи (Петровичъ).

высился до роли общаго языка хотя бы двухъ лишь славянскихъ народностей, если согласно съ Даничичемъ и загребскими учеными мы будемъ считать штокавщину, чакавщину и кайкавщину отдѣльными разнорѣчіями одного и того же нарѣчія. А такъ какъ въ большинствѣ этихъ областей рядомъ со штокавскимъ или лучше — надъ нимъ существуютъ и другіе, болѣе сильные и распространенные языки, въ качествѣ высшихъ образованныхъ и дипломатическихъ органовъ, то по отношенію къ нимъ сербохорватскій является и теперь, какъ въ Далмаціи XVI-го и XVII-го в., не болѣе какъ подчиненнымъ діалектомъ или — въ наилучшемъ случаѣ — второстепеннымъ, частнымъ языкомъ, органомъ областной литературы.

Много аналогій съ изложенными попытками штокавщины возвыситься до роли общаго югославянскаго языка представляетъ языкъ чешскій въ средѣ славянъ западныхъ. Выше мы видѣли уже, что подобно сербохорватскому нарѣчію и чехословенское принимало нѣкоторое участіе въ выработкѣ и распространеніи ц.-славянскаго языка. Это случилось въ періодъ Великоморавскаго государства, когда Велеградъ былъ столицей большой западнославянской державы, а вмѣстѣ средоточіемъ національной церкви, предназначенной служить идеальной основой всего дальнѣйшаго развитія славянъ. Но такъ какъ политическія учрежденія Ростислава и Святополка, а церковныя — Кирилла и Меѳодія выросли не на мѣстной чехословенской почвѣ, но заимствованы, первыя изъ государства Каролинговъ, вторыя же изъ церквей христіанскаго востока, съ цареградскою во главѣ, то чехословенскій языкъ и не могъ притязать на преобладающую роль въ управленіи Ростиславова государства и въ богослуженіи Меѳодіевой церкви. Въ первой области онъ долженъ былъ весьма рано и надолго уступить первенство языку латинскому, во второй же — церковнославянскому. Взаимодѣйствіе послѣдняго съ мѣстными говорами отразилось на образованіи особаго чехословенскаго извода ц.-славянскихъ книгъ, изъ котораго могъ бы при дальнѣйшемъ развитіи выработаться, какъ

въ Болгаріи, Сербіи, Руси, языкъ славяночешскій, если бы правильность этого процесса не была нарушена у чеховъ насильственнымъ вторженіемъ латыни въ литургическую, а вмѣстѣ и вообще въ книжную область, на нѣсколько сотъ лѣтъ. Такимъ образомъ чехословенскій языкъ не могъ извлечь для себя изъ этой первой великой эпохи той пользы, какая досталась напр. болгарскому, сербскому, русскому какъ во внутренней обработкѣ, такъ и во внѣшнемъ распространеніи. Въ послѣдующіе вѣка были еще два момента, когда политическое могущество и общественное оживленіе, казалось, благопріятствовали успѣхамъ чешскаго языка въ международной области. Это было, во 1-хъ, при Премыслѣ Оттокарѣ II, владѣнія котораго простирались около 1269 г. отъ Балтійскаго моря у Королевца (основаннаго этимъ чешскимъ королемъ для нѣмцевъ!) до Адріатики [1]), во 2-хъ же — при Карлѣ IV († 1378 г.), при которомъ къ Чехіи принадлежали сверхъ чехоморавскихъ земель еще Слезія, Лужицы, Бранниборъ. Прага была тогда фактической столицей Священной римской имперіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ (съ 1348 г.) первымъ университетскимъ городомъ серединной Европы. На дѣлѣ чешскій языкъ мало выигралъ отъ столь блестящихъ политическихъ успѣховъ страны, ибо не только Оттокаръ II, но и Карлъ IV были въ душѣ нѣмцы и заботились болѣе объ успѣхахъ нѣмецкаго, чѣмъ славянскаго языка въ Чехо-Моравіи. Этому не противорѣчитъ то, что Карлъ IV основалъ въ Прагѣ Эммаусскій глагольскій монастырь и рекомендовалъ всѣмъ курфирстамъ обучать сыновей съ семилѣтняго возраста, сверхъ нѣмецкаго и итальянскаго, язы-

---

[1]) Въ баварской сатирической поэмѣ около 1224—50 гг. „Meier Helmbrecht" (изд. въ IV т. Haupt' Zeitschrift) читаемъ между прочимъ, что герой поэмы, Helmbrecht, возвратясь изъ скитаній по свѣту въ свою баварскую семью, привезъ множество варваризмовъ въ языкѣ, въ родѣ напр. dobra ytrâ (чешск. dobrá jitra)! Ср. Socin, Schriftsprache 74.

ку славянскому или чешскому [1]). Все же несомнѣнно, что подобно своему галломанскому отцу Карлъ IV не издалъ ни одной чешской грамоты [2]). Языкомъ его канцеляріи былъ нѣмецкій, — тотъ самый дѣловой имперскій языкъ, который лѣтъ полтораста спустя въ саксонской редакціи положенъ Лютеромъ въ основу языка Библіи, а черезъ нее вообще новонѣмецкаго образованнаго языка (neuhochdeutsch). Не много принесъ пользы чешскому языку и пражскій университетъ, доколѣ онъ находился въ рукахъ „четырехъ націй“, между которыми три принадлежали чужеземцамъ — баварцамъ, полякамъ, саксамъ. Подобно всѣмъ прочимъ университетамъ того времени, пражскій пользовался языкомъ латинскимъ, почему и не могъ быть разсадникомъ чехизма между членами тѣхъ „націй“.

Лишь съ Гуса, Жижки и Прокопа обстоятельства измѣнились въ Чехіи въ такомъ направленіи, которое открыло широкій просторъ для развитія чешскаго языка и въ самой странѣ, и за предѣлами ея. Констанцскій костеръ, сжегшій Гуса Праведнаго и Іеронима Пражскаго, освѣтилъ для чеховъ мрачный фанатизмъ и фарисейскую совѣсть всѣхъ тѣхъ латинскихъ и нѣмецкихъ прелатовъ и князей, которымъ со временъ Болеславовъ и Войтѣховъ постепенно привыкъ покланяться чешскій людъ. Костеръ этотъ былъ и факеломъ, озарившимъ распутья народной жизни и указавшимъ для чеховъ на востокѣ, а не на западѣ „страну обѣтованія“.

Занесенныя вѣтромъ и молвою искры этого обличительнаго и очистительнаго костра произвели въ Чехіи такой взрывъ народнаго негодованія, подъ напоромъ котораго задрожала чешская земля, стряхнула съ себя вѣковыя

---

[1]) Ср. Jungmann I., Historie literatury české. Praha [2] 1849, стр. 23.

[2]) Ibid. [2] 24. Не безъ основанія причисленъ Карлъ IV къ германизаторамъ Чехіи въ брошюрѣ чешскихъ утраквистовъ 1437 г., выдержки изъ которой приведены у Первольфа, Славяне III, 81.

цѣпи иноплеменниковъ и заговорила по-славянски. Вся латинонѣмецкая Европа была поражена столь невиданнымъ и неслыханнымъ подъемомъ славянскаго духа въ странѣ, которая уже считалась нѣмецкимъ курфиршествомъ и чуть не политическимъ средоточіемъ Священной римской имперіи. Когда всѣ попытки потушить чешскій пожаръ обычными средствами грубаго насилія не удались, Риму и Германіи пришлось итти на сдѣлку, окрещенную именемъ „базельскихъ кампактатъ“ (1433 года). Положимъ, сдѣлка эта была лишь временная, но она дала гуситству возможность организоваться при Рокицанѣ и Подѣбрадѣ. Послѣ неудачныхъ попытокъ возсоединиться съ восточною церковью (въ 1452 г.), гуситство подготовило въ чешскобратской общинѣ мостъ къ лютеранству, которое, несмотря на свой нѣмецкій отпечатокъ, все таки благопріятствовало развитію народнаго языка.

Совокупность этихъ причинъ совершенно измѣнила и внутреннее, и международное положеніе чешскаго языка. Утвердившись съ 1420-хъ годовъ въ богослуженіи гуситской церкви, въ разнообразныхъ ея толкахъ — утраквистскомъ, таборитскомъ, сиротскомъ, а позже въ чешскобратскомъ, чешскій языкъ сразу освободился отъ путъ латыни въ самой важной тогда — литургической области. Библія была предметомъ самаго внимательнаго и всенароднаго изученія, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленные ея списки, которыхъ у Юнгмана насчитано до 83 для періода съ 1410 по 1526 г. [1]). Чехи имѣли полную печатную Библію уже въ 1487 г., т. е. за 100 почти лѣтъ до Острожской! Одновременно съ тѣмъ развилась на чешскомъ языкѣ обширная богословская литература, догма-

---

[1]) Новаго завѣта 28 рукописныхъ списковъ и 6 печатныхъ (съ 1475 г.), Псалтыри 10 рукописныхъ и 2 печатные (съ 1487 г.), полной же Библіи 34 рукописные и 3 печатные (съ 1488 г.), причемъ можно различить въ ихъ текстѣ до 4 рецензій ветхозавѣтныхъ переводовъ и еще болѣе новозавѣтныхъ. Jungmann, Historie [2] 59, 91—94.

тическаго и полемическаго, гомилетическаго и патристическаго, нравоучительнаго и легендарнаго содержанія, съ соотвѣтственнымъ числомъ молитвенниковъ и канціоналовъ, необходимыхъ для богослуженія [1]). Во главѣ этихъ писателей стоитъ конечно самъ Гусъ, имѣющій въ чешской литературѣ такое же значеніе, какъ Виклефъ въ английской, Кальвинъ во французской, а Лютеръ въ нѣмецкой. Но рядомъ съ Гусомъ дѣйствовали и многіе другіе даровитые и плодовитые писатели того же народнаго направленія, напр. Яковъ изъ Стрибра, Янъ Рокицана, Павелъ Прибрамъ, Петръ Хельчицкій, братъ Лукашъ и мн. др.

Богословіе было преобладающей, но не единственной отраслью чешской литературы въ вѣкъ Гуса. Народная рѣчь утвердилась, со временъ Сигизмунда, въ дѣловодствѣ сеймовомъ и судебномъ [2]), хотя въ „земскихъ доскахъ" латынь — то чистая, то макароническая — держалась еще до 1480 г. въ Бернѣ и Оломуцѣ, а до 1495 г. въ Прагѣ. Юрій Подѣбрадъ употреблялъ чешскій языкъ и въ дипломатическихъ сношеніяхъ. Съ Владислава же Ягеллона (1472—1516 г.) на немъ писались всѣ акты королевской канцеляріи [3]). На этой почвѣ развилась великолѣпная юридическая литература, корифеями коей были чехъ Викторинъ изъ Вшегорда († въ 1520 г.) и моравянинъ Цтиборъ изъ Цимбурка († въ 1494 г.). Они имѣли впрочемъ значительныхъ предшественниковъ уже въ догусовскій періодъ, въ лицѣ Стараго пана изъ Розенберга († въ 1347 г.) и Андрея изъ Дубы († въ 1412 г.). Что касается свободныхъ искусствъ, въ частности поэзіи, то въ этой области чехи не произвели ничего великаго въ XV-мъ в., да и впослѣдствіи. За то у нихъ успѣшно привилось съ конца этого вѣка латинское возрожденіе, самымъ блестящимъ представителемъ коего былъ Богуславъ Лобковицъ изъ Газенштейна († въ 1510 году).

---

1) Jugmann, Historie ² 95—115.
2) Ibid. 53.
3) Ibid. 54.

Возвышеніе уровня и роли чешскаго языка внутри страны не замедлило отразиться на международномъ его положеніи. Отъ императора Сигизмунда сохранилось до 83 чешскихъ грамотъ, данныхъ имъ чешскимъ учрежденіямъ и лицамъ въ періодъ времени отъ 1420 по 1436 годъ. Не менѣе 20 изъ этихъ грамотъ написаны въ различныхъ угорскихъ городахъ: Будинѣ, Вышеградѣ, Остригомѣ, Прешпуркѣ, Татѣ, Скалицѣ, Тернавѣ, Тренчинѣ [1]). И вельможи Сигизмунда не брезгали „гуситскимъ" языкомъ, какъ видно изъ уцѣлѣвшаго письма оломуцкаго бургомистра къ Перениму, отъ 1426 г. [2]). Отъ послѣдующихъ угорскихъ королей также сохранилось не мало чешскихъ грамотъ по дѣламъ чешскоугорскимъ. Матвѣй Корвинъ на Иглавскомъ съѣздѣ съ Владиславомъ Ягеллономъ въ 1486 году былъ привѣтствованъ моравскимъ гетманомъ Цтиборомъ изъ Цимборка чешской рѣчью [3]). Есть чешскія посланія этого короля и къ словенскимъ городамъ, напр. къ Тернавѣ отъ 1483 г. [4]). Чешскоугорскій король Владиславъ Ягеллонъ также часто пользовался въ Угріи чешскимъ языкомъ, которому онъ обучалъ и дѣтей своихъ Лудовика и Анну (1514 г.). Отъ этого Лудовика сохранилось чешское письмо къ пану изъ Розенберга отъ 1519 года [5]). И польскій король Ягайло охотно говорилъ почешски [6]). Витовтъ принималъ чешскія письма отъ пражскихъ гуситовъ, а Свидригайло переписывался на этомъ языкѣ съ Сигизмундомъ Корыбутовичемъ и вождемъ таборитовъ Прокопомъ, какъ видно изъ двухъ сохранившихся

---

[1]) Ср. Sasinek, Archiv starých československých listin, písemností a dějepisných povodin, I т.; Czambel S., Príspevky k dějinam jazyka slovenského. Budapest 1887 г., стр. 10.

[2]) Sasinek, Slov. Letopis 1864 г., стр. 14. Ср. Czambel, Príspevky 25.

[3]) Jugmann, Historie ² 53. Ср. Первольфъ, Славяне III, 114.

[4]) Archiv česko-slovenský 86.

[5]) Jungmann, Hist. ² 55.

[6]) Ibid. ² 55.

писемъ изъ Новогородка отъ 1431 г. [1]). На чешскомъ же языкѣ вели тогда переписку русскій князь Вячеславъ Острожскій, польскіе воеводы Судивой Остророгъ и Янъ Тенчинскій, паны Мышковскіе и др. [2]). По-чешски объяснялся Юрій Подѣбрадъ съ польскими послами. На этомъ языкѣ велись съ чешской стороны переговоры и съ Владиславомъ Ягеллономъ о принятіи чешской короны, но королевичъ давалъ свои отвѣты по-польски [3]). Отъ начала же XVI-го вѣка осталось нѣсколько чешскихъ писемъ польскаго канцлера Христофора Шидловецкаго [4]). И въ Германію заходили тогда чешскія грамоты, сохранившіяся донынѣ между прочимъ въ архивѣ мюнхенскомъ [5]). Такимъ образомъ передъ чешскимъ языкомъ какъ будто открывалась уже перспектива—стать дипломатическимъ органомъ всего западнаго славянства.

Но если мы опустимся съ высотъ международнаго обмѣна въ область тогдашней общественной и частной жизни, то и здѣсь встрѣтимъ много указаній на распространеніе чешскаго языка за предѣлами его ближайшей области, въ средѣ словаковъ, поляковъ, лужичанъ.

Словаки издревле были близки моравянамъ и чехамъ, съ которыми составляютъ общую діалектическую группу, приблизительно столь же тѣсную и однородную, какъ сербохорватская или общерусская. Эта однородность была столь велика въ древній періодъ, что мы не въ состояніи даже отличить формы или фразы словенской отъ чехоморавской XI или XII-го в. Лишь съ XIII—XIV в. въ Чехіи, а отчасти и въ Моравіи начинается довольно быстрое звуковое перерожденіе, далеко обогнавшее медленный ростъ

---

1) Č. Č. M. 1831 г., стр. 280. Ср. Prochazka, Cod. epistolaris Vitoldi 835, 873; Первольфъ, въ Osvěta 1873 г., стр. 770 и Славяне III, 69 сл.

2) Osvěta 1873 г., стр. 908.

3) Ibid. 908.

4) Ср. Первольфъ, Славяне III, 120.

5) Jungmann, Hist. ² 55.

словенщины. Къ XV-му в. различіе ея отъ чехоморавскаго типа было уже довольно замѣтно, особенно въ вокализмѣ и въ шепелявости чешскаго *р* (ř). Но это нисколько не затрудняло взаимнаго пониманія чеховъ и словаковъ, при связующемъ посредствѣ моравянъ. Территоріальное соприкосновеніе съ послѣдними у подножій Малыхъ Карпатъ установило между ними непрерывный обмѣнъ и идей, и язычныхъ формъ, сглаживая такимъ образомъ дѣйствіе политической обособленности земли словенской отъ чехоморавской съ 1031 г. [1]). Этимъ объясняется поддержка, которую всегда находили между словаками чешскіе кандидаты на угорскій престолъ (напр. Вячеславъ Вячеславовичъ въ 1301—1304 гг.), тогда какъ возведеніе въ короли итальянцевъ и нѣмцевъ вызывало обыкновенно на Словачинѣ возстанія и продолжительныя войны. Особенно замѣчателенъ въ этомъ отношеніи Матвѣй Тренчанскій († въ 1318 г.), около 8 лѣтъ (1304—1312) воевавшій противъ анжуйца Карла Роберта, во главѣ словенскихъ полковъ, при помощи добровольцевъ моравскихъ и чешскихъ.

По открытіи въ 1348 году Пражскаго университета многіе словаки ѣздили туда учиться, составляя тамъ вмѣстѣ съ другими угорскими студентами особую группу студентовъ: Hungari, доставившую этому университету не менѣе 28 баккалавровъ и магистровъ юридическаго факультета (отъ 1372 по 1410) и около 100—философскаго (отъ 1367 по 1420 г. [2]). Уже въ это время изъ словаковъ стали выходить чешскіе писатели, напр. Кленъ Розкоханый, составившій (ок. 1360 г.) одинъ изъ древнѣйшихъ и извѣстнѣйшихъ латинско-чешскихъ словарей [3]).

---

[1]) Ср. Sasinek, Dějiny počiatkov terajšieho Uhorska.

[2]) Ср. J. Jireček, Duchovní styky Čechův a Maďarův v XIV a XV věku. Č. Č. M. 1885 г., стр. 387 сл.; Czambel, Prispevky 8.

[3]) Vetus vocabularium latino-bohemicum, temporibus Caroli IV... a quodam Clenio Rozkochany, slavo seu slovienin, uno volumine erutum. Jungmann, Historie [2] 27.

Но еще болѣе усилился на Словачинѣ чешскій языкъ въ періодъ гуситскихъ войнъ, когда чешскія роты блуждали по всей верхней Угріи. Съ 1440 же года онѣ стали тамъ осѣдать и составили, подъ предводительствомъ славнаго кондотьера Искры изъ Брандыса, какъ бы удѣльное княжество, простиравшееся отъ Прешпурка до Гуменнаго и отъ р. Иполы до Татръ, обнимая нынѣшнія жупаніи: зволенскую, нитранскую, гемерскую, шаришскую, абауйскую, земплинскую. Что чешскія роты нашли здѣсь дѣятельную поддержку въ мѣстномъ населеніи, видно изъ продолжительности обладанія имъ Искры, державшагося тутъ съ 1440 по 1453 и съ 1458 по 1462 г., въ непрерывной борьбѣ то съ Владиславомъ польскимъ, то съ Иваномъ Гуніадомъ и Матвѣемъ Корвиномъ, при нравственной лишь поддержкѣ гуситскаго короля Юрія Подѣбрада. Но и послѣ примиренія Искры съ Корвиномъ въ 1462 году еще нѣкоторое время держались старые капитаны: Аксамитъ и Комаровскій въ Спишѣ, словенскій же бояринъ Подманицкій—въ Тренчинскомъ Поважьѣ.

Двадцатилѣтнее почти независимое обладаніе гуситовъ Словачиной сдѣлало изъ нея какъ бы колонію гуситской Чехіи, утвердило въ ней, вмѣстѣ съ многочисленными чешскими поселеніями, утраквистское вѣроисповѣданіе, съ чешскимъ богослуженіемъ, и положило начало четырехвѣковому почти періоду чешскословенскаго литературнаго единства. Средоточіемъ этой гуситской Словачины были тѣ преимущественно жупаніи, гдѣ было всего болѣе чешскихъ колоній: новоградская, малогонтская, гемерская, абауйская, шаришская [1]). Но и за предѣлами ихъ чешская рѣчь господствовала въ дѣловой перепискѣ и въ гуситскомъ богослуженіи. Въ 1485 г. на чешскомъ языкѣ ведутся уже городскія книги г. Райца [2]); отъ 1483 г. сохранилась вышеупомянутая чешская грамота короля Мат-

---

[1]) Cp. Czambel, Prispevky 18, 21.
[2]) Sasinek, Letopis Slovenský V, 239.

твѣя Корвина „судьѣ и совѣту г. Тернавы“ [1]), отъ 1498 же года—письмо Стефана Запольи „бургомистру и совѣтникамъ г. Прешпурка“ [2]). Въ 1492 г. на угорскомъ сеймѣ договоръ короля Владислава съ Максимиліаномъ былъ заслушанъ и на чешскомъ языкѣ [3]). Отъ 1471 — 84 гг. есть слѣды и чешско-католической проповѣди на Словачинѣ [4]).

Но все таки главнымъ носителемъ чешскаго языка на Словачинѣ была гуситская церковь, съ XVI-го же в. — ея нѣмецкая метаморфоза, церковь лютеранская. Съ появленіемъ ея въ верхней Угріи въ 1520 — 30-хъ годахъ замѣтно возростаетъ число чешскихъ грамотъ въ дѣловой перепискѣ городовъ между собой и съ землевладѣльцами, особенно въ жупаніяхъ: зволенской, липтовской, спишской, тренчинской, тековской [5]). Возростаніе это идетъ параллельно съ учрежденіемъ евангелическихъ церквей и школъ, такъ что съ 1560-хъ годовъ грамоты чешсословенскія считаются уже не десятками, а сотнями [6]). Діалектъ этотъ употреблялся тогда не только въ перепискѣ городовъ, но и въ жупномъ дѣловодствѣ, въ канцеляріяхъ королевскихъ и частныхъ замковъ, наконецъ — въ частной перепискѣ словенской шляхты [7]).

Со второй половины XVI-го в. подъ вліяніемъ реформаціоннаго движенія Словачина выступаетъ въ качествѣ не пассивнаго лишь, какъ дотолѣ, но и активнаго участника чешской литературы. Изъ среды учителей множества словенскихъ гуманитарныхъ школъ, учрежденныхъ въ протестантскій періодъ во всѣхъ главнѣйшихъ городахъ тогдашней Словачины и смежныхъ угрорусскихъ жупаній,

---

1) Archiv československý 86.
2) Ср. Czambel, Prispevky 23.
3) Sasinek, Letopis slov. III, 196.
4) Czambel, Prispevky 24.
5) Ibid. 26—29.
6) Ibid. 30.
7) Ibid. 31 сл.

напр. въ Рожновѣ съ 1523-го года, Бановцахъ 1527, Бардѣёвѣ 1539, Левочѣ 1542, Жилинѣ 1550, Штявницѣ 1560, Кежмаркѣ 1575, Зволенѣ 1576, Мошовцахъ 1580, Тренчинѣ 1582, Пряшевѣ 1595, Кошицахъ 1597 и др., выходятъ не только латинскіе, но и чешскіе писатели. Таковъ былъ и Пруно († въ 1586 году), напечатавшій въ Жилинѣ „Katechismus latinsko-slovensky" [1]), первую печатанную книгу на Словачинѣ. Изъ нея вышелъ и извѣстный чешскій грамматистъ „золотого вѣка" Лаврентій Бенедикти изъ Нудожеръ († въ 1615 г.), родившійся въ нитранской жупаніи, но образовавшійся и дѣйствовавшій въ Чехіи, въ должности профессора Пражскаго университета. Его „Чешская грамматика" [2]) далеко оставила за собой всѣ предшествовавшіе труды этого рода, не исключая ни Яна Благослава, ни Матвѣя Бенешовскаго. Но она написана по-латыни. Зато его „Парафразъ на десять псалмовъ" [3]) писанъ по-чешски и притомъ метрическимъ размѣромъ, который впослѣдствіи утвердился въ чешскомъ стихосложеніи. Однимъ изъ лучшихъ чешскихъ стилистовъ былъ и турчанскій суперинтентдентъ Илія Лани († въ 1617 году), издавшій въ 1612 г. въ Левочѣ Лютеровъ Катихизисъ, а въ Прагѣ — Рѣчь на погребеніе графа Турза († 1617 г. [4]). Но наибольшей славой пользовался изъ чехословенскихъ писателей XVII-го вѣка Юрій Трановскій († 1637 г.) или Тарновскій, издавшій въ 1635 г. въ Липтовѣ евангелическій концıоналъ: Cithara Sanctorum, въ которомъ изъ 400 духовныхъ пѣсенъ 150 составлены или переведены самимъ Трановскимъ. Впослѣдствіи эта „Киѳара" была много разъ переиздаваема: въ Левочѣ, Трен-

---

[1]) Jungmann, Historie [2] 204, 616.

[2]) Grammaticae Bohemicae ad leges naturalis methodi conformatae libri duo, auctore Laurentio Nudozerino. Pragae 1603 г.

[3]) Wawřince Benedicta Nudožerina, Paraphrasis na 10 žalmů. Praha 1606.

[4]) Jungmann, Historie [2] 209, 225.

чинѣ, Банской Быстрицѣ, Любнѣ, Прешпуркѣ, Пештѣ, Вѣнѣ, Прагѣ, даже Липскѣ, и разрослась въ прешпуркскомъ изданіи 1812 г. до 998 пѣсенъ [1]). Пѣсни Трановскаго вошли и въ амстердамскій канціоналъ Амоса Коменскаго 1659 г. Впрочемъ Трановскій лишь по мѣсту своей позднѣйшей жизни и дѣятельности принадлежитъ Словачинѣ. По происхожденію и образованію онъ былъ слезецъ, изъ г. Тѣшина, проживавшій долго въ Моравіи, гдѣ онъ имѣлъ возможность изучить языкъ Августы и Благослава, Велеславины и Кралицкой Библіи (1579—93 гг.).

Другіе словенскіе авторы и издатели то безсознательно, то намѣренно примѣшивали къ чешской рѣчи бо́льшее или меньшее число своихъ провинціализмовъ. Особенно обильны они въ изданіяхъ тернавскихъ іезуитовъ: Смертника, Ретмюллера, Фридена (1680—90 гг.), которые предполагали изгнать изъ Словачины вмѣстѣ съ чешскими словами и формами тотъ гуситскій, чешскобратскій и лютеранскій, вообще — еретическій духъ, которымъ по старой памяти отзывалось для нихъ все чешское.

Тѣ же приблизительно условія и причины, какія перенесли въ XVI-мъ в. чешскій языкъ на югъ, въ Словачину, вызвали распространеніе его и на востокъ въ поясъ сначала смѣшанный чешско-польскій, а потомъ и въ чистопольскій. Мы знаемъ, что уже въ древнѣйшій, великоморавскій періодъ культурное вліяніе чехословенскаго племени перешло черезъ низкій водораздѣлъ Судето-карпатскій, распространилось изъ системъ Дуная и Лабы въ систему Одры и Вислы и разлилось на востокъ до западнаго Буга и Стыря. Краковъ довольно долго былъ спорнымъ яблокомъ между государями чешскими и польскими. Еще долѣе поддерживали чехи свои историческія, а до нѣкоторой степени и народныя права на Слезію. Первоначально это была польская область, за изъятіемъ развѣ пограничныхъ съ Чехіей горъ, гдѣ могло быть издревле чеш-

[1]) Ibid. 261.

ское населеніе [1]). Но со второй половины XII-го в. она постепенно покрывается нѣмецкими колоніями, благодаря отчасти брачнымъ связямъ слезскихъ князей [2]) съ саксами, отчасти тѣснымъ сношеніямъ латинскаго духовенства и монашескихъ орденовъ съ германскими ихъ средоточіями. Съ 1327 года въ Слезіи утверждается, хотя и номинальное лишь, верховенство чешскихъ королей — Іоанна Люксембургскаго, Карла IV и всѣхъ позднѣйшихъ, вплоть до Маріи Терезіи, уступившей почти всю эту область Фридриху II (1740 г.). Въ этотъ четырехвѣковой періодъ чешскій языкъ успѣлъ сдѣлать большія завоеванія въ Слезіи, но не въ сѣверной, гдѣ потокъ германизма разливался неудержимо, а въ южной, въ княжествахъ: ратиборскомъ, опольскомъ, тѣшинскомъ, заторско-освѣтимскомъ, сѣверскомъ, потомъ и въ глоговскомъ, олешницкомъ, козельскомъ, зембицкомъ [3]).

Въ Опольѣ и Ратиборѣ чешскій языкъ былъ государственнымъ съ половины XV-го до второй половины XVI-го вѣка. Отъ 1561 г. сохранился статутъ этого княжества, написанный по-чешски и изданный въ Оломуцѣ въ 1563 году [4]). На чешскомъ языкѣ составлена и древнѣйшая книга „Земскихъ досокъ“ опавскаго (Tropau) княжества, восходящая къ 1401 г. [5]).

Въ княжествѣ тѣшинскомъ (Cieszyn) чешскій языкъ былъ дѣловымъ съ половины XV-го по XVIII-ый в. Это утверждено даже Земскимъ уставомъ 1592 г., почти буквально сходнымъ съ Опольскимъ [6]).

---

[1]) Ср. Archiv für Slav. Philol. I, 63.

[2]) Одинъ изъ нихъ, Генрихъ IV, былъ въ числѣ лучшихъ нѣмецкихъ миннезенгеровъ.

[3]) Ср. Первольфъ, Славяне III, 231 слл.

[4]) Zřízení zemské knížetství Opolského a Ratiborského. Изд. 1561 г.; напечатано въ Оломуцкѣ 1563 г. Nisa [2] 1671. Ср. Первольфъ, Славяне III, 232.

[5]) Jungmann, Historie [2] 54.

[6]) Zřízení zemské knížetství Těšinského. Изд. въ 1572 г.,

Въ княжествѣ сѣверскомъ чешскій языкъ употреблялся въ актахъ то въ перемежку съ латинскимъ, то исключительно (1481—1506 гг.), то чередуясь съ польскимъ [1]).

Даже въ заторскомъ и освѣтимскомъ княжествахъ, лежащихъ въ непосредственной близости къ Кракову, чешскій языкъ былъ довольно распространенъ въ XV-мъ — XVI-мъ вв. Отъ 1532 же г. уцѣлѣлъ и чешскій Законникъ обоихъ княжествъ [2]). Чешскимъ языкомъ пользовались Заторъ и Освѣтимъ и въ дипломатической перепискѣ съ Чехіей, Моравіей, воеводствомъ Краковскимъ, даже съ Сончемъ въ Галиціи [3]). И въ Польской коронной метрикѣ акты двухъ верхнеслезскихъ княжествъ вписывались нѣкоторое время на чешскомъ языкѣ [4]). Лишь съ 1564 г. по присоединеніи этихъ княжествъ къ Польшѣ тутъ утвердился польскій дѣловой языкъ [5]).

При столь широкомъ распространеніи чешскаго языка въ верхней Слезіи въ теченіе болѣе ста лѣтъ (съ первой половины XV-го по вторую половину XVI-го вѣка), страна эта считалась поляками какъ-бы второй Чехіей. Изъ нея вышли и нѣкоторые чешскіе писатели того времени, напр. Либерда и Трановскій изъ Тѣшина, Мартинидъ изъ Руды и др. [6]). Вотъ почему Горницкій въ своемъ „Дворянинѣ“ (1566 г.) жалуется на страстишку говорить по-чешски каждаго, кто хоть разъ побывалъ за слезской границей [7]).

напечатано въ Оломуцкѣ 1562 г. Ср. Первольфъ, Славяне III, 232.

[1]) Первольфъ, Славяне III, 235 сл.

[2]) Ibid. III, 238.

[3]) Osvěta 1873 г., стр. 908.

[4]) Напр. подъ 1484, 1488, 1490. 1492, 1494, 1502, 1540 гг. Ср. Первольфъ, Славяне III, 241.

[5]) Ср. Bandtkie, Miscellanea Cracoviensia, 1813 г. II, стр. 94.

[6]) Ср. Первольфъ, Славяне III, 233.

[7]) Górnicki, Dzieła, wyd. Gałęzowskiego I, 107.

Но и за предѣлами Слезіи чешская рѣчь не разъ раздавалась въ Польшѣ и съ высоты трона, и съ церковной каѳедры, и въ письменномъ обмѣнѣ, и въ общественной бесѣдѣ.

Извѣстно, что Вячеславъ II Премысловичъ успѣлъ было овладѣть Краковомъ, Судомиромъ, позже и Великой Польшей, короновался вѣнцомъ Пястовичей и на 15 лѣтъ (1291—1305) утвердилъ свое господство въ польскомъ королевствѣ. Мазовія оставалась въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Чехіи до 1353 г. И Казиміръ Великій былъ въ дружественныхъ связяхъ съ Чехіей. Общественныя сношенія поляковъ съ чехами особенно оживились съ основанія Пражскаго университета, въ которомъ одну изъ четырехъ nationes составляли Poloni [1]). Въ періодъ времени отъ 1369 по 1400 г. весьма многіе поляки получили ученыя степени этого университета [2]). Въ 1397 г. королева Ядвига учредила въ Прагѣ особую Collegium Hyerosolymitanum для студентовъ изъ Литвы [3]). Король Ягайло любилъ говорить на чешскомъ языкѣ, находя его весьма близкимъ къ своему материнскому [4]) русскому. Онъ переписывался съ Гусомъ и совѣщался съ Іеронимомъ Пражскимъ объ устройствѣ Краковскаго университета. Многіе изъ первыхъ профессоровъ послѣдняго были чешскаго происхожденія [5]). Въ войскахъ Ягайла и Витовта чехи и моравяне упоминаются уже въ битвѣ подъ Танненбергомъ (въ 1410 г.).

---

[1]) Въ 1389 г. на юридическомъ факультетѣ считалось до 60 студентовъ этой націи, въ 1401 году—24 студента, въ 1408 г.—26, далѣе все меньше и меньше. Уменьшеніе ихъ числа объясняется отливомъ польской молодежи въ основанный въ 1400 г. Краковскій университетъ. Č. Č. M. 1846 г., стр. 216 сл. Ср. Nehring, въ Arch. f. Slav. Philol. I, 65.

[2]) Ср. Wiszniewski M., Historya literatury polskiej IV, 227.

[3]) Ср. Tomek, Dějiny m. Prahy; Его же: Dějiny Pražské University; Перволъфъ, Славяне III, 171.

[4]) Wiszniewski, H. l. p. VI, 379.

[5]) Wiszniewski, Historya IV, 355. Ср. Nehring, въ Arch. f. Sl. Phil. I, 66.

Въ 1420 г. чешскіе чины три раза предлагали Ягайлѣ чешскую корону. Когда же онъ по вліянію духовенства отказался, то она была предложена въ 1421 г. Витовту, который принялъ титулъ чешскаго короля и послалъ на помощь гуситамъ своего племянника Сигизмунда Корыбутовича съ полками польско-литовскими и добровольцами червонорусскими (въ 1422 и 1424 — 1427, 1430 гг.). При столь оживленныхъ связяхъ двухъ родственныхъ и сосѣднихъ народностей не удивительно, что ученіе Гуса и гуситовъ нашло для себя благопріятную почву и въ Польшѣ. Уже на Констанцскомъ соборѣ нашлись нѣкоторые věrní páni polského království, которыхъ самъ Гусъ называлъ своими сторонниками [1]). Въ Краковскомъ университетѣ установлена была для студентовъ даже присяга въ томъ, что они не раздѣляютъ лжеученій сожженнаго чеха. Очевидно, сочувствіе къ его взглядамъ и завѣтамъ пустило глубокіе корни въ средѣ этихъ студентовъ. Къ тайнымъ гуситамъ принадлежалъ и краковскій каноникъ Андрей Галка, громившій папу даже съ каѳедры церковной, а по переселеніи въ Слезію (съ 1449 года) распространявшій стихотворенія въ честь Виклефа и Гуса [2]). Взгляды послѣдняго развивалъ въ нѣкоторыхъ своихъ сочиненіяхъ и ксендзъ Михаилъ Полякъ. Къ панамъ же гуситамъ принадлежали въ бо́льшей или меньшей мѣрѣ: Спытокъ изъ Мельштына, Авраамъ изъ Збоншина, Янъ Остророгъ и др. Въ 1499 г. влоцлавскій ксендзъ Адамъ изъ Радзеёва былъ осужденъ и даже кажется сожженъ за сочувствіе идеямъ Гуса и Іеронима Пражскаго [3]).

Второй періодъ польскаго чехизма создали чешскіе братья, которые съ конца XV-го, а еще болѣе съ первой половины XVI-го в. показываются въ Великой и Малой Польшѣ, основываютъ тамъ свои сборы, школы, типо-

---

[1]) Osvěta 1873 г., стр. 764.

[2]) Nehring, въ Arch. f. Slav. Philol. I, 67. Ср. Первольфъ, Славяне III, 180.

[3]) Ср. Первольфъ, Славяне III, 178.

графіи и издаютъ чешскія книги, каковы напр. Шамотульскій канціоналъ 1561 г. [1]). Этому благопріятствовала и династическая связь Чехіи съ Польшей при Владиславѣ Казимировичѣ и Лудовикѣ Владиславовичѣ, окончившаяся въ 1526 г. извѣстной катастрофой подъ Могачемъ. Въ періодъ польскихъ междуцарствій, по прекращеніи династіи Ягайловичей, однимъ изъ популярнѣйшихъ кандидатовъ на польскій престолъ былъ чешскій панъ Янъ изъ Розенберга [2]). Лишь впослѣдствіи, при Сигизмундѣ III, разошлись поляки съ чехами. Во время тридцатилѣтней войны этотъ іезуитскій король посылалъ своихъ бродягъ-„лисовчиковъ" на помощь Фердинанду II противъ мятежныхъ еретиковъ [3]).

Столь продолжительныя и тѣсныя политическія, общественныя, религіозныя связи чеховъ съ поляками не могли не отразиться и въ области язычно-литературной. Оно замѣтно и на отвлеченной польской терминологіи, и на языкѣ старопольскихъ переводныхъ памятниковъ церковнаго содержанія, и на нѣкоторыхъ оригинальныхъ духовныхъ и свѣтскихъ произведеніяхъ XV-го и первой половины XVI-го в. Такъ напр. термины: papież, kościół, ołtarz, klasztor, msza, pacierz, nieszpor, bierzmować, ofiara и т. п. проникли въ Польшу изъ латинонѣмецкаго запада, кажется, черезъ посредство чеховъ, въ языкѣ которыхъ они имѣютъ почти тотъ же видъ [4]). Второй слой польскихъ словъ чешскаго происхожденія находимъ въ терминологіи военной, перенесенной сподвижниками Жижки и Прокопа Великаго не только въ Польшу, но даже въ Литву и казацкую Сѣчь.

---

[1]) Wiszniewski, Historya l. p. VI, 378 сл.

[2]) О немъ см. Вержбовскаго, Двѣ кандидатуры на польскій престолъ. Варшава 1889 г.

[3]) Ср. Первольфъ, Славяне III, 149 сл.

[4]) Ср. Miklosich, Christliche Terminologie in den Slavischen Sprachen; Nehring, въ Arch. f. Sl. Phil. I, 61 сл.; Первольфъ, Славяне III, 213.

Таковы напр. слова: гетманъ, атаманъ, ротмистръ, гарцовати, пушка, шиховати и т. п. [1]).

Чехизмами испещрена уже самая древняя изъ польскихъ духовныхъ пѣсенъ: Bogarodzica, во многомъ напоминающая чешскій гимнъ ц.-славянскаго происхожденія: Hospodine, pomiluj ny [2]). Несомнѣнные слѣды чешскаго вліянія остались и на языкѣ псалтырей — Флоріанской XIV-го в. и Пулавской XV-го в., Библіи королевы Софіи 1455 г., Молитвенника Констанціи 1527 г. и многихъ другихъ церковныхъ рукописей [3]). И въ духовныхъ текстахъ первопечатныхъ польскихъ книгъ, напр. въ молитвахъ при Statuta synodalia episcopi Conradi [4]), замѣтно чешское вліяніе и на языкѣ, и на ороографіи. То же можно сказать о позднѣйшихъ польскихъ Библіяхъ 1561, 1574, 1577 гг. и н. др. [5]). Вліяніе это не составляло тайны для польскихъ писателей уже XVI-го вѣка. Оно отмѣчено напр. мазуромъ Іеронимомъ Малецкимъ въ 1574 г., который, разсуждая въ предисловіи къ Лютеровой постиллѣ о требованіяхъ отъ хорошаго польскаго переводчика, призналъ для него необходимымъ знаніе и чешскаго языка. Необходимо же это какъ по особенной-де близости чешскаго языка съ польскимъ, такъ и потому, что чехи ранѣе поляковъ стали переводить на свой языкъ Библію и прочія сочиненія Лютера. Вслѣдствіе того поляки принуждены-де были заимствовать отъ нихъ много словъ, да и теперь должны ихъ брать и употреблять, особенно въ богословіи, очень мало еще разработанной на польскомъ языкѣ [6]).

---

[1]) Первольфъ, въ Osvěta 1873 г., стр. 819 сл.; Славяне III, 261.

[2]) Nehring, въ Arch. f. Sl. Phil. I, 79.

[3]) Ibid. II, 410 сл.; V, 266; VI, 159 сл.; VIII, 516; X, 268 сл., 272. Ср. Первольфъ, Славяне III, 216 сл.

[4]) Бреславль 1485 г. Arch. I, 71. Ср. Wiszniewski, Hist. l. p. VI, 395 сл.

[5]) Ср. Первольфъ, Славяне III, 222.

[6]) Wiszniewski, Hist. l. p. VI, 379 сл.; Первольфъ, Славяне III, 225.

Но и въ свѣтской письменности тогдашнихъ поляковъ можно отмѣтить слѣды чешскаго вліянія. Они встрѣчаются наприм. въ переводѣ романа объ Аполонѣ Тирскомъ, въ сочиненіяхъ Ст. Орѣховскаго, Рея, Кохановскаго, Клёновича, Март. Бѣльскаго и др. Даже въ правописаніи польскомъ, установленномъ Паркошемъ, но видоизмѣненномъ потомъ по системѣ Гуса Станиславомъ Заборовскимъ [1]), отражается все то же чешское вліяніе.

Но есть нѣкоторые — правда, не особенно многочисленные — оригинальные памятники, письма, грамоты, проповѣди, даже книги, написанныя тогда поляками не на чехизованномъ польскомъ, а на чистомъ чешскомъ языкѣ. Короли Казимиръ и Владиславъ Ягеллоны вели на чешскомъ языкѣ всю переписку съ наемными чешскими ротами, хотя онѣ состояли не изъ однихъ чеховъ и моравянъ, но также изъ угровъ, слезаковъ, поляковъ, нѣмцевъ [2]). Извѣстный гуманистъ Конрадъ Цельтесъ, живя нѣкоторое время въ Краковѣ въ концѣ XV-го и началѣ XVI-го в., вынужденъ былъ общественными нравами изучать тамъ не только польскій, но и чешскій языкъ, на которомъ сохранилось и письмо къ нему одной изъ краковскихъ полекъ [3]). Латинскія стихотворенія того же Цельтеса были переводимы однимъ польскимъ магистромъ на чешскій языкъ [4]). Въ Вислицѣ произносились при королѣ Казимирѣ Ягеллонѣ и чешскія проповѣди, одинъ рукописный сборникъ коихъ сохранился въ Диковской библіотекѣ гр. Тарновскихъ. Въ Святокрижскомъ монастырѣ на Лысой Горѣ, близъ Судомира, уцѣлѣла мѣстная хроника, написанная тамъ въ XV—XVI-мъ вв. на чешскомъ языкѣ [5]). Полякъ же Па-

---

[1]) Ср. Archiv X, 274; Первольфъ, Славяне III, 225 сл.

[2]) Ср. Акты 1455—65 гг. Пражскаго музейнаго архива у Первольфа, въ Отчетѣ 1883 г., стр. 48—65; Его же, въ Osvěta 1873 г., 909 сл.; въ Č. Č. M. 1880 г.; въ соч. Славяне III, 98, 105.

[3]) Около 1500 г. Первольфъ, Славяне III, 244.

[4]) Первольфъ, Славяне III, 244.

[5]) Nehring, въ Archiv f. Sl. Phil. I, 68.

процкій занялъ даже довольно видное мѣсто въ чешской историко-генеалогической литературѣ: Юнгманнъ насчиталъ до 17 его статей и сочиненій на чешскомъ языкѣ [1]). Но всѣ они были написаны не въ Польшѣ, а въ Чехіи и для чеховъ, слѣд. не могутъ характеризовать распространенности чешскаго языка въ земляхъ польскихъ.

Черезъ Польшу проникалъ въ XV—XVI-мъ вв. чешскій языкъ даже въ Литву и въ западную Русь. Первыми его носителями могли быть тѣ литовскіе „poloni", для которыхъ Ядвига устроила Collegium hyerosolymitanum при Пражскомъ университетѣ. Затѣмъ Литву и Бѣлоруссію посѣтилъ Іеронимъ Пражскій, сожженный въ 1415 г. въ Констанцѣ главнымъ образомъ за эту поѣздку въ Вильну, Витебскъ, Псковъ и за демонстративное участіе въ русскомъ богослуженіи. Чешскіе добровольцы помогали Ягайлѣ и Витовту подъ Танненбергомъ. Витовтъ же въ свою очередь подкрѣпилъ войска Жижки русско-литовскимъ отрядомъ, подъ предводительствомъ князя Корыбутовича. Изъ русскихъ добровольцевъ въ Чехіи извѣстны имена князей Фридриха и Вячеслава Острожскихъ [2]). Послѣ разгрома Табора чешскія роты заходили на службу не только въ Польшу, но и къ князьямъ литовскимъ, напр. къ Свидригайлу въ 1431 г., къ Витовту и др. Совокупность всѣхъ этихъ сношеній и связей проложила чешскому языку путь и въ наши западныя области. Онъ былъ знакомъ въ канцеляріи в. кн. Витовта [3]), а потомъ Свитригайла, какъ видно изъ писемъ его къ Сигизмунду Корыбутовичу [4]). Знакомство это отражается и на нѣкоторыхъ западнорусскихъ памятникахъ того времени. Таково напр. червонорусское переложеніе Вислицкаго статута, сдѣланное, какъ сказано въ

[1]) Jugmann, Hist. l. č. ³ 606.

[2]) Ср. Первольфъ, въ Osvěta 1873 г., стр. 768; Его же: Славяне III, 62 сл.

[3]) Ср. Prochazka, Cod. epistolaris Vitoldi, стр. 835, 873; Первольфъ, Славяне III, 70.

[4]) Первольфъ, Славяне III, 69.

предисловіи, не съ латинскаго подлинника, а съ „часкаго“ (чешскаго) перевода [1]). Тоже замѣтно на языкѣ Русской Библіи, изданной въ 1519 г. въ Прагѣ Фр. Скориною [2]); на малорусскомъ Пересопницкомъ евангеліи 1556—61 года [3]); на южнорусскомъ переводѣ Пѣсни Пѣсней XVI-го в. [4]); на нѣкоторыхъ частяхъ Острожской библіи 1581 г. [5]), и на переводныхъ съ чешскаго западнорусскихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ [6]).

Чешскіе братья пробовали завязать религіозныя связи и съ отдаленной Москвой. Они посылали туда развѣдчиковъ, въ лицѣ напр. Мареша Роковца въ 1491 г. и брата Яна Рокиты въ 1570 г. Но изъ этого ничего не вышло. Чешскіе братья далеко уже ушли къ тому времени отъ славянской подпочвы, замѣтной еще въ первоначальномъ гуситствѣ и въ утраквизмѣ, вслѣдствіе чего и принуждены были со временемъ превратиться въ гернгутеровъ, т. е. въ одну изъ многочисленныхъ протестанскихъ сектъ Германіи.

Въ очень тѣсныхъ политическихъ и общественныхъ связяхъ съ Чехами издревле были сербо-лужичане. Занимая среднее теченіе Лабы съ притоками, они являются какъ бы географическимъ продолженіемъ верхнелабскихъ

---

[1]) Первольфъ, О червонорусскомъ переводѣ Вислицкаго статута, въ Osvěta 1881 г., 134 сл. Ср. Wiszniewski II, 452.

[2]) Переводъ сдѣланъ съ чешской библіи, по венеціанскому изданію 1506 г., не безъ вліянія ц.-славянскаго текста. Ср. Владиміровъ П., Докторъ Фр. Скорина, СПб. 1888 г., стр. 171 слл., 292, 296, 300. Въ пражской Псалтыри того же Скорины 1517 года и въ его виленскомъ Апостолѣ 1525 г. также есть чехизмы. Ibid. 94, 98, 186 сл.

[3]) По вліянію Скорины? Ср. Владиміровъ, Фр. Скорина 237.

[4]) Владиміровъ 239.

[5]) Въ предисловіи между пособіями упоминается чешская библія. Ср. Владиміровъ 213 сл.

[6]) Напр. въ Никодимовомъ евангеліи, въ Повѣсти о трехъ волхвахъ, въ Легендѣ о св. Алексѣѣ и н. др. Ср. Владиміровъ, Фр. Скорина 38. Съ чешскаго переведена и „Исторія о славномъ королѣ Брунцвикѣ“, извѣстная въ спискахъ XVII—XVIII-го в. (Пам. древн. письм. за 1888 г.).

чеховъ, отъ которыхъ Лужицы отдѣлены лишь невысокимъ кряжемъ Крушныхъ горъ. И въ смыслѣ діалектическомъ лужичане, особенно верхніе, ближе всего примыкаютъ къ чехословенскому нарѣчію, котораго частью они могли даже быть въ доисторическую эпоху.

Эта естественная близость Лужицъ къ Чехіи отразилась въ исторіи многовѣковою ихъсопринадлежностью къ одному политическому тѣлу. Еще Премыслъ II въ 1214 г. присоединилъ Верхнія Лужицы къ землямъ чешской короны. Сто лѣтъ спустя Мищенская область уступлена была Вячеславомъ III королю римскому Альберту. Но вскорѣ Карлъ IV возвратилъ чешской коронѣ Лужицы, подчинивъ себѣ на время даже Бранипоръ, составляющій сѣверное продолженіе Нижнихъ Лужицъ. И Юрій Подѣбрадъ владѣлъ наравнѣ со Слезіей Лужицами. Тоже Фердинандъ I, учредившій въ Прагѣ въ 1548 году апелляціонный судъ и для лужичанъ. Въ 1620 г. Верхнія Лужицы были заложены Фердинандомъ II курфирсту саксонскому, въ видѣ уплаты за пособіе въ войнѣ съ чешскими возстанцами. Нѣсколько же позже (въ 1623 г.) заложены имъ и Нижнія Лужицы, съ сохраненіемъ однако права выкупить тѣ и другія для чешской короны за 72 тонны золота. По вѣнскому конгрессу области эти раздѣлены между Саксоніей и Пруссіей. При этомъ имп. Францъ отказался отъ своихъ —какъ чешскаго короля—сюзеренныхъ правъ на эти земли, но выговорилъ для своихъ потомковъ право возвратить ихъ, еслибы вымерли королевскія фамиліи саксонская и прусская. На большомъ гербѣ Чехіи и теперь еще красуются эмблемы Лужицъ, а равно и Слезіи, такъ какъ по историческому праву земли эти принадлежатъ къ „чешской коронѣ“.

При столь продолжительномъ государственномъ союзѣ Лужицъ съ Чехіей мы ожидали бы встрѣтить и въ этой среднелабской области памятники чешской рѣчи. Но этого не видимъ ни въ вѣкъ Гуса [1]), ни въ эпоху Лютера.

---

[1]) Что въ Лужицахъ XV-го в. чешскій языкъ былъ нѣ-

Слишкомъ ужъ глубоко тутъ въѣлась нѣмечина, свившая себѣ на древней серболужицкой почвѣ въ городахъ Липскѣ, Виттенбергѣ, Мишни три сильныхъ нѣмецкихъ центра. Первый изъ нихъ, пріютивъ въ своихъ стѣнахъ большинство изгнанныхъ изъ Праги въ 1409 г. „саксовъ“ и „баварцевъ“, въ слѣдующіе вѣка сталъ чуть не нѣмецкимъ Парижемъ; второй былъ Меккою нѣмецкаго пророка Лютера, третій же—какъ бы Флоренціей нововерхненѣмецкаго образованнаго языка. Серболужицкія древле земли дали нѣмцамъ Лютера, Лейбница, Лессинга, не считая второстепенныхъ дѣятелей. Что могло тутъ остаться для чеховъ или для себя! Но все таки, когда Лютерова реформація вызвала къ жизни множество забитыхъ ранѣе языковъ, то подали о себѣ голосъ и загнанные отчасти чешскими королями, отчасти же нѣмецкими феодалами и бюргерами лужичане. Первая ихъ книга—Новый Завѣтъ, переведенный Николаемъ Якубицею на нижнелужицкій діалектъ и сохранившійся въ рукописи 1548 г. Въ переводѣ этомъ, сдѣланномъ по Лютерову, очень явственно отражается вліяніе чешской Библіи, чуть ли не венеціанскаго изданія 1506 года [1]), которымъ воспользовался и нашъ Фр. Скорина. Но первая верхнелужицкая книга, „Лютеровъ катихизисъ“ Ворѣха (Warichius, 1597), не обнаруживаетъ уже столь ясныхъ слѣдовъ чешскаго вліянія, за изъятіемъ тѣхъ, которые заключаются въ формахъ и составѣ народной рѣчи, сильно пропитанной чехизмами.

Такимъ образомъ гуситское движеніе дало сильный толчекъ чешскому діалекту и если не возвысило его до роли дипломатическаго органа западныхъ славянъ, то все же вывело на путь, по которому эта цѣль могла быть до-

---

сколько извѣстенъ, доказывается между прочимъ будышинскою формулою присяги съ XV-го по XVII-й в. на языкѣ получешскомъ и полусерболужицкомъ. Ср. Časopis Maćicy Serbskeje 1875 г., стр. 51; Первольфъ, Славяне III, 14.

[1]) Ср. Leskien, Das Sorbische Neue Testament von 1548. Archiv f. Sl. Phil. I, 201 сл.; Первольфъ, Славяне III, 15.

стигнута въ дальнѣйшемъ развитіи языка и народа. Къ сожалѣнію, развитіе это уже съ половины XV-го в., послѣ неудачной попытки утраквистовъ возсоединиться съ грекославянскою церковью, направилось на распутья, по которымъ оно должно было дойти до — Бѣлогорской битвы. Утраквизмъ черезъ общину чешскихъ братьевъ постепенно переродился въ протестантскую секту и, послѣ двухвѣковыхъ усилій выбраться на путь славянскій, потерялся въ пескахъ гернгутерства. Большинство же чеховъ, попавъ въ руки іезуитовъ, отреклось наконецъ и отъ Гуса, и отъ Хельчицкаго, и отъ Благослава, и даже отъ Коменскаго, замѣнивъ культъ великихъ подвижниковъ культомъ совершенно безвѣстныхъ въ исторіи дѣятелей, въ родѣ Яна Непомука или Яна Капистрана, вся заслуга которыхъ заключается въ совпаденіи по имени съ Іоанномъ Гусомъ. Чешское государство, бывшее при Карлѣ IV средоточіемъ Римской имперіи, при Подѣбрадѣ же однимъ изъ сильнѣйшихъ и вполнѣ независимыхъ среднеевропейскихъ государствъ, съ 1526 г. перешло въ руки Габсбурговъ. Они вскорѣ довели его до роли второстепенной имперской области, подчиненной Австріи наравнѣ съ Тиролемъ или Форарльбергомъ. Накликанная ими на Чехію тридцатилѣтняя война надолго разрушила благосостояніе народа. Изгнаніе „еретиковъ“ — лютеранскаго, кальвинскаго, чешскобратскаго и другихъ толковъ — нанесло такой же ударъ землямъ чешскимъ, какъ изгнаніе мавровъ землямъ испанскимъ, а гугенотовъ французскимъ. Наука и литература, потерявшія уже въ XVI-мъ в. свою прежнюю самостоятельность, характеризующую сочиненія Штитнаго, Гуса, Хельчицкаго, но зато достигшія высокаго формальнаго совершенства, въ сочиненіяхъ напр. Сикста изъ Оттерсдорфа, Благослава, Велеславины, — съ XVII в. быстро замираютъ на два почти вѣка. Амосъ Коменскій, котораго слава наполнила всю западную Европу, — Швецію, Англію, Голландію, — не могъ найти на родинѣ пріюта для развитія возвышенныхъ положеній своей пансофіи и дидактики. Даже латинскіе трактаты іезуита Бальбина († въ 1688 г.)

по отечественной исторіи и литературѣ могли выходить въ Чехіи лишь въ окорнанномъ видѣ, а нѣкоторые сто лѣтъ скрывались въ рукописи, пока открылась возможность издать ихъ въ свѣтъ [1]). Цѣлыми возами доставляемы были тогда на площади и сожигаемы іезуитами чешскія книги XV—XVI-го вѣка, какъ сплошь заподозрѣнныя въ ереси. Когда умерло поколѣніе чешскихъ изгнанниковъ 1620-хъ годовъ, то некому было уже ни читать, ни писать чешскихъ научныхъ и высшихъ литературныхъ сочиненій. Все цѣнное печаталось по-латыни или по-нѣмецки. Одни молитвенники, катихизисы, да іезутско-набожныя книженки продолжали появляться и въ чешскихъ изданіяхъ.

При такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи о распространеніи чешскаго языка за границами Чехо-Моравіи. Столь забитая и слабая рѣчь кого могла занимать въ Слезіи, Польшѣ, Лужицахъ, Угріи! Если тѣмъ не менѣе она удержалась въ послѣдней не только до конца XVIII-го, но индѣ и до половины XIX-го вѣка, то это объясняется лишь крайнимъ консерватизмомъ словенскаго народа и ревнивымъ обереганіемъ всего, что связано было съ гуситскими преданіями и съ лютеранскою церковью въ верхней Угріи.

А между тѣмъ эта связь чешскаго діалекта съ гуситствомъ и съ лютеранствомъ должна была съ XVII — XVIII-го вв. казаться каждому анахронизмомъ, почти насмѣшкой. Въ самомъ дѣлѣ, что общаго имѣлъ съ этими заглохшими старыми сектами языкъ іезуитовъ Штурма († въ 1601 г.), Берлички († послѣ 1620 года), Штейера († въ 1692 г.), Кадлинскаго († въ 1675 г.), а наконецъ пресловутаго Антонина Коніаша († въ 1760 году), этого Торквемады чеховъ и главнаго виновника гибели множества старочешскихъ книгъ! Языкъ этотъ съ XVIII-го в. скорѣе ужъ можно было назвать католическимъ, на подобіе поль-

---

[1]) Такъ Dissertatio apologetica pro lingua Slavonica, praecipue bohemica, написанная въ 1680-хъ гг., издана лишь въ 1775 г., а трактатъ Bohemia docta — въ 1776—80 гг.

скаго и хорватскаго. Вѣдь извѣстно, что въ Чехіи новаго времени число диссидентовъ еще меньше, чѣмъ въ Польшѣ или Хорватіи, не говоря уже про Словачину, гдѣ все таки до $^{1}/_{3}$ жителей сохранили лютеранское вѣроисповѣданіе.

Да и независимо отъ этого измѣненія вѣроисповѣдныхъ отношеній чешскаго языка, самый составъ и строй его сильно измѣнился въ періодъ двухвѣковового порабощенія латынью и нѣмецкимъ языкомъ. Правда, новочешскіе писатели приложили много труда къ устраненію варваризмовъ и къ возстановленію того чистаго и изящнаго стиля, на которомъ написана Кралицкая библія и другія произведенія „золотого вѣка". Въ отношеніи лексикальномъ они и успѣли достаточно вытеребить новочешскій языкъ. Но во фразеологіи, въ синтаксисѣ, въ стилѣ латинизмы и германизмы остались въ изрядномъ числѣ, да едва ли и могутъ быть устранены. Долгое употребленіе ихъ произвело въ мозговыхъ такъ сказать центрахъ рѣчи любого новочеха такія измѣненія, утвердило такія ассоціаціи, которыя, не будучи славянскими и не встрѣчаясь въ старочешскомъ, все же составляютъ уже духовную собственность чешскаго народа.

Оба эти обстоятельства должны были пошатнуть положеніе чешскаго языка на Словачинѣ и привести къ отторженію ея отъ литературнаго единенія съ Чехо-Моравіей.

Начало такому отторженію положено еще въ XVII-мъ вѣкѣ тернавскими іезуитами, которые, какъ мы видѣли, все еще чуяли въ чешскомъ языкѣ остатокъ гуситскихъ преданій. Но эта іезуитская тернавская литература пользовалась слишкомъ малымъ кредитомъ между словаками. Она скорѣе способна была поощрить протестантовъ къ употребленію чешской рѣчи, что мы и видимъ въ сочиненіяхъ напр. Инститориса Мошовскаго († въ 1803 г.), Шулека, Семіана (ок. 1787—90 г.), Рыбая († въ 1812 г.), Плахаго (ок. 1785—86 г.), Лешки († въ 1818 г.), Бартоломе-

идеса († въ 1825), двухъ Голко и др. [1]). Данный этими писателями размахъ продолжался по инерціи и въ XIX-мъ вѣкѣ, выразившись напр. въ чешскихъ сочиненіяхъ словаковъ: Таблица († въ 1832 г.), Палковича [2]) († въ 1850 г.), Коллара († въ 1851 г.), Шафарика († въ 1861 г.), Кузмани, Желло, Паларика, Заборскаго и н. др.

Вклады въ чешскую науку и литературу, сдѣланные этими словаками, особенно Колларомъ и Шафарикомъ, весьма значительны. Тѣмъ чувственнѣе была для чеховъ утрата столь свѣжихъ и даровитыхъ соратниковъ на поприщѣ литературномъ. А между тѣмъ она была неизбѣжна съ тѣхъ поръ, какъ обнаружилась и доказана событіями XVII — XVIII-го в. несостоятельность чешскаго языка въ борьбѣ съ латинскимъ и нѣмецкимъ, а слѣдовательно и непригодность его для словаковъ, въ качествѣ высшаго общаго языка. Правда, съ конца XVIII-го и начала XIX-го вѣка чешская наука, литература и общественная мысль стали возрождаться—въ сочиненіяхъ Добнера, Пельцеля, Добровскаго, Пухмайера и др. Къ половинѣ XIX-го в. чехи могли указать уже на цѣлый рядъ болѣе или менѣе важныхъ научныхъ и художественныхъ произведеній, вышедшихъ изъ-подъ пера Юнгмана, Ганки, Палацкаго, Челяковскаго, Эрбена, Воцеля, Небескаго, Томка и др. Но все это не могло уже поднять чешскую словесность на ту высоту самостоятельнаго значенія, какое она имѣла въ вѣкъ Гуса. Къ тому же въ XIX-мъ в. высокаго развитія достигла наука и литература нѣмецкая, въ отношеніи къ которой чешская заняла положеніе одной изъ второстепенныхъ и подчиненныхъ подлитературъ. Лишь струя славизма придавала ей нѣкоторую внутреннюю от-

---

[1]) Ср. Пичъ, Очеркъ политической и литературной исторіи словаковъ за послѣдніе сто лѣтъ, въ Славянскомъ сборникѣ, СПб. 1875 г., I, 129—131; Vlček, Dějiny slovenské literatury.

[2]) Ему принадлежитъ даже чешско-нѣмецко-латинскій словарь, одинъ изъ лучшихъ въ литературѣ.

дѣльность и независимость отъ образцовъ нѣмецкихъ. Но струя эта была гораздо сильнѣе и свѣжѣе въ сознаніи словаковъ, изъ среды которыхъ вышли и главные представители славизма чешскаго: Колларъ, Шафарикъ, до нѣкоторой же степени и аббатъ Іосифъ Добровскій [1]).

Естественно было предположеніе, что если словаки оставятъ чешскій языкъ и вмѣсто подражанія писателямъ чехоморавскимъ обратятся къ живымъ ключамъ своей собственной народной рѣчи и мысли, то найдутъ въ ней болѣе глубокую и самобытную основу для дальнѣйшаго развитія словенской науки и поэзіи. Этимъ предположеніемъ, а не прежнимъ іезуитскимъ преубѣжденіемъ противъ чешскаго діалекта, какъ гуситскаго, руководились Бернолакъ († въ 1813 г.), Байза и Фандли (ок. 1793 г.), когда начали въ концѣ прошлаго вѣка (съ 1787 г.) теоретическую разработку и литературное примѣненіе словенскаго нарѣчія. За ними работали въ томъ же направленіи: проповѣдникъ Газда, каноникъ Палковичъ († въ 1835 г.), примасъ Руднай († въ 1831 г.), особенно же даровитый эпикъ Голый († въ 1849 г.). Послѣдній написалъ на словенскомъ діалектѣ двѣ большихъ поэмы: „Святополкъ“ (1833 года) и „Кирилло-Мееодіада“ (1835 г.), да цѣлый рядъ меньшихъ пѣсенъ духовнаго содержанія. Но окончательный ударъ чехословенскому литературному единству нанесенъ былъ съ 1840-хъ годовъ той даровитой и дѣятельной фалангой словенскихъ патріотовъ и писателей, которыхъ средоточіемъ было общество „Татринъ“ (съ 1844 г.), вождями же — Штуръ, Гурбанъ, Годжа и Кузмани. Первымъ шагомъ ихъ въ этомъ направленіи было изданіе въ 1844 году второго тома альманаха „Нитра“ подъ редакціей Гурбана — на словенскомъ діалектѣ. Съ 1845 года на немъ же стала печататься первая словенская газета: Slovenské národnje Noviny, съ беллетристическимъ приложеніемъ „Orol Tatransky“, подъ редакціей Штура. Съ 1846 года

---

[1]) Онъ родился въ Угріи близъ г. Раба, но воспитанъ и дѣйствовалъ въ Моравіи и Чехіи.

Гурбанъ затѣялъ учено-литературный журналъ: „Slovenské Pohlady“, издававшійся до 1851 г. Такъ какъ діалектъ Бернолака и Голаго, основанный на окраинномъ нитранско-тренчинскомъ разнорѣчіи, былъ пропитанъ моравизмами и не удовлетворялъ требованіямъ самостоятельной словенской литературной школы, то нормою новаго языка признано было разнорѣчіе серединное, господствующее въ турчанской и окружающихъ ее жупаніяхъ — липтовской, нижне-оравской, верхне-тренчинской, зволенской, новоградской, гонтянской, пештской и въ нижней Угріи [1]. Такъ какъ Штуръ первый установилъ нормы этого діалекта въ сочиненіи: „Nauka reči slovenskej“ (Прешпуркъ 1846 г.), то противники новой литературной школы называли ея рѣчь „штуровщиной“, въ отличіе отъ прежняго словенскаго діалекта, прозваннаго „берноладчиной“. Нѣкоторые изъ старшихъ католическихъ священниковъ и тогда еще держались послѣдней, но большинство примкнуло къ Штуру, Гурбану, Годжѣ, хотя это были лютеране по обряду, а гуситы по духу.

Движеніе это конечно не могло быть пріятно чехамъ, которые привыкли смотрѣть на Словачину, какъ на вторую свою Мораву. Чтобы убить этотъ сепаратизмъ въ зародышѣ, чешская Матица издала въ 1846 года сборное сочиненіе, подъ заглавіемъ: „Голоса о необходимости общелитературнаго языка для чеховъ, моравянъ и словаковъ“ [2]. Тутъ сведены доводы въ пользу такого языка старыхъ и новыхъ чешскихъ и словенскихъ писателей, а именно чеховъ: Амоса Коменскаго и Іосифа Добровскаго, Юнгмана и Палацкаго, и словаковъ: Нудожерина, Беля, Палковича, Шафарика, Коллара, Зборовскаго, Іосефи, Себерини, Яна Халупки, Ференчика. Въ этихъ 33-хъ „Гласахъ“ словакамъ внушается мысль, что они слишкомъ сла-

---

[1]) Пичъ, въ Славянскомъ сборникѣ 1877 г. II, 108; Вольчекъ, Исторія словацкой литературы. Кіевъ 1889 г., 28, 49.

[2]) Hlasove o potřebě jednoty spisovného jázyka pro Čechy, Moravany a Slovaky. Praha 1846 г.

бы для выработки самостоятельной литературы, а потому должны, какъ ихъ отцы и дѣды, держаться литературы чешской, родственной имъ и по языку, и по духу. Словенскіе сепаратисты не остались въ долгу передъ чехами. Штуръ, Гурбанъ, Годжа отвѣтили „Гласамъ" подробными разборами, между которыми особенно выдается „Větin o Slovenčině" послѣдняго изъ этихъ авторовъ. Годжа подробно разъяснилъ источникъ, значеніе и размѣры литературной уніи словаковъ съ чехами, имѣвшей собственно церковный характеръ и мало касавшейся общественнаго употребленія; указалъ на порчу чешскаго языка подъ вліяніемъ латинскаго и нѣмецкаго, и на преимущества въ этомъ отношеніи языка словенскаго; отмѣтилъ въ самой Чехіи XIX-го вѣка между новочешскимъ и старочешскимъ типами языка разрывъ, составляющій какъ-бы оправдательный прецедентъ для начатаго Бернолакомъ и законченнаго членами „Татрина" отторженія словенской литературы отъ чешской; доказалъ пользу этого отторженія для просвѣщенія народа, объединенія общественныхъ кружковъ, отраженія мадьяризма, а наконецъ установилъ возможность существованія словенской литературы безъ подчиненія чешской, которая сама нуждается въ посторонней помощи для успѣшной борьбы съ нѣмецкою. Но такую помощь Словаки получатъ-де скорѣе изъ Россіи, чѣмъ изъ Чехіи [1]). Гурбанъ же въ своемъ отвѣтѣ на „Hlasy" осуждаетъ чеховъ за ихъ ретроспективный взглядъ на жизнь и считаетъ не преданія прошлаго, а потребности настоящаго и будущаго рѣшающимъ факторомъ и въ вопросѣ о литературномъ языкѣ [2]).

Послѣ неудачнаго для словаковъ исхода революціи 1848—49 г., когда въ австрійскомъ управленіи въ лицѣ Шварценберга и гр. Туна восторжествовали чехи, для по-

[1]) Ср. Пичъ, въ Славянск. сборникѣ, II, 118—120; Pokorný R., Literarní shoda česko-slovenská, Praha 1880 г., стр. 26 сл.

[2]) Ср. Slovenské Pohlady, I, вып. I.

слѣднихъ вновь открылась надежда на возсоединеніе со словаками въ язычной области. Дѣйствительно, въ 1850-хъ годахъ многіе словаки опять начали было писать и печатать по-чешски. Даже Штуръ вынужденъ былъ издать свою книгу „О славянскихъ народныхъ пѣсняхъ“ въ Прагѣ на чешскомъ языкѣ. Но съ 1860 г., по выходѣ въ отставку гр. Туна и съ учрежденія въ 1861 г. „Словенской Матицы“ въ Турчанскомъ Св. Мартинѣ, чешская реакція вновь побѣждается словенскимъ языкомъ. Въ грамматикѣ проф. Гатталы [1]) языкъ этотъ получилъ окончательную норму, утвержденную на прешпуркскомъ собраніи въ 1852 г. [2]), отъ которой словаки не отступили уже и до настоящаго времени. Цѣлый рядъ даровитыхъ публицистическихъ и поэтическихъ произведеній вышеназванныхъ и примыкающихъ къ нимъ словенскихъ писателей, каковы напр. Само Халупка, Андрей Сладковичъ, Янъ Ботто, Янко Краль, Павлини Тотъ, Калинчакъ, Палларикъ, Павелъ Орсагъ (Гвѣздославъ), Людевитъ Желло, Светозаръ Гурбанъ-Ваянскій и др., служитъ нагляднымъ доказательствомъ и даровитости словенскаго народа, и пригодности его разнорѣчій къ литературной обработкѣ во всѣхъ родахъ и видахъ поэзіи. Послѣ того и старый Гурбанъ не могъ уже имѣть успѣха въ своихъ усиліяхъ съ 1876 г. возстановить въ той или другой формѣ чешско-словенское литературное единство [3]).

Когда же образованному словаку понадобится пополнить содержаніе своей областной литературы изученіемъ другихъ, болѣе развитыхъ и сильныхъ, то онъ охотнѣе обращается къ міровымъ литературамъ нѣмецкой и русской, чѣмъ къ чешской. Это краснорѣчиво изложено и Штуромъ въ сочиненіи: „Славянство и міръ будущаго“, составляющемъ какъ бы завѣщаніе этого славнаго мыслителя

---

[1]) Hattala M., Počatky mluvnice slovenské, 1860; Его же: Mluvnice jazyka slovenského 1864.

[2]) Вóлчекъ, Ист. словац. литературы 49.

[3]) Ср. Rudolf Pokorný, Literarní shoda česko-slovenská. Praha 1880 г., стр. 41, 44.

и дѣятеля. Онъ доказалъ, что между словенскимъ языкомъ въ домашнемъ областномъ употребленіи и русскимъ въ высшихъ областяхъ науки и литературы нѣтъ собственно мѣста для третьяго литературнаго органа. Всего же менѣе пригоденъ-де для этого языкъ чешскій, который и по своему строю вовсе не служитъ-де связующимъ звеномъ между словенскимъ и русскимъ, а скорѣе между словенскимъ и нѣмецкимъ. Можно потому сомнѣваться въ согласіи словаковъ пойти даже на такую сдѣлку, какую предлагалъ имъ недавно Рудольфъ Покорный — писать популярныя и поэтическія сочиненія на словенскомъ, научныя же на чешскомъ языкѣ [1]).

Какъ бы то ни было, во второй половинѣ XIX-го в. чешскій языкъ утратилъ послѣднюю область своего прежняго распространенія за предѣлами Чехо-Моравіи и черезъ то лишился правъ на званіе языка общаго. Возстановитъ ли онъ когда нибудь то международное положеніе, какое занималъ въ вѣкъ Гуса, это вопросъ будущаго. Въ настоящее время нѣтъ никакихъ указаній на возможность утвердительнаго отвѣта. Поляки, не отрицая старой легенды о братьяхъ Чехѣ и Лѣхѣ, не обнаруживаютъ однако охоты признать надъ собою гегемонію чешскаго языка. Словаки отрѣзаны отъ него не только совершившимся фактомъ литературнаго разрыва, но и политической гранью двуединой имперіи, присудившей верхнюю Угрію въ добычу мадьярамъ, а не чехоморавянамъ. Не до чеховъ теперь и лужичанамъ, которые уже захлебываются разливомъ мощнаго нѣмецкаго языка.

Есть правда пунктъ, гдѣ чешская рѣчь дѣлаетъ въ наше время большія завоеванія. Но это не Слезія, не Лужицы, не Словачина, а Вѣна и вообщее Нижняя Австрія. Въ первомъ насчитывается уже 180,000 — 200,000 чеховъ [2]), во второй же до 120,000, т. е. въ совокупно-

---

[1]) Ibid. стр. 2.

[2]) Въ петиціи магистрату со стороны вѣнскаго общества Komenský констатировано, что 1/4 жителей Вѣны принадлежитъ къ чешской народности.

сти болѣе 300,000 душъ, — цыфра, равняющаяся населенію Черногоріи и вдвое превышающая серболужицкое. Къ сожалѣнію, нижнеавстрійскіе чехи не обладаютъ ни мужествомъ черногорцовъ, ни инерціонной стойкостью лужичанъ, а потому быстро нѣмечатся на почвѣ „ракусской". Не будь у нихъ этой склонности стать изъ чеха „утраквистомъ" по языку и быту, а затѣмъ и настоящимъ нѣмцемъ [1]), 200,000-ное чешское населеніе въ столицѣ Австріи было бы отличнымъ авангардомъ для постепеннаго завладѣнія резиденцій Габсбурговъ, которые впрочемъ и ранѣе, при Рудольфѣ II и Матвѣѣ, управляли уже имперіей изъ чешскаго города, именно изъ Праги.

Остается разсмотрѣть еще попытки польскаго діалекта возвыситься до роли общаго языка. Усилія его направлены были издревле не на западъ, а на востокъ, не въ Слезію и Чехію, Лужицы и Поморье, а въ Литву и на Русь [2]). Этотъ восточный, такъ сказать, фронтъ въ распространеніи польской рѣчи соотвѣтствуетъ всему ходу польской образованности, со временъ Мечиславовъ и Болеславовъ до Сигизмундовъ и Августовъ. Ея короли поголовно почти смотрѣли на Польшу, какъ на передовой постъ латинонѣмецкой церкви, имперіи, культуры, какъ на провиденціальное орудіе Запада для разрушенія восточныхъ средоточій грекославянской образованности.

Въ упрямой односторонности этого направленія заключается объясненіе и временныхъ успѣховъ, и конечныхъ неудачъ польской политики. Сдѣлавшись очень рано и искренно (по крайности въ верхнихъ слояхъ населенія, которые одни и создали историческую Польшу) подъярем-

---

[1]) Такими были и знаменитые вѣнскіе медики: Рокитанскій, Шкода, Гебра, происходившіе 1-й изъ Кралевеградца, 2-й изъ Пелзня, 3-й же изъ Берна.

[2]) Самъ Лелевель (Polska, dzieje i rzeczy) удивлялся алчности поляковъ на восточныя земли, при четырехкратномъ отказѣ ихъ отъ чешской короны. Въ 1504 году они не пожелали присоединить къ себѣ даже старопольскую Слезію!

нымъ воломъ Рима и его слугъ, между которыми нѣмецкій императоръ занималъ первое мѣсто, Польша имѣла не только возможность, но и необходимость пользоваться въ своемъ наступательномъ движеніи на востокъ и мозговымъ, и мускульнымъ содѣйствіемъ всего латино-нѣмецкаго запада. Но въ этомъ рабскомъ служеніи чужимъ цѣлямъ заключалась и большая опасность. Оно пріучило поляковъ смотрѣть на все чужими глазами, а потому ослабило внутреннюю самодѣятельность народа и привело впослѣдствіи его руководителей къ какой-то слѣпотѣ, къ неспособности наблюдать дѣйствительность и донкихотскому смѣшенію ея съ галлюцинаціями. Это и было какъ-бы первороднымъ грѣхомъ поляковъ, обусловившимъ трагическій ходъ и исходъ ихъ исторіи. Всѣ перипетіи этой многовѣковой драмы, которой завязка соотвѣтствуетъ эпохѣ Мечислава I и Болеслава Храбраго, второе дѣйствіе—событіямъ временъ Казимира Великаго и Ягайлы, третье — уніямъ люблинской и брестской, четвертое — войнамъ казацкимъ, а пятое — времени раздѣловъ, отражаются и на исторіи польскаго языка, въ его отношеніяхъ къ смежнымъ—чешскому и нѣмецкому на западѣ, лѣтскому и русскому на востокѣ.

Въ отношеніи къ двумъ первымъ онъ издревле занималъ лишь оборонительное, а въ отношеніи къ послѣднимъ—наступательное положеніе.

Что чешскій языкъ при соприкосновеніи съ польскимъ оказывался сильнѣе послѣдняго, это мы видѣли уже выше. Но то же слѣдуетъ сказать и о языкѣ нѣмецкомъ, насколько онъ касался польскихъ земель и проникалъ въ нихъ. Прежде всего это обнаружилось въ Слезіи, куда нѣмцы пролѣзаютъ черезъ головы прибалтійскихъ и серболужицкихъ славянъ уже съ XII-го в., постепенно колонизуя эту область и оттѣсняя польскій языкъ къ юговостоку. Движеніе это, какъ мы видѣли, нѣсколько задержано было съ XIV-го вѣка утвержденіемъ въ Лужицахъ и Слезіи чешскаго верховенства. Къ сожалѣнію, оно очень часто было на-руку нѣмцамъ, благодаря близорукому за-

падничеству чешскихъ государей, духовенства, шляхты. Все это привело, какъ извѣстно, къ полной германизаціи всей нижней, а отчасти и верхней Слезіи, за изъятіемъ южныхъ ея округовъ, примыкающихъ къ Чехіи, Моравіи, Малой Польшѣ.

Еще быстрѣе и полнѣе была германизація ляшскаго Поморья, гдѣ отъ многочисленныхъ нѣкогда славянскихъ населеній осталось нѣсколько островковъ кашубскаго разнорѣчія. Съ 1222 г. при содѣйствіи мазовецкихъ князей появляется Тевтонскій орденъ на нижней Вислѣ и по взморьямъ до Мемеля, подавая тамъ руку нѣмцамъ Ливонскаго ордена (съ 1199 г.), въ низовьяхъ Западной Двины, и вытѣсняя оттуда постепенно рѣчь поморскую (ляшскую), лѣтскую [1]), русскую. Правда, со времени соединенія Польши съ Литвой и послѣ Танненбергской битвы силы орденовъ Тевтонскаго и Ливонскаго были на двѣсти лѣтъ остановлены въ своемъ развитіи. Въ XVI-мъ же вѣкѣ орденскія области были даже доведены временно до признанія государственной гегемоніи польскаго языка. Но съ XVII-го в. Пруссы быстро онѣмечиваются, а съ XVIII-го уже принимаютъ дѣятельное участіе въ нѣмецкой наукѣ и литературѣ, въ лицѣ напр. Гердера, Гаманна, Канта, Шопенгауера и др.

Со времени соединенія Пруссовъ (Preussen) съ Бранибopомъ (Brandenburg) и образованія королевства Гогенцоллерновъ, постепенно онѣмечена была — особенно съ Фридриха II — и связующая двѣ означенныя области полоса, захватывающая западную часть великопольскаго гнѣзда Пястовичей. На всемъ этомъ пространствѣ, отъ Мемеля до Корконошъ и отъ Гафовъ до верховьевъ Одры и Вислы, съ конца XVIII-го вѣка нѣмецкій языкъ является высшимъ государственнымъ, общественнымъ и литературнымъ органомъ, польскій же—однимъ изъ подчиненныхъ подъязыковъ или областныхъ діалектовъ.

---

[1]) Употребляемъ этотъ терминъ какъ родовой для нарѣчій: прусскаго, литовскаго, латышскаго, съ ихъ развѣтвленіями.

Но наступательное движеніе нѣмецкаго языка не остановилось и на этомъ. Очень рано онъ проникъ — то въ чистомъ видѣ, то какъ испорченный еврейскій жаргонъ—вглубь и великопольскихъ, и малопольскихъ, и мазовецкихъ областей. Надолго онъ утвердился тутъ и въ замкахъ феодальныхъ пановъ, и въ латинскихъ монастыряхъ, и въ городскихъ управленіяхъ, корпораціяхъ, законахъ. Это произошло особенно въ XIII—XIV вв., въ періодъ удѣльной разрозненности поляковъ и крестоносныхъ хожденій нѣмцевъ. Латынь не мѣшала при этомъ распространенію нѣмечины, а скорѣе благопріятствовала ему, какъ это было и въ областяхъ прибалтійскихъ, серболужицкихъ, чешскихъ, до гуситскаго періода. При польскомъ дворѣ лишь со второй половины XV-го в. утверждается польскій языкъ, вмѣсто прежнихъ — латинскаго, нѣмецкаго, чешскаго, отчасти и русскаго [1]). Еще въ XV-мъ в. Остророгъ жаловался на господство нѣмцевъ въ польскихъ монастыряхъ [2]), которые поставляли между тѣмъ кандидатовъ на высшія іерархическія должности.

Въ Краковѣ въ главномъ Свято-Маріинскомъ соборѣ до конца XIV-го в. проповѣди произносились не по-польски, а по-нѣмецки [3]). Магдебургское право, господствовавшее въ городахъ польскихъ, лишь со второй половины XVI-го в. постепенно переводится на польскій языкъ.

Особенно сильно онѣмечены были послѣдніе Пястовичи, благодаря старымъ и частымъ брачнымъ связямъ съ нѣмцами [4]).

---

[1]) Wiszniewski, H. l. p. VI, 376.

[2]) In templis nostris lingua teutonica multis in locis praedicatur. Ср. Monumenta, ed. Bobrzyński, Cracoviae 1878 г., стр. XXII, 125; Wiszniewski, VI, 374.

[3]) Wiszniewski VI, 365, 375.

[4]) И польскіе историки не отрицаютъ относительной безплодности въ народномъ смыслѣ древнепольской умственной жизни при Пястовичахъ, даже до конца XIV-го в., напр. Brückner, въ Archiv X, 368.

Со вступленія Ягайловичей нѣмецкій языкъ постепенно оттѣсняется то русскимъ, то чешскимъ, но латынь господствуетъ еще долго, до реформаціоннаго періода, ослабляя и внутреннія силы польскаго языка, и наступательное его движеніе въ Литву и Русь.

Со времени присоединенія Червонной Руси при Казимирѣ Великомъ (въ 1340 г.) и династической уніи польско-литовской (въ 1386 г.) Польша стала однимъ изъ сильнѣйшихъ государствъ въ Европѣ. Въ XV-мъ в. она нанесла тяжелый ударъ нѣмецкому ордену подъ Танненбергомъ и не разъ подчиняла себѣ въ династическомъ отношеніи то Чехію, то Угрію, распространяя свои завоеванія до Дуная и Чернаго моря.

Со времени основанія Краковскаго университета Польша и по образованности заняла довольно видное мѣсто между европейскими державами, произведши: философовъ Григорія изъ Санока († въ 1477 г.) и Яна изъ Глогова, юристовъ Яна Остророга († въ 1499 г.) и Яна Ласкаго, математика Войтѣха изъ Брудева, астронома Коперника († въ 1543 году), историковъ Яна изъ Чарнкова и Длугоша († въ 1480 году), грамматиста Паркоша и др. А между тѣмъ она не имѣла еще, собственно говоря, національной литературы, хотя бы такой, какъ чешская въ XIV-мъ в.

Этимъ объясняется и крайняя медленность вытѣсненія польскимъ языкомъ лѣтскаго и русскаго изъ государственной, общественной и литературной областей.

Уже давно польскія нарѣчія напирали на лѣтскія и русскія: ятвяги были вытѣснены уже изъ Подляшья и замѣнены (въ XIII-мъ в.) мазурами или червоноруссами; рѣчь послѣднихъ насквозь пропиталась полонизмами, которые отражаются въ уцѣлѣвшихъ галицкихъ грамотахъ уже въ XIV-мъ в.; польскіе паны и шляхтичи, ксендзы и монахи, мѣщане и ремесленники проникали уже въ Вильно и Кіевъ, подготовляя ихъ полонизацію и латинизацію,—а между тѣмъ и Литва, и Русь продолжали управляться, судиться, учиться и писать не на польскомъ, а на русскомъ языкѣ, бѣлорусскаго, червонорусскаго, малорус-

скаго типовъ. На русскомъ языкѣ изданъ Литовскій статутъ и первой редакціи Сигизмунда I въ 1529 г., и второй— Сигизмунда Августа въ 1564 г., и третьей — Сигизмунда III въ 1588 г. Въ послѣднемъ удержана и статья, возлагавшая на земскаго писаря обязанность вносить (въ метрику?) всѣ акты, выписки и вызовы на языкѣ русскомъ и русскими же буквами [1]). Вотъ почему первый польскій переводъ Литовскаго статута (Мамонича) появился не раньше 1614 г., послѣ чего онъ дѣйствительно сталъ дѣйствующимъ законникомъ и издавался еще четыре раза до 1786 года [2]). Литовская лѣтопись XIV-го—XVI-го вв. и даже позже ведется на русскомъ же языкѣ, съ примѣсью церковнославянизмовъ и не малымъ числомъ полонизмовъ. На русскомъ же издаются первыя книги не только въ Вильнѣ, Несвижѣ, Острогѣ, Львовѣ, но даже въ Краковѣ: первая печатная польская книга вышла не ранѣе 1521 года, тогда какъ церковнославянскія книги русскаго извода выходятъ въ Краковѣ съ 1491 г., а русская Библія Фр. Скорины напечатана въ Прагѣ въ 1519 г.

Мы не удивляемся потому, что въ виленской библіотекѣ Сигизмунда I по описи 1510 г. было до 33 кодексовъ русскихъ (съ ц.-славянскими?), тогда какъ польскій былъ всего одинъ—„Олександрѣя“ [3]).

Даже лѣтскій языкъ получилъ нѣкоторую литературную обработку въ вѣкъ реформаціи. Онъ очень мало пострадалъ отъ польскаго соперничества, благодаря конечно раннему усвоенію лѣтами языка русскаго, на которомъ говорили и писали Ягайло [4]), Витовтъ и послѣдующіе

---

[1]) Wiszniewski, Hist. lit. pol. VI, 410.

[2]) Ibid. VIII, 307.

[3]) Ср. Владиміровъ, Фр. Скорина, стр. 15 сл., 35.

[4]) Что Ягайло и въ Польшѣ сохранилъ материнскую русскую рѣчь, это явствуетъ между прочимъ и изъ составленной въ 1516 г. Исторіи Святокрижскаго монастыря. Въ ней разсказывается, что король при посѣщеніи спросилъ: „што это есть?“ Ср. Вержбовскаго, О Христ. Варшевицкомъ, 247. То же

Ягайловичи, вплоть до Сигизмунда Августа [1]).

Но съ половины XVI-го в., благодаря реформаціонному движенію, которое вездѣ поколебало авторитетъ латыни и возвело на ея опрокинутые троны живые языки въ употребленіи литургическомъ, богословскомъ, общелитературномъ,—и польскій языкъ быстро возвышается надъ прежнимъ уровнемъ и обнаруживаетъ завоевательныя стремленія, главнѣйше насчетъ языка русскаго.

Проникнувъ при дѣтяхъ Казимира Ягеллона, особенно при Сигизмундѣ I, въ придворную среду, польскій языкъ постепенно вытѣсняетъ изъ нея нѣмецкій, чешскій, русскій языки и при Сигизмундѣ Августѣ является уже господствующимъ, а именно въ малопольской формѣ, сообразно рѣчи двора [2]). Съ половины XVI-го в. онъ все чаще употребляется въ дѣлахъ королевской канцеляріи. Всѣ конституціи пишутся съ тѣхъ поръ уже на языкѣ польскомъ. Съ 1543 г. разрѣшено употреблять его, наряду съ латинскимъ, въ судебныхъ рѣшеніяхъ. Сеймъ 1552 г. провозгласилъ даже отечественный языкъ болѣе необходимымъ, чѣмъ латинскій. Въ 1553 г. Гербурту поручено перевести на польскій языкъ земскіе статуты. Во второй половинѣ XVI-го вѣка переводится право Магдебургское, а затѣмъ (1614 г.) и Литовскій статутъ. Въ 1588—1614 гг. польскимъ языкомъ постепенно вытѣсняется русскій изъ государственнаго употребленія въ Литвѣ. Но въ судахъ послѣдній держится до конца XVII-го в. Нѣсколько раньше это случилось въ Червонной Руси (съ 1590-хъ же годовъ), а также въ воеводствахъ Волынскомъ и Брацлавскомъ.

подтверждаетъ Орѣховскій, въ Dyalog 1562 г. и Гербуртъ, въ Hercules 1612 г. Ср. Osvěta 1881 г., 314 сл.

[1]) Любопытно, что и въ Базельскомъ изданіи: „Novus orbis regionum“ 1532 г. по исчисленіи всѣхъ славянскихъ государствъ (perampla regna) прибавлено: Sed et Lithuani jam sclavonisant. Ср. Wiszniewski, H. l. p. VI, 410.

[2]) Ср. Brückner, въ Archiv VII, 306 и особ. VIII, 293 (въ рецензіи на сочиненіе Kaliny, Historyja języka polskiego. 1883 г.), а также Nehring въ Arch. X, 633 сл.

Окончательно получилъ польскій языкъ значеніе оффиціальнаго на Литвѣ и Руси при Вазахъ [1]). Въ 1777 г. приказано было переписать латинскими буквами даже фоліанты „Метрики литовской", для облегченія труда копистовъ [2]).

Одновременно съ возвышеніемъ польскаго языка до роли общегосударственнаго измѣнилось и общественное его положеніе. И знать, и мелкая шляхта стали все болѣе склоняться къ этому „высшему" шляхетскому языку. Къ концу XVI-го в. онъ утвердился и въ сношеніяхъ Польши съ Пруссіей и Ливоніей, хотя не вытѣснилъ оттуда вполнѣ ни нѣмецкаго, ни лѣтскаго языковъ.

Какъ въ Германіи временъ Лютера, такъ и въ тогдашней Польшѣ появилось множество переводовъ на народный языкъ то Евангелія, то цѣлой Библіи. Таковы напр. Библія Леополиты 1551 года, Брестская (кальвинистовъ) 1563 г., Буднаго (социніанская) 1572, Вуйка (католическая) 1599 гг. и др. [3]). Сдѣлавшись литургическимъ органомъ польскихъ диссидентовъ, польскій языкъ сталъ и въ католическихъ церквахъ чаще раздаваться въ дополнительномъ богослуженіи, въ проповѣдяхъ, катихизаціи и т. п. Знаменитый польскій политикъ XVI-го в. Фричъ Моджевскій († въ 1590 г.) ратуетъ уже за объявленіе отечественнаго языка органомъ всего богослуженія [4]). Къ со-

---

[1]) Wiszniewski VI, 384 сл., 391, 392. Ср. Osvěta 1881 г., 136 сл., 313 сл., 882 сл., 886 слл.

[2]) Ср. Головацкаго Я., Обозрѣніе славянорусской письменности, въ Литературномъ приложеніи къ Червоной Руси N 3, 1889 г.

[3]) Ср. Wiszniewski, H. l. p. VI, 588, 598.

[4]) De sermone vernaculo in publicis Ecclesiae precibus usurpando. Ср. Wiszniewski, H. l. p. VI, 377. По свидѣтельству Сарпи (Hist. concilii Tridentini 1566 г.), Сигизмундъ Августъ намѣренъ былъ отправить къ папѣ Павлу IV особое посольство, съ Модржевскимъ во главѣ, съ цѣлью испросить у него признаніе польскаго языка литургическимъ, введеніе чаши (sub utraque), разрѣшеніе ксендзамъ жениться и т. п. Ossoliński, Wiadomości IV, 76.

жалѣнію, это не могло осуществиться, благодаря отчасти сопротивленію Рима, отчасти же застарѣлымъ предразсудкамъ польскаго общества. Съ особеннымъ упрямствомъ ратовалъ за латынь высшій клиръ, какъ это видимъ напр. изъ статьи по этому предмету кардинала Гозія [1]). Были правда и въ средѣ епископовъ люди, сочувствовавшіе идеѣ Модржевскаго, напр. примасъ Уханскій; но большинство пошло за Гозіемъ.

При такомъ возвышеніи роли отечественнаго языка нашлись въ Польшѣ и даровитые писатели на немъ: Рей, Кохановскій, Горницкій, Мясковскій, Бѣльскіе, Орѣховскій, Скарга [2]) и др. Они возвели языкъ „золотого періода" до высокаго формальнаго совершенства, во вкусѣ французской плеяды и итальянскихъ петраркистовъ.

Разсматривая происхожденіе этихъ и другихъ польскихъ писателей означеннаго періода и область распространенія ихъ сочиненій, мы убѣждаемся, что польскій языкъ началъ тогда принимать характеръ общаго языка для всѣхъ народностей этого „тріединаго (Польша, Литва, Русь) королевства". Въ самомъ дѣлѣ, многіе видные писатели того періода происходятъ изъ областей литовско-русскихъ. Таковы напр. „русскій Демосѳенъ" Станиславъ Орѣховскій (род. въ Перемышлѣ въ 1515 г.), котораго считаютъ лучшимъ польскимъ прозаикомъ XVI-го в., напоминающимъ по историческому таланту и манерѣ Гвичардини и Маккіавели [3]); затѣмъ Будный, переводчикъ

---

[1]) Ср. Wiszniewski, VI, 378.

[2]) По вычисленію Лелевеля (Polska, dzieje i rzeczy), Польша имѣла отъ 1550 по 1650 гг. до 284 писателей, между которыми было: 55 поэтовъ, 46 историковъ, 20 юристовъ, 16 политиковъ, 3 философа, 12 филологовъ, 53 богослова, 2 ритора, 3 педагога, 3 математика, 4 астронома, 18 медиковъ, 4 натуралиста, 3 агронома, 8 географовъ, 1 полигисторъ. Въ этотъ періодъ въ Польшѣ (съ Литвой и Русью) насчитывалось до 150 типографій!

[3]) Ср. Nehring, Kurs literatury polskiej, Poznań 1866 г., стр. 38. Орѣховскій самъ называлъ себя русскимъ (Roxola-

и издатель польской Библіи социніанскаго толка (1572), котораго современники звали Lithuanicus christicida [1]) и который написалъ кое-что и на діалектѣ западнорусскомъ [2]); далѣе Николай Рей, первый по времени и по таланту польскій поэтъ XVI-го в., основатель лучшей до Мицкевича поэтической школы поляковъ (род. въ Жоравнѣ надъ Днѣстромъ въ 1505 г., † 1569 г.); Николай Семпъ Шаржинскій, одинъ изъ корифеевъ той же школы (род. въ Зимной Водѣ, въ Русскомъ воеводствѣ [3]) † въ 1581 г.); гетманъ и мемуаристъ Станиславъ Жолкевскій (род. въ Туринкѣ подъ Жолковью въ 1547 г.); славный проповѣдникъ Фабіанъ Бирковскій (род. во Львовѣ въ 1566 году); нѣсколько же позже — моралистъ, политикъ и историкъ Максимиліанъ Андрей Фредро (род. въ Плешевицахъ, въ Русскомъ воеводствѣ, † въ 1679 г.) и мн. др. Все это были предтечи распространеннаго нынѣ въ Галичинѣ типа: gente ruthenus, natione polonus.

Съ конца XVI-го в. зарождается и другой типъ польскорусскаго писателя, который можно назвать уніатскимъ, въ смыслѣ своеобразнаго сочетанія русскаго содержанія съ польскою формою произведеній, относящихся главнымъ образомъ къ богословской полемической литературѣ. Самыми ранними представителями этого типа были Стефанъ Зизаній и Христофоръ Бронскій, изъ коихъ первый издалъ въ 1596 г. на западнорусскомъ и польскомъ языкахъ сочиненіе яко-бы Св. Кирилла Іерусалимскаго противъ латынниковъ [4]), второй же—знаменитый полемическій трактатъ

---

nus) и совѣтовалъ полякамъ побольше черпать изъ глубокаго ключа языка ц.-славянскаго, — напр. въ предисловіи къ ультрамонтанскому трактату: Policya królewstwa polskiego (Poznań 1859 г., стр. 7). Ср. Wiszniewski, H. l. p. VI, 381.

[1]) Wiszniewski VI, 581.

[2]) Напр. Лютеровъ катихизисъ, изданный въ Несвижѣ въ 1562 г. Wiszniewski VI, 581.

[3]) И Nehring, Kurs 27, зоветъ его „русиномъ".

[4]) Kazanie św. Cyrilla, patryarchy jerozolimskiego o antychryście i znakach jego. Wilno 1596.

„Апокрисисъ“, вышедшій въ 1597 году подъ псевдонимомъ Христофора Филалета [1]). Но самымъ характернымъ выразителемъ типа уніатскаго писателя былъ извѣстный авторъ церковнославянской грамматики Мелетій Смотрицкій († въ 1633 году), этотъ Saulus et Paulus ruthenicae nationis, по словамъ его біографа Суши [2]), оставившій цѣлый рядъ богословско-полемическихъ трактатовъ то православнаго [3]), то папистскаго [4]) направленія на польскомъ языкѣ. Къ этимъ трактатамъ примыкаютъ возраженія, написанныя уніатами: Мороховскимъ [5]), Сускимъ [6]),

---

[1]) Apokrysis albo odpowiedź na książki o synodzie Brzeskim. Wilno 1597.

[2]) Susza, Romae 1666.

[3]) Θρῆνον, czyli lament jedynej świętej powszechnej apostolskiey wschodniey cerkwi, przez Theophila Orthologa. Wilno 1610. Затѣмъ: Verificatia niewinności y omylnych po wszystkiey Litwie y Białey Rusi rozsianych nowin. Wilno 1621; Obrona verificacyey. Wilno 1621; Elenchus pism uszczypliwych przeciw zakonniki zgromadzenia wilenskiego Sw. Troyce wydanych. Wilno 1622; Theophila Orthologa, Fundamenta na których Lacinnicy jedność Rusi z Rzymem fundują. Ср. Wiszniewski, H. l. p. VIII, 320, 324, 327, 331 сл., 333.

[4]) Apologia perigrinaciey do krajów wschodnich. Lwów 1628; Paraenesis albo napomnienie do przezacnego bractwa wilenskiego cerkwie Sw. Ducha. Krakow 1628; Protestacya przeciwko soborowi w Kijowie obchodzonemu. Lwow 1628; Exaetesis albo expostulatio, to jest rozprawa między Apologią y Antidotum o ostatek błędów, herezyi y kłamstw Zyzaniowych, Philaletowych, Orthologowych y Klerykowych uczyniona. Въ монастырѣ Дерманскомъ 1629 г. Ср. Wiszniewski VIII, 334, 341, 342, 345.

[5]) Morochowski El., Paregoria albo utulenie uszczypliwego Lamentu mniemaney cerkwie S. wschodniey. Wilno 1612. Ср. его же: Żywot Jos. Kuncewicza; Życie S. Ignacego patryarchy Carogrodzkiego Nicety. Zamość 1623.

[6]) Jędrzej Suski, Deklaratia statutów koronnych o rozdawaniu dygnitarstw kościelnych y beneficiy ruskich 1612.

Сымоновичемъ [1]), Рутскимъ [2]), Селявою [3]), Мужиловскимъ [4]), Киселемъ [5]) и др. Въ полемикѣ этой потомъ принялъ участіе и Петръ Могила, издавшій въ 1644 году по-польски „Камень изъ пращи правды" [6]), въ отвѣтъ на Epanorthosis архимандрита Саковича [7]). Митрополитъ Сильвестръ Коссовъ также издалъ нѣсколько сочиненій и на польскомъ языкѣ [8]). Еще болѣе осталось такихъ же русскихъ по духу, но польскихъ по рѣчи сочиненій отъ кіевскихъ проповѣдниковъ: Лазаря Барановича [9]), Іоанникія Голятовскаго [10]) и др. Но даже тѣ сочиненія западноруссовъ

---

[1]) T. Symonowicz, Próba Verificaciey omylney. Zamość 1621.

[2]) Sowita wina, to jest odpis na script, nazwany Verificatia niewinności. Wilno 1621. Ср. еще: Obrona Verificacyey. Wilno 1621; Examen Obrony. Wilno 1621.

[3]) Sielawa Anastazy, Antelenchus czyli odpis na script... Elenchus nazwany. Wilno 1622.

[4]) Mużyłowski A., Antidotum przezacnemu narodowi ruskiemu. 1629.

[5]) Antapologia abo Apologiey, którą do przezacnego narodu ruskiego Mel. Smotrycki napisał, zniesienie, przez Gelazyusza Diplica 1631. Ср. Wiszniewski, H. l. p. VIII, 338.

[6]) Λίθος abo kamień z procy prawdy cerkwie świętey prawosławney ruskiey. Kijów 1644. Вышло тогда же и на русскомъ языкѣ.

[7]) Epanorthosis abo perspectiwa i objaśnienie błędów, herezyi i zabobonów w grekoruskiey cerkwi dyzunickiej. Kraków 1642.

[8]) Exegesis, to jest danie sprawy o szkołach kijowskich i winickich. Kijów 1635. Πατεριχὸν abo żywoty św. ojców pieczarskich. Kijow 1635.

[9]) Żywoty świętych. Kijow 1670; Lutnia Apolinowa. Kijow 1871; Nowa miara starej wiary. Новгородъ-Сѣверскій 1676; Wieniec Bożej Matki. Черниговъ 1680.

[10]) Messiasz prawdziwy. Кіевъ 1672 (по-рус. 1669); Rozmowa Białocerkiewska 1663; Stary kościół zachodni. Новгородъ-Сѣверскій 1678; Łabędź z piórami swemi 1679; Alphabetum rozmaitym heretykom niewiernym. Черниговъ 1681; Alkoran Machometa 1683; Fundamenta na których łacinnicy jedność

XVI-го—XVII-го вв., которые писаны на мѣстномъ діалектѣ, до того переполнены полонизмами, что иной разъ трудно и признать ихъ русскими по языку. Особенно безобразную смѣсь представляетъ лексиконъ этого западнорусскаго діалекта; но не многимъ лучше его фразеологія и синтаксисъ. Такъ напр. въ Четь-Минеѣ 1489 г. находимъ слова: але, авжьды, валька, моцно, обецать, полецать и т. п. [1]); въ „Исторіи о Атыли короли угорскомъ“ XVI-го вѣка: ведле рахунку, стосуется до права и т. п. [2]); въ лѣтописи Быховца (XVI-го в.): валка (bellum), моцъ, реша нѣмецкая, шиховати, гуфы, мша, ратунокъ, розмаиты, панъ коруновань; въ лѣтописи Самовидца (XVII-го в.): заразъ, незличеный, знову зась, заледво, наветъ, посполитое рушення; въ лексиконѣ Лаврентія Зизанія: албо, квѣтъ, пляцъ, мѣшкати (обитать), мовить, кшталтъ, окрутный, змордованый, сукня; въ лексиконѣ Памвы Берынды (1627): гдыбы, але, охендозство, колнѣръ, ланцушокъ, речь (вещь), зрада (измѣна), рихло (скоро), тръваеть; въ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго (предисловіе): пожитокъ, досвѣдченье, пилность, абовѣмъ, ведлугъ, звыклы, безъ вонтпенья, подъ караньемъ захованья; въ Библіи Фр. Скорины (1519 г.): моцъ его, праца, власный, збройный, нагле, лѣпшій, слюбилъ; въ Евангеліи Пересопницкомъ (1556—61 г.): мовили для лепшого вырозуменя, прото ижь, буди хвала Богу на высокостяхъ, побудую, мѣсце мучимое; въ Тріодіонѣ Петра Могилы (посвященіе): клейнотъ, ясневельможный, завше вспанялый, ростропный, жродло вшелякой побожности; въ сочиненіяхъ Іоанникія Голятовскаго: мовитъ, часомъ (иногда), чловѣкъ, жебракъ, кроль, ялмужна, гды, обѣцати, тлумачити, хиба тылко, розмаитыи цноты, шукай, пожегнанье, освіецоный, зась [3]) и т. п.

Rusi z Rzymem fundują 1683; Sophia, mądrość zbudowała sobie dom, 1686. Ср. Первольфъ, въ Osvěta 1881 г., 890 сл.

[1]) Рус. Фил. Вѣстн. 1881 г. N 3; 1889 г. N 1.

[2]) Archiv Ягича IX, 353.

[3]) Ср. Огоновскій, Христоматія старорусска. Львовъ 1886 г.

Даже въ западнорусскихъ грамотахъ XVI-го—XVII-го в. насъ поражаетъ крайнее обиліе полонизмовъ. Такъ въ Острожской грамотѣ 1588 г. мы встрѣчаемъ формы: ускаржаючися, шкодуетъ, хлопа на кгрунтѣ мѣшкаючого, слушнѣ помѣрковали, кгрунтъ властный; въ Гродненской же 1585 г.: варунки, будовала, кгрунтъ, фундовалъ, продковъ, въобецъ, въ моцы трвало, зъ упреймымъ умысломъ и т. п. Относительное однообразіе этихъ варваризмовъ во всѣхъ западнорусскихъ актахъ XVI-го—XVII-го в. литовскаго, червонорусскаго, украинскаго происхожденія, указываетъ на существованіе извѣстнаго рода нормъ этого дѣлового западнорусскаго стиля. Нормы эти, очевидно, закрѣплены уже были временемъ и имѣли опору въ живомъ употребленіи,—по крайней мѣрѣ въ канцелярскомъ, если не въ общественномъ. Дѣйствительно, по грамотамъ можно прослѣдить постепенное развитіе этого смѣшаннаго языка и стиля уже съ XIV-го в. Такъ въ договорной грамотѣ литовско-русскихъ князей съ польскимъ королемъ Казимиромъ Великимъ 1349 г. читаемъ: велкого, слюбуемъ, тый листъ; въ Галицкой грамотѣ 1351 г.: кроля, вшитци вжитковe, полѣпшенье, поспольною рукою; въ Перемышльской 1359 г.: дѣдицтво, панъны; въ Подольской 1375 г.: въ матцѣ божьи, мнихъ казателевого закону, але; въ грамотѣ Ягайлы 1387 г.: чинимъ славно и знаемо и давамъ вѣдомо, обѣчаемъ и слюбуемъ; даже въ Молдавской 1451 года: подлугъ еднаніе и т. п. Таковъ же языкъ Литовскаго статута, гдѣ встрѣчаемъ формы: кгвалтъ, персона, посагъ (приданое), тестаментъ, ховать, посполитый, съ паны-радами, шлюбуемъ и обѣцуемъ, зуполный, пильность, опатровати и т. п. [1]). Это указываетъ на смѣшанность и западнорусскаго разговорнаго языка того времени, особенно въ образованныхъ сословіяхъ [2]).

[1]) Ср. Смирновъ, Историческая христоматія русскаго языка; Огоновскій, Христоматія старорусска; Срезневскій, Приложеніе къ повременному обозрѣнію памятниковъ русскаго письма и языка.

[2]) Ср. Житецкаго, Очеркъ литературной исторіи мало-

Казалось бы, что при такомъ господствѣ польскаго языка — то въ чистомъ видѣ, то въ смѣшеніи съ русскимъ — не только въ высшей, научной литературѣ литовскихъ и русскихъ областей, но и въ низшемъ, дѣловомъ стилѣ ихъ законовъ, грамотъ, судовъ, управленія, западнорусскій литературный и общественный языкъ долженъ былъ въ скоромъ времени слиться съ польскимъ, удвоивъ и утроивъ его силы своимъ многоводнымъ притокомъ. Но этого не случилось ни въ XVII-мъ, ни въ XVIII-мъ в., — конечно не случится ужъ и въ XX-мъ!

Польскій языкъ не только не могъ удержать того международнаго положенія, какое онъ занималъ въ концѣ XVI-го и началѣ XVII-го в. на пространствѣ до 60.000 кв. м. [1]), отъ сѣверныхъ Гафовъ до южныхъ Лимановъ и отъ Одры до Днѣпра, но съ теченіемъ времени принужденъ былъ и въ своей собственной діалектической области ниспасть до положенія второстепеннаго подъязыка.

Ниспаденіе это совершалось одновременно съ государственнымъ разложеніемъ Рѣчипосполитой, которое обнаружилось уже въ половинѣ XVII-го и завершилось раздѣлами въ концѣ XVIII-го в. Самые тяжелые удары были ей нанесены не турками и шведами, даже не Москвой и Пруссіей, а казаками и другими диссидентами, заодно съ подавленнымъ польскимъ хлопствомъ. Отпаденіе Украйны, потомъ Руси Бѣлой, Малой и части Червонной, постепенно поколебало государственное значеніе польскаго языка въ областяхъ русскихъ и отвело въ другое, болѣе естественное и родное ложе діалекты послѣднихъ. Въ 1612 г. польскій языкъ едва не утвердился въ Москвѣ, а лѣтъ двѣсти спустя онъ долженъ былъ признать гегемонію русскаго въ самой Варшавѣ.

Правда, въ средѣ шляхетскаго, отчасти и мѣщанскаго населенія Бѣлороссіи и Малороссіи и по паденіи польска-

---

русскаго нарѣчія въ XVII в. Кіевъ 1889 г. Но авторъ преуменьшаетъ количество полонизмовъ въ этомъ языкѣ.

[1]) Ср. Lelewel, Polska, dzieje i rzeczy.

го государства еще долго держалась, кое-гдѣ и донынѣ держится польская разговорная, отчасти и книжная рѣчь; правда, что изъ этого литовско-русскаго круга польская литература почерпнула съ XVIII-го в., да и теперь еще черпаетъ много писательскихъ силъ [1]); но все это пред-

---

[1]) Вотъ краткій перечень такихъ польскихъ писателей прошлаго и нынѣшняго вѣка, расположенный по мѣсту ихъ происхожденія:

I. Литвины: Эд. Одынецъ, род. въ Виленск. губ. 1804 г.; Влад. Анчицъ, род. въ Вильнѣ 1824 г.; Игн. Ходзько, въ Виленск. губ. 1794 г.; Юл. Клячко, въ Вильнѣ 1825; Ад. Іохеръ, въ Виленск. губ. 1791.

II. Бѣлоруссы: Ад. Нарушевичъ, Пинскаго уѣзда? 1733; Діонис. Князьнинъ, въ Витебскѣ 1750; Адамъ Мицкевичъ, въ Минск. губ. 1798; Люд. Кондратовичъ, Минск. губ. 1822; Ел. Оржешкова, въ Гродн. губ.; Іосифъ Ярошевичъ, въ Гродн. губ. 1793; Влад. Спасовичъ, въ Минскѣ 1829 г.; Ѳад. Корзонъ, въ Минскѣ 1839; Ал. Ходзько, въ Минск. губ. 1804.

III. Подляшане: Ѳома Венгерскій, въ Сѣдлецк. губ. 1755; Люд. Осинскій, въ Сѣдлецк. губ. 1775; Францъ Венжикъ, въ Сѣдлецк. губ. 1785; Юл. Бартошевичъ, въ Сѣдлец. губ. 1821.

IV. Полѣшуки: Юл. Нѣмцевичъ, въ Брестск. уѣздѣ 1757; Игн. Даниловичъ, въ Полѣсьѣ 1779.

V. Волыняне: Фр. Заблоцкій, въ Волынск. губ. 1754; Алоисій Фелинскій, въ Луцкѣ 1771; Пав. Янъ Вороничъ, въ Волынск. губ. 1757; Юлій Словацкій, въ Кременцѣ 1809; Генрихъ Ржевускій, въ Славутѣ 1791; Ѳад. Чацкій, въ Волынск. губ. 1765; Ан. Наленчъ Корженёвскій, въ Волынск. губ. 1821.

VI. Украинцы: Богданъ Залѣскій, въ Кіевск. губ 1803; Северинъ Гощинскій, въ Кіевск. губ. 1803; Алек. Гроза, въ Кіевск. губ. 1807; Михаилъ Грабовскій, на Украйнѣ 1805; Михаилъ Чайковскій, тоже 1808; Францъ Духинскій, тоже; Карлъ Сенкевичъ, въ Кіевск. губ. 1792.

VII. Подоляне: Маврикій Гославскій, въ Подольск. губ. 1802; Сиг. Милковскій (Ѳ. Ѳ. Ежъ), въ Подольск. губ. ок. 1820; Алекс. Пржездзецкій, тоже 1814.

VIII Галичане (восточные): Игн. Красицкій, въ Перемышльск. обл. 1735; Францъ Карпинскій, въ Станиславовск. 1741; Алекс. Фредро, въ Ярославовск. 1793; Іосифъ Корженёвскій, въ Бродахъ 1797; Тимонъ Заборовскій, надъ Збручемъ 1799; Авг. Ѳ. Олизаровскій, въ Ряшевск. 1811; Корнелій Уей-

ставляется наблюдателю скорѣе слѣдствіемъ размаха, даннаго польскому языку на Руси въ ягайловскій періодъ, благодаря политической уніи ея съ Литвою и западной Русью, чѣмъ свидѣтельствомъ о приливѣ новыхъ силъ, новыхъ образовательныхъ токовъ изъ среды польской въ русскую.

Подъемъ польской общественной и литературной жизни съ конца XVIII-го и блестящее развитіе польской поэзіи въ первой половинѣ XIX-го в., преимущественно въ школахъ литовской (Мицкевича, Кондратовича), украинской (Залѣскаго, Гощинскаго, Грабовскаго) и галицкой (Бѣлёвскаго, Семенскаго, Уейскаго), служатъ конечно отраднымъ признакомъ живучести польскаго языка и польской мысли, которая освободилась наконецъ въ вѣкъ раздѣловъ отъ іезуитской ферулы и гнета Сигизмундовскихъ преданій. Но съ другой стороны самая локализація этихъ школъ въ Литвѣ и Украйнѣ указываетъ какъ-бы на оску-

---

скій 1823; Мечиславъ Романовскій, въ Коломыйск. 1834; Карлъ Шайноха, въ восточной Галиціи 1818; Алекс. Янъ Фредро (сынъ), во Львовѣ 1829; Янъ Захарьясевичъ, въ Радимнѣ 1825; Янъ Ламъ, въ Станиславовѣ; Маврикій Дѣдушицкій, въ Самборской обл. 1813; Алекс. Стадницкій, въ Ясельской обл. 1806; Михаилъ Вишневскій, въ Фирлеевѣ 1794; Леславъ Лукашевичъ, въ Бучачской обл; Маврикій Мохнацкій, въ Жолковск. обл. 1803; Станиславъ Тарновскій, въ Диковѣ 1837; Іос. Дунинъ Борковскій, въ Покутьѣ 1809; Авг. Бѣлёвскій, тоже 1806. Ср. Sowiński, Rys dziejów literatury polskiej. Wilno 1874—75. I—V тт. Не всѣ, конечно, эти писатели коренного русскаго происхожденія. Многіе могли быть дѣтьми польскихъ колонистовъ, чиновниковъ, воиновъ, мѣщанъ въ Литвѣ и Руси. Но все же они хоть въ дѣтствѣ дышали русскимъ воздухомъ, слышали русскія народныя пѣсни, народныя преданія и сказки, и такимъ образомъ пріобщились до извѣстной степени русскому народному духу. Условно мы можемъ слѣдовательно и ихъ причислить къ тому смѣшанному этнологическому и историческому типу, который теперь называютъ: gente ruthenus, natione polonus. Въ этомъ смыслѣ и польскіе историки говорятъ о литовской, украинской, галицкой и проч. школахъ польской литературы.

дѣніе духовной производительности центровъ полонизма. Мы видѣли впрочемъ, что и въ Сигизмундовскій періодъ онъ обязанъ многими славными именами и подвигами все той же Литвѣ и Руси. Не въ этомъ ли историческомъ явленіи заключается объясненіе того непреклоннаго упорства, съ которымъ и нынѣшнее поколѣніе поляковъ отстаиваетъ принадлежность Вильна къ Варшавѣ, а Львова и Кіева къ Кракову, вопреки всѣмъ этнологическимъ, политическимъ и вѣроисповѣднымъ очевидностямъ, давно оправданнымъ и наукою, и жизнію?

Въ самомъ дѣлѣ, если въ старое время, когда вся историческая обстановка болѣе благопріятствовала культурному преуспѣянію Польши, чѣмъ Литвы или Руси, первая не могла занять сколько-нибудь независимаго положенія въ системѣ европейскихъ государствъ, церквей, народностей до соединенія съ послѣдними; если только въ уніи съ ними могла Польша получить то великодержавное положеніе, какое принадлежало ей въ XV-мъ—XVII-мъ вв.; если самое развитіе польскаго языка могло совершиться лишь во взаимодѣйствіи съ болѣе старыми письменными языками, чешскимъ на западѣ, а ц.-славянскимъ и отчасти русскимъ на востокѣ; если наконецъ и литературная производительность Польши достигла высокаго значенія лишь благодаря участію въ польской литературѣ областей литовскихъ и русскихъ,—то нѣтъ никакихъ основаній и въ будущемъ ожидать успѣшности развитія польской народности и языка внѣ политическихъ, общественныхъ и литературныхъ связей съ Литвою и Русью. Если же связи эти, по измѣнившимся условіямъ времени, принимаютъ нѣсколько иной характеръ, выражаясь въ болѣе активномъ взаимодѣйствіи не польскаго запада, какъ бывало прежде, а русскаго востока [1]), то это неизбѣжное и законное

[1]) Уже и теперь въ составѣ польскаго языка можно указать не мало руссизмовъ, въ родѣ напр.: czereda, czerep, czereśnia, czeremcha, oczeret (Arch. VII, 535); dziedziniec (изъ дѣтинецъ? Arch. X, 271); druh, rozhowor, poruczyć (Arch. III, 388) и т. п.

слѣдствіе нынѣшняго отношенія ихъ физическихъ и нравственныхъ силъ. Отношеніе это могло бы быть измѣнено развѣ новыми подвигами польской мысли, но никакъ не ссылками на историческія права и не протестами противъ совершившихся фактовъ.

Какъ бы то ни было, историкъ польскаго литературнаго языка не можетъ отрицать, что послѣдній совершилъ блестящій и почти законченный оборотъ внутренняго и внѣшняго развитія. Послѣ продолжительнаго подавленія языками инородными, особенно латинскимъ и нѣмецкимъ, онъ успѣлъ наконецъ освободиться отъ нихъ, завоевалъ себѣ подобающее положеніе во внутреннемъ управленіи, законодательствѣ, литературѣ, подчинилъ прежнихъ соперниковъ въ Пруссахъ, Литвѣ, Руси, и на два на три вѣка занялъ въ ихъ средѣ роль общаго государственнаго и литературнаго органа. Лишь въ богослуженіи католической церкви осталась латынь. Изъ этой твердыни она успѣла въ XVII—XVIII-мъ вѣкахъ отвоевать часть потерянныхъ было въ XVI-мъ в. позицій и вновь обвила народную рѣчь упругими кольцами своей искусственной фразеологіи и синтаксиса, стѣснивъ свободу ея движеній и ослабивъ взаимодѣйствіе языка книжнаго съ говорами.

Съ половины XVII-го в. польскій языкъ по намѣченнымъ выше причинамъ начинаетъ терять одну за другою инонарѣчныя области, такъ что къ настоящему времени осталась всего одна такая область, именно восточная Галичина, гдѣ польскій языкъ все еще выступаетъ въ роли общаго русскопольскаго высшаго языка. Но это можетъ служить для него лишь слабымъ удовлетвореніемъ за потерю не только литовскихъ и западнорусскихъ, но и кровнопольскихъ областей, въ Познани, Пруссахъ, Слезіи, гдѣ польская рѣчь низведена теперь къ роли діалекта, подчиненнаго нѣмецкому языку. До нѣкоторой степени замѣчается это и въ русской Польшѣ. Но, по счастію, утрачиваемая польскимъ языкомъ гегемонія переходитъ тутъ не къ чуждому нѣмецкому языку, а къ родственному русскому.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Выступленіе русскаго языка въ роли общаго на славянскомъ востокѣ.

Послѣднимъ по времени выраженіемъ центростремительныхъ движеній въ средѣ славянства является языкъ русскій. Четыре другіе соискателя, т. е. языки ц.-славянскій, сербскій, чешскій и польскій, уже давно совершили полный оборотъ своего развитія въ роли общихъ de facto или in spe языковъ то всего Славянства, то нѣсколькихъ его группъ. Они давно уже прошли зенитъ своего историческаго дня, соотвѣтствовавшій для языка ц.-славянскаго эпохѣ царя Симеона болгарскаго, для сербскаго—времени Стефана Душана, для чешскаго — вѣку Гуса, Рокитаны, Подѣбрада, для польскаго же—вѣку Сигизмундовъ. Между тѣмъ языкъ русскій лишь со временъ Петра Великаго и Ломоносова выступаетъ какъ самостоятельный дѣятель русской образованности, и постепенно вырабатывается въ самодовлѣющій органъ государственной, общественной, литературной, отчасти и религіозной жизни славянскаго востока. Съ прошлаго лишь вѣка начинается медленный разливъ нашего языка на области родственныхъ племенъ южнаго, а потомъ и западнаго славянства. Но о конечныхъ предѣлахъ этого разлива еще и теперь можно лишь гадать, а не говорить какъ о наличномъ и законченномъ фактѣ. Эта медленность развитія русскаго языка живо напоминаетъ намъ сказанія о карачаровскомъ крестьянинѣ

Ильѣ Муромцѣ, который тридцать лѣтъ „сидѣлъ сиднемъ“, пока не напоили его „питьицемъ медвянымъ“ „калики перехожіе“ и пока задыхавшійся въ гробѣ „старшій братецъ“ Святогоръ-богатырь не дохнулъ на „меньшого братца“ изъ маленькой щелочки своимъ „богатырскимъ духомъ“. Зато и суждено потомъ Ильѣ быть такимъ богатыремъ, которому „смерть на бою не писана!“

По условіямъ внѣшней и внутренней жизни тысячелѣтнее почти уже развитіе русскаго образованнаго языка распадается на три періода: 1) древнерусскій отъ X до конца XIV-го вѣка, 2) среднерусскій въ XV—XVII-го вв., и 3) новорусскій съ XVIII-го в. Въ первый изъ этихъ періодовъ русскій языкъ развивался на почвѣ сначала дробныхъ племенъ, а потомъ мелкихъ княжествъ и народоправствъ, соединенныхъ довольно слабыми федеративными связями, безъ постояннаго и общаго средоточія, которое могло бы объединить и племена, и соотвѣтственные діалекты. Во второй періодъ устанавливается дуализмъ Руси восточной и западной, московской и польско-литовской, который отражается на раздвоеніи великорусскаго и малорусскаго нарѣчій и на образованіи двухъ соотвѣтственныхъ діалектовъ, получающихъ къ концу періода условную правильность и выдержанность. Въ третій наконецъ періодъ происходитъ начатое въ концѣ второго объединеніе Руси западной съ восточною (за изъятіемъ небольшой червонорусской области въ Галичинѣ, Буковинѣ и Угріи), сопровождаемое сліяніемъ двухъ язычныхъ потоковъ въ одно русло, языкъ общерусскій. Собственною областью письменнаго употребленія русскаго языка въ первый періодъ была сфера государственная, юридическая, ибо въ церковной и въ высшей литературной господствовалъ тогда языкъ ц.-славянскій, со славяно-русскимъ его видоизмѣненіемъ, утвердившимся въ письменности исторической и беллетристической. Нѣсколько шире былъ кругъ распространенія обоихъ русскихъ діалектовъ и уже область языка ц.-славянскаго въ періодъ средній, когда и славянорусскій языкъ все болѣе сближается съ дѣловымъ, пропитывая послѣд-

ній терминами и оборотами традиціоннаго характера. Наконецъ, въ періодъ попетровскій языкъ дѣловой постепенно сливается со славянорусскимъ, захватывая съ тѣмъ вмѣстѣ всѣ области не только государственной и общественной, но и литературной жизни, такъ что ц.-славянскій введенъ наконецъ въ рамки исключительно литургическаго употребленія.

Внутренній строй русскаго языка въ первый періодъ представляетъ еще много архаическаго, особенно въ системѣ склоненій. Въ періодъ средній, вмѣстѣ съ установленіемъ нарѣчій великорусскаго и малорусскаго, утверждается нѣсколько иной звуковой и формальный строй языка, по дѣйствію какъ внутреннихъ аналогій, такъ и иноязычныхъ вліяній, особенно польскаго на западѣ. Съ XVIII го же вѣка вырабатывается тотъ сложный по діалектическимъ и историческимъ наслоеніямъ типъ Ломоносовскаго языка, который въ переработкѣ Карамзина, Крылова, Пушкина господствуетъ и въ настоящее время.

Уже изъ этой общей схемы періодовъ и формъ русскаго языка можно видѣть, что онъ представляетъ нѣчто существенно отличное отъ всѣхъ своихъ предшественниковъ въ общеславянской язычной сферѣ. Различіе это станетъ еще яснѣе, если мы возникнемъ нѣсколько ближе въ историко-діалектическія условія возникновенія, развитія и распространенія нашего языка въ доступное наблюденію тысячелѣтіе, на возростающемъ просторѣ русской жизни и мысли.

Разсматривая ростъ языка какъ теченіе рѣки, имѣющей свои подземные ключи и наружные притоки, въ бóльшей или меньшей мѣрѣ питаемой дождями, представляющей то бóльшую, то меньшую покатость ложа, количество водъ и силу разливовъ, мы можемъ и въ отношеніи къ русскому языку задаться вопросами: насколько тѣсны и живучи были его связи съ говорами? насколько разнородны вошедшія въ него діалектическія и культурныя стихіи? замѣтна ли непрерывность развитія и однородность основъ? великъ ли достигнутый имъ нынѣ историческій размахъ?

Отвѣтивъ на эти вопросы, мы тѣмъ самымъ намѣтимъ уже въ общихъ чертахъ и положеніе русскаго языка въ средѣ инославянскихъ, особенно тѣхъ, которые выступали въ роли языковъ общихъ.

Если начинать, какъ и слѣдуетъ, исторію русскаго письменнаго языка не съ ц.-славянскихъ текстовъ, въ родѣ Остромирова евангелія и Сборниковъ 1073 и 1076 года, а съ договоровъ Олега, Игоря, Святослава съ греками, то передъ нами открываются столь живые и чистые ключи древнерусскаго дѣлового языка, что въ сравненіи съ ними очень мутными источниками покажутся намъ: Hospodine pomiluj ny для языка чешскаго, Bogarodzica для польскаго, и даже грамоты Немани для сербскаго. Такое же впечатлѣніе журчащей ключевой воды производитъ рѣчь и послѣдующихъ нашихъ грамотъ, правдъ, актовъ древняго періода, по языку которыхъ мы можемъ съ достаточной вѣроятностью опредѣлять ихъ принадлежность къ говорамъ то древнихъ словенъ, то кривичей, дряговичей, вятичей, сѣверянъ, полянъ, дулѣбовъ, хорватовъ и др. [1]).

Слабѣе связи съ говорами, наблюдаемыя въ русскихъ діалектахъ средняго періода. Съ усиленіемъ государственныхъ центровъ Руси московской и польско-литовской, въ нихъ выработываются болѣе искусственные типы дѣлового стиля, напоминающіе „канцелярскіе“ языки Германіи XV—XVI-го вѣковъ, изъ коихъ развился въ Лютеровой переработкѣ нынѣшній „нововерхненѣмецкій“. Особенно значительно было разстояніе, отдѣлявшее макароническую рѣчь бѣлорусскихъ, украинскихъ и червонорусскихъ актовъ XV—XVII-го вв. или Литовскаго статута, отъ просторѣчій то-

---

[1]) Соболевскій, Лекціи по исторіи русскаго языка. СПб. [2] 1891 г., стр. 36—40. Авторъ пользуется въ своихъ изысканіяхъ по древнерусской діалектологіи и славянорусскими сочиненіями, даже ц.-славянскими текстами русской редакціи. Но послѣдніе отражаютъ живые русскіе говоры лишь въ области звуковой, рѣже морфологической и почти никогда въ синтактической и лексикальной.

гдашней Литвы, Украйны, Галича. Однако сравненіе языка этихъ актовъ или даже Скорининой и Пересопницкой библій, литовскихъ и украинскихъ лѣтописей, Лаврентія Зизанія и Мелетія Смотрицкаго, Петра Могилы и Лазаря Барановича, съ языкомъ украинскихъ народныхъ думъ того времени доказываетъ, что были уже тогда и въ народныхъ говорахъ западной Руси полонизмы, если не оправдывающіе, то хоть объясняющіе безобразную смѣшанность ея дѣлового и литературнаго языка.

И въ московской Руси средняго періода языкъ дѣловой, а тѣмъ болѣе книжный отстоитъ отъ говоровъ значительно дальше, чѣмъ въ періодъ древній. Но это разстояніе не было здѣсь столь велико, какъ въ Литвѣ или Малороссіи. Оно не прерывало токовъ снизу вверхъ, отъ корней языческаго древа по его стволу къ вершинѣ. Не только въ уставныхъ, судныхъ, губныхъ, жалованныхъ и др. грамотахъ царскаго періода, не только въ записныхъ книгахъ приказовъ, статейныхъ спискахъ, судебникахъ (1497 и 1550 гг.), въ уложеніи (1648 г.), но даже въ письмахъ царей, іерарховъ, бояръ, въ лѣтописныхъ сводахъ и сказаніяхъ, въ сочиненіяхъ многихъ писателей этого періода мы находимъ въ словахъ и оборотахъ столько свѣжести и сочности, образности и лаконизма, что не остается мѣста для сомнѣній въ живомъ взаимодѣйствіи тогдашняго діалекта съ просторѣчіями московской Руси.

Взаимодѣйствіе это не прекращалось и въ попетровскій періодъ. Оно замѣтно въ Ломоносовѣ, особенно въ прозаическихъ сочиненіяхъ его по естествовѣдѣнію и географіи, отчасти и въ нормахъ его Грамматики, въ которой Сумароковъ не безъ основанія усматривалъ провинціализмы поморскаго происхожденія. И Карамзинскій языкъ представляетъ сознательную попытку приблизиться къ неразрѣшимой впрочемъ задачѣ „писать какъ говорятъ". Еще народнѣе рѣчь Крылова, Грибоѣдова, Кольцова, особенно же Пушкина, который считалъ Арину Тимофеевну какъ бы музой своего дѣтства, а рѣчь московскихъ просвиренъ—очень близкою къ нормамъ русскаго аттицизма.

И въ новѣйшій періодъ нашей литературы также можно указать, въ сочиненіяхъ напр. Сергѣя Аксакова, Тургенева, Марка Вовчка, Мельникова, Толстого, не мало произведеній и отрывковъ, рисующихъ народную жизнь въ живыхъ краскахъ просторѣчій.

Сравнивая въ этомъ отношеніи русскій языкъ съ главными инославянскими, мы находимъ, что одинъ сербскій можетъ соперничать съ нашимъ по тѣснотѣ связей съ говорами какъ въ древнее, такъ и въ новое время. Древнесербскія грамоты и Законникъ Душана не уступаютъ нашимъ соотвѣтственной эпохи по народности рѣчи. Этнографическіе же очерки Вука Караджича и его переводъ Новаго Завѣта, быть можетъ, превосходятъ въ этомъ отношеніи даже народные разсказы гр. Л. Толстого, а тѣмъ болѣе— синодальный текстъ русской Библіи. Но эта живая струя сербской дѣловой и литературной рѣчи была, какъ въ нашемъ западнорусскомъ діалектѣ, значительно ослаблена въ западной, далматинско-хорватской полосѣ. Языкъ сплѣтскихъ, хварскихъ, дубровницкихъ поэтовъ XV — XVII-го в. представляетъ уже нѣчто искусственное, развившееся не въ селеніяхъ, а въ городахъ, въ средѣ буржоазно-интеллигентной, подъ сильнымъ вліяніемъ латыни и итальянскаго языка, особенно во фразеологіи и синтаксисѣ. То же видимъ въ языкѣ хорватскихъ кайкавцевъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что вмѣсто итальянскаго тутъ дѣйствовалъ аналогическимъ образомъ языкъ нѣмецкій. Правда, съ принятіемъ въ Загребѣ, Задрѣ, Дубровникѣ Вуковой штокавщины и западная часть племени тѣснѣе пріобщилась къ тому изъ живыхъ сербскихъ говоровъ (именно герцеговинскому), который легъ въ основу Вукова языка. Но это не могло сразу освободить далматинца, кварнерца, посавца отъ старыхъ литературныхъ преданій, отъ осадковъ латинскаго, итальянскаго, нѣмецкаго языковъ. Это и теперь еще замѣчается знатоками въ сербско-загребскомъ стилѣ, при сравненіи съ болѣе самобытнымъ и народнымъ стилемъ сербско-бѣлградскимъ.

Гораздо слабѣе были связи чешскаго и польскаго языковъ

съ ихъ областными просторѣчіями. Оба эти языка развивались въ обществѣ феодальномъ, не имѣвшемъ той культурной однородности и той сплоченности, какими отличались встарь общества русское или сербское. При разрозненности высшаго, средняго и низшаго сословій, которая пересажена въ Чехію и Польшу изъ Нѣмечины, при полной подавленности въ нихъ хлопства, рѣчь послѣдняго не представлялась достойною подражанія для олатыненнаго клира, онѣмеченныхъ горожанъ, спесивыхъ шляхтичей, пановъ, чиновниковъ. Какъ вся литература и образованность, такъ и языкъ обѣихъ этихъ странъ имѣлъ слѣдовательно характеръ болѣе сословный, шляхетскій, что одно уже отрѣзывало его отъ народа и живыхъ говоровъ. Этотъ заколдованный кругъ былъ, правда, разбитъ въ Чехіи XIV—XV-го вѣковъ дѣятельностью Штитнаго, Гуса, Прокопа, Хельчицкаго. Но съ XVI-го вѣка чешская литература вновь принимаетъ сословный характеръ, отъ котораго она постепенно отрѣшилась лишь въ періодъ славянскаго возрожденія.

Въ Польшѣ не было гуситскаго періода, не было и настоящаго славизма, основаннаго на идеѣ народности, во всѣхъ ея проявленіяхъ, между прочимъ и въ области языка. Потому-то польскій языкъ донынѣ черпалъ болѣе изъ латыни, нѣмецкаго, итальянскаго, французскаго и другихъ инородныхъ и чужеземныхъ языковъ, чѣмъ изъ ключей собственной народности. Исключеніе составляютъ лишь литовская да украинская поэтическія школы, съ Мицкевичемъ и Залѣсскимъ во главѣ. Но тутъ мы стоимъ уже на почвѣ русской народности, духъ которой могъ отразиться и на языкѣ, какъ отразился на содержаніи и формѣ произведеній этихъ школъ.

Что касается языка ц.-славянскаго, то въ періодъ его возникновенія мы должны предполагать тѣсную связь его съ говорами той мѣстности, гдѣ онъ зародился. Но съ X-го в. языкъ этотъ отрывается отъ родной почвы и продолжаетъ затѣмъ болѣе чѣмъ девятивѣковое историческое развитіе на полѣ чужихъ — хотя и родственныхъ по пле-

мени — нарѣчій. Неполное ихъ соотвѣтствіе первоначальному звуковому и морфологическому типу ц.-славянскаго языка отразилось вреднымъ образомъ на строѣ послѣдняго, внеся въ него искусственность и прозаичность, обусловленную впрочемъ и тѣмъ, что на ц.-славянскомъ языкѣ не писалъ собственно ни одинъ настоящій художникъ.

Но притоки просторѣчій не были единственной пищей нашего образованнаго языка. Одновременно съ этой почвенной влагой обильно осаждались на русскій дѣловой діалектъ, а еще болѣе на высшій, книжный славянорусскій стиль, и облачные такъ сказать пары ц.-славянскаго языка, который съ IX-го в. носится надъ русской землей, какъ тѣ „думы божіи", изъ коихъ нисходитъ на землю „дробенъ дождикъ", по откровенію „премудраго царя Давыда Ессеевича". Выше мы видѣли, какую важную роль въ развитіи и распространеніи ц.-славянскаго языка играли рукописи русской его редакціи. Редакція эта въ сущности обезпечила самое существованіе ц.-славянскаго языка въ третій періодъ его жизни. Но не менѣе важны и обратные вклады ц.-славянскаго языка въ сокровищницу языка русскаго. Подъ ц.-славянскимъ вліяніемъ развилъ нашъ языкъ свои грамматическія и лексикальныя средства, выработалъ богатую терминологію, способность къ ипотактическому строю предложеній, навыкъ и къ періодической рѣчи, притомъ не тяжелаго латинскаго, а изящнаго греческаго типа, — словомъ, превратился изъ дичка въ культурное растеніе, съ мощнымъ и высокимъ стволомъ.

Напрасно было бы доказывать это вліяніе для древняго и средняго періодовъ нашего языка, такъ какъ это фактъ очевидный и общеизвѣстный. Напомнимъ лишь, что тогда существовалъ особый и притомъ самый главный отдѣлъ литературы, въ сочиненіяхъ напр. лѣтописныхъ, сказаніяхъ, повѣстяхъ, хожденіяхъ и т. п., гдѣ русская рѣчь до того пропитана ц.-славизмами, что нерѣдко возникаетъ сомнѣніе, считать ли ее высшимъ стилемъ русской рѣчи, или низшимъ стилемъ рѣчи ц.-славянской. Въ языкѣ этомъ, которому присвоено не вполнѣ точное наименованіе славянорус-

скаго, церковнославянизмы испещряютъ рѣчь не только въ области лексикальной, но и въ чисто-грамматической, что вообще случается рѣже и труднѣе при взаимодѣйствіи языковъ. Даже англійскій языкъ, перенявшій отъ французскаго чуть не половину словъ, все таки не заимствовалъ отъ него ни одной этимологической формы. Между тѣмъ въ нашихъ древнерусскихъ и среднерусскихъ лѣтописяхъ и повѣстяхъ мы поминутно натыкаемся на такія формы, какъ род. ед. прилагательныхъ на *аго*, *ыя* (вм. *ого*, *ѣ* или *ой*), или, что еще замѣчательнѣе, на систему имперфектовъ и аористовъ (носяхъ, носихъ), которыхъ, судя по языку грамотъ, не было въ русскомъ языкѣ уже въ XII-мъ вѣкѣ, а быть можетъ и раньше.

Съ Ломоносова роль ц.-славянскаго языка была значительно ограничена у насъ, но во все не устранена. Это видно какъ изъ разсужденія его „О пользѣ книгъ церковныхъ“, такъ изъ нормъ Грамматики, а равно изъ языка одъ, рѣчей, отчасти и научныхъ сочиненій „отца новорусскаго литературнаго языка“. Споръ Шишкова съ Карамзинистами, который кончился повидимому не въ пользу нашего церковнаго языка, на дѣлѣ не измѣнилъ существенно его роли въ русскомъ стилѣ. И Пушкинъ въ торжественномъ слогѣ нерѣдко прибѣгалъ къ ц.-славянизмамъ [1]), напоминая въ этомъ Эсхила и Софокла, которые въ хоры аттической драмы вносили не малую дозу доризмовъ. И это нисколько не противорѣчитъ названію Пушкина писателемъ народнаго направленія, ибо и въ нашихъ просторѣчіяхъ ц.-славянизмы вовсе не рѣдкость. Особенно обильны они въ народныхъ духовныхъ стихахъ и въ языкѣ нашихъ расколоучителей, которые вѣдь всего вѣрнѣе отражаютъ народный взглядъ на характеръ русскаго высшаго стиля.

---

[1]) Ср. напр. его Пророкъ:
Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И проходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей.

Сверхъ церковнославянскаго дѣйствовали на образованный нашъ языкъ и другіе культурные языки: греческій и латинскій, польскій и чешскій, нѣмецкій и французскій, даже скандинавскій и голландскій. Но ихъ вліяніе было весьма слабо въ сравненіи съ церковнославянскимъ. Оно выражалось въ заимствованіи то бо́льшаго, то меньшаго числа словъ культурнаго значенія, но не распространялось на систему звуковъ и формъ, лишь изрѣдка отражаясь на фразеологіи и синтаксисѣ. При томъ же вліяніе это было преходящимъ явленіемъ. Оно дѣйствовало болѣе внѣшнимъ, механическимъ, чѣмъ внутреннимъ, органическимъ образомъ. Лишь польскій языкъ произвелъ глубокое внутренное воздѣйствіе на западнорусскій діалектъ XVI—XVII-го в. Но и это вліяніе не оказалось особенно долговѣчнымъ, отражаясь до настоящаго времени лишь въ діалектической подлитературѣ Малой и особенно Червонной Руси. Русскимъ писателямъ настоящаго времени не стоило бы большого труда очистить свой лексиконъ отъ подобныхъ варваризмовъ, особенно тѣхъ, которые не успѣли войти въ народное употребленіе и имѣютъ для себя чисто-русскіе синонимы. Это очищеніе и ведется уже понемногу, по мѣрѣ роста нашего народнаго самосознанія.

Сравнивая количество и качество культурныхъ воздѣйствій на русскій языкъ съ аналогическими особенностями ц.-славянскаго, сербскаго, чешскаго и польскаго языковъ, мы замѣчаемъ довольно существенное различіе. Языкъ ц.-славянскій развился на переводахъ съ греческаго, который и наложилъ на него неизгладимую печать. Правда, самостоятельный, истинно философскій взглядъ основоположниковъ ц.-славянскаго языка на мѣру и форму его зависимости отъ греческаго самымъ благодѣтельнымъ образомъ отразился на его первоначальномъ составѣ и дальнѣйшемъ развитіи. Количество греческихъ словъ было въ немъ весьма мало, въ сравненіи напр. съ числомъ латинскихъ въ древнечешскомъ или въ древнепольскомъ. Все таки во фразеологіи, въ синтактическомъ строѣ

нашего санскрита постоянно чувствуется греческій первообразъ славянскаго слѣпка. И эта греческая печать не только не стиралась съ вѣками, но какъ будто становилась еще рельефнѣе, благодаря механическому отношенію къ греческимъ подлинникамъ позднѣйшихъ ц.-славянскихъ переводчиковъ, справщиковъ, списателей.

Гораздо благопріятнѣе поставленъ былъ въ своемъ развитіи языкъ сербскій, принимавшій стихіи греческія въ переработкѣ ц.-славянской, а латинскія въ хорватской. Этимъ и объясняется высокое стилистическое достоинство языка древнесербскихъ и среднесербскихъ грамотъ, законниковъ, статутовъ. То же отражается въ блескѣ далматинскаго поэтическаго стиля, подъ наносами латинской и итальянской фразеологіи. Но языкъ новосербскій, благодаря Вуку Караджичу, отказался отъ сокровищъ ц.-славянской терминологіи и принужденъ былъ затѣмъ сколачивать ее вновь, главнѣйше по нѣмецкимъ образцамъ, удаляясь черезъ то и отъ своихъ собственныхъ преданій, и отъ духовнаго общенія съ языками болгарскимъ и русскимъ.

Въ древнюю пору и западное славянство получило, какъ мы видѣли, возможность пользоваться богатствами и силою ц.-славянскаго языка. Но отъ этого періода очень мало осталось слѣдовъ въ литературныхъ языкахъ чешскомъ и польскомъ, которые лишь съ XIV-го в. постепенно выбиваются изъ-подъ толстыхъ пластовъ латыни и нѣмечины. Штитный, Гусъ, Хельчицкій освободили было на время чешскую рѣчь отъ этого двойного рабства и создали двухвѣковой періодъ болѣе или менѣе самостоятельнаго развитія чешскаго языка и народа. Но съ 1620 г. Чехо-Моравія лѣтъ на двѣсти вновь была засыпана изверженіями папизма и германизма, которые засорили чешскую рѣчь не только въ лексикальномъ, но и въ грамматическомъ отношеніи. Въ періодъ возрожденія составъ чешскаго языка былъ очищенъ самымъ радикальнымъ, хотя и искусственнымъ образомъ. Но въ строѣ осталось много латинонѣмецкихъ осадковъ, которые могутъ быть отдѣлены и удалены развѣ при содѣйствіи словаковъ, ибо рѣчь послѣд-

нихъ въ бо́льшей чистотѣ сохранила первоначальный строй чехословенскаго нарѣчія.

И польскій языкъ сильно пострадалъ отъ механической примѣси латинизмовъ и германизмовъ, которые вторгались въ него безъ посредничества такого очистительнаго фильтра, какимъ былъ для сербскаго и русскаго языкъ ц.-славянскій. Если вторженіе это не произвело все таки въ польскомъ столь глубокихъ внутреннихъ измѣненій, какія произведены въ XVII—XVIII-мъ вв. въ чешскомъ, то обязаны этимъ поляки главнѣйше непрерывному приливу писательскихъ талантовъ съ востока, изъ Литвы и Руси, гдѣ напоръ латинизма и германизма сдерживался до извѣстной степени воздѣйствіемъ снизу говоровъ русскихъ.

При выработкѣ литературнаго языка весьма важное значеніе имѣетъ степень и сила дружнаго взаимодѣйствія если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ большинства діалектическихъ разновидностей даннаго язычнаго типа. Разсматривая съ этой точки зрѣнія русскій языкъ въ его зарожденіи, развитіи и нынѣшнемъ положеніи, мы видимъ, что въ древній періодъ, несмотря на удѣльную разрозненность Руси, взаимный обмѣнъ областныхъ діалектовъ былъ живъ и непрерывенъ. Это обусловлено было и единствомъ владѣтельнаго рода, и частыми переѣздами князей съ дружинниками изъ одной области въ другую, и общерусскимъ духомъ нашей церкви, и живымъ сознаніемъ народнаго единства у древнихъ нашихъ писателей, напр. автора Начальной лѣтописи, Даніила Паломника, пѣвца Слова о полку Игоревѣ и др. Тѣмъ же, вѣроятно, объясняется слабая обособленность отдѣльныхъ разнорѣчій въ древнерусскомъ лѣтописномъ, а даже и въ дѣловомъ стилѣ Кіева, Галича, Полоцка, Пскова, Новгорода, Суздаля, Рязани и другихъ древнерусскихъ центровъ.

И въ средній періодъ не прерывалось взаимодѣйствіе областныхъ говоровъ Руси московской и Руси польско-литовской. Однако обмѣнъ между двумя обособившимися въ XV—XVI-му в. діалектами былъ гораздо слабѣе прежняго. Этимъ обусловлены были и развившіеся тогда контрасты

между діалектами восточнорусскимъ и западнорусскимъ. Но полной обособленности между ними не было. Князь Курбскій принималъ въ Литвѣ столь же дѣятельное участіе въ западнорусской литературѣ, какъ и князь Острожскій, конечно, примѣняясь при этомъ и къ формамъ западнорусскаго языка. Ц. славянская грамматика западноруса Мелетія Смотрицкаго (1619 г. въ г. Вильнѣ) скоро переиздана въ Москвѣ (1648) и служила затѣмъ руководствомъ въ нашихъ училищахъ чуть не до XIX-го в. То же должно сказать о Катихизисѣ Лаврентія Зизанія и Краткомъ исповѣданіи вѣры, напечатанномъ въ Кіевѣ по распоряженію Петра Могилы (1645 г., переиздано въ Москвѣ въ 1649). Кіевскіе ученые: Епифаній Славинецкій, Симеонъ Полоцкій, Дмитрій Ростовскій, Стефанъ Яворскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ, Гавріилъ Бужинскій, Симеонъ Кахановскій, были въ Москвѣ не менѣе дома, чѣмъ въ Кіевѣ. При ихъ то посредничествѣ и совершилось со второй половины XVII-го и начала XVIII-го в. перенесеніе въ Москву западнорусской учености, до нѣкоторой же степени и діалекта. Съ Петровскаго времени этотъ діалектъ постепенно сливается съ діалектомъ Руси московской, составивъ вмѣстѣ съ послѣднимъ одинъ нераздѣльный языкъ общерусскій.

Не мало русскихъ ученыхъ и поэтовъ вышло съ тѣхъ поръ изъ Руси западной [1]). При ихъ посредничествѣ нашъ образованный языкъ всосалъ въ себя много стихій изъ говоровъ Руси Бѣлой и Малой, отчасти даже Червонной, изъ которой давно стали заѣзжать къ намъ

[1]) Таковы напр. въ XVIII-мъ в. духовные писатели: Амвросій Юшкевичъ, Кириллъ Флоринскій († въ 1795 г.), Стефанъ Калиновскій († въ 1753), Анастасій Братановскій († 1806), Іоаннъ Леванда († въ 1814), проповѣдникъ и историкъ Георгій Конисскій († въ 1795), путешественникъ Василій Григоровичъ Барскій († въ 1745), поэтъ Ипполитъ Богдановичъ († въ 1803) и др. Изъ писателей XIX-го в. назовемъ: Гнѣдича, Гоголя, Хмѣльницкаго, Туманскихъ, С. Глинку, Подолинскаго, Гребенку, Некрасова (по матери), Костомарова (по матери), Ковалевскаго, Гр. Данилевскаго, Вс. Крестовскаго.

писатели, хотя не изъ поэтовъ. Таковы напр. Орлай, Балудянскій, Лодій, Кукольникъ, Венелинъ, Головацкій, и довольно многочисленная фаланга педагоговъ-классиковъ.

Правда, количество вкладовъ въ общій языкъ, сдѣланныхъ съ XVIII-го вѣка разнорѣчіями великорусскими, несравненно больше, чѣмъ со стороны разнорѣчій малорусскихъ, благодаря чему и самый типъ нашего языка значительно ближе къ первымъ, чѣмъ къ послѣднимъ. Но эта близость не доходитъ до тожества и не исключаетъ важности услугъ, оказанныхъ общему языку бѣлоруссами и малоруссами. Они имѣютъ вслѣдствіе того полное право называть этотъ языкъ плодомъ и своихъ усилій на поприщѣ общественно-литературномъ, независимо отъ трудовъ по обработкѣ малорусскаго діалекта въ областной словесности Украйны и Червонороссіи.

Въ гораздо меньшей мѣрѣ, чѣмъ у насъ, исчерпана была встарь ц.-славянскимъ языкомъ большáя группа діалектовъ западныхъ, а позже сербскимъ—группа чакавско-кайкавская, чешскимъ — словенская, польскимъ же — кашубско-поморская, хотя въ трехъ послѣднихъ языкахъ самая ограниченность діалектическихъ площадей должна бы вызывать взаимодѣйствіе всѣхъ говоровъ при выработкѣ общаго письменнаго языка. Потому то и возможно было столь полное отчужденіе ц.-славянскаго языка отъ нарѣчій чехословенскаго, серболужицкаго и ляшскаго, впослѣдствіи же отчужденіе языковъ сербскаго отъ хорватскаго (до Гая), чешскаго отъ словенскаго (до Гисвры и съ Бернолака), а польскаго отъ кашубско-поморскаго.

Взаимодѣйствіе всѣхъ областныхъ разнорѣчій въ выработкѣ нашего образованнаго языка составляетъ важное его преимущество передъ другими, имѣющими болѣе узкую діалектическую подпочву. Но не менѣе важную черту его составляетъ и непрерывность развитія на протяженіи цѣлаго почти тысячелѣтія. На поворотныхъ точкахъ его исторической жизни, въ переходахъ отъ періода древняго къ среднему и отъ средняго къ новому, можно замѣтить какъ будто бóльшую быстроту измѣненій; однако разрыва между

старымъ и новымъ тутъ не видимъ, какъ это случалось съ другими славянскими языками. Составъ и строй русскаго языка XIV-го вѣка столь еще близокъ къ XV-му, а строй XVII-го къ XVIII-му, что во многихъ случаяхъ мы не можемъ и различить по языку памятниковъ двухъ смежныхъ эпохъ. Такъ утраченную рукопись Слова о полку Игоревѣ относили по чертамъ языка: Мусинъ Пушкинъ, Малиновскій, Бантышъ Каменскій къ XIV-му или началу XV-го вѣка, Карамзинъ, Колосовъ, Смирновъ къ XV-му, Селивановскій, Калайдовичъ, Буслаевъ, Тихонравовъ къ XVI-му вѣку [1]). Трудно бы намъ и языкъ Посошкова по внутреннимъ признакамъ пріурочить точнѣе либо къ среднему, либо къ новому періоду. Разница между этими періодами есть, но она становится замѣтнѣе лишь на болѣе значительномъ разстояніи отъ переходныхъ эпохъ. Даже Ломоносовъ стоитъ по языку одной ногой на славянорусской основѣ рѣчи Никона и Могилы, Славинецкаго и Медвѣдева, другой же — на новой діалектической почвѣ, представляемой какъ просторѣчіями, московскимъ, поморскимъ, малороссійскимъ, такъ и рѣчью образованнаго общества, „двора, духовенства и простаго народа“. Державинъ, Карамзинъ, Пушкинъ считали себя учениками Ломоносова по языку. И они не произвели въ немъ никакой ломки, а лишь постепенное расширеніе и углубленіе историко-діалектическихъ основъ, заложенныхъ въ періодъ удѣльный, укрѣпленныхъ въ царскій и расчищенныхъ въ императорскій.

Изъ прочихъ славянскихъ языковъ лишь ц.-славянскій можетъ похвалиться такой же продолжительностію и непрерывностію роста. По консерватизму формъ онъ даже превосходитъ русскій языкъ. Но это было достигнуто лишь цѣною отреченія этого языка отъ движеній жизни, его раннимъ сосредоточеніемъ въ литургической области, куда вообще рѣже и труднѣе проникаетъ „молва житейская“. Подобно санскриту, пали и зенду на востокѣ, а гіератиче-

---

[1]) Ср. Смирновъ А., О Словѣ о полку Игоревѣ II, 1—20.

скимъ языкамъ Египта, Юдеи, Аравіи, Греціи, Рима на югѣ, языкъ ц.-славянскій довольно рано кристаллизовался и окаменѣлъ въ своемъ составѣ и строѣ, потерявъ вмѣстѣ съ тѣмъ способность приноровляться къ новымъ условіямъ времени и среды. Онъ оживаетъ, конечно, и теперь въ сознаніи и чувствѣ молящихся; но это жизнь особаго рода, отличная отъ той, какую ведутъ языки государственнаго, общественнаго и литературнаго образованія и употребленія.

Прочіе славянскіе языки далеко уже уступаютъ русскому въ разсматриваемомъ отношеніи. Ихъ историческій оборотъ совершается и быстрѣе, и перерывистѣе. Древнѣйшіе памятники языковъ сербскаго, чешскаго, польскаго восходятъ не къ X-му, а къ XII-му—XIII-му вв., слѣдовательно исторический ихъ оборотъ на нѣсколько столѣтій короче русскаго. А между тѣмъ и эта укороченная нить ихъ развитія нѣсколько разъ была разрываема катастрофами, каковыми были напр. Косовопольская битва въ Сербіи, Бѣлогорская въ Чехіи и завоеваніе Польши іезуитами при Вазахъ. Эти катастрофы влекли за собою столь сильныя измѣненія въ бытѣ населенія, даже въ психическомъ строѣ отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ, что измѣненія эти отражались на характерѣ и просторѣчій, и образованныхъ языковъ въ названныхъ странахъ. Съ этимъ связано было расторженіе народныхъ преданій и отрицательное отношеніе потомковъ къ язычному наслѣдію предковъ, тѣмъ болѣе, что содержаніе старой литературы, напр. строго католической въ Далмаціи XV-го—XVII-го в., гуситской, братской и лютеранской въ Чехіи XV-го—XVI-го в., а реформаціонной или скептической въ Польшѣ XVI-го в., казалось чѣмъ то чуждымъ и антипатичнымъ для православныхъ сербовъ, окатоличенныхъ чеховъ и клерикальныхъ поляковъ эпохи славянскаго возрожденія. При такихъ условіяхъ трудно было Вуку Караджичу продолжать рѣчь Гундулича, Юнгману—Велеславины, а Мицкевичу—Кохановскаго.

Но при такомъ обиліи притоковъ, питавшихъ русскій образованный языкъ на тысячелѣтнемъ почти протяженіи

его исторической жизни, при непрерывномъ храненіи преданій и тѣсной преемственности язычныхъ формъ, не представляетъ ли онъ въ нынѣшнемъ своемъ видѣ механической смѣси русскаго съ церковнославянскимъ, народнаго съ книжнымъ, новаго со старымъ, безъ органическаго единства плана, безъ цѣльности системы и выдержанности формъ?

Конечно, въ нашемъ языкѣ не только новаго или средняго, но даже древняго періода не было уже того элементарнаго единства, которое свойственно естественнымъ произведеніямъ природы и безсознательнымъ проявленіямъ духа, и которое характеризуетъ просторѣчія опредѣленной мѣстности и народности. Даже то болѣе сложное единство, которое мы видимъ напр. въ сербскомъ языкѣ Вука Караджича и которое представляетъ начальную фазу перехода просторѣчій въ діалектъ, можетъ быть наблюдаемо въ русскомъ языкѣ лишь въ самыхъ древнихъ и первоначальныхъ памятникахъ письменности, напр. въ грамотахъ Юрьевской и Хутынской (1130 и 1192 г.), Смоленскихъ и Новгородскихъ (XII-го в.), въ древнѣйшихъ спискахъ Русской правды и Псковской судной грамоты, но уже въ меньшей мѣрѣ въ актахъ XIV-го и XV-го вв. Если же мы возьмемъ историческій стиль начала XII-го в. по Начальной лѣтописи, или второй его половины по Слову о полку Игоревѣ, насколько возможно возстановить тотъ и другой по сохранившимся позднѣйшимъ ихъ спискамъ и изданіямъ, то встрѣтимъ здѣсь уже довольно пеструю смѣсь разговорнаго съ книжнымъ, а живого съ традиціоннымъ. Смѣсь эта напоминаетъ скорѣе славяносербскую рѣчь св. Савы или Ранча, чѣмъ языкъ Караджича.

Еще сложнѣе и разнороднѣе составъ среднерусскаго повѣствовательнаго стиля не только западной, но и восточной, московской школы. Даже самые сильные писательскіе таланты средняго періода нашей литературы не могли справиться съ разнородными стихіями своей славянорусской рѣчи. Она впервые была организована по извѣстному плану Ломоносовымъ. Онъ первый разграничилъ роль

и относительное значеніе каждой изъ составныхъ стихій нашего образованнаго языка, положивъ въ основу прежній дѣловой языкъ восточной Руси, освѣженный обильными притоками просторѣчій, особенно срединнаго, московскаго типа. При этомъ стихіи ц.-славянская и славянорусская съ одной стороны, а инонарѣчныя („поморская“ и „малороссійская“) съ другой легли на основной фонъ въ видѣ стилистическихъ узоровъ. Такимъ образомъ прежніе плеоназмы языка стали условіемъ его выразительности, хаосъ звуковыхъ, формальныхъ и лексикальныхъ стихій приведенъ въ стройную систему, связанную законами цѣлесообразности. Но прошло еще два-три поколѣнія, пока сложный сплавъ рѣчи Ломоносовской и Карамзинской отлился подъ перомъ Пушкина въ прозрачную, кристаллическую форму, которая и стала затѣмъ нашимъ аттицизмомъ. Разложивъ его при помощи научныхъ реактивовъ, мы откроемъ въ немъ много составныхъ стихій, много разномѣстныхъ и разноверстныхъ наслоеній. Но въ художественномъ стилѣ Пушкина и Лермонтова, С. Аксакова и Тургенева, Достоевскаго и Толстого, наблюдаемомъ простымъ глазомъ, мы вовсе ихъ не замѣчаемъ, какъ не чувствуемъ въ Чосерѣ, Шекспирѣ, Байронѣ смѣси стихій романской и германской. Различіе составныхъ частей ни здѣсь, ни тамъ не подрываетъ художественнаго единства цѣлаго, а наоборотъ, еще болѣе оттѣняетъ его, внося на словесную картину элементъ разнообразія, который составляетъ столь же необходимое условіе красоты, какъ и единство.

Итакъ, хотя новорусскій образованный языкъ не имѣетъ ни простѣйшаго единства говоровъ, ни вторичнаго новонародившихся діалектовъ, а лишь то высшее единство, которое дается цѣльностью народнаго духа и силою художественнаго творчества, однако это не составляетъ недостатка нашего языка, въ сравненіи съ болѣе цѣльными, какъ полагаютъ, языками сербскимъ, чешскимъ, польскимъ. Какъ бы оптимистически ни смотрѣть на природу, все же нельзя отрицать, что искусство выше ея, ибо оно

въ большей мѣрѣ проникнуто мыслію, согрѣто чувствомъ, просвѣтлено фантазіей. А потому возвращеніе къ природѣ вообще, въ области же языка въ частности не представляется намъ столь заманчивымъ, какъ это казалось нѣкогда Жанъ-Жаку Руссо, въ нашъ же вѣкъ — въ болѣе спеціальной области — сербскому этнологу Вуку, или итальянскому романтику Манцони. Къ тому же „природа" въ строеніи и составѣ языка представляется чѣмъ-то крайне условнымъ и мимолетнымъ. Мы видимъ это и на сербскомъ языкѣ, успѣвшемъ уже теперь, въ теченіе одного-двухъ поколѣній, принять въ себя много условнаго, традиціоннаго, особенно въ употребленіи далматинцевъ и хорватовъ. Самая двойственность графики — кирилловской у сербовъ, а латинской у хорватовъ—указываетъ на внутренній разладъ въ средѣ этого даровитаго племени. Онъ отражается и въ синтаксисѣ сербскаго языка, болѣе чистаго въ Бѣлградѣ, чѣмъ въ олатыненномъ нѣсколько Загребѣ, или въ Задрѣ, въ Сплѣтѣ. Въ языкахъ чешскомъ и польскомъ мы не замѣчаемъ теперь подобной графической раздвоенности. Но въ синтактическомъ строѣ и здѣсь чувствуется нѣкоторый внутренній антагонизмъ стихій славянской и латино-германской, болѣе замѣтный въ Чехіи, чѣмъ въ Моравіи, болѣе въ Познани и Краковѣ, чѣмъ въ Варшавѣ. Внутренній строй просторѣчій и образованнаго языка моравянъ нѣсколько свободнѣе отъ латинизмовъ и германизмовъ, благодаря близости Словачины. Синтаксисъ же восточныхъ областей и колоній польскихъ издавна былъ чище и съ каждымъ днемъ становится все проще, самобытнѣе, по вліянію русскихъ просторѣчій и нашего образованнаго языка. Есть критики, которые называютъ это очищеніе порчей [1]) польскаго языка; но и безобразный іезуитскій стиль поляковъ XVII-го вѣка имѣлъ своихъ поклонниковъ. Они руководились однако при этомъ не столько язычными или литературными, сколько конфессіональными соображеніями.

---

[1]) Ср. Szczerbowicz-Wieczor L., O skażeniu obecnem języka polskiego w prasie. Płock 1881.

И въ Германіи XVI-го—XVII-го вв. мы видимъ не мало примѣровъ язычнаго безвкусія, выросшаго на враждебной Лютеру южнонѣмецкой католической почвѣ. Но не этому направленію принадлежало будущее, не оно дало нѣмцамъ Виланда и Шиллера, Шеллинга и Гегеля.

Довольно существенную особенность русскаго образованнаго языка составляетъ затѣмъ медленность его оборота въ сравненіи съ другими родственными языками, за исключеніемъ ц.-славянскаго. Разстояніе, отдѣляющее языкъ Договоровъ съ греками отъ языка Судебника 1550 года, а этого послѣдняго отъ Уложенія царя Алексѣя Михайловича и Свода законовъ въ редакціи Сперанскаго, вовсе не такъ велико, какъ можно бы думать по значительности времени, отдѣляющаго эти юридическіе памятники. Тысячелѣтній оборотъ русскаго письменнаго языка никакъ не больше пятисотлѣтняго въ Сербіи, Чехіи или Польшѣ. Лишь ц.-славянскій, съ примыкающими къ нему переходными формами: славяноболгарскою, славяносербскою, славянорусскою, двигался еще медленнѣе. Но это былъ языкъ особенный, рано прикрѣпленный къ церкви, которая какъ будто передала ему часть своей неизмѣняемости, вѣчности. Другое значеніе имѣетъ замедленный ходъ жизни русскаго языка. Онъ объясняется здоровой консервативностію народнаго характера, долгимъ, но прочнымъ ростомъ русскаго государства, сдержаннымъ движеніемъ общественной жизни и мысли. Но едва ли не главнымъ виновникомъ этой — нѣсколько азіатской — медлительности была громадность русской территоріи, обнимающей седьмую часть суши и многочисленность населенія, далеко уже превысившаго въ государствѣ сотню милліоновъ, съ плотнымъ русскославянскимъ зерномъ въ 75 мил. душъ. Всѣ остальные славянскіе языки представляютъ въ этомъ отношеніи организмы совершенно другого рода. Площади ихъ распространенія исчисляются не болѣе какъ единицами тысячъ квадратныхъ миль, вмѣсто сотенъ тысячъ площади языка русскаго. По численности же населенія ни одинъ изъ этихъ языковъ не достигаетъ и двѣнадцати милліоновъ

душъ. Понятно, что оборотъ ихъ жизни вообще, а язычной въ частности долженъ совершаться съ бо́льшей быстротой, чѣмъ поступательное движеніе такихъ громадныхъ организмовъ, какъ Китай, Индія, Россія.

Медленности измѣненія состава и строя русскаго языка соотвѣтствовала такая же медленность возвышенія одного изъ русскихъ діалектовъ въ языкъ, долженствующій стать общимъ на славянскомъ востокѣ.

Въ древній періодъ ни одинъ изъ русскихъ діалектовъ не возвысился до роли самостоятельнаго языка, ибо таковымъ былъ тогда на Руси ц.-славянскій. Между подчиненными ему діалектами одни были посильнѣе (кіевскій, галицковолынскій, новгородскій), другіе послабѣе (смоленскій, псковской, суздальскій), но іерархическаго подчиненія послѣднихъ первымъ или гегемонической роли одного изъ нихъ до конца XIV-го вѣка не замѣтно. Наравнѣ съ русскими діалектами употреблялись тогда въ письменности — особенно дѣловой — и другіе туземные языки, напр. финскій (вспомнимъ Стефана Пермскаго и его зырянскія книги), татарскій (напр. въ ярлыкахъ ханскихъ), вѣроятно кое-гдѣ и нѣмецкій (въ сношеніяхъ съ Ригою и „Готскимъ берегомъ“). Но и они были въ ту пору не болѣе какъ діалекты, довольно ограниченнаго областного употребленія. Процессъ обрусенія инородцевъ уже совершался тогда, но путемъ колонизаціи, связей экономическихъ, общественныхъ, политическихъ, даже церковныхъ, а не литературныхъ.

Во второй періодъ Русь распалась на двѣ части, изъ коихъ восточная осталась въ прежней исторической колеѣ, западная же была сбита съ нея и втянута въ систему отношеній польскихъ. Дуализмъ политическій сопровождался язычнымъ: разнорѣчія бѣлорусское, украинское, червонорусское, подъ вліяніемъ польскимъ, развивались совершенно въ другомъ направленіи, чѣмъ разнорѣчія новгородское, московское, рязанское. На почвѣ первыхъ постепенно выработался западнорусскій, въ средѣ же вторыхъ — восточнорусскій діалектъ. Первый, послѣ нѣкоторыхъ ко-

лебаній между формами червонорусскими и бѣлорусскими, сложился по типу украинскаго разнорѣчія (ѣ = і, ô = і), примѣнительно къ кіевскому говору [1]), второй же — по типу разнорѣчія серединнаго, примѣнительно къ говору московскому (акающему). Но ни одинъ изъ этихъ діалектовъ не поднялся въ средній періодъ до роли самостоятельнаго образованнаго органа или языка. Восточнорусскій все еще оставался подъ главенствомъ языка ц.-славянскаго, въ его чистой литургической и смѣшанной славянорусской формѣ; діалектъ же западный имѣлъ надъ собой, сверхъ ц.-славянскаго литургическаго языка, еще латинскій, а съ XVI-го в. и польскій.

И въ этотъ средній періодъ завоеванія русскаго языка на востокѣ и западѣ дѣлались болѣе народнымъ, государственнымъ и церковнымъ, чѣмъ литературнымъ путемъ. Границы русской народности и русскихъ просторѣчій были передвинуты въ ту пору далеко за Волгу и Уралъ, даже за Иртышъ и Енисей, а на сѣверъ до Бѣлаго моря; на югѣ же во второй половинѣ XVII-го в. онѣ достигли береговъ Кубани, Азовскаго моря и Днѣпровскаго лимана. Но это расширеніе русской племенной области замѣтно отразилось на внутреннемъ и международномъ положеніи русскаго языка лишь съ третьяго, Ломоносовскаго періода. Два раздѣльные потока русской рѣчи — восточный и западный, московскій и кіевскій, сливаются съ тѣхъ поръ въ одно общее ложе и образуютъ языкъ общерусскій, независимый уже ни отъ ц.-славянскаго, ни отъ польскаго, ни отъ какого либо другого внутренняго или внѣшняго соперника. Только въ этотъ періодъ покоряетъ окончательно новорусскій образованный языкъ и инородческія населенія имперіи, становясь ихъ высшимъ представителемъ и международнымъ органомъ.

---

[1]) Лаврентій Зизаній признавалъ еще языкъ написаннаго имъ „Катихизиса" литовскимъ (Пам. древн. письм. N 17, 1878 г.); но Галятовскій называлъ уже свою рѣчь въ „Мессія праведный" малороссійскою (ср. ст. Сумцова въ Кіевской Старинѣ 1885 г., январь).

Въ быстротѣ этого внѣшняго развитія, составляющей разительный контрастъ съ прежнимъ многовѣковымъ „сидѣньемъ сиднемъ“, новорусскій образованный языкъ можетъ быть сравниваемъ развѣ съ латинскимъ, послѣ Аннибаловой войны. Но мы уже видѣли, что побѣдный путь діалекта римскаго сначала въ Лаціи, потомъ въ земляхъ осскихъ, сабельскихъ, умбрскихъ, этрусскихъ, кельтскихъ въ Италіи, а наконецъ въ областяхъ западной Европы и сѣверной Африки, былъ обозначенъ движеніемъ римскихъ легіоновъ и запечатлѣнъ цѣлой серіей договоровъ, которые указываютъ на сознательную и твердо выдержанную политическую систему романизаціи всѣхъ подчиненныхъ областей. Въ этой системѣ латинскій дѣловой языкъ имѣлъ такое же значеніе, какъ римскія дороги, военныя и гражданскія колоніи, римскіе магистраты, законы, школы, театры. Ничего подобнаго не было ни въ древней, ни въ новой Россіи. Въ собраніяхъ нашихъ государственныхъ грамотъ и договоровъ нельзя найти никакихъ аналогій для римскихъ, соединявшихъ извѣстныя и притомъ весьма важныя политическія права и преимущества со званіемъ римскаго гражданства, которое въ свою очередь обусловлено было употребленіемъ латинскаго языка. Наоборотъ, изъ среды русскихъ вышло не мало Стефановъ Пермскихъ, которые полагали основаніе инородческимъ литературамъ или дѣлали важные вклады въ нихъ, въ цѣляхъ высшаго христіанскаго просвѣщенія. Иногда это уваженіе къ языкамъ инородческимъ доходило до пренебреженія къ своему, напр. при господствѣ въ западной Руси XVI-го—XVII-го вв. языка польскаго, а въ періодъ императорскій—языка французскаго въ салонномъ и дипломатическомъ употребленіи, нѣмецкаго же—въ изданіяхъ нѣкоторыхъ ученыхъ обществъ, что продолжается отчасти и до нашихъ дней.

Тѣмъ не менѣе, въ силу естественнаго размаха, выработаннаго вѣками медленнаго, но непрерывнаго движенія, русскій языкъ сдѣлалъ со временъ Петра Великаго и Ломоносова такія нравственныя завоеванія, занялъ такое государственное, литературное и международное поло-

женіе, при которомъ онъ смѣло можетъ быть причисленъ къ большимъ общимъ языкамъ Стараго Свѣта.

Возвышеніе этого языка до роли общерусскаго, начатое съ присоединенія въ 1667 г. къ Москвѣ лѣвобережной Малороссіи, а затѣмъ и Кіева съ Запорожьемъ (1686 г.), было довершено еще до исхода XVIII-го в. Западнорусскій діалектъ былъ весьма ослабленъ перенесеніемъ въ московскія области столь крупныхъ представителей кіевской учености, какъ Барановичъ, Галятовскій, Симеонъ Полоцкій, Стефанъ Яворскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ. Тѣмъ не менѣе въ силу естественной косности еще продолжали нѣкоторое время писать на этомъ діалектѣ: Григорій Грабянка (ок. 1710 г.) и Самуилъ Величка (ок. 1720) свои лѣтописи, Ѳеофанъ же Прокоповичъ и за нимъ Ѳеофанъ Трофимовичъ, Довгалевскій, Горленко, Лящевскій, Ковачинскій, Георгій Конисскій, Щербацкій, Стерлецкій и разные анонимные виршеписцы свои комическія интерлюдіи (въ рукописяхъ сохранилось до 30) и риторическія поэмы, лирическаго и эпическаго содержанія. Главнымъ средоточіемъ этой — скорѣе школьнической, чѣмъ художественной — поэзіи была Кіевская духовная академія [1]). Въ „ветхосѣнномъ ея штилѣ“ мы видимъ ту же смѣсь церковнославянизмовъ, полонизмовъ и малоруссизмовъ, которая характеризуетъ западнорусскую рѣчь XVI-го—XVII-го вв., но съ усиленіемъ стихій народныхъ, особенно въ комическихъ интерлюдіяхъ.

Во второй половинѣ XVIII-го в. происходятъ событія, которыя окончательно подрѣзываютъ корни этого слабаго и испорченнаго варваризмами діалекта. Такими событіями были: во 1-хъ, введеніе общерусскаго преподавательнаго языка въ Кіевской духовной академіи и другихъ среднихъ заведеніяхъ Малороссіи; во 2-хъ, присоединеніе къ Россіи Бѣлоруссіи, Литвы, Волыни и Подолья (1772—1795), и въ 3-хъ, упраздненіе въ большей части возсоеди-

---

[1]) Ср. Петровъ Н., Очерки по исторіи украинской литературы XVIII в. Кіевъ 1880 г.

ненныхъ областей церковной уніи. Этимъ подготовлено было окончательное сліяніе Руси западной съ восточною въ отношеніяхъ и церковномъ, и общественномъ, и литературномъ, что по необходимости повлекло за собою и утвержденіе общаго языка. Правда, съ конца XVIII-го и начала XIX-го в., съ появленія „Перелицованной Энеиды“ (1798 г.) Котляревскаго, писанной на полтавскомъ разнорѣчіи и послужившей образцомъ для цѣлаго ряда полукомическихъ, полусерьезныхъ, а потомъ сентиментальныхъ, романтическихъ и иныхъ произведеній, въ родѣ „Москаля Чаривника“ (1820) и „Наталки Полтавки“ (1819) того же Котляревскаго, „Гораськиныхъ одъ“ Гулака Артемовскаго, „Жабомышодракіевки“ Думитрашкова и н. др., зарождается новая малорусская литература, съ новымъ „языкомъ“, который какъ будто претендуетъ раздѣлить съ Ломоносовскимъ господство въ давнѣйшемъ развитіи русской образованности. Но подобный взглядъ на эту поэтическую школу могъ сложиться въ головѣ лишь тѣхъ писателей и дѣятелей, которые не знакомы съ исторіей западно-европейскихъ литературъ, представляющихъ тысячи аналогій для „Перелицованныхъ Энеидъ“, въ многочисленныхъ діалектическихъ словесностяхъ Италіи, Испаніи, Франціи, Англіи, Германіи [1]), разсмотрѣнныхъ и въ настоящемъ очеркѣ, въ соотвѣтственныхъ главахъ первой части. Мы видѣли, что подобныя подлитературы характеризуются: господствомъ поэтическаго стиля надъ прозаическимъ; особою наклонностію къ травестиціямъ („перелицованіе“, по термину Котляревскаго); преобладаніемъ комической и сатирической струи, перемежающейся съ наивной идеализаціей народнаго быта; сохраненіемъ мѣстнаго колорита въ языкѣ и рисункѣ; областнымъ лишь распространіемъ такихъ подлитературъ, и параллельностью ихъ развитія съ общею. Но все это мы видимъ и въ малорусской словесности, напр. у Котляревскаго, Гулака Артемовскаго и ихъ про-

[1]) Ср. напр. Blumauer' Aeneis (Онышкевичъ, въ Archiv'ѣ Ягича IV, 480).

должателей: Гоголя-отца, Квитки Основьяненка, Метлинскаго, Аѳанасьева-Чужбинскаго, Максимовича, Бодянскаго, Гребенки, Стороженка, Костомарова, Кулиша, Шевченка, Марка Вовчка и др. [1]). Участіе въ областной подлитературѣ не мѣшало многимъ изъ этихъ писателей (напр. Квиткѣ, Бодянскому, Костомарову, Кулишу, Марку Вовчку и др.) обогащать одновременно нашу высшую науку и высшую литературу, развивающіяся на языкѣ Ломоносова, Карамзина и Пушкина. Даже Н. В. Гоголь, избравшій для себя высшій поэтическій стиль, какъ болѣе соотвѣтствующій характеру и задачамъ его безсмертныхъ повѣстей, вводилъ въ свой языкъ не мало украинскихъ словъ, оборотовъ, даже цѣлыхъ діалоговъ, которые представляютъ и высшіе образцы малорусской народной рѣчи, въ художественной ея переработкѣ.

Были дѣлаемы попытки литературной обработки и бѣлорусскаго разнорѣчія, но безъ замѣтнаго успѣха. Діалектическая подлитература на этомъ разнорѣчіи парализуется двумя главнѣйше условіями: малочисленностію говорящаго на немъ населенія и тѣсной близостію его къ московскому разнорѣчію, которое вѣдь играетъ у насъ роль флорентинскаго въ Италіи или мишенскаго въ Германіи. Но если бы бѣлорусское и дюжина другихъ разнорѣчій получили у насъ со временемъ и такую книжную обработку, какую наблюдаемъ на нашемъ югѣ, на почвѣ разнорѣчій полтавскаго, харьковскаго, кіевскаго, подольскаго, то и это не подорвало бы единства русскаго образованнаго языка. Оно прочно обезпечено религіознымъ, государственнымъ, общественнымъ, литературнымъ и вообще культурнымъ единствомъ русскаго народа.

Изъятіе составляетъ въ этомъ отношеніи наша запредѣльная Червонная Русь. Условія ея общественной, государственной и литературной жизни сложились совершенно иначе, чѣмъ въ прочихъ областяхъ западной Руси,

---

[1]) Ср. Петровъ, Очерки украинской литературы XIX-го вѣка. Кіевъ 1884; Пыпинъ, Ист. рус. этногр. СПб. 1891, т. III.

и притомъ въ Галичинѣ по одному типу, въ Буковинѣ по другому, въ Руси же угорской по третьему.

Руси галицкой, съ примыкающею къ ней на сѣверѣ Холмщиной, суждено было первой войти въ составъ Польши (временно при Болеславѣ Храбромъ, окончательно же при Казимирѣ Великомъ) и послѣдней освободиться отъ нея. Вслѣдствіе того налегшій на бытъ и рѣчь ея населенія слой полонизма гораздо толще, чѣмъ въ Бѣлороссіи или Украйнѣ. Притомъ крушеніе старой Польши не сопровождалось возсоединеніемъ Галича съ Кіевомъ или Москвой, а повело во включенію его въ Австрію, въ видѣ отдѣльнаго по имени только regnum Galiciae et Lodomeriae. Ставъ такимъ образомъ одною изъ областей „апостолическаго величества“, Галичъ долженъ былъ испытать на себѣ всѣ превратности австрійской государственной и народной—или лучше антинародной—жизни за послѣдніе сто лѣтъ. Господство языка латинскаго смѣнилось тутъ при Іосифѣ II верховенствомъ нѣмецкаго, а въ послѣдніе тридцать лѣтъ—искусственнымъ возвышеніемъ языка польскаго. Такимъ образомъ русскому языку пришлось занять въ Галичинѣ не первое, даже не второе, а третье мѣсто въ системѣ образованія, управленія, судовъ и въ жизни общественной. Подъ такимъ сложнымъ прессомъ русская рѣчь распласталась по низу и могла имѣть лишь самый приземистый ростъ. Она могла пробиваться на свѣтъ божій лишь въ случайныя щели или пролѣзать въ продушины, намѣренно оставляемыя господами для предупрежденія взрыва. Тѣмъ не менѣе русскій Галичъ можетъ уже и теперь указать на цѣлый рядъ прозаиковъ то ученаго, то простонароднаго содержанія. Таковы напр. Ив. Могильницкій (ок. 1815 —17 гг.), Іосифъ Левицкій (въ 1830-хъ годахъ), Маркіанъ Шашкевичъ, Ив. Вагилевичъ, Яковъ Головацкій, Михаилъ Гарасевичъ, Лозинскій, Денисъ Зубрицкій, Яхимовичъ, Снѣгурскій, Кузeмскій, Дѣдицкій, Малиновскій, Ант. Добрянскій, Петрушевичъ, Шараневичъ, Ив. Левицкій, Наумовичъ, Свистунъ. И на поэтическомъ поприщѣ тутъ появлялись отъ времени до времени болѣе

или менѣе даровитые дѣятели, какъ напр. Ос. Федьковичъ, Влад. Шашкевичъ, Ник. Устьяновичъ, Тимко Падура, Гушалевичъ, Блонскій, Іеронимъ Анонимъ (о. Вл. Хилякъ) и др. Все это свидѣтельствуетъ о высокой даровитости и живучести галицворусскаго населенія. Оно вѣдь создало нѣкогда и блестящую галицко-волынскую лѣтопись; оно доставило и Польшѣ такихъ писателей, какъ Орѣховскій, Рей, Семпъ Шаржинскій, Жолкевскій, Фредро, Красицкій, Карпинскій, Уейскій, Захарьясевичъ, Семенскій, Вишневскій, Мохнацкій, Бѣлёвскій и мн. др.

Что касается язычныхъ формъ червонорусскаго діалекта въ Галичинѣ XIX-го в., то въ этой области существуетъ столько—не то что стилей, а діалектовъ, сколько писателей. Обыкновенно различаютъ между ними два основныхъ типа: во 1-хъ, святоюрскій или старорусскій, онъ же—по другой терминологіи—московскій и, во 2-хъ, народническій или младорусскій, онъ же и русинскій или просто „руській", по мѣстной терминологіи. Первый сохраняетъ до нѣкоторой степени традиціонный типъ стараго западнорусскаго языка, подновленнаго обильной примѣсью формъ областныхъ съ одной стороны, а общерусскихъ или ломоносовскихъ съ другой. Самыми характерными представителями этого стиля служатъ теперь ученый львовскій каноникъ Петрушевичъ и даровитый поэтъ Гушалевичъ. Діалектъ второго типа не имѣетъ ничего традиціоннаго. Онъ представляетъ попытку писанія на голомъ областномъ говорѣ. Но такъ какъ говоровъ въ Галичинѣ довольно много и существенно между собою различныхъ, между писателями же этой школы не было ни одного высокаго таланта, который подчинилъ бы себѣ прочихъ въ язычномъ отношеніи, то мы и не видимъ въ ея діалектѣ самаго главнаго—твердаго костяка, опредѣленныхъ и устойчивыхъ нормъ. Отсутствіе въ говорахъ галицкихъ, какъ и въ другихъ, отвлеченной и вообще научной терминологіи восполняется здѣсь кованіемъ новыхъ словъ, самаго различнаго чекана, а нерѣдко и механическимъ заимствованіемъ, но не изъ церковнославянскаго или общерус-

скаго, а изъ польскаго языка [1]). Были уже въ этой школѣ писатели, которые предпочитали латинскую азбуку кирилловской и прямо называли свой червонорусскій діалектъ однимъ изъ польскихъ. Таковъ напримѣръ Тимко Падура, одинъ изъ даровитѣйшихъ поэтовъ этой школы. Другіе довольствуются устраненіемъ изъ ороографіи всего историческаго и замѣняютъ его „фонетикою", въ духѣ Вуковой.

Двигаясь въ этомъ направленіи, галицкому писателю не трудно добраться до черты, отдѣляющей рѣчь русскую отъ польской и стать однимъ изъ областныхъ поэтовъ послѣдней. Но человѣку съ самостоятельнымъ талантомъ лучше ужъ перейти тогда къ чистому польскому языку, чѣмъ писать на смѣшанномъ русско-польскомъ жаргонѣ, напоминающемъ гермафродита.

Не лучше положеніе русскихъ діалектовъ въ Буковинѣ и въ Закарпатьѣ. Въ первой оффиціальнымъ и образованнымъ языкомъ донынѣ считается нѣмецкій, для утвержденія котораго въ этомъ крайнемъ на востокѣ аванпостѣ германизма учрежденъ между прочимъ и Черновецкій университетъ, опирающійся на системѣ нѣмецкихъ же среднихъ школъ. Второе мѣсто принадлежитъ тутъ языку румын-

---

[1]) Вотъ нѣсколько такихъ терминовъ, наудачу взятыхъ изъ „Христоматіи старорусской" (Львовъ 1881) львовскаго профессора Омельяна Огоновскаго, оффиціальнаго представителя „руськаго" языка въ Галичинѣ: перекладъ (przekład), увага (uwaga), переважно (przeważnie), вплывъ (wpływ), мова (mowa), взоры (wzory), мусѣвъ (musiał), жовнѣръ (żołnierz), довѣдуемося (dowiadujemy się) и т. п. Таковъ же языкъ и учениковъ г. Огоновскаго, дѣйствующихъ въ младорусскомъ обществѣ „Просвѣта". Въ одномъ изъ „Справозданій" (отчетовъ) послѣдней (за 1874 годъ) мы находимъ слѣдующія слова и выраженія: здаемо справу (zdajemy sprawę), есьмо того пересвѣдченія (jesteśmy tego przeświadczenia), товариство (towarzystwo), праца (praca), выроблене вôдповѣдного статута (wyrobienie odpowiednego statuta), панотець (panojciec), барва (barwa), рѣчи (rzeczy, въ смыслѣ дѣла) и т. п.

скому, а только третье—русскому. Впрочемъ, въ послѣднее время сильно началъ нажимать на Буковину и польскій языкъ, носителемъ котораго служатъ здѣсь галицкіе монахи-змартвыхвстанцы. Такимъ образомъ въ непродолжительномъ времени русской рѣчи большинства буковинскихъ жителей будетъ принадлежать развѣ четвертое мѣсто въ оффиціальномъ и общественномъ употребленіи!

За Бескидами полумилліонное русское населеніе должно было перенести надъ собой господство сначала латинскаго языка, потомъ (съ Іосифа II) нѣмецкаго, съ 1830-хъ же годовъ — мадьярскаго. Въ настоящее время этотъ последній языкъ овладѣлъ всѣми государственными должностями и присутствіями, всѣми высшими и средними школами и проникъ даже въ сельскія училища. Для русской рѣчи осталась лишь область церковной проповѣди и катихизаціи, съ соотвѣтственной литературой. При всей своей скудости литература эта представляетъ одно замѣчательное достоинство: она имѣетъ діалектъ, весьма близкій къ нашему общерусскому языку. Старыя изданія основаннаго А. И. Добрянскимъ „Общества Василія Великаго“ въ Мукачевѣ, а равно сочиненія Духновича, Раковскаго, Кралицкаго, Павловича, Дулишковича, Кимака, Сильвая, Фенцика и др. угроруссовъ не менѣе родственны намъ въ этомъ отношеніи, чѣмъ сочиненія Зубрицкаго, Головацкаго, Дѣдицкаго [1]). И это объясняется не свойствами угрорусскихъ разно-

[1]) Вотъ для образца отрывокъ изъ объявленія угрорусскаго унгварскаго журнала „Листокъ“ на 1889 г.: „Въ слѣдующемъ 1889 г., если Богъ поможетъ, мы снова будемъ издавати Листокъ. Мы русскій народецъ; церковь наша – греко-каѳолическая, русская; первое слово, которое произнесъ нашъ младенческій ротъ, было русское; первая молитва, которой любезная мати, сжимая наши персты, учила насъ, была тоже русская. А днесь однако, кромѣ маленькаго „Листка“, нигдѣ въ жизни не встрѣтимся съ русскимъ изданіемъ. „Листокъ“ единственное письмецо наше. Это обстоятельство достаточно убѣдительно говоритъ о важности „Листка“ и о необходимости поддерживати его“. Такимъ языкомъ лишь немногіе

рѣчій, которыя ничуть не ближе къ великорусскимъ и украинскимъ, чѣмъ разнорѣчія Галича и Буковины, а наоборотъ еще дальше отъ нихъ, особенно говоры сотацкіе, незамѣтно сливающіеся въ Гемерѣ со словенскими. И по историческимъ своимъ отношеніямъ Русь закарпатская лежитъ дальше отъ средоточій русской племенной жизни, чѣмъ предкарпатская. Если тѣмъ не менѣе письменная рѣчь угроруссовъ самымъ тѣснымъ образомъ примыкаетъ къ языку Ломоносовскому, то въ этомъ слѣдуетъ видѣть доказательство нравственной силы послѣдняго, побѣждающей и политическія, и діалектическія, и географическія преграды, и уже теперь достигающей въ своемъ мощномъ разливѣ западныхъ предѣловъ Руси святовладимірской. Это фактъ высокаго историческаго значенія!

Важность его не скрылась отъ глазъ мадьярскаго правительства, которое сосредоточило въ послѣднія десятилѣтія всѣ усилія на мадьяризаціи русскаго Закарпатья. Въ этихъ видахъ затѣваемы уже были въ Будапештѣ особые журналы (наприм. Газета для народних учителів 1873 года и слѣд.) на совершенно омадьяренныхъ и нарочно испорченныхъ угрорусскихъ жаргонахъ [1]). Въ тѣхъ же видахъ издаются въ Мукачевѣ и Пряшевѣ христоматіи на томъ жаргонѣ, вводимыя затѣмъ обязательно въ школы, насколько въ послѣднихъ остается еще мѣста для русскаго языка. По русскимъ селамъ предположены и мадьярскіе пріюты, для борьбы съ материнскимъ языкомъ уже въ дѣтскомъ возрастѣ. Но все это оказывается не достаточнымъ и отъ времени до времени мадьярскія газеты оглашаются криками о московскихъ агитаторахъ и руб-

---

сумѣютъ писать и въ Галичинѣ. Ср. Петра Феерчака, Очеркъ литературнаго движенія угорскихъ русскихъ. Одесса 1888 г., стр. 10, 13, 15, 19, 23 сл., 27.

[1]) Вотъ выдержка изъ „Руська азбука“ на такомъ жаргонѣ: „Ишов кіінь орсагомъ по валалу, а за нимъ кондашъ изъ фийсовъ, а свѣнѣ по готарѣ сіеломъ“ (т. е. шелъ конь дорогою по селу, а за нимъ свинопасъ съ пищалкою, а свиньи по полямъ сельскимъ).

ляхъ, якобы перекидываемыхъ невидимою рукою черезъ Бескиды, въ благодатныя нѣкогда, но теперь разоренныя и сумрачныя долины верхней Тисы, Лаборца и Гернада. Если такая рука есть, то почеркъ ея не разнится отъ написавшей нѣкогда на пирѣ Сарданапала: „Mane, tekel, phares"...

Объединивъ всѣ вѣтви русскаго народа (за изъятіемъ 3-хъ милл. Руси предкарпатской и полумилліона закарпатской), Ломоносовскій языкъ сдѣлалъ быстрыя завоеванія и въ средѣ инородческихъ племенъ имперіи. Но завоеванія эти выражались отнюдь не въ уничтоженіи ихъ языковъ и литературъ. Наоборотъ, нѣкоторыя изъ этихъ литературъ и появились лишь съ 16 — 17-го вѣка, напр. финская, латышская, жмудская. Другія же продолжали развиваться на старыхъ корняхъ. Таковы — армянская, грузинская, татарская. Но всѣ эти языки и литературы такъ или иначе подчинились языку русскому, какъ органу высшихъ и среднихъ школъ, главныхъ управленій и судовъ, сношеній торговыхъ, обмѣна литературнаго и вообще высшей культурной жизни, — словомъ, они заняли въ отношеніи къ языку общему положеніе діалектическихъ подлитературъ.

Если вспомнимъ, что число инородцевъ восходитъ въ Россіи до 15 — 20 миліоновъ душъ, разбросанныхъ на площади въ сотню тысячъ квадратн. миль, то утвержденіе въ ихъ средѣ русскаго общаго языка представляется фактомъ не меньшей важности, чѣмъ господство испанскаго между туземцами южной Америки и Филиппиновъ, англійскаго—въ сѣверной Америкѣ, Индіи, Австраліи, нѣмецкаго же—между прусскими и австроугорскими славянами. Для будущихъ успѣховъ русскаго языка это тѣмъ важнѣе, что открываетъ ему доступъ къ запредѣльнымъ соплеменникамъ нѣкоторыхъ изъ означенныхъ народностей, напр. къ армянамъ и туркамъ малоазійскимъ, къ персамъ, авганцамъ, монголамъ, манджурамъ, на западѣ же—къ финнамъ Скандинавіи, литовцамъ Пруссіи, румы-

намъ Молдо-Валахіи и Семиградья, грекамъ Анатоліи, Архипелага, Эллады.

На скрижали новорусской науки и литературы занесено уже до настоящаго времени не мало заслуженныхъ именъ инородческаго происхожденія. Таковы напр. Державинъ, Карамзинъ, Жуковскій, Аксаковы, Загоскинъ, Тургеневы (изъ родовъ татарскихъ), кн. Шаликовъ (изъ грузинъ), Шатровъ (изъ персовъ), и др.

Лишь два инородческіе языка въ предѣлахъ имперіи не ниспали до роли зависимыхъ діалектовъ: это нѣмецкій въ Куроніи, Ливоніи, Эстоніи, Ингріи, и шведскій въ Финніи. Каждый изъ нихъ имѣетъ донынѣ по одному высшему и цѣлой серіи среднихъ учебныхъ заведенія, господствуетъ въ администраціи и судахъ соотвѣтствующихъ областей, отчасти даже въ перепискѣ съ центральными имперскими учрежденіями. Такое выдающееся положеніе этихъ двухъ языковъ объясняется тѣмъ, что они имѣютъ за предѣлами Россіи центры, откуда почерпаютъ свои научныя и литературныя средства, а вмѣстѣ и поощреніе въ борьбѣ съ общимъ языкомъ русскаго народа и государства. Но такъ какъ борьба эта ведется не на шведской или нѣмецкой, а на финской и эсто-лѣтской племенной площади, вопреки желаніямъ и интересамъ значительнаго большинства ея населеній, то можно предвидѣть, что она окончится не въ пользу иноземныхъ языковъ. На русской сторонѣ стоятъ тутъ, сверхъ соображеній государственной необходимости, столь могущественные нравственные факторы, что передъ ними совершенно никнетъ значеніе устарѣлыхъ преданій и заматорѣлыхъ вожделѣній.

Впрочемъ не одинъ уже умный шведъ и нѣмецъ понялъ тщету желаній удержать гегемонію шведскаго языка въ Гельсингфорсѣ и Выборгѣ, а нѣмецкаго въ Ригѣ и Дерптѣ; не одинъ германецъ сроднился душой съ русскимъ языкомъ и народомъ. Въ исторіи нашей изящной литературы красуется не мало такихъ именъ, какъ Фонъ-Визинъ, Хемницеръ, бар. Дельвигъ, Губеръ, Миллеры, Мей, Бергъ (изъ нѣмцевъ), Вельтманъ (изъ шведовъ), Даль, Ро-

зенгеймъ (изъ датчанъ), Лермонтовъ (изъ скóтовъ), Вейнбергъ (изъ евреевъ) и др. Еще болѣе можно бы ихъ привести изъ лѣтописей русской науки. Пройдетъ нѣсколько десятилѣтій, и Богъ дастъ наши поморскіе германцы сольются столь же тѣсно съ русскимъ народомъ, какъ встарь ихъ отдаленные предки, варяги.

Говоря о языкахъ и діалектахъ, литературахъ и подлитературахъ попетровской Руси, намъ слѣдовало бы назвать здѣсь еще одинъ нерусскій народъ и языкъ, примыкающій по своему положенію и притязаніямъ къ финляндскимъ шведамъ и прибалтійскимъ нѣмцамъ: это языкъ польскій. Но такъ какъ онъ принадлежитъ къ группѣ языковъ славянскихъ и въ смыслѣ діалектическомъ находится въ такомъ же отношеніи къ русскому, какъ нарѣчія серболужицкое и чехословенское на западѣ, а словинское, сербохорватское и болгаромакедонское на югѣ, то мы и разсмотримъ распространеніе русскаго языка на польскомъ язычномъ полѣ въ связи съ его успѣхами въ прочихъ славянскихъ земляхъ, со временъ Петра Великаго и Ломоносова.

Разсматривая въ этомъ отношеніи все западное и южное славянство какъ одно племенное цѣлое, мы замѣчаемъ въ средѣ его три основныхъ группы, по отношеніямъ къ общерусскому языку: А. славяне, сохранившіе ц.-славянское богослуженіе; Б. славяне, не сохранившіе его и не входящіе въ составъ Россіи, и В. славяне, не сохранившіе ц.-славянскаго богослужебнаго языка, но входящіе большинствомъ населенія въ составъ русскаго государства. Къ первой группѣ принадлежатъ болгары, сербы и приморскіе хорваты; ко второй—хорваты посавскіе, словенцы, словаки, чехоморавяне и серболужичане, къ третьей — поляки.

Въ предыдущей главѣ изложено, какъ постепенно возвышался съ XV-го вѣка русскій изводъ ц.-славянскихъ книгъ, какъ онъ побѣдилъ въ XVI-мъ в. всѣ прочіе изводы и какъ съ XVII-го в. онъ принятъ въ литургическое употребленіе не только болгаръ и сербовъ, но и хорватовъ-глаголяшей. Изводъ этотъ былъ какъ бы предтечей

русскаго образованнаго языка, который началъ проникать въ Болгарію, Сербію и приморскую Хорватію съ конца XVII-го и начала XVIII-го в. Но такъ какъ въ ту пору и въ Россіи господствовалъ еще въ литературѣ не чистый народный языкъ, а смѣшанный съ ц.-славянскимъ, то этотъ послѣдній проникъ и къ единовѣрцамъ югославянскимъ — болгарамъ и сербамъ. Конечно, на новой діалектической почвѣ онъ не могъ сохранить своего чистаго типа, а принялъ въ себя еще наслоенія болгарскія и сербскія, такъ что изъ сочетанія всѣхъ этихъ стихій вышли довольно неуклюжіе діалекты: славянорусскоболгарскій и славянорусскосербскій.

На первомъ писали наприм. Паисій хиландарскій [1]), еп. Софроній врачанскій [2]), іеромонахи Никифоръ и Іерофей [3]), Неофитъ хиландарскій [4]), Неофитъ рыльскій [5]) и др. Не только форма, но и содержаніе изданныхъ ими историческихъ, филологическихъ, этнологическихъ и иныхъ сочиненій находятся въ тѣсной зависимости отъ русской ученой литературы. Это засвидѣтельствовано наприм. Паисіемъ, который въ послѣсловіи къ своей „Болгарской исторіи" прямо сознается, что сочиненіе это онъ „совокупилъ и написалъ, отъ русски речи прости обратилъ на болгарски прости речи и славенски" [6]). Даже латинско-итальянскіе историки Мавроурбинъ и Бароній были ему знакомы лишь въ русскомъ переводѣ [7]).

Съ 30-хъ годовъ текущаго столѣтія, когда Венелинъ

---

[1]) Болгарская исторія, оконченная въ 1762. Изд. Лонгиновымъ въ Люблинѣ 1885 г.

[2]) Періодич. Списаніе на Българско книжевно дружество. Срѣдецъ 1884 г., кн. XII.

[3]) Българска библіотека. Срѣдецъ 1884 г., N 1.

[4]) Напр. „Мати Болгарія" въ Періодич. Списаніи, кн. IX - XII.

[5]) Составитель болгарской грамматики (Крагуевецъ 1835), словаря (см. Българскп книжицы) и собиратель народныхъ пѣсенъ.

[6]) По изданію Лонгинова, стр. 79.

[7]) Періодич. Спис. Браиловъ 1871 г., кн. IV, стр. 10.

разбудилъ болгаръ и вызвалъ интересъ къ нимъ въ русскомъ обществѣ, начинается приливъ болгарскихъ учениковъ въ русскія учебныя заведенія [1]). По возвращеніи на родину они занимали обыкновенно учительскія мѣста, ввели во многихъ заведеніяхъ преподаваніе русскаго языка и переводили наши учебники [2]). Подъ русскимъ вліяніемъ они выработали новоболгарскій литературный языкъ, насквозь пропитанный руссизмами, особенно въ терминологическомъ и фразеологическомъ отношеніяхъ [3]). Благодаря этому обстоятельству, а также употребленію болгарами русскаго извода ц.-славянскаго языка, для нихъ не представляетъ затрудненій пониманіе русской образованной рѣчи.

Много сдѣлала для ея распространенія въ Болгаріи и война 1877—78 гг., съ послѣдовавшей за нею оккупаціей страны русскими войсками и организаціей болгарскихъ дружинъ русскими офицерами, по русскому военному уставу и на русскомъ языкѣ. Лишь со времени удаленія (въ 1885 г.) нашихъ офицеровъ Баттенбергомъ и занятія страны агентами Англіи, Германіи и Австріи, съ мадьярскимъ гонведомъ Фердинандомъ Кобургомъ во главѣ, русскій языкъ былъ постепенно оттѣсненъ нѣмецкимъ.

Наша собственная наука и литература получила уже не одинъ важный вкладъ отъ болгаръ, въ сочиненіяхъ напр. Палаузова, Каравелова, особенно же Дринова. Можно надѣяться, что и наростающія поколѣнія болгаръ, искупленныхъ кровью русскаго народа, будутъ искать въ русской а не въ нѣмецкой литературѣ простора для тѣхъ авторскихъ силъ, которымъ покажется слишкомъ тѣсенъ кругъ читателей и объемъ культурныхъ интересовъ хотя бы цѣлокупной (до 4 милл.) Болгаріи.

---

[1]) Ср. Періодич. Спис. 1886 г., кн. XIX—XX. стр. 5, 9.

[2]) Такъ для основаннаго въ 1835 г. Априловымъ и Палаузовымъ Габровскаго училища переведены были: Всеобщая исторія Кайданова, Россійскій катихизисъ и Энциклопедія Ушакова и н. др. соч. Ср. Венелина Ю., О зародышѣ новой болгарской литературы. Москва 1838 г., стр. 26, 34.

[3]) Ср. Періодич. Спис. Браиловъ 1870 г., кн. II, стр. 13.

И въ Сербіи около ста лѣтъ писали на славянорусскосербскомъ языкѣ, который сложился въ началѣ XVIII-го вѣка подъ двойнымъ вліяніемъ нашего церковнаго и гражданскаго языковъ. Первыми дѣятелями этого славянорусскосербскаго періода были кіевскіе учителя, вызванные тогда сербскими митрополитами для устройства среднихъ учебныхъ заведеній въ Бѣлградѣ, Карловцахъ, Новомъ-Садѣ, Осѣкѣ, Сомборѣ и др. городахъ Срѣма, Бачкой, Баната, вообще южной Угріи. Поименно извѣстны изъ этихъ учителей: москвичъ Максимъ Суворовъ (ок. 1720 г.) и малороссы Эммануилъ Козачинскій и Иванъ Минацкій [1]). Они принесли съ собою въ сербскія школы русскіе по всѣмъ предметамъ учебники, которые и были затѣмъ руководствами при изученіи какъ славянорусскаго, такъ и Ломоносовскаго языка [2]). Тогда же утвердилась въ сербскихъ, а равно въ болгарскихъ и румынскихъ земляхъ, наша гражданская азбука.

Изъ основанныхъ русскими педагогами сербскихъ школъ вышли всѣ важнѣйшіе сербскіе писатели прошлаго и начала нынѣшняго вѣка: историкъ Ив. Раичъ († въ 1801 г.), педагогъ Захарій Орфелинъ, Авр. Мразовичъ, Ракичъ, математикъ Дошеновичъ, педагогъ Янковичъ (позже Де-Миріево), моралисты П. Соларичъ и Досиѳей Обрадовичъ, стихотворцы Григ. Терлаичъ († въ 1811 г.), Ив. Живковичъ, Видаковичъ, Лук. Мушицкій и мн. др. Нѣкоторые изъ австрійскихъ сербовъ того поколѣнія перенесли свою дѣятельность въ Россію и оставили по себѣ почетное имя въ лѣтописяхъ нашей науки: таковы напр. Янковичъ Де-Миріево, принимавшій участіе при организаціи учебнаго дѣла въ Россіи при Екатеринѣ II; Стойковичъ, бывшій рек-

---

[1]) Ср. Новаковић, Историја српске књижевности. Београд [2] 1871, стр 180 сл.

[2]) Ср. Кулаковскаго П., Вукъ Караджичъ. Москва 1882, стр. 3 слл., а также разборъ этого сочиненія Н. А. Поповымъ въ Ж. М. Н. Пр.

торомъ Харьковскаго университета, Терлаичъ и н. др. [1]). Если просмотрѣть заглавія сербскихъ книгъ отъ 1730 по 1830 г. у Шафарика [2]), или „Библіографію" Стояна Новаковича за 1741—1867 гг. [3]), то можно убѣдиться, что изъ 700—800 сочиненій, вышедшихъ до 1830 г., едва ли наберется пять-шесть дюжинъ, писанныхъ на народномъ сербскомъ діалектѣ [4]). Всѣ остальныя книги составлены на „славяносербскомъ" или вѣрнѣе на славянорусскосербскомъ языкѣ [5]), какъ видно напр. изъ заглавій: „Словенская грамматика (Мел. Смотрицкаго), настояніемъ, прилѣжаніемъ и иждивеніемъ архіепископа Павла Ненадовича, въ пользу и употребленіе отроковъ сербскихъ"... (Рымникъ 1755 г.); „Краткое о богоподобающемъ тѣлу и крови Христовой поклоненіи и времени того наставленіе" (Зах. Орфелина 1757 г. [6]); „Православное ученіе или сокращенная христіанская богословія" (архим. Сергіевой лавры Платона, въ Вѣнѣ 1784); „Исторія разныхъ славенскихъ народовъ, наипаче болгаръ, хорватовъ и сербовъ" (Ив. Раича, Вѣна 1794 слѣд.); „Ода на смерть благороднаго господина Савы Вуковича" (Л. Мушицкаго, Будинъ 1810); „Чувствованія хорватскихъ сербовъ на высокоторжественный день рожденія его велич. Франца I" (Карловецъ 1832), и др. Тѣмъ не менѣе языкъ этотъ не удержался въ сербской литературѣ. Онъ постепенно былъ вытѣсненъ народнымъ сербскимъ нарѣчіемъ того типа, ко-

---

[1]) Ср. Кочубинскаго А., Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія. Одесса 1888 г., стр. 260 сл.

[2]) Šafařik P. J., Geschichte der Südslavischen Literatur. Prag 1865. III, 362—476.

[3]) Српска библиjографиjа. Биоград 1869.

[4]) Таковы напр. богословскія сочиненія Гавріила Стефановича, нравоучительныя Досиѳея Обрадовича († въ 1811 г.) и н. др. Ср. Кулаковскаго П., О Вукѣ Караджичѣ 10 сл., 28.

[5]) Это тѣмъ замѣчательнѣе, что въ 1779 и 1784 гг. были изданы эдикты противъ этого языка и въ пользу замѣны его простонароднымъ сербскимъ (Archiv VIII, 543).

[6]) Ср. Archiv VIII, 537 сл., 543.

торый предуготовленъ былъ дѣятельностію Досиѳея Обрадовича, возведенъ въ литературную норму Вукомъ Караджичемъ и окончательно оформенъ въ грамматическомъ отношеніи Юріемъ Даничичемъ.

Мы не упрекаемъ Досиѳея Обрадовича въ томъ, что онъ, слѣдуя примѣру Ломоносова, освѣжилъ традиціонный образованный языкъ приливомъ силъ живой сербской рѣчи. Но Вукъ Караджичъ, избравшій въ литературные языки одинъ изъ простонародныхъ говоровъ Сербіи, не довольствовался честью быть послѣдователемъ Досиѳея. Въ вопросахъ языка и правописанія онъ сбилъ сербовъ съ торной исторической дороги и далъ имъ такое направленіе, при которомъ они потеряли изъ глазъ не только ц.-славянскій и русскій языки, но и свою прежнюю литературу [1]). Событія послѣднихъ лѣтъ, особенно утвержденіе нѣмецкаго управленія и языка въ Босніи съ Герцеговиною, а мадьярскаго въ Банатѣ, Бачкой, Бараньѣ, доказали сербамъ, что въ борьбѣ съ этими языками, а также съ итальянскимъ въ Далмаціи, они нуждаются въ сильномъ союзникѣ. Таковымъ же можетъ быть лишь языкъ русскій. И дѣйствительно, теперь замѣтно оживляются стародавнія язычныя и вообще культурныя связи сербовъ съ Россіей, возникаютъ кружки для изученія русскаго языка, введено преподаваніе его въ Главной школѣ, въ Духовной и Учительской семинаріяхъ въ Бѣлградѣ, усиливается интересъ къ произведеніямъ русской науки и литературы [2]).

---

[1]) Ср. Кулаковскій, О Вукѣ Караджичѣ 179 сл., 233.

[2]) И въ прежнее время кое что было переведено сербами съ русскаго. Въ „Српска библиографија“ (за 1741—1867 гг.) Новаковича перечислены переводы: изъ Венелина (1841 г.), Гоголя (1864, 1865), Дубровина (1868), Лермонтова (1862, 1863), Майкова А. А. (1858), Муравьева А. Н. (1854), Пушкина (1849, 1863, 1864), Сенковскаго (1862), Соколова Г. (1867), Гильфердинга (1857, 59, 60). Но эти скудные и запоздалые большею частью переводы доказываютъ скорѣе отсутствіе, чѣмъ присутствіе интереса къ русской наукѣ и литературѣ, если не предполагать въ сербахъ 30—60-хъ годовъ чтенія подлинныхъ текстовъ нашихъ писателей.

Въ Цетиньѣ учреждено даже, положимъ на русскія деньги, женское училище съ русскими преподавателями, какъ это было и въ Воеводинѣ въ первой половинѣ XVIII-го в. Нельзя сомнѣваться, что этому направленію принадлежитъ будущность во всѣхъ сербскихъ областяхъ.

Въ католическую Хорватію, на почву нарѣчій чакавскаго и кайкавскаго, русскій языкъ также началъ проникать весьма рано въ ц.-славянскихъ книгахъ русскаго извода. Выше изложена исторія этого извода въ XVII-мъ и XVIII-мъ вв., когда Рафаилъ Леваковичъ, Іос. Пастричъ († въ 1708 г.) и Матвѣй Караманъ († въ 1771 г.), при содѣйствіи западноруссовъ Терлецкаго, Завадзкаго, Гебновскаго, Пѣховича, Рудницкаго и подъ покровительствомъ задрскаго архіепископа Викентія Змаевича [1]), перелили въ форму русскаго извода ц.-славянскій текстъ глагольскихъ миссаловъ и бревіаровъ. На почвѣ этихъ церковно-литературныхъ отношеній сложились взгляды и хорватскаго попа Юрія Крижанича (род. 1617 † послѣ 1676), извѣстнаго въ нашей литературѣ цѣлымъ рядомъ политическихъ, богословскихъ и грамматическихъ сочиненій, написанныхъ въ Тобольскѣ, во время пятнадцати-лѣтней ссылки, въ 1661—76 гг. [2]). Но уже переселеніе Крижа-

[1]) Ср. Šafařik P. J., Geschichte der slavischen Sprache und Literatur. Prag [2] 1869, 244 слл. Его же Gesch. der südslavischen Literatur. Prag 1864 г. I, 156 слл.

[2]) Политика или Разговоры о владательству, 1664 г., изд. Безсоновымъ въ приложеніи къ Русской Бесѣдѣ 1859 г., подъ заглавіемъ: О русскомъ государствѣ въ половинѣ XVII вѣка; Граматично изказанје о руском језику, 1666 г., изд. Бодянскимъ въ Чтен. Моск. общ. ист. и древн. 1848 (ч. I) и 1859 г. (ч. III); О светом крещеню 1668 - 69 г., описано Горскимъ и Невоструевымъ въ Опис. слав. рукописей Московск. синод. библіотеки III, 397—404; Обличенје на Соловечскую челобитну 1668 г. Ibid. III, 338—397; Толкованіе историческихъ пророчествъ или о соединеніи церквей 1674 г., изд. М. И. Соколовымъ въ Чт. Моск. О. И. и Д. за 1891 г. Ср. его же, Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ. СПб. 1891 г., вып. 2-й. Сюда примыкаетъ по содержанію и ла-

нича въ Россію, вызванное не одними вѣдь миссіонерскими побужденіями, заставляетъ думать, что его славянорусское направленіе не встрѣчало особаго сочувствія въ олатыненной хорватской интеллигенціи того времени. То же доказываютъ протесты многихъ хорватскихъ іерарховъ и священниковъ [1]) противъ совершенной Леваковичемъ, а еще болѣе Караманомъ руссификаціи глагольскихъ миссаловъ и бревіаровъ. При содѣйствіи папъ направленіе этихъ руссификаторовъ побѣдило, правда, въ ц.-славянскихъ книгахъ. Но оно не отразилось въ свѣтской письменности хорватовъ, которые не послѣдовали за сербами XVIII-го в. въ употребленіи славянорусскосербскаго языка. Въ XIX-мъ вѣкѣ, какъ выше изложено, хорваты принимаютъ штокавщину, но еще болѣе удаляютъ ее отъ церковнославянскихъ и русскихъ преданій замѣною кирилловской (хотя и съ латинской примѣсью) графики Вука латинскою, по чешской системѣ. Задавшись широкими планами о объединеніи языка всѣхъ „иллировъ" или „югославянъ", на почвѣ сербохорватской штокавщины, хорваты еще менѣе сербовъ эпохи Милоша Обреновича и Александра Карагеоргіевича чувствовали желаніе возобновить преданія Леваковичей, Крижаничей, Карамановъ. Они боялись открыть въ свою среду доступъ могущественному языку, который казался соперникомъ хорватскаго на Балканскомъ полуостровѣ. Гай поддерживалъ, правда, литературныя связи съ нѣкоторыми русскими писателями, но это не отразилось ни на языкѣ, ни на духѣ основанной имъ школы. Лишь въ послѣднія десятилѣтія, когда во главѣ хорватскаго общественнаго движенія сталъ человѣкъ болѣе широкаго и глубокаго ума, епископъ Штросмайеръ, усилился и въ Загребѣ интересъ къ русскому языку, наукѣ

тинскій трактатъ: De Providentia Dei, описанный въ Твор. свв. отцевъ 1860 г., кн. IV.

[1]) Напр. сеньско-модрушскаго епископа Петра Маріановича (ок. 1654 г.), дубровницкаго священника Стефана Розы (ок. 1753 г.) и др. Ср. Šafařik, Gesch. der slav. Spr. u. Lit. [2] 247 слл.

и литературѣ, основана каѳедра русскаго языка въ Загребскомъ университетѣ (замѣщаемая нынѣ словенцемъ проф. Целестиномъ), организовался частный кружокъ для изученія этого языка хорватскою молодежью обоихъ половъ, нарасхватъ раскупаются русскія грамматики (напр. Будмани и др.), оживился книжный обмѣнъ между нашими и хорватскими учрежденіями и писателями, — словомъ, вступилъ въ новую фазу развитія вопросъ о русско-хорватской литературной взаимности. Въ далматинскомъ сеймѣ уже поставлено было 28 ноября 1887 г. депутатомъ Бакотичемъ предложеніе о введеніи русскаго языка какъ обязательнаго предмета въ сербохорватскія среднія училища [1]). На нашихъ ученыхъ съѣздахъ, напр. археологическомъ въ Одессѣ въ 1885 г., уже раздавалась русская рѣчь изъ устъ хорватскихъ ученыхъ, наприм. академика Рачкаго [2]). Въ лицѣ же проф. Ягича Хорватія произвела слависта, который сдѣлалъ не мало важныхъ вкладовъ и въ русскую науку, особенно въ бытность свою профессоромъ Одесскаго и Петербургскаго университетовъ [3]). То же слѣдуетъ сказать и объ одесскомъ профессорѣ исторіи славянскаго права, В. Богишичѣ.

Подальпійскіе словенцы, обитающіе такъ далеко отъ Россіи, слишкомъ рано оторваны были латиногерманизмомъ отъ церковнославянскаго богослуженія, чтобы поддерживать живыя связи съ нашимъ языкомъ и литературой. Однако нѣкоторое знакомство съ нимъ, быть можетъ черезъ посредство хорватскихъ глаголяшей, замѣчается у словинскихъ писателей реформаціоннаго вѣка, напр.

[1]) Ср. Изв. СПб. Слав. благотв. общ. за 1888 г. N 3, стр. 134 сл.

[2]) Эта рѣчь перепечатана въ LXXVI книгѣ Rad'a jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Zagreb 1885 г. (и въ особой брошюрѣ).

[3]) Въ одной изъ своихъ статей проф. Ягичъ совѣтуетъ и землякамъ изучать не volapük, а „языки мірообладающихъ народовъ: англійскій, французскій, нѣмецкій и русскій" (Arch. IX, 329 сл.).

Трубера, Крелла, Богорича и др. [1]). Но первое мѣсто между словенцами XVI-го в. занимаетъ въ этомъ отношеніи славный крайнецъ Герберштейнъ († въ 1566 г.), два раза ѣздившій по дипломатическимъ порученіямъ въ Москву (1517, 1525) и оставившій знаменитые Rerum Moscovitarum commentarii (1549 г.).

Въ періодъ іезуитской реакціи XVII-го и XVIII-го вв. общественное настроеніе словенцевъ и взгляды ихъ на славянскія дѣла и языки существенно измѣнились въ реакціонномъ направленіи. Особенно замѣтно это на дѣятельности вѣнскаго слависта краинца Копитара (1780—1844), который раздѣляетъ съ Іосифомъ Добровскимъ и Александромъ Востоковымъ славу основоположниковъ славяновѣдѣнія. Не принадлежа къ числу приверженцевъ русскаго языка и кирилловской графики, онъ все-таки содѣйствовалъ своими нѣмецкими и латинскими книгами и статьями распространенію среди словенцевъ знакомства съ церковнославянскимъ и русскимъ языками. То же должно сказать объ ученикѣ Копитара Миклошичѣ, которому въ числѣ многихъ другихъ, болѣе важныхъ изданій принадлежитъ и сравнительный словарь главныхъ славянскихъ языковъ, съ ц.-славянскимъ и русскимъ во главѣ.

Но параллельно съ этимъ латинонѣмецкимъ направленіемъ развивалось въ Словеніи, особенно со временъ Водника, другое, болѣе народное и славянское движеніе, которое привело постепенно словенцевъ къ сознанію важности для нихъ русскаго языка и кирилловской графики. Нѣкоторые элементы послѣдней пытались было провести въ жизнь словинскіе филологи Петръ Данько (Dainko † въ 1873 г. [2]) и Францъ Метелко († въ 1860 г. [3]), а также поэты: Янезъ Залокаръ († въ 1872 г.), Блажъ Поточникъ († въ 1872 г.), Францъ Еловшекъ († въ 1868 г.), У. Еринъ, І. Бур-

---

[1]) Ср. Первольфа, Славяне II, 257, 287 сл., 295.

[2]) Lehrbuch der windischen Sprache. Graz 1824.

[3]) Lehrgebäude der slovenischen Sprache im Königreiche Illyrien. Laibach 1825.

леръ († въ 1870 г. [1]) и н. др. Радиславъ же Разлагъ писалъ кое что и кириллицей [2]). Но графика традиціонная (Богорича), въ видоизмѣненіи чешскомъ, восторжествовала у словенцевъ. Однако въ направленіи словинской народной поэзіи осилилъ духъ Водника, воспринятый и развитый Францомъ Прешерномъ, который руководился между прочимъ русскими (но и нѣмецкими) образцами при выработкѣ тоническаго размѣра. Очень замѣтно вліяніе русскаго языка и въ словинщинѣ Матія Маяра (1809—), автора „Общеславянской грамматики“ и издателя журнала „Slavian“ [3]). Усиленіе интереса къ русской литературѣ выражается и въ словинскихъ переводахъ съ русскаго, наприм. Ивана Косескаго изъ Ломоносова, Державина, Пушкина [4]); Макса Самца (Samec) изъ Тургенева [5]); Л. Горенца (Gorenec) изъ Гоголя [6]), и др. Изъ посвященныхъ Россіи сочиненій словенцевъ упомянемъ еще книгу „O Rusiji“ загребскаго профессора Целестина [7]).

Въ послѣдніе годы между словенцами очень оживился интересъ къ русскому языку и литературѣ. Тѣ самыя періодическія изданія, которыя выше отмѣчены какъ поборники славянской народной церкви и ц.-славянскаго богослуженія, ратуютъ съ тѣмъ вмѣстѣ и за введеніе русскаго языка въ словинскія среднія училища. Было уже высказываемо въ нихъ и желаніе имѣть въ Люблянѣ словинскій университетъ, съ русскимъ преподавательнымъ языкомъ,

---

[1]) Ср. Kleinmayr J., Zgodovina slovenskega slovstva. 1881. 95, 111—114.

[2]) Это былъ одинъ изъ иллиристовъ, наряду со Станкомъ Вразомъ, Джуромъ Кобе, Божидаромъ Раичемъ, Д. Терстеньякомъ, Л. Томаномъ, а отчасти Матіемъ Маяромъ, Я. Зупаномъ и М. Вальявцемъ. Ibid. 183, 184 сл., 187.

[3]) Ibid. 153.

[4]) Ibid. 156.

[5]) Ibid. 197.

[6]) Ibid. 207.

[7]) Ibid. 197.

какъ противовѣсомъ давленію языковъ нѣмецкаго и итальянскаго [1]).

Съ подальпійскими словенцами много общаго имѣютъ подтатранскіе словаки, бывшіе нѣкогда непосредственными ихъ сосѣдями въ задунайской Панноніи. И тѣ и другіе входили встарь вполнѣ или отчасти какъ въ Великоморавскую державу Ростислава и Святополка, такъ и въ паннонскую архіепископію св. Меѳодія. У тѣхъ и другихъ довольно долго держалась учрежденная Первоучителями церковь и письменность, но въ концѣ концовъ восторжествовала церковь латинская и образованность романогерманская. Но словаки имѣютъ то преимущество, что занимаютъ область смежную съ русскою, тогда какъ словенцы отдѣлены отъ послѣдней долиною тисо-дунайскою и представляютъ какъ-бы горный мысъ въ морѣ романогерманскомъ. Кромѣ того и въ племенномъ составѣ словаковъ можно разглядѣть не мало русскихъ примѣсей, особенно въ жупаніяхъ восточныхъ: спишской, шаришской, абауйской, гемерской. Населеніе этихъ областей причисляется одними къ угроруссамъ, другими къ словакамъ, на дѣлѣ же представляетъ смѣшанный русско-словенскій типъ, какъ бы этническій и діалектическій мостъ отъ славянства восточнаго къ западному. Да и въ историческомъ отношеніи словаки очень близки къ угроруссамъ, съ которыми нерѣдко составляли одно политическое цѣлое, напр. при угорскихъ контркороляхъ XVI—XVII-го вв. Наконецъ испоконное коробейничество словенскихъ горцевъ въ областяхъ Восточнаго царства установило непосредственныя народныя связи ихъ съ русскимъ народомъ, знакомство съ его рѣчью и своего рода параллелизмъ развитія.

---

[1]) Ср. Slovenski Narod, сент. 1887 г., ст. Ипорея (Yporej): „Стремятся ли словенцы къ собственному университету?“ Тутъ развивается мысль, что низшее и среднее образованіе словенцевъ должно получаться на словинскомъ языкѣ, высшее же — на русскомъ. Авторъ внушаетъ то же хорватамъ и чехамъ. Ср. Nar. Listy, Прага, 24 сент. 1887 г.

Между западнославянскими литературами нѣтъ столь близкой по духу къ русской, какъ словенская, въ поэтическихъ произведеніяхъ напр. Голаго, Сладковича, Халупки, Заборскаго, Павлини-Тота, Гвѣздослава-Орсага, Светозара Гурбана-Ваянскаго; нѣтъ и ученой школы славяновѣдѣнія, которая была бы сочувственнѣе намъ, чѣмъ та, изъ которой вышли и къ которой принадлежали по происхожденію: Шафарикъ, Колларъ, Гурбанъ, Годжа, Штуръ, Гаттала, Сасинекъ. Это идейное родство словаковъ съ русскими не могло не отразиться и на язычной формѣ поэтическихъ и прозаическихъ произведеній словенской литературы. Мы имѣемъ при этомъ въ виду не то первобытное сходство словенской этимологіи и синтаксиса съ русскимъ, которое коренится въ общеславянскомъ періодѣ ихъ жизни, а болѣе поздній слой языка, отражающій историческое взаимодѣйствіе двухъ родственныхъ и сосѣднихъ народовъ. Уже Берполакъ назвалъ свой лексиконъ „Slovár“, а не „Slovnik“. Голый употреблялъ слова: prevodit вм. prekladat', rodstvo вм. rodina, zaklad вм. stavka и т. п. [1]). Еще сильнѣе стали вторгаться руссизмы въ словенскій языкъ сороковыхъ годовъ, когда Годжа призналъ въ своемъ „Вѣтинѣ“ изученіе русскаго языка обязательнымъ для каждаго образованнаго словака. Самъ Годжа, Люд. Штуръ, Іос. Гурбанъ, Геромеtта, Догнани и др. обильно черпали изъ этого источника какъ слова, такъ и обороты. Въ Годжиномъ Větin'ѣ встрѣчаемъ напр. слова: znatný (вм. popredný), svojstvo (вм. vlastnost); въ Гурбановыхъ Slovenskie Pohladi: pokrovitelstvo, načalo, krepko, bratat sa и др. Еще обильнѣе руссизмы въ повѣстяхъ и журналахъ Павлини-Тота. У него встрѣчаемъ слова: zdravstvuj, dejstvovat, vnimanie, duma, zavisimý; выраженія: já bol, my dali (вм. ja som bol, my sme dali) и т. п. [2]). Даже союзъ *no* (*но* вм. ale, též) сталъ упо-

---

[1]) Ср. Czambel, Prispevky k dejinám jazyka slovenského. Budapešt 1887 г., стр. 70.

[2]) Ibid. 70—72.

требляться тогда въ словенской литературѣ. Встрѣчаются русскія слова и у Сладковича. Но особенно обилуютъ ими историческія монографіи Іос. Гложанскаго и стихотворенія Светозара Гурбана-Ваянскаго [1]).

Въ настоящее время словенскій языкъ довольно далеко ушелъ уже на этомъ пути сближенія съ языкомъ русскимъ. Вліяніе послѣдняго отражается и на правописаніи [2]), и на суффиксахъ [3]), особенно на словахъ, а отчасти и на выраженіяхъ [4]). Тутъ намъ открывается аналогическій вышеуказанному (для угрорусскаго діалекта) фактъ воздѣйствія языка Ломоносовскаго на діалектъ хотя и родственный нашему, но фактически подчиненный нѣсколькимъ инороднымъ языкамъ (латинскому, нѣмецкому, мадьярскому, въ прежнее время вдобавокъ и чешскому) и отрѣзанный отъ Россіи двумя кордонами. Если несмотря на то вырабатывается въ словенскомъ такое же отношеніе къ общерусскому языку, какъ у лучшихъ изъ нашихъ украинцевъ, напр. Квитки, Шевченки, Вовчка, то при болѣе благопріятныхъ историческихъ обстоятельствахъ языкъ

---

[1]) Ibid. 72—73. Теоретическія основанія этихъ заимствованій изъ русскаго лексикона развиты г. Гурбаномъ-Ваянскимъ въ Narodni Noviny, 1889 г. 2 мая.

[2]) Напр. krýdlo вм. kridlo, koryst вм. korist, drevenný вм. drevený, vozduch вм. vzduch, deržava вм. država и т. п. Czambel, Prispevky 73 сл.

[3]) Таковы суффиксы: imý, stvo, stvenný, stvovat, ia (вм. sko: Rusia, Bulgaria), ič, ovič. Ibid. 74—77.

[4]) Чамбель насчиталъ до 300 такихъ заимствованныхъ изъ русскаго словъ, въ родѣ напр. beseda вм. hovor, blahodarit вм. ďakovat, bratec вм. braček, celovanie вм. bozkanie, činovnik вм. úradnik, čudesno вм. podivne, dohovor вм. smluva, drevný вм. staroveký, družba вм. priatel'stvo, dviženie вм. pohyb, heroj вм. hrdina, hosudár вм. cisár, inostranný вм. cudzozemský, iskrenný вм. úprimny, istina вм. pravda, kurhan, l'ubimec, maják, mohyla, nádobno вм. treba, и т. п. Ibid. 78 сл. А вотъ русскія выраженія въ словенщинѣ: v čom je dielo? z tejto točky zrenia, po mojemu mneniu и т. п. Czambel, ib. 112 сл.

словенскій направился бы еще параллельнѣе съ нашимъ, не сливаясь съ послѣднимъ, но и не удаляясь отъ него въ направленіи къ нѣмецкому, мадьярскому или чешскому.

Совершенно на другихъ началахъ устроилась съ конца XVIII и начала XIX-го в. русско-чешская литературная взаимность. Чехи не сосѣдятъ непосредственно съ русскими, какъ словаки; преданія славянской церкви и письменности не имѣютъ у первыхъ той живучести и народности, какъ у послѣднихъ. Слѣды гуситскаго движенія давно уже и вполнѣ почти смыты реакціоннымъ потокомъ XVII—XVIII-го вв. Чешское возрожденіе имѣетъ нѣсколько книжный характеръ. Оно вышло скорѣе изъ головы, чѣмъ изъ сердца, изъ кабинетовъ, не изъ хижинъ [1]). Первыми дѣятелями этого возрожденія были главнѣйше ученые—археологи, историки, филологи, этнологи, какъ напримѣръ Добнеръ († въ 1790 г.), Пельцель († въ 1801 году), Фойгтъ († въ 1787 г.), Дурихъ († въ 1802 году), Прохазка († въ 1809 г.), Добровскій († въ 1829 году), Пухмайеръ († въ 1820 г.), Неѣдлый († въ 1847 г.), гр. Штернбергъ, Юнгманъ († въ 1847 г.), Ганка († въ 1861 году), Шафарикъ († въ 1861 г.), Палацкій († въ 1876 году), Челяковскій († въ 1852 г.), Воцель († въ 1871 году), Эрбенъ († въ 1870 г.). Въ сравненіи съ ними собственно поэты и публицисты, каковы напр. Колларъ († въ 1852 г., словакъ по происхожденію), Гавличекъ († въ 1856 году) и немногіе другіе, играютъ лишь очень второстепенную роль. Правда, и нѣкоторые изъ поименованныхъ ученыхъ брались иной разъ за лиру, какъ напр. Ганка, Челяковскій, Воцель, Эрбенъ. Но и въ такомъ случаѣ они оставались людьми болѣе разсудка, чѣмъ чувства и непосредственнаго вдохновенія. Мы не думаемъ отрицать важности совершеннаго этими учеными подвига. Онъ далеко

---

[1]) Контрастъ чеховъ и словаковъ по общему психическому складу хорошо выраженъ Годжею въ словахъ: U nás cítíme i rozumem, u vás i srdcem rozumujete. Ср. Vlček J., Literatura na Slovensku. Praha 1881, стр. 55.

оставляетъ за собою научные вклады любого другого западнославянскаго и южнославянскаго народа, не исключая поляковъ. И въ развитіи общеславянской науки имена Добровскаго, Шафарика, Палацкаго навсегда останутся памятны. Но все это не исключаетъ нѣкоторой теоретичности и искусственности, нерѣдко и явной тенденціозности чешской литературы возрожденія. Потому то между всѣми славянскими она занимаетъ первое мѣсто и по количеству литературныхъ поддѣлокъ, въ родѣ рукописей Зеленогорской и Краледворской [1]). Ничего подобнаго мы не можемъ указать въ литературѣ словенской, которая и вообще производитъ впечатлѣніе чего то болѣе непосредственнаго, искренняго и самоцѣльнаго, чѣмъ чешская книжность XIX-го в.

Если тѣмъ не менѣе мы и въ послѣдней встрѣчаемъ обильные слѣды русскихъ воздѣйствій, между прочимъ и въ язычной области, то изъ этого можемъ заключать о пригодности этого ингредіента и съ чисто разсудочной, практической точки зрѣнія.

Связь чешской науки временъ возрожденія съ русскою не подлежитъ сомнѣнію. Добровскій, Шафарикъ, Ганка, Челяковскій и др. были въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ русскими учеными, изъ круговъ адмирала Шишкова и гр. Румянцева, обмѣниваясь съ ними и изданіями, и планами научныхъ работъ. Въ 1829—30 гг. едва даже не состоялось перемѣщеніе Шафарика, Ганки и Челяковскаго въ С.-Петербургъ, для занятія каѳедръ славяновѣдѣнія или организаціи задуманной было Шишковымъ „Славенской библіотеки“ [2]). И знаменитый лексикографъ Юнгманъ былъ того же русско-чешскаго духа, хотя по роду своихъ занятій не стоялъ въ столь тѣсныхъ сношеніяхъ съ представителями русской науки, какъ Ганка или Ша-

---

[1]) Ср. Truhlař, Die anerkannten Falsa der böhmischen Literatur. Archiv IX, 101 сл.

[2]) См. о томъ подробности у Кочубинскаго А., Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія. 271 слл.

фарикъ. Послѣдніе вели потомъ дѣятельную переписку съ Погодинымъ [1]) и нашими старшими славистами, особенно Бодянскимъ и Срезневскимъ. При столь живомъ и непрерывномъ обмѣнѣ учено-литературномъ мы должны, конечно, предположить нѣкоторое знакомство писателей чешскихъ съ русскимъ языкомъ, котораго грамматика—и одна изъ лучшихъ до настоящаго времени—издана въ 1818 г. въ Прагѣ Пухмайеромъ [2]). Знакомство это отражается всего ярче на чешскихъ литературныхъ поддѣлкахъ, совершенныхъ главнѣйше въ десятилѣтіе съ 1816 по 1826 годъ [3]), напр. на эпитетологіи и фразеологіи Суда Любуши и Краледворской рукописи. Тутъ замѣтно знакомство автора со Словомъ о полку Игоревѣ и съ нашими простонародными пѣснями. И въ поддѣланныхъ глоссахъ словаря „Mater Verborum“ видно желаніе фальсификатора внести въ чешскій историческій лексиконъ возможно бóльшее число русскихъ словъ бытового и культурнаго значенія [4]). Многія изъ этихъ словъ дѣйствительно привились въ чешскомъ языкѣ, благодаря продолжительному культу этихъ фальсификатовъ, которые проникли въ школы и послужили основою цѣлаго періода новочешской изящной литературы.

Примѣру автора Краледворской рукописи послѣдовалъ

---

[1]) Ср. Письма къ М. П. Погодину изъ славянскихъ земель. Изд. Н. А. Попова. Москва 1880; Письма В. В. Ганки къ А. С. Норову и барону М. А. Корфу. М. 1881 г.

[2]) Puchmayer Ant., Lehrgebäude der russischen Sprache. Prag 1818.

[3]) Ср. Ламанскій В. И., Новѣйшіе памятники древнечешскаго языка. Ж. М. Н. Пр. 1879 г.; Gebauer, въ Archiv X, 502, 505, 538, 542 сл.; XI, 25.

[4]) Ср. Patera и Baum, въ Č. Č. M. 1877 г. Въ числѣ поддѣльныхъ глоссъ встрѣчаемъ слова: Велесъ (полногласная форма?), Перунъ, чародѣй, бѣльмо, бодръ, черепъ, гривна, игра, изокъ, крамола, лѣтописецъ, лицемѣрьникъ, огнищанинъ, помилуй, православный, трызна, твердь, законодатель и т. п. Ср. Ягичъ, въ Arch. III, 123.

Челяковскій, перенесшій въ свои знаменитые „Отголоски русскихъ пѣсенъ“ [1]) не только содержаніе и тонъ нашихъ былинъ про Илью Муромца и др. богатырей, но и множество особенностей ихъ языка и стиля, которыя утвердились затѣмъ и въ чешской поэтической литературѣ національнаго направленія. Очень замѣтно вліяніе русскаго языка и на стилѣ Гавлячка-Боровскаго, основательно изучившаго и полюбившаго его въ Москвѣ, въ кружкахъ Погодина, Шевырева, Бодянскаго [2]). О возростающемъ интересѣ чеховъ къ русской литературѣ свидѣтельствуютъ также многочисленные переводы съ нея на чешскій языкъ. Такъ Эрбенъ перевелъ Слово о полку Игоревѣ, В. Бендль — отрывки изъ Пушкина, І. Коларжъ — изъ Лермонтова, Жуковскаго и др., Ем. Вавра — изъ Тар. Шевченка, Гоголя, Гончарова, Тургенева, Ал. Дурдикъ и Фр. Коржинекъ—изъ Лермонтова, Игн. Мейснеръ—изъ Некрасова, Бог. Залѣская—изъ Лажечникова и н. др. [3]).

Нѣкоторые чешскіе писатели XIX-го в. пользовались иной разъ русскимъ языкомъ въ своихъ письмахъ [4]) и сочиненіяхъ [5]). Но число такихъ сочиненій весьма незначительно, въ сравненіи со множествомъ нѣмецкихъ книгъ, изданныхъ и ежегодно издаваемыхъ чехоморавянами [6]). Не

---

[1]) Ohlas písní ruských. Praha 1829.

[2]) Ср. Tuma K., Karol Havliček Borovský, nejslavnejši publicista českého národa. Praha 1883 г., стр. 65 сл.

[3]) Ср. Tieftrunk K., Historie literatury české. Praha ² 1880. 144.

[4]) Напр. Челяковскій. Ср. Славянскій ежегодникъ Н. Задерацкаго. Кіевъ 1878 г., стр. 285 сл. Тоже В. Ганка въ письмахъ къ Норову и Корфу. Чт. М. О. И. и Д. 1881 г.

[5]) Наприм. Ганка въ предисловіи къ изданію „Сазаво-Эммаусскаго благовѣствованія“ (Прага 1846) и въ „Остаткахъ славянскаго богослуженія у чеховъ“. Прага 1859. И Ѳ. И. Езбера издавалъ свой журналъ „Славянинъ“ (въ 1862—63 гг.) отчасти на русскомъ языкѣ. По свидѣтельству біографа Ганки (Oslava památky V. Hanky v Hořiněvsi, dne 7 září 1862): „poslední slova, která pronesl (Ганка передъ смертію), byla v ruštině“.

[6]) Еще Добровскій не писалъ иначе, какъ по-нѣмецки

удивительно, что нѣмцы такъ дорожатъ своими чешскими сотрудниками на литературномъ поприщѣ. Они не забыли, что и нынѣшній общенѣмецкій языкъ зародился собственно въ Чехіи, въ пражской имперской канцеляріи Карла IV. Австрійскіе ораторы изъ чеховъ (съ Ригромъ, а теперь Грегромъ во главѣ) донынѣ пользуются славою лучшихъ нѣмецкихъ стилистовъ. Итакъ не напрасно друзья Пленера такъ упорно настаиваютъ на расширеніи въ Чехіи и Моравіи правъ нѣмецкаго языка, какъ высшаго общаго органа, въ надеждѣ вновь низвести языкъ чешскій къ роли третьестепеннаго діалекта Германіи!

Но въ отвѣтъ на эти притязанія чехи, а еще болѣе мораване, руководимые инстинктомъ самосохраненія, мало по малу расширяютъ и углубляютъ основы своего подрытаго было славизма. Въ оживленіи преданій кирилло-меѳодіевскихъ и гуситскихъ и въ укрѣпленіи культурныхъ связей съ восточнымъ славянствомъ они надѣются найти духовную силу, которая поможетъ имъ отразить напоръ германизма. Распростаненію этихъ взглядовъ служатъ: вѣнскій Parlamentář [1]), Národni Listy, Kroměřižské Noviny (переименованные теперь въ Velehrad) и многія другія газеты, перечисленныя уже выше, въ главѣ о ц.-славянскомъ языкѣ. Въ тѣхъ же цѣляхъ образовался въ недавнее время въ Прагѣ „Кружокъ любителей русскаго языка,“ считающій уже сотни членовъ, съ депутатомъ рейхсрата Вашатымъ и уче-

---

и по-латыни. Пуркине, Шафарикъ, Палацкій, Гиндели, Дудикъ, Воцель, Коржистка, Томекъ, Шембера, Г., И. и К. Иречки, Квичала, Гаттала, Гейтлеръ также нерѣдко прибѣгали къ нѣмецкому языку, одновременно съ чешскими изданіями или и безъ оныхъ.

[1]) Его редакторъ Живный былъ преданъ за то суду, но вѣнскіе присяжные оправдали его, какъ еще раньше угорско-градиштскіе (14 іюля 1867) и берненскіе (3 авг. 1887) редактора Кромѣржижскихъ Новинъ Цейнека. См. по этому поводу статью о русскомъ языкѣ, какъ общеславянскомъ, въ Nar. Listy 25 февр. 1888 г., въ Parlamentář 15 янв. 1888 г., и въ Kroměřižské Noviny 14 февр. 1888.

нымъ чешскимъ археграфомъ Патерой во главѣ. По образцу этого кружка открыты въ 1888—89 гг. подобныя общества и въ Моравіи, именно въ Кромѣржижѣ и въ Голешовѣ, несмотря на противодѣйствіе властей. Въ средѣ чешско-моравской интеллигенціи можно встрѣтить и въ Прагѣ, и на провинціи не десятки, а сотни и даже тысячи лицъ обоего пола, которыя болѣе или менѣе знакомы уже съ русскимъ языкомъ. Не малая доля заслуги въ томъ принадлежитъ чешскому лексикографу Іос. Ранку и лектору русскаго языка въ пражской политехникѣ Іос. Коларжу. Особенно отрадно, что любовь къ нашему языку распространяется въ средѣ студенчества и учителей сельскихъ школъ, отъ которыхъ вѣдь въ значительной мѣрѣ зависитъ направленіе интеллигенціи будущаго [1]). Все это измѣняетъ условія славяногерманской борьбы на почвѣ чехоморавской. Конечный исходъ ея предсказать невозможно. Одно пока несомнѣнно: изъ всѣхъ славянскихъ рѣкъ самая предательская Лаба. Она впадаетъ въ Нѣмецкое море и унесла въ него не одно уже славянское племя, изъ полабцевъ нижнихъ и среднихъ!

Вотъ и сербы лужицкіе уже со всѣхъ сторонъ подмыты этимъ моремъ. Если что нибудь поддерживаетъ еще ихъ въ неравной борьбѣ за существованіе, такъ это сознаніе своей принадлежности къ великому славянскому племени, оживлявшее лужичанъ какъ въ старое, такъ и въ новое время.

Серболужицкое возрожденіе совершилось при участіи не только Коллара и Штура, Пуркине и Ганки, но и нѣкоторыхъ русскихъ славяновѣдовъ, особенно Срезневскаго и Гильфердинга [2]). Главные дѣятели серболужицкой литературы: Смоляръ между протестантами и Горникъ между католиками, довольно хорошо были знакомы съ русскимъ

---

[1]) Въ газетѣ Velehrad 7 мая 1889 г. напечатанъ между прочимъ привѣтственный адрессъ моравскихъ студентовъ въ Прагѣ голешовскому адвокату Барвичу — на русскомъ языкѣ.

[2]) Ср. Гильфердингъ, Собрн. сочиненій. СПб. 1868. II, 25 сл.

языкомъ [1]) и кое что переводили съ него на свой языкъ [2]). Они пользовались не только сочувствіемъ, но и содѣйствіемъ русскаго общества при устройствѣ матичнаго дома, за что нѣмцы удостоили и серболужицкихъ дѣятелей названія панславистовъ [3]). Но и они не могли заподозрить саксонскаго патріотизма верхнихъ лужичанъ.

Нечего и говорить, что серболужицкій языкъ, или лучше—языки верхнихъ и нижнихъ лужичанъ, не въ состояніи удовлетворять высшимъ литературнымъ потребностямъ мѣстнаго населенія. Оно должно проходить нѣмецкія школы и получать высшее образованіе главнымъ образомъ въ университетахъ липскомъ, вратиславльскомъ и берлинскомъ,—славянскихъ по имени, но не по языку и духу преподаванія. Не удивительно, что лишь простонародная литература пользуется лужицкими языками, всѣ же научныя изданія печатаются по-нѣмецки [4]). Даже журналы болѣе общаго содержанія издаваемы были лужичанами Іорданомъ и Смоляромъ по-нѣмецки [5]). Такимъ образомъ, фактически серболужицкая литература является одною изъ многочисленныхъ діалектическихъ подлитературъ нѣмецкаго языка. Давно уже предсказано ей нѣмцами окончательное онѣмеченіе и онѣмѣніе. По человѣческимъ соображеніямъ оно дѣйствительно представляется возможнымъ и даже вѣроятнымъ. Но могутъ наступить перевороты, кото-

---

[1]) Ср. ibid. 24.

[2]) Ср. Dučman N., Pismowstwo katholskich serbow. Budyšin 1869 г., стр. 58; Parczewski A., J. E. Smoler. Warszawa 1883, стр. 56, 62.

[3]) Ср. Andree R., Wendische Wanderstudien 44.

[4]) Напр. Jordan, Grammatik der wendisch-serbischen Sprache. Prag 1841; Schmaler und Haupt, Volkslieder der Wenden in der Ober- und Nieder-Lausitz 1842—1843; Pfuhl, Wörterbuch der oberserbischen Sprache 1857—66 гг. и др.

[5]) Напр. Slawische Jahrbücher 1848, 1852—58; Zeitschrift für slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft (1862—66); Centralblatt für slawische Literatur und Bibliographie (1865—68).

рые измѣнятъ естественный ходъ событій. Не въ пророческомъ ли предчувствіи ихъ указалъ нѣкогда (въ 1697) лужицкій пасторъ Михаилъ Френцель Петру Великому на тожество своего „сербскаго“ языка съ „московскимъ,“ назвавъ при этомъ русскаго царя въ посвященіи къ переводу Евангелія „нашимъ славянскимъ царемъ“ [1])?

Въ одинаковомъ съ лужичанами положеніи находятся кашубы, остатокъ ляшскихъ поморянъ. Окруженные со всѣхъ сторонъ нѣмцами, отрѣзанные отъ поляковъ и діалектомъ, и протестантскимъ вѣроисповѣданіемъ, лишенные и народной интеллигенціи, и письменности, кашубы долго скрывались отъ глазъ наблюдателя въ своихъ песчаныхъ борахъ, пока не донеслась и до нихъ волна славянскаго возрожденія. Первыя обстоятельныя свѣдѣнія о кашубахъ собраны были въ 1826 г., по порученію нашего канцлера гр. Румянцева, гданскимъ учителемъ Мронговіусомъ († 1855 [2]). Лѣтъ черезъ 15 заглянулъ къ нимъ нашъ славистъ Прейсъ (въ 1840 г. [3]), а въ началѣ 1860-хъ годовъ А. Ѳ. Гильфердингъ [4]). Такимъ образомъ русскимъ людямъ пришлось играть нѣкоторую роль въ возрожденіи и этой вѣтви славянъ. Флоріанъ Цейнова, имѣвшій въ Кашубіи такое же значеніе, какъ Смоляръ въ Лужицахъ, находился въ сношеніяхъ съ русскими писателями и между прочимъ былъ единственнымъ представителемъ ляшскаго племени на Московской этнографической выставкѣ 1867 г.

Что касается основного ядра поляковъ, сосредоточеннаго теперь въ Варшавѣ, Краковѣ, Познани, то въ его среду русскій языкъ началъ проникать очень давно, съ XIV-го в.

---

[1]) Ср. Первольфъ, Славяне II, 20.

[2]) Его статья о кашубахъ напечатана въ Baltische Studien 1828 г.

[3]) Ср. его донесеніе Министру Нар. Пр. отъ 20 іюня 1840 г., въ Ж. М. Н. Пр.

[4]) Ср. его статью: „Остатки славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря“. 1862.

Перенесенный Ягайломъ въ Краковъ, нашъ языкъ употреблялся при польскомъ дворѣ не только въ эту пору, но и гораздо позже, еще при Казимирѣ Ягеллонѣ [1]). Сохранились упоминанія о знаніи этого языка въ XV-омъ в. кардиналомъ Збигневомъ Олесницкимъ [2]), и Яномъ Длугошемъ, въ XVI же в. Станиславомъ Орѣховскимъ [3]) и Лукою Горницкимъ [4]). Макушевъ открылъ слѣды руссизмовъ и въ сочиненіяхъ: Я. Ф. Гербурта, Зиморовичей, Клёновича, Рея, А. Збылитовскаго и др. писателей XVI-го в., а равно въ нѣкоторыхъ богословскихъ сочиненіяхъ XV-го в. [5]). Но вообще съ Сигизмунда Августа русскій языкъ оттѣсняется польскимъ, который въ XVII-омъ и XVIII-омъ вв. господствовалъ и въ значительной части Руси, до возсоединенія съ Москвою Руси Малой, Бѣлой и Новой, а наконецъ и Холмщины съ Подляшьемъ. Закрытіе Виленскаго университета и Кременецкаго лицея подрѣзало корни полонизма въ Литвѣ и Малороссіи. Но въ Забужьѣ (Холмщина съ Подляшьемъ) онъ долго сохранялъ гегемонію надъ русскимъ въ школахъ, судахъ, управленіи и общественныхъ сношеніяхъ. Лишь съ 1860-хъ годовъ, благодаря преобразовательной дѣятельности Н. А. Милютина и кн. Черкасскаго съ ихъ сотрудниками, открылась для русскаго языка новая эра и въ привислинскомъ краѣ. Въ теченіе немногихъ лѣтъ (1863 — 69) нашъ языкъ утвердился не только въ русскомъ Забужьѣ, но и въ прочихъ областяхъ этого края, сталъ органомъ высшаго и средняго образованія, судебнаго дѣлопроизводства, администраціи,—словомъ, занялъ въ немъ

---

[1]) Ср. Wiszniewski, Historya l. p. VI, 373; Вержбовскій, Христофоръ Варшевицкій, стр. 247; Первольфъ, Osvěta 1881 г., стр. 314 сл.

[2]) Wiszniewski VI, 373.

[3]) Ср. Policya Królewstwa Polskiego 1566 г. Онъ былъ впрочемъ roxolanus, т. е. русскій.

[4]) Ср. Nowy karakter polski. Kraków 1594 г. листъ D. 4. H. 2.

[5]) Слав. сборн. III, 1876 г.; ср. Arch. Ягича IV, 154, 385.

такое положеніе, какое принадлежало нѣкогда польскому языку въ Литвѣ и западной Руси, до нѣкоторой же степени и теперь принадлежитъ въ Галичинѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ стало увеличиваться число научныхъ вкладовъ въ русскую литературу со стороны поляковъ. Въ прежнее время русскіе писатели польскаго происхожденія (каковы напр. Булгаринъ, Сеньковскій, по пращурамъ и Грибоѣдовъ) были па перечетъ; теперь ихъ число возростаетъ, благодаря нахожденію множества поляковъ на государственной, между прочимъ и учебной службѣ, обусловленной учеными степенями и диссертаціями на русскомъ языкѣ.

Такимъ образомъ, уже теперь русскій языкъ занимаетъ положеніе общаго для большинства поляковъ, обитающаго въ областяхъ Россійской имперіи. Это не пресѣкло литературной дѣятельности и на польскомъ языкѣ, но поставило послѣдній въ такія условія, при которыхъ съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ развиваются языки не общіе, а частные, какъ органы діалектическихъ литературъ.

Въ другомъ отношеніи находятся русскій и польскій языки въ Галичинѣ. Послѣдній безусловно господствуетъ тамъ надъ первымъ. Но все же это не прекращаетъ прилива все новыхъ русскихъ стихій и въ краковско-польскую рѣчь. Лишь въ Познани не замѣтно взаимодѣйствія польскаго языка съ русскимъ. Но тѣмъ обильнѣе тамъ примѣси нѣмецкія, объясняемыя, во 1-хъ, естественнымъ перевѣсомъ большого нѣмецкаго языка надъ относительно малымъ польскимъ, во 2-хъ же германизаціонной политикой Пруссіи, осудившей остатки прусскихъ, познанскихъ, слезскихъ поляковъ на постепенное вытравленіе нѣмцами. Если, какъ можно ожидать, Австро-Угрія будетъ со временемъ возвращена въ нѣмецкій бундъ прусскаго типа, то и Малой Польшѣ придется раздѣлить судьбу Великой Польши и Слезіи, т. е. подчиниться нѣмецкому государству, народу и языку.

Изъ представленнаго обзора успѣховъ русскаго языка

въ попетровское время на почвѣ югозападныхъ и сѣверозападныхъ славянскихъ нарѣчій можно заключать, что ему предстоитъ въ ихъ средѣ блестящая будущность. Но достигнутый къ настоящему времени историческій размахъ этого языка не вмѣщается уже ни въ политическихъ предѣлахъ Россіи, ни въ племенныхъ — славянскаго міра. Его обаяніе замѣтно на всемъ христіанскомъ, даже и нехристіанскомъ Востокѣ. Оно отражается на языкахъ румынскомъ и греческомъ, мадьярскомъ [1]) и турецкомъ, арабскомъ и персидскомъ, авганскомъ и тибетскомъ, китайскомъ и японскомъ. Все чаще приходится читать объ открытіи постоянныхъ или временныхъ каѳедръ для преподаванія этого языка то въ Берлинѣ, то въ Вѣнѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Копенгагенѣ, Стокгольмѣ. Все чаще появляются переводы русскихъ авторовъ на всѣ образованные языки, особенно французскій, нѣмецкій и англійскій. Число лицъ, знающихъ этотъ языкъ, быстро возростаетъ, главнѣйше въ Германіи [2]).

Вообще по площади распространенія русскій языкъ не уступаетъ уже въ настоящее время ни одному другому міровому языку. Что касается числа говорящихъ и пишущихъ на немъ населеній [3]), то русскій уступаетъ

---

[1]) Въ послѣднее время не только военные, но и штатскіе мадьяры прилежно стали учиться по-русски. О томъ свидѣтельствуетъ возникновеніе въ Будапештѣ Кружка любителей русскаго языка, а одновременно съ тѣмъ — выходъ и быстрая распродажа русскихъ грамматикъ (напр. Андрея Сабо, Оскара Ашбота и др.) и наплывъ студенчества на университетскія лекціи по русскому языку проф. Ашбота. Ср. Извѣстія СПб. слав. благотв. общ. за 1888 г. N 2, стр. 100 сл.

[2]) Какъ на свидѣтеля, я могу сослаться тутъ на знаменитаго нѣмецкаго лингвиста, липскаго профессора Авг. Лескина, одного изъ лучшихъ славистовъ нашего времени. Ср. Изв. СПб. слав. бл. общ. за 1888 г. N 8, стр. 448 сл.

[3]) Русскимъ образованнымъ языкомъ пользуются уже теперь почти всѣ народы Россійской имперіи, числящей до 120 милл. душъ.

лишь немногимъ изъ нихъ. Но если вспомнимъ, что размноженіе народонаселенія находится въ прямой зависимости отъ простора занимаемой площади и что въ теченіи 50—60 лѣтъ нынѣшнее населеніе Россіи должно будетъ удвоиться, то намъ не придется завидовать и нынѣшнему численному перевѣсу китайцевъ, индусовъ, англичанъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Теоретическая разработка вопроса объ общеславянскомъ языкѣ.

Изъ представленнаго въ предшествующихъ главахъ историческаго обзора пяти попытокъ образованія общаго славянскаго языка до очевидности ясно, что и въ средѣ славянъ непрерывно дѣйствуютъ, наряду съ центробѣжными, силы центростремительныя. Онѣ проявляются въ язычной области приблизительно въ тѣхъ же условіяхъ и по тѣмъ же законамъ, которыя изучены нами раньше, на двухъ классическихъ и пяти западно-европейскихъ языкахъ. И у славянъ уже съ IX-го в. наблюдается стремленіе къ выработкѣ общаго образованнаго языка. Проявляясь въ различныя эпохи ихъ исторіи то сильнѣе, то слабѣе, оно никогда совершенно не замирало, а только измѣняло формы своего выраженія, относительную силу центровъ, величину радіусовъ, объемъ площадей. Въ оборотѣ этомъ выступали послѣдовательно сначала два южные центра (болгарскій и сербскій), потомъ два западные (чешскій и польскій), а наконецъ съ XVIII-го в. — центръ восточный, русскій.

Попытки эти не были безплодны и безцѣльны. Ц.-славянскій языкъ, основанный на одномъ изъ разнорѣчій болгарскаго типа, въ теченіе многихъ вѣковъ былъ символомъ племенного и культурнаго единства сначала всѣхъ славянъ, а потомъ большинства ихъ. Онъ оставилъ неизгладимый слѣдъ въ лѣтописяхъ христіанскаго человѣчества.

Распространеніе на Балканскомъ полуостровѣ сербскаго языка въ первый періодъ господства османовъ не мало смягчило тяжесть удара, нанесеннаго ими югославянамъ.

Международная роль чешскаго языка въ періодъ гуситскій и чешскобратскій благопріятствовала подъему всего западнаго славянства и хотя бы временному лишь ослабленію вѣковыхъ путъ латыни и нѣмечины. Язычное же единство русско-литовско-польское въ XVI-мъ и XVII-мъ вв. обусловило величіе Сигизмундовской Польши. Послѣ же раздѣловъ оно приготовило второй, еще болѣе блестящій періодъ польской литературы, созданный главнымъ образомъ ея литовскою, украинскою и червонорусскою школами.

Возвышеніе наконецъ русскаго языка до званія общаго на всемъ славянскомъ востокѣ отразилось самымъ благодѣтельнымъ образомъ на судьбахъ русской науки и литературы, государства и общества, народа и церкви, на характерѣ и значеніи всей восточно-христіанской образованности.

Въ виду этого лапидарнаго языка событій никто уже не можетъ сказать, что языкъ общеславянскій невозможенъ. Совершавшееся уже въ прошедшемъ, притомъ не одинъ, а пять разъ, возможно вѣдь при аналогическихъ условіяхъ и въ будущемъ, хотя бы это не соотвѣтствовало частнымъ цѣлямъ и субъективнымъ желаніямъ какихъ нибудь мыслителей, писателей или дѣятелей.

Историческими прецедентами опредѣлены уже и способы выработки общеславянскаго языка. Если въ пяти случаяхъ такой языкъ слагался на почвѣ одного изъ діалектовъ или частныхъ языковъ, то ясно, что и въ шестой разъ онъ можетъ возникнуть или развиться лишь такимъ же образомъ.

Если тѣмъ не менѣе мы рѣшились послѣ языка событій прислушаться и къ языку словъ по занимающему насъ вопросу, то вовсе не для того, чтобы послѣднимъ провѣрять первый, а скорѣе наоборотъ, ибо дѣло всегда вѣрнѣе, реальнѣе, авторитетнѣе слова. Но въ проблемахъ

человѣческаго будущаго и слова могутъ служить вспомогательнымъ средствомъ предугадыванія дѣлъ, которыя вѣдь развиваются изъ понятій, стремленій, чувствъ, какъ растеніе изъ своего зерна.

Первымъ научнымъ наблюдателемъ язычнаго объединенія славянъ или—если угодно—первымъ его пророкомъ былъ Юрій Крижаничъ († послѣ 1676 г.). За нимъ слѣдовали многіе другіе мыслители и писатели, наблюдавшіе этотъ феноменъ и описавшіе его дѣйствительныя или кажущіяся условія, характеръ, очертанія, такъ что до настоящаго времени составилась цѣлая литература статей и сочиненій по этому вопросу на всѣхъ славянскихъ, отчасти и неславянскихъ языкахъ.

По основнымъ точкамъ зрѣнія литература эта можетъ быть подраздѣлена на три главныхъ группы:

А. теорія литературной взаимности;

Б. теорія искусственнаго образованія общаго языка, и

В. теорія возвышенія одного изъ частныхъ языковъ до роли общаго.

Самымъ извѣстнымъ и краснорѣчивымъ представителемъ первой теоріи является турчанскій словакъ Янъ Колларъ († въ 1852). Впервые она была имъ высказана въ 1830 г. въ „Разсужденіи объ именахъ, началѣ и древностяхъ славянскаго народа и его вѣтвей“ [1]); подробнѣе же изложена лѣтъ шесть спустя въ статьѣ „О литературной взаимности славянъ,“ напечатанной въ Кузманіевомъ журналѣ „Гронка“ [2]), а затѣмъ отдѣльно, въ нѣмецкомъ изданіи 1837 г. [3]), которое и считается самымъ полнымъ текстомъ этого знаменитаго разсужденія.

---

[1]) Jan Kollar, Rozprawy o jmenách, počátkách i staro-žitnostech národu slawského a jeho kmenů. Budin 1830. Дополненіе въ Č. Č. M. 1830 г.

[2]) Hronka, wedením K. Kuzmaního. Banská Bystrica 1836. I.

[3]) Über die literarische Wechselseitigkeit zwischen den verschiedenen Stämmen und Mundarten der slawischen Nation.

Подъ литературною взаимностію Колларъ разумѣетъ взаимное покупаніе и чтеніе сочиненій, издаваемыхъ на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, безъ какихъ либо жертвъ со стороны одного изъ послѣднихъ другому. Не преслѣдуя никакихъ политическихъ или религіозныхъ цѣлей, взаимность эта является-де „смирной и невинной овечкой [1]), которая, принадлежа къ большому стаду, пасется на отдѣльномъ лугу.“ Примѣръ Копитара доказываетъ-де, что для такой овечки вполнѣ пригоденъ и австрійскій лугъ. Взаимность не имѣетъ-де никакого сходства съ попытками нѣкоторыхъ славистовъ сдѣлать одинъ изъ славянскихъ діалектовъ общимъ для всего племени или составить таковой изъ смѣшенія всѣхъ этихъ діалектовъ. Послѣдніе слишкомъ-де разошлись уже другъ отъ друга и слишкомъ дороги для своихъ народностей, чтобы можно было ожидать отреченія отъ нихъ во имя общаго языка [2]). Смотря по степени образованія, на которой стоитъ тотъ или другой славянинъ, онъ долженъ-де знать большее или меньшее число діалектовъ: на первой ступени требуется знаніе четырехъ изъ нихъ, а именно русскаго, иллирскаго, польскаго и чехословенскаго; на второй—и болѣе второстепенныхъ нарѣчій, напр. малорусскаго, хорватскаго, хорутанскаго, болгарскаго, лужицкаго и т. д.; на третьей же, высшей ступени, т. е. отъ ученыхъ языковѣдовъ и историковъ требуется знаніе всѣхъ нарѣчій безъ изъятія, живыхъ и вымершихъ, образованныхъ и необразованныхъ, распространенныхъ и нераспространенныхъ, господствующихъ и подданническихъ, употребляющихъ и глагольскую, и кирилловскую, и латинскую или швабскую графику. Прошло-де уже время младенческой разрозненности славянъ. Теперь каждый изъ нихъ долженъ сознавать себя членомъ большой семьи и повторять: sla-

---

Budapest 1837; — [2] Leipzig 1844. Мы будемъ дѣлать ссылки по этому послѣднему изданію.

[1]) Sie ist ein stilles unschuldiges Schäflein. Ibid. 7.

[2]) Ibid. 7—9.

vus sum, nihil slavici a me alienum esse puto [1]). Тогда не станутъ славяне для взаимныхъ объясненій прибѣгать къ чужимъ языкамъ, какъ это дѣлалъ Добровскій, писавшій всѣ сочиненія по-нѣмецки или по-латыни, какъ вынужденъ поступить и авторъ (Колларъ), переведшій это сочиненіе, по желанію многихъ славянъ, на языкъ нѣмецкій. Что касается степени вызываемаго взаимностію знакомства съ чужими нарѣчіями, то она должна быть такова, чтобы каждый образованный славянинъ могъ понимать живую и книжную рѣчь соплеменника и ознакомиться со всѣмъ классическимъ и всеславянскимъ на родственныхъ діалектахъ [2]).

Между новоевропейскими народами нельзя-де найти полной параллели для литературной взаимности славянъ, такъ какъ у первыхъ преобладаетъ язычное единеніе, у вторыхъ же разрозненность. Тѣмъ не менѣе каждый образованный французъ изучаетъ-де родственные романскіе языки; англичанинъ говоритъ и по-французски, по-итальянски, по-испански, по-португальски; итальянецъ читаетъ въ подлинникѣ Вольтера, Шекспира, Сервантеса и Камоенса. У нѣмцевъ было до Лютера нѣчто въ родѣ славянской язычной разрозненности, пока наконецъ саксонскій діалектъ не поглотилъ прочихъ. И древній Римъ имѣлъ языкъ централизованный, искусственный, условный. Но за то Эллада представляетъ-де какъ въ другихъ отношеніяхъ, такъ и въ язычномъ полную аналогію славянамъ. Діалекты іоническій, эолическій, дорическій и аттическій различались другъ отъ друга не менѣе славянскихъ, однако связаны были цѣпью литературной взаимности [3]). Она просуществовала вѣка и не была-де уничтожена даже Александромъ Великимъ, который, соединивъ грековъ подъ однимъ скипетромъ, не могъ однако слить ихъ діалектовъ [4]).

Въ числѣ провозвѣстниковъ славянской взаимности

---

[1]) Ibid. 9 сл.
[2]) Ibid. 11.
[3]) Ibid. 11—17.
[4]) Ibid. 14.

Колларъ упоминаетъ наряду съ Добровскимъ Копитара, наряду же съ Шишковымъ, Погодинымъ, Хомяковымъ, Бодянскимъ—Вука Караджича и Людевита Гая [1]).

Отъ литературной взаимности славянъ Колларъ ожидаетъ: возвышенія ихъ духовной производительности, увеличенія сбыта книгъ, очищенія состава и строя нарѣчій, политическаго успокоенія и внутренняго примиренія славянскихъ народностей [2]). Между затрудненіями же въ развитіи взаимности особенное значеніе придаетъ онъ зависти и мнительности иноплеменниковъ [3]), а равно самомнѣнію и партикуляризму славянскихъ народностей [4]).

Въ числѣ средствъ для достиженія взаимности авторъ особенно рекомендуетъ: организацію междуславянской книготорговли, обмѣнъ писателей и издателей книгами, учрежденіе каѳедръ славянскихъ нарѣчій, изданіе общеславянской христоматіи, славянскаго Плутарха, общеславянской газеты, словарей и грамматикъ, народныхъ пѣсенъ и пословицъ, замѣну чужихъ словъ славянскими, наконецъ однообразное правописаніе по латинской и кирилловской системамъ [5]).

Теорія эта свидѣтельствуетъ о прекрасномъ сердцѣ Коллара, о пламенной его любви къ славянству и искреннемъ желаніи вывести послѣднее изъ вѣковой разрозненности на болѣе широкій и ровный историческій путь. Но она имѣетъ одинъ не пустячный недостатокъ: она невыполнима! Даже отъ записныхъ славистовъ трудно требовать равно обстоятельнаго и полнаго знакомства со всѣми славянскими нарѣчіями. Возлагать же на каждаго спеціалиста исторіи или филологіи обязанность посвятить нѣсколько лѣтъ хотя бы и грамматически-лексикальному

---

1) Ibid. 20.
2) Ibid. 69—77.
3) Ibid. 77 слл.
4) Ibid. 87 слл.
5) Ibid. 92—98.

лишь [1]) изученію этихъ безчисленныхъ нарѣчій, разнорѣчій, говоровъ, значитъ слишкомъ безцеремонно обращаться съ его временемъ, которому онъ можетъ дать болѣе производительное и для себя, и для науки употребленіе. Даже изученіе четырехъ „главныхъ славянскихъ языковъ" представило бы для „образованныхъ первой (низшей) степени" немаловажныя затрудненія, которыя можно осилить лишь въ школахъ, еслибы онѣ не предназначались для изученія болѣе важныхъ въ научномъ и практическомъ отношеніи предметовъ.

Но и самый выборъ четырехъ „главныхъ" языковъ могъ бы показаться пристрастнымъ многимъ изъ славянъ. Болгары напр. и словенцы врядъ ли свыклись бы съ мыслію, что ихъ языки ниже сербскаго, а словаки не обнаруживаютъ желанія подчиняться гегемоніи чешскаго. Невыполнимость подобной теоріи доказывается и отсутствіемъ для нея историческихъ аналогій. Самъ Колларъ сознается, что ни одинъ изъ новоевропейскихъ языковъ не сложился по рекомендуемому для славянъ типу. У нѣмцевъ нѣчто подобное было лишь до Лютера, но побѣждено въ дальнѣйшемъ развитіи нѣмецкой жизни и мысли. Изученіе англичаниномъ языка итальянскаго или испанскаго, а итальянцемъ англійскаго не составляетъ аналогіи для идеи Коллара, ибо, во 1-хъ, такое изученіе вовсе не столь распространено, какъ можно бы вывести изъ его словъ, а во 2-хъ европеецъ изучаетъ языкъ Мольера, Шекспира, Данта, Сервантеса вовсе не потому, что считаетъ его родственнымъ своему, а въ видахъ расширенія образовательныхъ средствъ или для практическихъ цѣлей. Что касается затѣмъ сравненія четырехъ славянскихъ діалектовъ съ четырьмя древнегреческими, то и оно хромаетъ, во 1-хъ потому, что греческіе были значительно ближе между собою и однороднѣе нынѣшнихъ славянскихъ, во 1-хъ въ ихъ средѣ очень рано, со временъ Гомера, былъ діалектъ господствующій, именно іоническій, потомъ аттическій,

[1]) Ibid. 11.

а въ 3-хъ греки уже со временъ Аристотеля и Александра Македонскаго выработали общій языкъ (κοινή), который жилъ гораздо дольше аттицизма и пожалуй совершилъ не менѣе культурныхъ подвиговъ, особенно при установленіи и распространеніи христіанской образованности. Внутренняя стоимость теоріи Коллара не увеличивается отъ того, что въ числѣ ея поборниковъ онъ называетъ людей самыхъ противоположныхъ направленій въ вопросахъ славянскаго языка и образованности. Видно, это колодка на каждую ногу, если она приходится въ ступнѣ и Добровскаго, и Копитара, и Шишкова, и Караджича. Или Колларъ хотѣлъ ссылками на австрійскаго гофслависта и его сербскаго ученика отвести глаза пештъ-будинской цензуры, которая и въ 1837 г. уже гонялась за грознымъ призракомъ панславизма? Быть можетъ, но въ такомъ случаѣ не представляетъ ли и вся эта теорія „литературной взаимности" иносказанія, имѣющаго цѣлью скрыть отъ зоркихъ глазъ австрійской прокуратуры грѣховную мысль автора о необходимости не фиктивнаго лишь, но и реальнаго сближенія славянъ на почвѣ общаго языка?

Въ такомъ случаѣ „смирная и невинная овечка, которая, принадлежа къ большому стаду, пасется на отдѣльномъ лугу" [1]), была бы не чѣмъ инымъ, какъ злой ироніей автора по адресу наивныхъ сепаратистовъ, которые, охраняя мнимую самостоятельность каждаго изъ десяти или болѣе славянскихъ „языковъ", безсознательно обрекаютъ большинство этихъ овечекъ на съѣденіе нѣмецкому волку....

Но если Колларъ и ошибался, предполагая уравновѣсить реальное язычное единство нѣмцевъ, итальянцевъ, французовъ и другихъ историческихъ народовъ, фиктивнымъ объединеніемъ славянъ на почвѣ „литературной взаимности", то это ему извинительно, какъ поэту и мечтателю.

Гораздо удивительнѣе, что теорію эту усвоили потомъ многіе ученые и практическіе дѣятели. Однимъ изъ

---

[1]) Ibid. 7.

самыхъ замѣчательныхъ и характерныхъ представителей этого взгляда между новославянскими политиками является даровитый чешскій ораторъ Владиславъ Ригеръ. Многимъ еще памятна и у насъ, и въ Чехіи его замѣчательная рѣчь о литературной взаимности, произнесенная 31 мая 1867 г. въ Москвѣ, на одномъ изъ собраній Славянскаго съѣзда.

Вотъ сокращенная основа этой рѣчи:

„Славянскія нарѣчія столь близки между собою, что, будь на то Божья воля, мы стали бы однимъ народомъ по литературѣ и языку. Но Богъ и ходъ нашей тысячелѣтней исторіи судили иное. Раздѣленные по разнымъ краямъ и разбитые на отдѣльныя народности, мы принуждены были итти каждый своей дорогой по пути къ образованію, къ величію и человѣчности. Думаю, что при наилучшемъ желаніи нельзя уже забыть своей тысячелѣтней исторіи. Все, чего мы, славяне, можемъ достигнуть, это соединеніе въ духѣ и любви, это твердое памятованіе, что мы дѣти одной матери и какъ братья призваны взаимно помогать другъ другу въ нашихъ усиліяхъ. Поляки имѣли своего Коперника и Мицкевича, сербы Душана и Гундулича, русскіе Нестора и Ломоносова, но общеславянской науки, оживленной однимъ духомъ, мы еще не имѣли. Мы чувствуемъ, что это ослабляло насъ въ прошломъ. А между тѣмъ, какъ младшій изъ міровыхъ народовъ, мы скоро будемъ призваны принять активное участіе на поприщѣ всемірнаго труда.... Но какъ намъ приняться за его совершеніе? Передъ нами открыты въ этомъ отношеніи двѣ дороги: мы должны избрать либо полное единство, либо разнообразіе въ гармоніи.... Отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ судьба всего славянства. При этомъ невольно вспоминаются греки, которые при всемъ различіи своихъ нарѣчій возростили однако роскошные цвѣты образованности. Цвѣты этой древнегреческой образованности развивались въ полномъ разнообразіи. Въ опредѣленныя времена греки сходились на олимпійскія игры, на которыхъ каждое племя выставляло лучшія свои произве-

денія въ области науки, искусства и поэзіи. Тамъ они приносили другъ другу дань удивленія, получали взаимныя возбужденія и совѣщались. Вотъ путь, по которому должно теперь двигаться и славянство! Быть можетъ многіе предпочли бы слиться тѣломъ и духомъ въ одно цѣлое. Но тысячелѣтняя исторія не стирается безслѣдно. Думаю, что примѣръ грековъ, достигшихъ на этомъ пути недосягаемой степени образованности, можетъ служить намъ отрадой и обезпечить великую будущность. Такъ и старые итальянцы, при всей своей разрозненности, духомъ взаимности достигли блестящаго развитія въ вѣкъ Рафаеля. Теперь Италія соединилась въ одно государство, но возникаетъ вопросъ, произведетъ ли она новыхъ Рафаелей, новыхъ Леонардовъ? Я того мнѣнія, что различіе частей не исключаетъ единства: его нужно искать въ гармоніи всѣхъ частей. Нерасчлененное единство можетъ привести къ односторонности, безжизненности, подобно какъ раздробленность безъ руководящаго духа ведетъ къ слабости и упадку. Еслибы всѣ московскіе колокола слить въ одинъ громадный колоколъ, еще больше „ивана великаго“, то звукъ этого колокола-богатыря былъ бы конечно силенъ, но впечатлѣніе его не было бы пріятной гармоніей колокольныхъ звуковъ, возвѣщающихъ пасхальную заутреню. Въ человѣкѣ, какъ и въ дѣйствіяхъ его, въ жизни политической, въ наукѣ, въ мірѣ естественныхъ явленій, замѣчаются два момента: сила и красота. Первая достигается главнѣйше единствомъ, вторая же гармоніей частей.... Славянская липа не стала бы краше, если бы ей обрѣзали вѣтви, оставивъ одинъ стволъ. Каждый стволъ долженъ держаться своей почвы; стволъ липы долженъ быть и единый, и цѣльный, но вѣнецъ ея образуютъ вѣтви. Въ нихъ жизнь и цвѣтъ и красота дерева.... Человѣкъ необразованный болѣе восторгается огромностію массы; образованный же обращаетъ вниманіе на подробности, на части. Онъ желаетъ одушевить массу и приноситъ дань удивленія лишь той красотѣ, которая заключается въ соразмѣр-

ности и гармоніи. Египетскія пирамиды и скульптурные колоссы тоже произведенія искусства, но еще болѣе—силы, возбуждающей удивленіе своими размѣрами. Однако не прекраснѣе ли пирамидъ Аполлонъ Бельведерскій?....“ [1]).

Если освободить мысль Ригра отъ изящной ораторской фразеологіи, въ которую она облечена, то ее можно выразить такъ: „Славянскія нарѣчія, при всей своей діалектической близости, настолько разошлись въ историческомъ отношеніи, что ихъ невозможно свести въ одно литературное ложе. Да это и не желательно, ибо такое объединеніе могло бы ослабить ростъ отдѣльныхъ нарѣчій и литературъ. Для гармоніи цѣлаго достаточно, если они будутъ связаны духомъ взаимности, какъ это было въ древней Греціи и ренессанской Италіи“.

Теорія Коллара воспроизведена здѣсь, черезъ 30 лѣтъ, почти безъ измѣненій, а лишь обставлена двумя-тремя новыми—не аналогіями, а сравненіями изъ совершенно другой, эстетической области. Мы не отрицаемъ, что сравненія эти — съ колокольнымъ звономъ, съ липой, съ пирамидой и Аполлономъ, довольно красивы, но для убѣдительности имъ недостаетъ внутренней, такъ сказать, соизмѣримости сравниваемыхъ предметовъ и явленій. Въ самомъ дѣлѣ, что общаго между механическою дробностію голосовъ какой нибудь колокольни и органическою сопринадлежностью опредѣленнаго числа нарѣчій къ общему діалектическому корню или классу? Да и почему возвышеніе напр. тосканскаго діалекта въ общіе языки Италіи или кастильскаго въ Испаніи должно соотвѣтствовать сліянію всѣхъ колоколовъ гор. Москвы въ одинъ архиколоколъ? Вѣдь и прочія нарѣчія Италіи сохранялись — по словамъ самого Ригра — при Рафаелѣ и Леонардѣ, сохраняются, прибавимъ, и до нашихъ дней, несмотря на политическое объединеніе Апеннинскаго полуострова. Да и не одни нарѣчія сохранились тамъ, а вмѣстѣ съ ними и діалекти-

---

[1]) Заимствуемъ текстъ изъ Kroměřižské Noviny 18 окт. 1887 г.

ческія литературы, слѣдовательно не только отдѣльные колокола, но и цѣлыя колокольни, по фразеологіи чешскаго оратора. Столь же неудачно сравненіе объединенныхъ общимъ языкомъ народовъ, напр. нѣмецкаго, французскаго, англійскаго, съ окорнанною отъ вѣтвей и лишенною вѣнца липою. Вѣдь вѣтви тамъ не подрѣзаны, а растутъ на стволѣ и обмѣниваются съ нимъ питательными веществами. Столь же непонятно, почему языки общіе, напр. illustre vulgare Данта, standard Шекспира, neuhochdeutsch Гэте и Шиллера, представляются похожими на пирамиды фараоновъ, языки же мелкіе и частные, напр. швабскій, фризскій, фламандскій,—на Аполлона Бельведерскаго!

Что касается древнегреческихъ аналогій для подготовляемой г. Ригромъ „гармоніи сферъ" въ системѣ славянскихъ языковъ и литературъ, то призрачность этихъ аналогій указана уже выше, въ замѣчаніяхъ на Коллара, изъ котораго чешскій ораторъ заимствовалъ это сравненіе.

Но быть можетъ г. Ригру удалось точнѣе опредѣлить смыслъ Колларовскаго термина: „литературная взаимность" и намѣтить хоть въ общихъ чертахъ пути къ ея достиженію? Къ сожалѣнію, и этого мы не находимъ въ московской рѣчи чешскаго политика. Онъ какъ будто избѣгаетъ и самаго этого термина, замѣняя его выраженіями: „единеніе въ духѣ и любви", „духъ взаимности", „гармонія всѣхъ частей" [1]). Въ какихъ же конкретныхъ формахъ долженъ выражаться этотъ духъ, эта гармонія: въ изученіи ли каждымъ образованнымъ славяниномъ всѣхъ славянскихъ языковъ или только главныхъ между ними, въ параллельномъ ли развитіи этихъ языковъ, сближеніи напр. графическомъ, терминологическомъ, синтактическомъ, въ разчленномъ ли единствѣ основъ, цѣлей и формъ славянской науки и литературы, или только въ навыкѣ говорить красивыя застольныя рѣчи на тему о славянской взаимности,—все это осталось невыясненнымъ у г. Ригра. Въ концѣ рѣчи онъ

1) Sjednocení v duchu i lásce... Duch pospolitosti... Jednotu dlužno hledati v souladu všech částí.

указалъ на съѣзды славянскихъ историковъ, художниковъ, сельскохозяевъ и т. д., какъ на путь къ достиженію „гармоніи славянъ“ (souladu slovanův). Но на какомъ языкѣ будутъ происходить совѣщанія на этихъ съѣздахъ, этого онъ не коснулся. А жаль! Пришлось бы сознаться, что какъ пражскій съѣздъ 1849 и московскій 1867 г., такъ и всѣ послѣдующіе должны будутъ прибѣгать въ серіозныхъ преніяхъ къ посредничеству языка нѣмецкаго, какъ единственнаго международнаго органа всѣхъ западныхъ славянъ.

Еще яснѣе изложилъ Ригеръ свой отрицательный взглядъ на общеславянскій языкъ въ парламентской рѣчи, произнесенной въ Вѣнѣ осенью 1888 г. Тутъ онъ ссылался на „кристаллизацію и индивидуализацію“ такихъ старыхъ народовъ, какъ чехи, которые-де при наилучшемъ желаніи не могли бы уже слиться съ другимъ народомъ, напр. русскимъ, чрезъ принятіе ихъ литературнаго языка и вѣры. Нѣмцы много рукоплескали этой рѣчи, но славянскія газеты — не всѣ: Naše Hlasy, Moravská Slovač, Parlamentär, Slovanski Svet даже протестовали.

Несмотря на всю фиктивность славянской взаимности Колларовскаго типа, а быть можетъ и благодаря ей, теорія эта до сихъ поръ господствуетъ во взглядахъ большинства западнославянскихъ писателей и дѣятелей такъ называемаго національнаго направленія. Такъ приблизительно смотрѣли на этотъ вопросъ Палацкій и Дудикъ, Пуркине [1]) и Ирѣчки (старшіе), за ними же dii minores въ Чехіи, Блейвейсъ и его школа въ Словеніи, Гай съ послѣдователями въ Хорватіи, Далматіи, Славоніи, Вукъ съ учениками въ Сербіи и всѣ почти пробужденные въ славянскомъ смыслѣ поляки—краковскіе, познанскіе, варшавскіе, петербургскіе. И между русскими славянолюбцами сентиментальная теорія Коллара до недавняго времени находила многихъ приверженцевъ. Главное ея преимуще-

---

[1]) Ср. его Austria polyglotta, Praha 1867 г., стр. 26. Авторъ пророчитъ тутъ „mluvu všeslovánskou“, въ родѣ греч. κοινή, но какъ будто изъ сліянія живыхъ нарѣчій!

ство заключается въ томъ, что она никого ни къ чему не обязываетъ. Правда, первымъ ея требованіемъ является у Коллара взаимное изученіе если не всѣхъ, то хоть главныхъ славянскихъ языковъ. Но такъ какъ фактически никто, кромѣ записныхъ славяновѣдовъ, не посвятитъ нѣсколькихъ лѣтъ жизни на ознакомленіе съ этими языками, а безъ знанія послѣднихъ безцѣленъ, да и невозможенъ литературный обмѣнъ между писателями отдѣльныхъ народностей, то въ итогѣ является полнѣйшее взаимное ихъ безучастіе, лишь для наивныхъ смягченное фразами: „духъ взаимности, гармонія частей“. Не напрасно потому уже многіе нѣмцы и даже нѣкоторые мадьяры (напр. г. Рилль, шульинспекторъ въ Желѣзной жупаніи) совѣтовали по возможности поддерживать у славянъ діалектизмъ, какъ вѣрное средство ихъ обезнароживанья. Нѣкоторой ироніей отзывается и данный проф. Ягичемъ г. Пыпину совѣтъ не забывать при перечнѣ „литературныхъ панславистовъ“ и тѣхъ, которые пишутъ по-нѣмецки, какъ напр. Добровскій, Копитаръ, Миклошичъ и самъ редакторъ нѣмецкаго Архива славянской филологіи [1]). На дѣлѣ направленіе это мало разнится отъ того, для котораго нѣтъ ни славянства, ни отечества, а только богоподобная Европа, передъ идоломъ коей должны пресмыкаться въ прахѣ поколѣнія чернаго, краснаго и желтаго человѣчества, да заодно ужъ и — по ошибкѣ бѣлые — славяне.

А между тѣмъ уже лѣтъ двѣсти тому назадъ жилъ умный хорватъ, который какимъ то дивомъ прозрѣлъ въ будущемъ совершенно иную, болѣе реальную и плодотворную форму язычнаго единенія славянъ. То былъ вышеназванный уже хорватскій попъ Юрій Крижаничъ († послѣ 1676 г.). Генезисъ его идей о племенномъ единствѣ славянъ, общности ихъ историческихъ задачъ и необходимости совмѣстной борьбы съ иноплеменниками,—не вполнѣ еще выясненъ. Можно допускать тутъ отраженіе и племенныхъ инстинктовъ порабощеннаго турками, нѣмцами,

---

[1]) Archiv IV, 543.

венеціанцами югославянства, и религіозныхъ связей его съ восточнымъ царствомъ, и установившагося къ тому времени взгляда на русскій изводъ ц.-славянскаго языка какъ на нормальный для всѣхъ кириллистовъ и глаголяшей, и знакомства съ сочиненіями образованныхъ далматинцевъ XVI—XVII-го вв., напр. поэтовъ Гундулича, Пальмотича, Бараковича, а также историковъ Червы, Фауста Вранчича, Мавра Орбини и др., писавшихъ въ общеславянскомъ духѣ. Но едва ли не главнымъ источникомъ всеславянства Крижанича былъ его собственный высокій и глубокій умъ, пламенное чувство и орлиный глазъ, который разглядѣлъ въ туманѣ отдаленія выступающій образъ Россіи и великое призваніе ея въ средѣ славянъ. И это видѣніе не было маревомъ. Оно соотвѣтствовало дѣйствительности. Но Крижаничъ ошибся въ глазомѣрномъ опредѣленіи ея разстоянія отъ того времени. Какъ это часто случается въ степяхъ и на морѣ, онъ принялъ дальность двухвѣковую за непосредственную близость и отправился въ завѣтную Москву, словно персидскій магъ за звѣздой, возвѣстившей рожденіе Мессіи. Это было въ 1650-хъ гг.[1]), лѣтъ за 15—20 до рожденія Петра Великаго и за сто почти до выхода Русской грамматики Ломоносова. Нечего и говорить, что Россія не была тогда готова къ той освободительной и объединительной роли, о какой мечталъ Крижаничъ. Русскій народъ и самъ былъ раздѣленъ еще на нѣсколько частей въ отношеніяхъ религіозномъ, государственномъ, общественномъ, язычномъ. Значительная часть его была въ уніи, другая уходила въ расколъ. Вся Бѣлая Русь и бо́льшая (правобережная) часть Малой принадлежали еще Польшѣ. Южныя степи кишѣли русскими усвоками. Отношенія общественныхъ классовъ уже отзывались крѣпостничествомъ, которое разъѣдало области русско-польскія. Старое полувизантійское образованіе вымирало, а новое едва зарождалось. Въ области книжной также не было никакого единства: одни писали по-церковнославянски, другіе по-

[1]) Cp. Archiv VI, 120.

славянорусски, третьи на языкѣ приказномъ и притомъ двухъ типовъ, московскаго и западнорусскаго. Гдѣ же тутъ условія для объединенія славянъ на почвѣ русской народности, государства и языка! Однако Крижаничъ питалъ столь крѣпкую вѣру въ возможность и неизбѣжность такого объединенія, что не пошатнулся въ этой вѣрѣ даже послѣ того, какъ по государеву указу отъ 8 января 1661 г. онъ былъ сосланъ въ Тобольскъ, гдѣ и пробылъ болѣе 15 лѣтъ. Наоборотъ, изъ этого отдаленнаго города историческіе недуги славянства и великое призваніе въ немъ Россіи обрисовались ему еще яснѣе, а желаніе уврачевать эти недуги и приблизить день искупленія разгорѣлось еще ярче. Оно выразилось въ цѣломъ рядѣ богословскихъ, историческихъ, политическихъ, филологическихъ работъ, обезсмертившихъ имя ссыльнаго хорвата.

Но насъ занимаютъ здѣсь не его взгляды на унію, расколъ и патріарха Фотія, или на вопросы внутренняго и внѣшняго управленія Россіи, а единственно его мнѣніе объ общемъ языкѣ славянъ. Оно всего полнѣе высказано въ „Предопоминкѣ“ и „Предговорји“ къ его „Граматичному изказанју об руском језику“ [1]), которое предназначено служить нормою такого языка. Тутъ мы читаемъ между прочимъ слѣдующее (въ подновленномъ пересказѣ):

„Благосклонный читатель этого сочиненія не долженъ удивляться употребленному въ немъ способу писанія и говоренія, который не вполнѣ согласенъ съ обычнымъ русскимъ книжнымъ языкомъ. Какъ въ греческомъ были различные діалекты: аттическій, дорическій, общій, на которыхъ писали отдѣльные писатели и которые безъ затрудненій были понимаемы читателями, такъ и я надѣюсь, что моя рѣчь будетъ понятна для всѣхъ поколѣній и нарѣчій русскаго (читай: славянскаго) народа, т. е. для русскихъ, словинцевъ (читай: болгаръ, сербовъ и хорватовъ), ляховъ и чеховъ. Съ этою цѣлью я и рѣшился избрать

---

[1]) Въ Чтеніяхъ Московскаго общ. исторіи и древностей. Москва 1848 г., кн. I, стр. I слл.

такую рѣчь, словно нѣкоторый общій языкъ, чтобы быть для всѣхъ понятнымъ. У меня нѣтъ вѣдь ничего иностраннаго ни въ словахъ, ни въ словосочиненіи. Я избралъ такіе изгибы и окончанія словъ, которые имѣютъ общій характеръ, т. е. свойственны многимъ нашимъ діалектамъ. А впрочемъ, пусть каждый говоритъ и пишетъ такъ, какъ по его мнѣнію лучше".

....„Несправедливо называютъ славянскимъ (словинскимъ) языкъ, на которомъ мы пишемъ книги и совершаемъ божественныя службы. Его слѣдуетъ называть русскимъ. Въ нашемъ народѣ было встарь шесть королевствъ, а донынѣ остается шесть народностей и шесть главныхъ діалектическихъ единицъ: русскіе, ляхи, чехи, болгары, сербы и хорваты, между которыми три послѣдніе называются то словинцами, то задунайцами. Но между всѣми этими землями и народностями самымъ первоначальнымъ является народъ и имя русское... Всѣ прочія славянскія народности произошли отъ русской... Однѣ основали государства болгарское, сербское, хорватское, другія—ляшское и моравское или чешское... Итакъ, не нужно вѣрить лѣтописцамъ, будто русь, ляхи и чехи вышли отъ словинцевъ (югославянъ)... Несомнѣнно, что русское племя и имя служитъ вершиною и корнемъ для всѣхъ остальныхъ [1]). А потому, желая обнять обицимъ именемъ всѣ шесть славянскихъ народностей и діалектовъ, мы должны называть ихъ не новымъ названіемъ: словинцы, а кореннымъ и стародавнимъ именемъ: русскіе... Особенно тотъ языкъ, на которомъ пишутся книги, не можетъ называться словинскимъ, а долженъ именоваться русскимъ книжнымъ или древнимъ языкомъ... Языкъ этотъ и зародился вѣдь нѣкогда въ Руси. Онъ гораздо ближе къ ея разнорѣчіямъ, чѣмъ любой другой славянскій. Изъ каждыхъ десяти словъ этого языка (читай: ц.-славянскаго русской редакціи) де-

---

[1]) Становито јест, јеже руско племе и јме јест осталним всим вершина и кореника. Ibid. II стр.

вять похожи на слова русскія и лишь одно на южнославянское“.

. . . „Нельзя утверждать, что этотъ нашъ языкъ былъ въ древнее время хорошо обработанъ, исправенъ и обиленъ. Наоборотъ, онъ былъ не болѣе нынѣшняго пригоденъ къ переводу иноязычныхъ словъ. На языкѣ этомъ никогда вѣдь не было настоящаго писателя; на немъ никогда не управлялось столь великое, благоустроенное и прочное государство, какъ нынѣшняя Россія. Всѣ же прочія славянскія народности въ своихъ новосельяхъ подпали со временемъ подъ власть иноплеменниковъ—нѣмцевъ, угровъ, волоховъ, турокъ, при чемъ онѣ потеряли кто треть, кто половину словъ отечественнаго языка, и теперь съ каждымъ днемъ еще ихъ теряютъ. Да это и понятно: языкъ долженъ искажаться и падать въ томъ народѣ, который не имѣетъ ни писателей, ни королевскихъ приказовъ, ни своего управленія и законодательства . . . Потому-то въ этой области нечего намъ искать теперь у болгаръ: ихъ языкъ до того загубленъ, что едва остается слѣдъ прежняго. Ляхи заимствовали изчужа до половины своихъ словъ. Языкъ чешскій нѣсколько чище, но и онъ сильно испорченъ. Сербы же и хорваты до того забыли дѣдовскую рѣчь, что не могутъ ни о чемъ на ней говорить, кромѣ самыхъ обыденныхъ предметовъ. . . . Одно слово ихъ рѣчи взято изъ языка русскаго, другое изъ мадьярскаго, третье изъ нѣмецкаго, или турецкаго, греческаго, волошскаго, албанскаго . . . Но зато у хорватовъ ударенія (?завлаки) очень правильны, выговоръ чистый, формы же очень близки къ первоначальному и основному русскому. Впрочемъ, хорватскій діалектъ не вездѣ таковъ, а лишь въ небольшомъ уголкѣ земли, близъ р. Купы, въ уѣздѣ Дубовца, Озлья и Рыбника. Здѣсь среди крутыхъ горъ и въ недоступныхъ мѣстахъ сохранилось хорватское и сербское боярство, бѣжавшее туда во время турецкихъ погромовъ и при взятіи крѣпости Бихча. Въ дѣтствѣ я тамъ слышалъ чистый, правильный и древній выговоръ. Онъ сохранился благодаря отсутствію проѣзжихъ дорогъ,

торговли и заѣзжихъ иноплеменниковъ. Что касается русскаго нарѣчія, то въ немъ нѣсколько передвинуто уже удареніе и измѣнены формы, но зато пригодныхъ и коренныхъ словъ у русскихъ гораздо больше, чѣмъ у хорватовъ, благодаря употребленію русскаго просторѣчья въ дѣловодствѣ приказовъ и всѣхъ присутствій".

... „Бѣлорусскій языкъ испорченъ разными варваризмами не менѣе хорватскаго и ляшскаго... То же видимъ въ кіевскихъ книгахъ, языкъ коихъ до того мерзокъ и гнусенъ, что нельзя читать ихъ безъ позыва на рвоту. Бѣлоруссы съ благоговѣніемъ смотрятъ на ляшскіе нравы, законы, языкъ. А такъ какъ ляшская рѣчь слишкомъ обезображена всевозможными примѣсями, то не удивительно, что и бѣлоруссы, черпая изъ грязнаго источника, не могутъ дать намъ чистаго напитка".

„Что касается языка богослужебныхъ и священныхъ (ц.-славянскихъ) книгъ, переведенныхъ греками, то онъ настолько переполненъ греческими, латинскими, нѣмецкими словами... настолько пострадалъ въ составѣ и строѣ, что не похожъ ни на греческій, ни на русскій языкъ".

„Мелетій Смотрицкій... слишкомъ увлекся въ своей Грамматикѣ греческими образцами и хотѣлъ передѣлать нашъ языкъ по греческому и латинскому типамъ. Но каждый языкъ имѣетъ свои особыя правила и не можетъ быть измѣняемъ по чужимъ образцамъ".

„Въ теченіе 20-ти лѣтъ я думалъ и трудился, по изложеннымъ причинамъ, надъ исправленіемъ языка и отмѣчалъ все, что могъ подобрать пригоднаго для моей цѣли. И вотъ теперь, въ виду шаткости языка книжныхъ переводовъ, я рѣшился собрать эти многолѣтнія наблюденія и предать ихъ въ общее пользованіе, въ видахъ усовершенствованія языка и прекращенія народныхъ споровъ (раскола). Многіе недостатки этой Грамматики объясняются тѣмъ, что я не имѣлъ подъ руками словаря и жилъ вдали отъ людей, съ которыми могъ бы посовѣтоваться [1])...

---

[1]) Ibid. стр. I—VI.

Изъ самаго изложенія Грамматики Крижанича приведемъ еще слѣдующее важное мѣсто:

„Хорватскій діалектъ (по звукамъ и формамъ) красивѣе прочихъ: онъ нѣсколько напоминаетъ аттическій въ древней Греціи, который превосходилъ четыре другихъ діалекта (іоническій, эолическій, дорическій и общій) своимъ сокращеннымъ и рѣзвымъ выговоромъ, избѣгая двоегласія, которое господствовало въ прочихъ діалектахъ“ [1]).

Изъ изложеннаго съ достаточною ясностью обрисовывается взглядъ Крижанича на язычныя отношенія славянъ того времени и планъ измѣненія ихъ въ будущемъ. Раздѣленіе славянства на шесть главныхъ „отминъ“ или діалектовъ, открытыхъ настежь для вторженія стихій иноязычныхъ и обезображенныхъ то варваризмами („страницiной“) то провинціализмами („безящиною“), представлялось ему явленіемъ очень прискорбнымъ и опаснымъ въ будущемъ. Двадцать лѣтъ онъ думалъ о средствахъ улучшенія язычныхъ отношеній славянства и пришелъ наконецъ къ убѣжденію, что оно можетъ объединиться на почвѣ нѣкоего „общаго языка“. Но изъ какихъ стихій долженъ быть онъ образованъ? Уже изъ самаго названія этого языка „русскимъ“ [2]) видно, что нашу „отмину“ Крижаничъ считалъ основною и ближайшею къ нормѣ. Какъ „руское племе и јме јест“, по его словамъ, „осталним всим вершина и кореника“, такъ и русскій языкъ представлялся ему основнымъ стволомъ прочихъ славянскихъ нарѣчій, именно южныхъ, чешскаго и ляшскаго, которые „јесут руского језика отродки“. На этомъ стволѣ и должны-де они объединиться, тѣмъ болѣе, что въ ихъ средѣ не было и нѣтъ другого такого „великого и устроеного и обстојалного кральества, каково днес по божјеи милости јест ово славно руско господарство“. Изъ прочихъ „отминъ“ одна боснійско-хорватская, соотвѣтствующая родинѣ Крижанича „око

[1]) Чтенія Моск. общ. ист. и древн. 1859 г. IV, 108.

[2]) „Граматично изказанје об руском језику“: таково заглавіе этой грамматики общаго языка славянъ.

Купи рики, во ујезду Дубовца и Озља и Рибника острогов", представлялась ему заслуживающею особеннаго вниманія по правильности выговора, чистотѣ состава рѣчи и ея сходству съ языкомъ русскимъ. Болѣе того, боснійско-хорватская рѣчь казалась ему даже первобытнѣе и грамматичнѣе русской, каторая зато въ лексикальной области богаче-де и хорватской, и всѣхъ прочихъ „отминъ," благодаря употребленію ея въ „приказныхъ письмахъ и всякихъ народныхъ дѣлахъ". Вотъ почему „хорватская отмина", какъ „липља од осталих", представлялась ему какъ бы славянскимъ аттицизмомъ, имѣющимъ подобныя аттицизму греческому права при выработкѣ общаго языка (κοινή [1]).

Что часается прочихъ славянскихъ „отминъ", то, по взгляду Крижанича, ихъ слѣдуетъ принимать при этомъ въ соображеніе лишь настолько, насколько они служатъ критеріемъ при различеніи „претворовъ и завершеній" (т. е. формъ и окончаній) „общеніих" (т. е. общеславянскихъ) отъ областныхъ или частныхъ.

Въ теоріи этотъ способъ образованія общеславянскаго языка, на основѣ русской, съ примѣсями хорватскими и примѣнительно къ общимъ стремленіямъ прочихъ славянскихъ нарѣчій, представляется довольно цѣлесообразнымъ. Нѣкоторая искусственность такого образованія и примѣненіе эклектическаго пріема при выборѣ формъ и словъ довольно обычны въ исторіи образованія общихъ языковъ. И Эсхилъ намѣренно разбавлялъ свой аттицизмъ дорическими формами; Дантъ внесъ на тосканскій фонъ своего „illustre vulgare" не мало узоровъ сицилійскаго и болонскаго происхожденія; Лютеръ сознательно выбралъ изъ дѣлового имперскаго языка и просторѣчій тюринго-саксонскихъ то, что казалось ему наиболѣе понятнымъ для нѣмцевъ и верхней, и нижней Германіи.

Еслибы и Крижаничъ, подобно всѣмъ этимъ писателямъ, не только въ теоріи, но и на практикѣ положилъ

---

[1]) Чтен. Моск. общ. 1859 г., стр. 150.

въ основу общаго языка одинъ изъ діалектовъ, именно русскій, и на этотъ основной фонъ нанесъ въ видѣ узоровъ примѣси хорватскія и иныя, то онъ предупредилъ бы на сто почти лѣтъ Ломоносова и считался бы основателемъ не только общерусскаго, но и общеславянскаго образованнаго языка.

Но для этого Крижаничу нужно было родиться русскимъ, а не хорватомъ, и обладать сверхъ научнаго еще художественнымъ талантомъ, безъ котораго писатель не можетъ увлечь за собою общества и народа. Къ сожалѣнію, обоихъ этихъ условій недоставало Крижаничу. Родившись и выросши на крайнемъ славянскомъ западѣ, онъ лишь въ относительно позднемъ, сорока-лѣтнемъ уже возрастѣ попалъ въ Россію и писалъ свое „Изказанје" послѣ 7—8 лѣтняго лишь въ ней пребыванія (1658—1666). Какъ недостаточно еще зналъ онъ тогда русскій языкъ, видимъ изъ его собственныхъ словъ, что не имѣя подъ руками русскаго „Ричила" (словаря) онъ никакъ не могъ допытаться, что собственно значатъ русскія слова: мечта, свирѣпый, единоличный, подлинный, и какъ перевести на русскій хорватскія слова: шурјак, јетерва, залва, сваст, просинец и н. др.[1]).

Кромѣ того Крижаничъ имѣлъ очень смутное понятіе о взаимныхъ отношеніяхъ ц.-славянскаго языка русскаго извода къ славянорусскому стилю тогдашнихъ нашихъ писателей съ одной стороны, а къ дѣловому или приказному съ другой. Употребляя параллельно формы то одного, то другого, то третьяго языка, даже безъ того механическаго ихъ различенія, какое мы видимъ у Ломоносова въ ученіи о трехъ штиляхъ, Крижаничъ получилъ весьма сѣрый и мутный фонъ для задуманной картины. Въ довершеніе бѣды хорватская „отмина" ложилась на нее не въ видѣ дополнительныхъ красокъ, а густымъ и сплошнымъ слоемъ, который совершенно закрылъ предполагаемую русскую основу. Такимъ образомъ фактически получилась рѣчь хор-

---

[1]) Грамм. изк., конецъ Предговорја.

ватская, наполненная ц.-славянизмами и руссизмами, а не русская съ умѣренной подмѣсью хорватизмовъ. Хорватскій характеръ этого языка отражается и въ томъ, что, по собственному сознанію Крижанича, онъ отдаетъ преимущество русскому собственно въ лексиконѣ, а не въ грамматикѣ, ибо въ послѣднемъ отношеніи его родная рѣчь древнѣе-де и чище. Но вѣдь грамматика, а не лексиконъ даетъ языку внутреннее опредѣленіе, пріурочиваетъ его къ тому или другому діалектическому классу. Въ противномъ случаѣ пришлось бы, пожалуй, считать англійскій языкъ романскимъ, а румынскій славянскимъ!

Такимъ образомъ, Крижаничъ на дѣлѣ совершенно разошелся со своими теоретическими основами. Онъ выработалъ языкъ, который органически примыкаетъ къ боснійско-хорватскому и лишь механически къ русскому. Даже графика Крижанича несравненно ближе къ олатыненной буквицѣ боснійскихъ францисканцевъ, чѣмъ къ русскому традиціонному правописанію. Языкъ этотъ скорѣе могъ привиться въ Хорватіи, чѣмъ на Руси. Тогда онъ составилъ бы хорватскую параллель для славянорусскаго языка сербовъ и болгаръ XVIII-го в. Общеславянскимъ же онъ не сдѣлался бы ни въ какомъ случаѣ, ибо для того ему не доставало внутренней красоты и силы. Это хорошо сознавалъ и самъ Крижаничъ, горько жаловавшійся въ своей „Политикѣ“ на недостатки славянскаго языка, въ сравненіи съ другими образованными. Этотъ языкъ, говоритъ онъ, „есть пребѣденъ, преубогъ и ко всему неспособенъ“ [1]). Иначе смотрѣлъ на тотъ же языкъ Ломоносовъ, а за нимъ Карамзинъ, Жуковскій, Пушкинъ! Потому то они и могли возвысить его до той роли, какая нѣсколько преждевременно была для него намѣчена Крижаничемъ.

Не одной случайностію слѣдуетъ объяснять и то обстоятельство, что „Грамматическое исказанье“, какъ и другіе всеславянскіе трактаты Крижанича, около двухсотъ

[1]) Русское государство, по изд. Безсонова. I, 124 сл.

лѣтъ пролежало въ рукописи. Раньше оно не могло быть оцѣнено по достоинству! Лишь въ XIX-омъ в. вопросъ объ общемъ языкѣ славянъ выступаетъ на дневную очередь. Только послѣ Добровскаго являются писатели, по отношенію къ которымъ Крижаничъ можетъ быть названъ „предтечею", или лучше — „гласомъ вопіявшаго въ пустынѣ".

Изъ писателей этихъ всего тѣснѣе примыкаютъ къ Крижаничу словакъ Янъ Геркель и словенецъ Матія Маяръ-Зильскій.

Первый изложилъ свой взглядъ на общеславянскій языкъ въ латинскомъ трактатѣ: „Основы общеславянскаго языка", вышедшемъ въ Будинѣ, въ 1826 г. [1]). Суть его заключается въ слѣдующемъ:

„Не только славяне, но и всѣ образованные народы желали бы установленія общаго письма на славянскомъ языкѣ, которое служило бы ключемъ для его пониманія. И это не удивительно: славянъ располагаетъ къ тому прирожденная взаимная любовь, другіе же народы — расчетъ, ибо тогда они могли бы легко объясняться съ 60-ью милліонами европейскаго населенія. Въ этихъ видахъ издалъ Линде свой гигантскій трудъ (словарь). Съ этою цѣлью и авторъ предлагаетъ на обсужденіе всѣхъ славянъ свой взглядъ на графику и систему флексій того языка, который, основываясь на всѣхъ славянскихъ діалектахъ, былъ бы общимъ органомъ славянскихъ литературъ, почвою для развитія настоящаго панславизма [2]). Въ графическомъ отношеніи славяне должны бы взять латинскую абецеду, но съ дополнительными начертаніями изъ кириллицы (буквы *ж*, *ч*, *ш*, *х* [3]). Употребляя эту усложненную абецеду по однообразной графической системѣ, славяне безъ труда ста-

---

[1]) Joan. Herkel, Elementa universalis linguae slavicae e vivis dialectis eruta et sanis logicae principiis suffulta. Budae 1826.

[2]) Ibid. 8 сл.

[3]) Ibid. 8.

нутъ понимать другъ друга и на письмѣ, ибо между славянскими нарѣчіями различіе не столь велико, какъ между итальянскими или нѣмецкими. Словакъ легко объясняется съ чехомъ и полякомъ, даже съ русскимъ, какъ это обнаружилось при прохожденіи черезъ Словачину русскихъ войскъ. Труднѣе понимать ему славянъ южныхъ, но дней черезъ восемь и это затрудненіе исчезаетъ, особенно если избѣгать иностранныхъ словъ. Всѣ славянскія нарѣчія составляютъ одинъ по формамъ и духу языкъ, который легко привьется и расцвѣтетъ, если лексикографы подыщутъ туземныя общія слова вмѣсто чужихъ, а грамматисты разработаютъ этотъ языкъ по философскому методу" [1]).

„Отдѣльные діалекты не годятся для роли общеславянскаго литературнаго языка, ибо, во 1-хъ, каждый изъ нихъ пестрѣетъ иноязычными словами, для которыхъ имѣются однако выраженія въ другихъ діалектахъ, во 2-хъ они лишены критическихъ основъ письма, да кромѣ того заключаютъ бо́льшую или меньшую примѣсь инородческихъ стихій. Своеобразный геній славянскаго языка заключается не въ какомъ либо отдѣльномъ діалектѣ, а въ совокупности діалектовъ: ц.-славянскаго, русскаго, польскаго, чешскаго, словенскаго, иллирскаго, словинскаго, съ ихъ поднарѣчіями [2]). Еслибы пришлось избрать одинъ изъ этихъ діалектовъ въ общіе языки, то слѣдовало бы, во 1-хъ, очистить его отъ чужихъ словъ, во 2-хъ же установить логическимъ методомъ такую систему флексій, которая, соотвѣтствуя общему строю діалектовъ, была бы однако свободна отъ хлама пустыхъ правилъ и исключеній" [3]).

„Языкъ можетъ быть развиваемъ въ двухъ направленіяхъ: общественномъ и логическомъ. Первое зависитъ

---

[1]) Ibid. 16 сл. Ex his patet, quam parum slavicae dialecti inter se differant et in spiritu plane concordant. Ib. 138.

[2]) Ibid. 17 сл.

[3]) Ibid. 18.

отъ разнообразія условій общественной жизни, которое выше въ народѣ большомъ, чѣмъ въ маломъ. Въ этомъ отношеніи славянскій языкъ, какъ распространенный по всей восточной Европѣ и сѣверной Азіи, имѣющій и богослужебное, и военное, торговое, дипломатическое и т. д. употребленіе, занимаетъ очень высокое мѣсто между другими, хотя кое-гдѣ онъ и поставленъ въ рабское положеніе. Но объ-руку съ общественной обработкой должна итти и логическая, по опредѣленнымъ началамъ, съ изгнаніемъ исключеній, которыя служатъ вѣрнымъ показателемъ недостатка логической обработки языка [1]). Лишь послѣ такой нереработки могутъ діалекты, словно отдѣльные ручьи, направиться въ одно общее ложе. Съ этою цѣлью и Линде издалъ на польскомъ діалектѣ словарь всѣхъ славянскихъ нарѣчій, высказавъ при этомъ, что если итальянцы со временъ Данта имѣютъ однообразный письменный языкъ, то почему бы не имѣть его и славянамъ. И краковскій проф. Бандтке выразилъ мнѣніе, что славянскіе діалекты могутъ безспорно объединиться и избрать общій письменный языкъ, ибо этого достигли и нѣмецкія племена, которыхъ діалекты различнѣе между собою, чѣмъ славянскіе“ [2]).

„При установленіи общеславянской системы флексій нельзя отправляться отъ ц.-славянскаго языка, ибо онъ вошелъ въ библію въ той формѣ, какую имѣлъ въ общественномъ и народномъ употребленіи, безъ логической переработки. Потому-то онъ столь разнообразенъ въ библейскихъ текстахъ [3]). Нормы общаго языка должны быть выведены изъ сравнительнаго изученія отдѣльныхъ нарѣчій и поднарѣчій [4]). Относительно ближе къ этимъ нормамъ (въ склоненіяхъ) русскій діалектъ, получившій бо́льшую логическую обработку, чѣмъ ц.-славянскій“ [5]).

---

[1]) Ibid. 21.
[2]) Ibid. 23.
[3]) Ibid. 27.
[4]) Ibid. 28.
[5]) Russi... apud quos lingua slavica majorem logicam

И словенскій діалектъ, примѣнительно къ грамматикѣ Бернолака, кажется автору близкимъ къ древнему (ц.-славянскому), а вмѣстѣ какъ бы серединнымъ между прочими славянскими [1]). Вѣроятно по этой причинѣ Геркель отвелъ родному нарѣчію выдающееся мѣсто при установленіи нормъ общеславянскаго языка [2]).

Итакъ, Геркель ясно сознавалъ вредъ язычной разрозненности славянъ и твердо былъ убѣжденъ въ возможности устранить ее тѣмъ же способомъ, какой примѣненъ Дантомъ въ Италіи, а Лютеромъ въ Германіи, т. е. выработкою одного общаго книжнаго языка. Но въ подробностяхъ развитія этой здравой идеи онъ увлекся довольно распространеннымъ еще тогда убѣжденіемъ, что языки создаются механическимъ путемъ, а не развиваются изнутри, на почвѣ человѣческаго, народнаго и личнаго духа. Противъ „логической" обработки какого либо литературнаго языка или діалекта ничего нельзя возразить. Въ большей или меньшей мѣрѣ она отражается въ исторіи всѣхъ образованныхъ языковъ, напр. латинскаго у Цицерона, Цезаря, Квинтиліана, французскаго у Дю-Белле, Малерба, Вожля, нѣмецкаго у Опица, Бэдикера, Готшеда и др. Но не одно и то же обработка уже существующаго языка и созданіе несуществующаго. Въ послѣднемъ случаѣ предполагается актъ творчества, и притомъ такого порядка, въ которомъ не только грамматистъ, но даже поэтъ безсиленъ, — ибо ни Гомеръ, ни Эсхилъ, ни Дантъ, ни Чосеръ не создали язычныхъ организмовъ, а лишь переработали ихъ въ художественное цѣлое.

---

culturam consecuta est, ac vetus dialectus habuerit. Ib. 34... Talis culturae (logicae) jam sunt vestigia in Russica (grammatica)... Ibid. 40.

[1]) Ibid. 42 сл.

[2]) Это видно изъ приложенныхъ въ концѣ книги: Exempla styli universalis in dialecto pannonica, которые начинаются такъ: Jisti vladar, už na smertnej lože život svoj konajuci, pred skonanim svojim svolal sinov svojix, a jim mnoge razdilne nauki daval. Ibid. 163.

Не удивительно, что языкъ Геркеля не имѣлъ даже того мимолетнаго успѣха, той преходящей вѣры, какая доставалась напр. въ удѣлъ философскому камню средневѣковыхъ алхимиковъ или волапюку въ наши дни.

Однако, поколѣніе спустя явился еще писатель, возмнившій себя въ силахъ совершить то, въ чемъ не успѣлъ ни Крижаничъ, ни Геркель, именно сочинить всеславянскій языкъ, даже не одинъ, а цѣлую ихъ дюжину. То былъ словинскій священникъ Матія Маяръ-Зильскій. Еще въ 1848 г. онъ выступилъ на литературное поприще въ качествѣ одного изъ поборниковъ иллиризма или югославянской литературной взаимности. По его мнѣнію взаимность эта всего вѣрнѣе могла бы быть достигнута постепеннымъ видоизмѣненіемъ формъ словинскаго, сербохорватскаго и болгарскаго діалектовъ, въ сходящемся направленіи [1]). Та же идея постепеннаго сближенія съ родственными нарѣчіями проведена имъ въ Словинской грамматикѣ 1850 г. [2]). Но всего полнѣе развитъ его взглядъ на литературное объединеніе славянъ въ сочиненіи: Взаимное славянское правописаніе [3]).

Необходимость одного взаимно-славянскаго книжнаго языка и одной большой литературы, вмѣсто 8 малыхъ, вызывается по мнѣнію автора потребностями жизни. Успѣшное развитіе литературы обусловлено достаточнымъ числомъ писателей и читателей. Это недостижимо-де при восьми малыхъ языкахъ и восьми литературахъ. Писатели должны тутъ нищенствовать. Многія работы осуждены гнить въ рукописяхъ. Эта бѣда будетъ-де устранена, если славяне станутъ писать взаимно, постепенно сближая свои нарѣчія, которыя впрочемъ и теперь не дальше другъ

---

[1]) Matija Majar, Pravila kako izobraževati Ilirsko narečje i uobče slavenski jezik. 1848. Ср. ст. Кулаковскаго, въ Меѳодіевск. юбил. сборн., стр. 24.

[2]) Ibid. 24.

[3]) Узајемни правопiс славјанскi, то je: uzajemna slovnica ali mluvnica slavjanska. Praha 1863—64. I, II.

отъ друга, чѣмъ французскія, итальянскія, англійскія, нѣмецкія. Въ сочиненіяхъ, предназначенныхъ для домашняго обихода, можно-де удержать нынѣшніе славянскіе діалекты. Но въ трудахъ высшаго рода, предназначенныхъ для всеславянскаго распространенія, слѣдуетъ писать на тѣхъ же діалектахъ не въ областной ихъ формѣ, а видоизмѣняя ее въ направленіи ко взаимности [1]). Это можетъ быть достигнуто выборомъ такихъ формъ, которыя свойственны всѣмъ или хотя бы главнымъ славянскимъ нарѣчіямъ: русскому, сербохорватскому, чешскому и польскому. Такъ поступали-де и древніе греки, говорившіе на четырехъ діалектахъ, но писавшіе понятно для каждаго изъ соплеменниковъ [2]).

Въ вопросѣ о графикѣ Маяръ отдаетъ предпочтеніе гражданской кириллицѣ. Онъ совѣтуетъ и западнымъ славянамъ принять ее вмѣсто абецеды латинской, съ немногими лишь видоизмѣненіями [3]). При этомъ онъ стоитъ безусловно за словопроизводственную, а не звуковую ороографію, ибо первая сближаетъ, а вторая раздѣляетъ нарѣчія. Лишь въ народныхъ пѣсняхъ, пословицахъ, сказкахъ и пр. можно держаться звуковаго правописанія [4]). Русскому языку авторъ рекомендуетъ въ видахъ взаимности нѣсколько видоизмѣнить гражданскую азбуку, избѣгать частаго смягченія слоговъ и выбросить чужія слова; сербскому онъ совѣтуетъ держаться словопроизводственнаго правописанія, чешскому—избѣгать перегласовокъ, стяженія словъ и нѣмецкихъ оборотовъ, польскому—принять гражданскую азбуку, воздерживаться отъ смягченія слоговъ, смѣшенія разныхъ склоненій и варваризмовъ [5]).

Исходная точка этой теоріи—о необходимости разви-

---

[1]) Ibid. 6.

[2]) Ibid. 16.

[3]) Авторъ совѣтуетъ выбросить ъ и ввести j, ж, љ. Ibid. 46.

[4]) Ibid. 52, 75.

[5]) Ibid. 235 сл.

вать славянскіе діалекты или частные языки въ сходящемся, а не въ расходящемся направленіи—можетъ быть признана вѣрною. Дѣйствительно, такой параллелизмъ развитія существовалъ въ древнегреческомъ языкѣ. Онъ можетъ быть наблюдаемъ и въ средѣ діалектовъ итальянскихъ, испанскихъ, французскихъ, англійскихъ, нѣмецкихъ. Почему бы и славянскимъ языкамъ не развиваться въ аналогическомъ направленіи! Но отъ параллельности развитія діалектовъ очень далеко до искусственнаго ихъ искаженія инодіалектными примѣсями, и притомъ не внѣшняго лишь, лексикальнаго характера, но и внутренняго, грамматическаго. И добро бы еще это искаженіе привело къ уменьшенію числа славянскихъ литературныхъ языковъ! На дѣлѣ оно еще увеличило бы ихъ, ибо рядомъ съ восмью чистыми или частными языками появилось бы еще столько же не чистыхъ, а смѣшаннныхъ, „взаимныхъ" языковъ, которые къ тому же при неопредѣленности нормъ подвергались бы еще безчисленнымъ колебаніямъ подъ перомъ каждаго отдѣльнаго писателя. И все это дѣлалось бы въ проблематическомъ расчетѣ продать нѣсколько экземпляровъ „взаимнаго" сочиненія иноділектнымъ соплеменникамъ! Что сказали бы мы про инженера, который, взявшись за регуляцію водъ какой либо рѣчной области, сосредоточилъ бы свои усилія на томъ, чтобы дать и всѣмъ ручьямъ, и потокамъ, и серединной рѣкѣ концентрическое направленіе—въ какую нибудь котловину, гдѣ они образовали бы трясину или „мертвое море"? Не лучше ли такое распредѣленіе этихъ водъ, при которомъ безчисленные ключи питали бы верховья лѣвыхъ и правыхъ притоковъ, а эти послѣдніе — серединную жилу рѣчной области, которая въ свой чередъ служила бы для нихъ какъ бы осью движенія и судоходной связью съ водами морскими и океаническими?

Казалось бы — да, тѣмъ болѣе, что по этому именно типу сложились отношенія діалектовъ къ языкамъ всей западной Европы. Довольно явственно и не разъ уже обозначался онъ и въ жизни славянскихъ нарѣчій стараго и новаго времени.

Но почему же не замѣчали этого направленія язычныхъ потоковъ ни Колларъ и Ригеръ, ни Геркель и Маяръ?

Вѣроятно по той же причинѣ, по которой искусственная система Птоломеевыхъ планетныхъ цикловъ возникла раньше, чѣмъ естественная система мірозданія, открытая Коперникомъ, и по которой первая держалась еще долго послѣ появленія второй. Человѣческій умъ нерѣдко предпочитаетъ сложное простому и мудреное общепонятному, особенно если съ этимъ связаны старыя преданія, предразсудки и мнимые интересы.

Теорія возведенія одного изъ частныхъ славянскихъ языковъ въ общіе довольно опредѣленно была высказана еще въ началѣ нашего вѣка. А много ли приверженцевъ насчитываетъ она и теперь, несмотря на свою естественность и простоту!

Чуть ли не первымъ приверженцемъ этой теоріи былъ аббатъ Іосифъ Добровскій. Въ 1810 г. онъ прямо заявилъ въ одномъ изъ писемъ, что „еслибы славяне могли соединиться въ одной литературной республикѣ, при одномъ общемъ книжномъ языкѣ, то онъ подалъ бы за это голосъ, даже вопреки своимъ землякамъ чехамъ [1]).

Что касается характера этого общаго языка, то Добровскій считалъ, кажется, таковымъ ц.-славянскій [2]).

Что Добровскій представлялъ себѣ язычное единство славянъ по типу нѣмецкаго, т. е. съ господствомъ одного изъ діалектовъ надъ прочими, это явствуетъ и изъ его несочувствія Вуку. По поводу его литературнаго сепаратиз-

---

[1]) Und wenn wir uns in einer literärischen Republik zu einer allgemeinen slavischen Büchersprache vereinigen könnten, so würde ich gar oft wider den Böhmen, d. i. wider mich selbst meine Stimme geben. См. въ изданіи Ягича: Письма Добровскаго и Копитара. СПб. 1885 г., стр. 80.

[2]) Упоминая въ 1815 году о мнѣніи Бульвера: Slavonicam (ц.-слав.) linguam idoneam esse ad hoc, ut universalis fiat, Добровскій прибавляетъ отъ себя: heilsamer Gedanke! Ibid. 396.

ма Добровскій писалъ Копитару въ 1818 г.: „ужели вы не ополчились бы за права верхненѣмецкаго, еслибы кто нибудь сталъ писать на австрійскомъ жаргонѣ" [1])? Въ связи съ этимъ находится и расположеніе Добровскаго къ кирилловской графикѣ, которую онъ удержалъ въ своихъ Institutiones, вопреки всѣмъ усиліямъ Копитара перетянуть его въ пользу латиницы [2]).

Но церковнославянщина была уже тогда языкомъ полумертвымъ, который отжилъ свой вѣкъ и въ чистой, и въ смѣшанной (славяно-русской, славяно-болгарской, славяно-сербской) формѣ. Потому, быть можетъ, Добровскій и не выступилъ открыто съ проектомъ образовать на ц.-славянской основѣ общій книжный языкъ, а ограничился научной его обработкой въ сочиненіяхъ, писанныхъ по-латыни, отчасти и по-нѣмецки.

Впослѣдствіи ц.-славянскій языкъ былъ изрѣдка еще кое-кѣмъ упоминаемъ въ числѣ кандидатовъ въ общеславянскіе, напр. Люд. Штуромъ [3]) и А. И. Добрянскимъ [4]). Но, подобно прочимъ іератическимъ языкамъ стараго и новаго времени, ц.-славянскому едва ли не придется уже ограничиться богослужебной областью, оставляя открытымъ вопросъ объ общемъ гражданскомъ языкѣ славянъ.

Еще нѣсколько ранѣе Добровскаго, Линде въ преди-

---

[1]) Wenn jemand den österreichischen Jargon schreiben wollte, würden sie wider das hochdeutsche auch zu Felde ziehen? Письма Добровскаго и Копитара, стр. 442.

[2]) Ср. Ж. М. Н. Пр., ч. CCXLV, отд. 2, стр. 400—403.

[3]) Въ соч. Славянство и міръ будущаго. СПб. 1867 г., стр. 189: „При вопросѣ объ общеславянскомъ литературномъ языкѣ можетъ быть выборъ только между древнеславянскимъ и русскимъ языкомъ. Но древнеславянскій языкъ уже вышелъ изъ общежитія, почти мертвый, лишенъ гибкости и увлекательности живаго языка, а мы нуждаемся въ живомъ словѣ".

[4]) Въ статьѣ: „Взглядъ на вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ" (Варш. Дневникъ 1888 г. NN 183, 184, 188): „Старославянскій языкъ .... тоже долженъ считаться общеславянскимъ".

словіи къ Польскому словарю (1807) замѣтилъ вскользь, что передъ умственнымъ его взоромъ носится „очертаніе нѣкоего общаго языка славянъ“. Но онъ могъ имѣть при этомъ въ виду не какой либо конкретный, а отвлеченный общеславянскій языкъ, съ которымъ ему приходилось имѣть дѣло, какъ этимологу.

И Пухмайеръ, упоминая въ предисловіи къ одной переводной поэмѣ (Chram Gnidský), о литературномъ соединеніи славянъ, какъ „прекрасной мысли, которая способна воспламенить сердца всѣхъ славянскихъ писателей и могла бы привести къ сближенію славянъ, особенно поляковъ съ чехами“ [1]), не опредѣляетъ точнѣе способовъ этого соединенія. Но быть можетъ распространяться о томъ и не безопасно было въ то время, если Пухмайеръ, какъ мы думаемъ, считалъ основою объединенія языкъ русскій. О знаніи Пухмайеромъ послѣдняго и любви къ нему свидѣтельствуетъ составленная имъ по системѣ Добровскаго русская грамматика [2]). Замѣчательно, что и въ посвященіи ея русской вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ Пухмайеръ ни словомъ не обмолвился о значеніи русскаго языка для чеховъ и другихъ славянъ!

И Юнгманъ съ ранней молодости принадлежалъ къ числу лицъ, сочувствовавшихъ идеѣ язычнаго объединенія славянъ на почвѣ одного изъ діалектовъ, кажется русскаго. Но онъ не рѣшался говорить о томъ публично иначе, какъ обинякамн и между строкъ. Даже въ частной перепискѣ и въ запискахъ онъ выражался о томъ съ величай-

---

[1]) Pak-li by ta pěkná myšlénka, která by srdce všech slovanských spisovatelů rozplapolati měla, totiž: sjednocení se všech slovanů [aspoň v naší monarchii pismem latinským] měla přijiti k vyvedení, spůsob tento nový psaní (т. е. придуманная авторомъ орѳографія) ne málo by k tomu napomohl, aspoň k sjednocení se poněkud polaků z nami. Puchmayer A. J., Chram Gnidský, съ франц. Прага 1804 г. Ср. V. Zelený, Život Jos. Jungmanna. Прага 1873 г., стр. 47.

[2]) Lehrgebäude der russischen Sprache. Prag 1818.

шею осторожностью, какъ бы опасаясь совершить актъ государственной измѣны. Уже во введеніи къ переводу Шатобріановой „Аталы“ (1805 г.) онъ ссылается, въ доказательство достоинства ея, на существованіе двухъ русскихъ переводовъ и оправдываетъ свою рѣшимость вводить въ чешскій языкъ слова инославянскія. Съ какой цѣлью дѣлались эти заимствованія, это высказано имъ яснѣе въ 1811 г. въ предисловіи къ переводу „Потеряннаго рая“ Мильтона: „Не требуй, любезный патріотъ, чтобы возвышенная поэма была принижена обыденной рѣчью. Какъ славянинъ, привыкай къ лучшей славянщинѣ и раздѣляй съ людьми разумными стремленіе, чтобы и мы, чехи, постепенно шли на встрѣчу общеславянскому литературному языку“ [1]).

Что такимъ языкомъ Юнгманъ, подобно Пухмайеру, считалъ русскій, видно изъ его письма къ пріятелю Антонину Марку отъ 1810 г., гдѣ читаемъ: „я крѣпко вѣрю, что русскіе осилятъ французовъ. А намъ, славянамъ, это весьма утѣшительно, ибо тогда всѣ славянскія нарѣчія соединятся въ одно цѣлое. Мы отъ русскихъ, они же отъ насъ примутъ усовершенствованный языкъ“ [2]). Съ величайшимъ сочувствіемъ слѣдилъ чешскій патріотъ за успѣхами русскаго оружія въ 1812—14 гг., видя въ нихъ залогъ грядущаго соединенія славянъ [3]). Съ дѣтскою радостью сообщалъ онъ 10 сент. 1813 г., что видѣлъ русскія войска и разговаривалъ съ адъютантомъ генерала Толля, причемъ оказалось, что они могли другъ друга понимать: „dobře jsme se smluvili! Въ 3—4 недѣли можно-де вполнѣ свыкнуться съ русской разговорной рѣчью“ [4]). Отъ какого то военнаго протопопа онъ выпросилъ себѣ рукопис-

---

[1]) Ср. Zelený V., Život Jungmanna 45 сл. То же у Задерацкаго, Іос. Юнгманнъ. Кіевъ 1874 г., стр. 25.

[2]) Č. Č. M. 1881 г., стр. 508. Ср. ст. Кулаковскаго, въ Меѳодіевск. юбил. сборн. 41 стр.

[3]) Zelený V., Život Jungmanna 140—142.

[4]) Ibid. 143 сл.

ную азбуку, чтобы имѣть понятіе и о русской скорописи [1]). И Юнгманъ настолько ознакомился съ послѣднею, что Литомѣрицкія власти обращались къ нему за переводомъ разныхъ квитанцій и письменныхъ требованій русской арміи. Въ 1814 г. онъ выражалъ тому же Марку радость, что по истеченіи немногихъ лѣтъ Европа принуждена будетъ лучше ознакомиться съ „букварикомъ" (т. е. съ русской азбукой), чѣмъ до того времени [2]).

Въ 1817 г., когда разнесся слухъ о соединеніи Чехіи, Моравіи и Галиціи въ одно славянское королевство, Юнгманъ былъ въ восторгѣ. Онъ полагалъ, что это можетъ привести къ объединенію чеховъ съ поляками на почвѣ либо чешскаго, либо польскаго діалекта, что-де безразлично, такъ какъ оба они славянскіе [3]).

Въ 1819 г. въ одномъ частномъ письмѣ Юнгманъ упоминаетъ о стремленіяхъ австрійскаго двора объединить своихъ славянъ, хотя бы въ графическомъ лишь отношеніи, и порицаетъ Добровскаго за мнимое несочувствіе его дѣлу язычнаго объединенія славянъ [4]).

Въ 1831 г., разсуждая о подавленіи польскаго возстанія, Юнгманъ утѣшался мыслію, что теперь долженъ будетъ распространиться русскій языкъ. *А это будетъ-де первымъ шагомъ къ общеславянскому литературному*

---

[1]) Ibid. 145.

[2]) Ibid. 146.

[3]) Ibid. 355.

[4]) Ср. въ Č. Č. M. 1890, вып. 1—2, стр. 108 сл. ст. J. Černý, J. Jugmanna Listy V. Karešovi. 1 prosince 1819: Dobrovský jest ve Vídní, a chce tam tisknout Grammatiku slovenskou. Stala prý se otazka u dvora, mohla-li by se slovanů rakouských nařečí spojíti, tak aby jednoho písma užívali. Kdyby tam byli hodní vroucí slované, stalo by se něco dobrého a velkého, ale bojím se, že Dobrovský (přece více Němec!) k tomu neporadi, proto že mně tu myšlenku davno již vývracoval. Dvůr musi přece něco delati pro slovany, sice v strachu vždy bude, že mu odpadnou k panující slovanské říši některé. Poněmčit jich není v stavu, a již na to pozdě.

языку, каковымъ можетъ быть лишь языкъ русскій [1]).

Если одновременно съ этимъ откровеннымъ письмомъ (1831 г.) въ примѣчаніи къ статьѣ В. Бергнера: „О возможности общеславянскаго языка по аналогіи общенѣмецкаго“ [2]), Юнгманъ отвергаетъ предположеніе о выработкѣ общаго языка постепеннымъ сближеніемъ нарѣчій, то это ни мало не противорѣчитъ (какъ думалъ Зеленый) изложеннымъ его взглядамъ, а наоборотъ, еще болѣе ихъ подтверждаетъ. Юнгманъ не допускалъ возможности механическаго слiянiя славянскихъ дiалектовъ въ одинъ многотѣлый организмъ, въ родѣ восмиголоваго взаимнаго языка Матiи Маяра; но онъ ни мало не сомнѣвался въ возможности возвышенiя одного изъ частныхъ славянскихъ языковъ въ общiе. Это ясно и изъ слѣдующаго отрывка его посмертныхъ Записокъ:

„Старшiе сосѣди наши нѣмцы могли бы служить намъ примѣромъ въ важнѣйшихъ предметахъ народности, въ наукахъ и искусствахъ. Основы обѣихъ народностей (нѣмецкой и славянской) чрезвычайно сходны. Сѣверозападная вѣтвь нѣмецкаго народа столь же отлична отъ юговосточной, какъ славяне сѣверовосточные отъ западныхъ. Но съ какою разницею! У тѣхъ одно нарѣчiе, верхнесаксонское, господствуетъ какъ языкъ литературный во всѣхъ частяхъ ихъ земли, хотя другiя нарѣчiя донынѣ сохранились въ живомъ народномъ употребленiи. Нѣмецъ умно разсуждаетъ: „если пишу по-саксонски, я все же пишу понѣмецки, а дома говорю, какъ умѣю и хочу“. Не такъ разсуждаетъ славянинъ! Полякъ говоритъ: „если стану пи-

---

[1]) Č. Č. M. 1882 г., стр. 338. Ср. ст. Кулаковскаго, въ Меѳ. юбил. сборн. 41. Замѣчательно, что Зеленый, цитуя въ бiографiи Юнгмана это мѣсто изъ переписки его, замѣнилъ подчеркнутыя строки многоточiемъ! .... (Život Jungmanna, стр. 358). Онъ, очевидно, боялся и по смерти Юнгмана набросить тѣнь на его чешское „властенецтво“ въ глазахъ австрiйскихъ властей и чешскихъ сепаратистовъ партiи Палацкаго!

[2]) Въ журналѣ Krok т. II, ч. I, стр. 170. Ср. Zelený, Život Jungmanna 359.

сать по-русски, перестану быть полякомъ“, и такъ то каждый пишетъ по-своему. У нѣмцевъ вѣроисповѣдное различіе ни мало не мѣшаетъ единству языка и литературы, тогда какъ у славянъ разновѣріе воздвигаетъ непроходимыя грани между родными братьями. Нѣмцы, имѣя одну латинскую абецеду, хотя весьма несовершенную и недостаточную для ихъ языка, въ видахъ единства довольствуются ею; славяне же, раздѣленные на двѣ большія части греческою и латинскою азбуками, имѣя вдобавокъ различное правописаніе, напр. русское и сербское, польское и чешское и т. д., постоянно идутъ врозь, чуждаясь другъ друга. Литературная ихъ взаимность, нѣсколько пробужденная въ новѣйшія времена, представляетъ лишь слабое и очень блѣдное отраженіе единства нѣмецкаго. Во сколько было бы лучше, по примѣру нѣмцевъ, употреблять одно изъ славянскихъ нарѣчій, какъ общелитературный языкъ, который вѣчно и безмѣрно обогащался и облагороживался бы другими нарѣчіями! Такова была мысль и желаніе, высказанныя мною еще въ предисловіи къ первому изданію „Потеряннаго рая“...

„Я полагаю, что если у нѣмцевъ при единствѣ языка и литературы могли сохраниться отдѣльныя правительства: прусское, австрійское, баварское, виртембергское и др., почему бы и у славянъ, при употребленіи одного книжнаго языка, не могли существовать особыя политическія группы — славянъ русскихъ, сербскихъ, прусскихъ, турецкихъ и т. д.? Пугало панславизма, передъ которымъ чувствуютъ дѣйствительный или притворный страхъ наши недруги, есть измышленіе своекорыстія и ненависти, притомъ ненависти неразумной и слѣпой. Она лелѣетъ свой пангерманизмъ, а намъ не желаетъ ничего, хоть сколько нибудь похожаго на послѣдній, и вдобавокъ не стыдится громко заявлять о своемъ умыслѣ—держать насъ въ вѣчномъ раздѣленіи и порабощеніи“.

„Я искренній чехъ и люблю свою народность, но я готовъ и чешскій языкъ принести въ жертву всеславянскому литературному языку, ибо хорошо знаю, что на ка-

комъ бы нарѣчіи мы ни писали, все же останемся тогда славянами. О, если бы высокіе правители примирились съ этой мыслію и дозволили намъ то, къ чему мы призваны самой природой" [1])!

Біографъ Юнгмана видитъ въ этой готовности отца новочешской литературы заклать собственное дѣтище на алтарѣ невѣдомаго будущаго — признакъ старческаго малодушія [2]). Но самъ Юнгманъ опровергъ это въ статьѣ 1845 г. ссылкою на предисловіе къ „Потерянному раю" (1811 г.), въ которомъ тотъ же взглядъ выраженъ молодымъ Юнгманомъ очень ясно, хотя и безъ подробностей. Изъ вышеприведенныхъ отрывковъ переписки Юнгмана видно, что „дѣтоубійственное рѣшеніе" ни на минуту не оставляло чешскаго Авраама и въ средній періодъ его жизни. Если же оно не могло раньше 1845 г. получить откровеннаго выраженія и даже практическаго выполненія, то вовсе не по измѣнчивости взглядовъ этого твердаго, какъ старые табориты, человѣка, а потому, что эта жертва не требовалась еще условіями времени. Очень возможно, что она и никогда не потребуется отъ чеховъ въ той формѣ, въ какой воображалъ ее себѣ Зеленый и другіе ученики Палацкаго. Языкъ общій можетъ вѣдь существовать и рядомъ съ частными, какъ это видимъ въ Сициліи, Ломбардіи, Каталоніи, Провансѣ, Швабіи, нижней Саксоніи и индѣ.

Мы не сомнѣваемся, что подобно Юнгману и многіе другіе чехи того славнаго поколѣнія, особенно Ганка, Челаковскій и Шафарикъ, были приверженцами язычнаго объединенія славянъ на почвѣ одного изъ діалектовъ, именно русскаго. Но тѣ же политическія условія, которыя не дозволили Юнгману высказываться о томъ публично, налагали и на нихъ обязанность молчать по такому щекотливому вопросу. Но въ частныхъ письмахъ и они выражали подчасъ вѣру въ образованіе общеславянскаго языка на

1) Č. Č. M. 1871 г. N 3.
2) Zelený, Život Jungmanna 360.

основѣ сильнѣйшаго изъ діалектовъ. Такъ Шафарикъ въ письмѣ къ Коллару отъ 1-го марта 1826 года говоритъ: „Не перо уже, а мечъ разрѣшитъ вопросъ о томъ, которое изъ славянскихъ нарѣчій и которая изъ азбукъ станутъ всеславянскими. Потоками крови вырыты будутъ очертанія буквъ; гдѣ она всего обильнѣе прольется, тамъ и возникнутъ общій языкъ и азбука всеславянская" [1]). Мысль автора этого письма не вполнѣ ясна. Всего скорѣе онъ хотѣлъ сказать, что исходъ борьбы славянскихъ діалектовъ за преобладаніе разрѣшится въ пользу того изъ нихъ, который, по своему государственному и народному могуществу, въ состояніи будетъ принести наиболѣе жертвъ на алтарѣ славянства. При такой же постановкѣ вопроса онъ разрѣшается и исторіей, и политикой не иначе, какъ въ смыслѣ теоріи Юнгмана.

Съ бóльшей ясностью стала развиваться въ Чехіи эта теорія съ 1860-хъ годовъ, когда общественное положеніе чеховъ настолько улучшилось, что открылась возможность громко говорить о литературномъ объединеніи славянъ на почвѣ одного изъ діалектовъ. Лишь тогда могли появиться въ свѣтъ и Записки Юнгмана (1871 — 81 гг.), а также обстоятельная статья „О всеславянскомъ языкѣ и письмѣ" извѣстнаго пражскаго профессора Мартина Гатталы [2]).

Въ статьѣ этой ученый пражскій славистъ разсматриваетъ прежнія теоріи по этому вопросу, доказываетъ несостоятельность попытокъ образовать искусственный общій языкъ или языки по идеямъ Крижанича, Геркеля, Маяра [3]), разоблачаетъ непрактичность гипотезы Коллара о взаимномъ изученіи славянами четырехъ главныхъ діалектовъ [4]) и высказывается съ своей стороны въ пользу возведенія одного изъ нихъ въ общіе языки, по при-

---

[1]) Č. Č. M. 1874 г.

[2]) Hattala M., O všeslovanském jazyku a písmě. Въ журналѣ Osvěta 1871—72 гг.

[3]) Osvěta 1871 г., стр. 714—717.

[4]) Ibid. 721 слл.

мѣру другихъ образованныхъ народовъ древней и новой Европы. „Основою и душою каждаго изъ живыхъ и мертвыхъ литературныхъ языковъ, говоритъ проф. Гаттала, было одно изъ дѣйствительныхъ нарѣчій или разнорѣчій, напр. римское для латинскаго, саксонское для нѣмецкаго, парижское для французскаго, тосканское для итальянскаго, пражское для чешскаго, московское для русскаго и т. д. [1]). ...Я твердо убѣжденъ, продолжаетъ онъ, что и всеславянскій литературный языкъ можетъ выработаться лишь такимъ образомъ, что мы примемъ одинъ изъ дѣйствительныхъ славянскихъ языковъ за общелитературный“ [2]).

Что касается самаго выбора наиболѣе подходящаго къ теоретическимъ и практическимъ требованіямъ діалекта, то въ концѣ первой изъ своихъ статей „О всеславянскомъ языкѣ“ проф. Гаттала какъ будто высказывается за языкъ сербохорватскій: „Еслибы мнѣ пришлось выбирать, говоритъ онъ, руководствуясь единственно своимъ желаніемъ, то я остановился бы на сербохорватскомъ, считая его прекраснѣйшимъ изъ славянскихъ. Но, по словенской пословицѣ, „krasa do časa, a čnost na večnost“ (красота преходяща, добродѣтель же вѣчна). Ею слѣдуетъ руководиться и въ данномъ случаѣ“ [3]).

Въ началѣ второй главы проф. Гаттала вновь задается вопросомъ: который изъ нынѣшнихъ десяти славянскихъ языковъ [4]) заслуживаетъ предпочтенія по своей политической самостоятельности, объему и внутренней цѣнѣ? Отвѣтъ дается слѣдующій:

„Чѣмъ тверже убѣжденъ я въ необходимости всеславянскаго языка и... чѣмъ пламеннѣе желаю, чтобы мы

---

[1]) Ibid. 717.

[2]) Ibid. 592.

[3]) Ibid. 592.

[4]) Четыре главные: чешскій, польскій, сербохорватскій и русскій, да шесть второстепенныхъ: словенскій, верхнелужицкій, нижнелужицкій, словинскій, малорусскій и болгарскій. Ibid. 207 сл.

скоро и благополучно достигли его, тѣмъ искреннѣе долженъ я пожалѣть, что не вполнѣ еще согласенъ съ тѣми, которые безъ оговорокъ желали бы признать русскій языкъ всеславянскимъ. Съ полнымъ сознаніемъ и добросовѣстностію я охотно допускаю лишь то, что русскій языкъ по вышеозначеннымъ достоинствамъ значительно возвышается надъ прочими литературными славянскими языками. Но пожелаетъ ли и сумѣетъ ли этотъ языкъ воспользоваться своими преимуществами для достиженія предположенной нами цѣли, это вопросъ, на который я не могу отвѣтить ничего опредѣленнаго; въ догадки же пускаться мнѣ некогда. Лучше выражу теперь же убѣжденіе, что для достиженія указанной цѣли прежде всего необходима добрая воля всѣхъ заинтересованныхъ лицъ. Она же не можетъ быть навязана насиліемъ или фразами, какъ бы ни были онѣ громки, часты и льстивы, а наоборотъ, сама собой явится при доводахъ, вытекающихъ изъ существа дѣла и высказываемыхъ безъ страсти и обиды" [1]).

Въ дальнѣйшемъ развитіи своей мысли проф. Гаттала останавливается на политическихъ и литературныхъ отношеніяхъ сначала меньшихъ народностей (словенской, лужицкихъ, словинской, болгарской, малорусской), а потомъ переходитъ къ бо́льшимъ, и подробно доказываетъ затруднительное положеніе языка чешскаго въ борьбѣ съ прочими родственными и неродственными языками за преобладаніе. Мимоходомъ онъ даетъ русскимъ писателямъ благой совѣтъ черпать поглубже изъ простонародной литературы, чтобы освободиться отъ гнета чужихъ языковъ и развить силы нравственныя вровень съ политическими [2]).

Судя по общему плану работы, слѣдовало ожидать такого же разбора прочихъ бо́льшихъ языковъ: польскаго, сербохорватскаго и русскаго, но до нихъ авторъ не дошелъ въ своей неоконченной статьѣ.

Каковъ же собственно взглядъ проф. Гатталы на все-

---

[1]) Ibid. 208.
[2]) Ibid. 217 сл.

славянскій языкъ? Вообще, онъ весьма близокъ къ воззрѣніямъ Юнгмана, котораго авторъ не даромъ называетъ „тихимъ геніемъ“ [1]). Оба считаютъ возможнымъ и желательнымъ объединеніе славянъ на почвѣ одного изъ ихъ частныхъ языковъ; оба признаютъ русскій языкъ самымъ сильнымъ между ними; оба готовы при извѣстныхъ условіяхъ открыть ему доступъ въ среду прочихъ языковъ. Но такъ какъ Юнгманъ излагалъ свои воззрѣнія главнѣйше въ частныхъ письмахъ и автобіографической запискѣ, Гаттала же — въ академическомъ чтеніи (въ Пражскомъ королевскомъ ученомъ обществѣ), передѣланномъ потомъ для распространеннаго и нѣсколько односторонняго по направленію чешскаго журнала, то этимъ и объясняется бо́льшая опредѣленность мысли и выраженія у Юнгмана, чѣмъ у Гатталы. Впрочемъ и по существу ничего нельзя возразить противъ пожеланій его русскому языку и литературѣ—тѣснѣе примкнуть къ живымъ ключамъ народной словесности, чтобы стать независимѣе, своеобразнѣе, ближе къ древнегреческому, чѣмъ къ латинскому типу. Можно развѣ замѣтить, что во многихъ языкахъ подобныя метаморфозы совершались не прежде, а послѣ ихъ возвышенія изъ частныхъ въ общіе, при совмѣстныхъ усиліяхъ всѣхъ объединенныхъ діалектовъ.

Проф. Гаттала по мѣсту своего профессорскаго служенія и по языку какъ названной статьи, такъ и многихъ другихъ сочиненій, принадлежитъ чехамъ, но по происхожденію онъ оравскій словакъ, т. е. сынъ той страны, которая является классическою въ исторіи всеславянства вообще, а язычнаго въ частности. Если въ Чехіи идея Юнгмана высказывалась лишь немногими и вполголоса, то на Словачинѣ она еще въ 1830-хъ годахъ провозглашена была вслухъ и стала общимъ достояніемъ всѣхъ словенскихъ патріотовъ.

Съ полной опредѣленностію отмѣтилъ ее уже въ 1837 г. словенскій пасторъ (впослѣдствіи суперинтендентъ)

---

[1]) Ibid. 297.

Карлъ Кузмани († въ 1866 г.) въ своемъ Банско-Быстрицкомъ журналѣ „Hronka“:

„Письменный языкъ, говоритъ онъ, есть какъ бы жила, соединяющая всѣ члены народнаго тѣла, хотя бы и раздѣленнаго на разныя части многими правительствами, исповѣданіями, нарѣчіями. Какъ жила соединяетъ всѣ части извѣстнаго члена, такъ одинъ письменный языкъ соединяетъ всѣ нарѣчія, поднарѣчія и говоры одного народа въ одинъ языкъ, въ одну рѣчь, всѣ племена въ одинъ народъ. Ибо не правительства и государства, не вѣроисповѣданія опредѣляютъ народъ, а его языкъ, рѣчь. Одинъ народъ можетъ быть подъ разными правительствами и одно правительство надъ различными народами. Нѣтъ сомнѣнія, что во время принятія христіанства славяне всѣхъ племенъ и нарѣчій могли бы, еслибъ судьбою не было рѣшено иначе, образовать себѣ общею всеславянскою жизнью одинъ литературный языкъ“.

Годъ спустя (въ 1838 г.) Кузмани еще яснѣе высказался объ этомъ языкѣ: „Пора намъ, славянамъ, рѣшительно позаботиться объ изученіи всѣхъ главныхъ нашихъ нарѣчій. Но еще лучше было бы, еслибъ мы всѣ, по примѣру древнихъ грековъ, стали предпочтительно изучать одно какое нибудь нарѣчіе. При нашемъ положеніи это, конечно, представляетъ большія неудобства. Знаю, что когда мы изучаемъ русское нарѣчіе, читаемъ русскія книги и другихъ къ тому уговариваемъ, то это означаетъ въ глазахъ извѣстной партіи какъ бы стремленіе южныхъ и западныхъ славянъ къ политическому соединенію съ Россіей. Но, не обращая вниманія на такіе толки, надо строго обдумать, какое изъ нашихъ нарѣчій къ этому наиболѣе пригодно, имѣетъ за собою наиболѣе вѣроятности, правъ и возможности быть принятымъ всѣми славянами за объединяющее насъ всѣхъ орудіе. Я того мнѣнія, что мы должны принять русскій языкъ. Русское племя — самое сильное, литература—самая богатая и языкъ—самый всеславянскій. Намъ, словакамъ, онъ гораздо ближе, чѣмъ мы вообще думаемъ. И даже самая азбука, хотя намъ не-

милая, наиболѣе удобна для нашей рѣчи. Будущее, особенно нынѣ открывающееся передъ Россіей, подыметъ русскую литературу и широко распространитъ русскій языкъ. Что въ ней есть прекраснаго и отборнаго, то не встрѣтитъ себѣ заставы ни на Прутѣ, ни на Нѣманѣ. Только принатіемъ одного общаго языка всеславянская взаимность добудетъ себѣ живую искру для литературы, высшихъ наукъ и для духовнаго объединенія“ [1]).

Взглядъ Кузмани раздѣляли Гурбанъ, Годжа, Штуръ и другіе дѣятели словенскаго возрожденія (съ 1836—46 годовъ). Онъ былъ даже одною изъ причинъ вызваннаго ими отпаденія Словачины отъ чешскаго литературнаго языка, въ видахъ между прочимъ приближенія къ русскому, какъ предполагаемому общеславянскому. Годжа въ своемъ Вѣтинѣ прямо называетъ русскій языкъ „святонароднымъ органомъ славянства“ и совѣтуетъ словакамъ употреблять его въ высшихъ областяхъ литературы [2]).

Но всего полнѣе этотъ взглядъ выраженъ Штуромъ въ его знаменитомъ трактатѣ: „Славянство и міръ будущаго“. Какъ въ Политикѣ Крижанича и въ „Европѣ и Россіи“ Данилевскаго, тутъ разсматриваются религіозныя, политическія и общественныя отношенія славянства, какъ одного племеннoго и культурнаго цѣлаго. О всеславянскомъ литературномъ языкѣ Штуръ разсуждаетъ такъ: „Славяне должны приготовляться къ единству литературнаго языка. Ибо кто не видитъ, что множество литературъ препятствуетъ взаимному пониманію, развитію духа и общей согласной дѣятельности? У славянъ много разныхъ литературъ, но по своей малости онѣ не могутъ отвѣчать великимъ требованіямъ человѣческаго развитія, особенно

---

[1]) Изъ журнала „Hronka“ 1837 и 1838 гг. Ср. В. И. Ламанскаго: Изученіе славянства, въ Ж. М. Н. Пр. за 1867 г., ч. CXXXIII, и ст. Кулаковскаго, въ Меѳод. юбил. сборникѣ, 43—45.

[2]) Svatonárodni orgán slovanstva je skutečne ruština. Větin o slovenčine. Levoča 1848.

когда славяне все болѣе и болѣе будутъ выступать на всемірно-историческое поприще. Въ сравненіи съ западными литературами, нѣмецкою, французскою, англійскою, всѣ эти литературы, за исключеніемъ значительнѣйшей изъ нихъ русской, малы и слишкомъ недостаточны, не исключая и чешской. Пока онѣ будутъ столь раздроблены, имъ рѣшительно невозможно произвести что нибудь замѣчательное. Какое поощреніе для духа, какія средства, какое дѣйствіе могутъ имѣть эти отдѣльныя литературы со своею маленькою областью? Далеко ли онѣ двинутъ человѣческое развитіе? Литературная взаимность славянъ похвальна и достойна всякаго уваженія, но это слабая помощь въ нуждѣ и никогда она не можетъ глубоко проникнуть въ жизнь всѣхъ племенъ. Славяне имѣютъ всѣ основанія обратиться къ одной литературѣ. Къ тому ихъ обязываютъ общечеловѣческія, политическія и историческія соображенія. О выборѣ этой литературы не можетъ быть никакого спора, если мы не желаемъ переливать изъ пустого въ порожнее. За исключеніемъ русской литературы, всѣ прочія славянскія ограничены небольшими племенами и слѣдственно небольшими областями. Итакъ, въ вопросѣ объ общеславянскомъ литературномъ языкѣ можетъ быть выборъ только между древнеславянскимъ (церковнославянскимъ) и русскимъ языкомъ. Но древнеславянскій языкъ уже вышелъ изъ общежитія, почти мертвый, лишенъ гибкости и увлекательности живого языка, а мы нуждаемся въ живомъ словѣ. Остается, значитъ, одинъ русскій языкъ, какъ исключительно на то способный, ибо это языкъ величайшаго, единственно самобытнаго и на обширномъ пространствѣ земли господствующаго славянскаго племени, которому и безъ того по праву принадлежитъ главенство въ нашей народной семьѣ. Сверхъ того изъ всѣхъ славянскихъ языковъ это самый богатый, сильный и полнозвучный, запечатлѣнный могуществомъ. Сербскій языкъ по этимъ качествамъ занимаетъ вторую подъ нимъ степень. Этимъ мы не хотимъ однако сказать, что по принятіи общеславянскаго книжнаго языка уже ничего не надобно

писать на отдѣльныхъ нарѣчіяхъ, преимущественно же поэтическихъ произведеній. Но намъ не слѣдуетъ оставаться при однѣхъ частныхъ словесностяхъ. Что можетъ представить наприм. датская литература сравнительно съ нѣмецкою? Русская литература и потому заслуживаетъ предпочтенія при выборѣ общеславянской, что ея азбука передаетъ на письмѣ вполнѣ и безъ затрудненій всѣ славянскіе звуки, тогда какъ другія славянскія литературы, за изъятіемъ сербской, съ трудомъ перебиваются латинскою абецедою. По самолюбію людскому нельзя ожидать, что наши племена добровольно рѣшатся на этотъ объединительный шагъ. При нынѣшнемъ иноплеменническомъ господствѣ нельзя провести этой мѣры. Это великое дѣло рѣшится ко благу славянъ лишь подъ напоромъ важныхъ политическихъ событій. Между тѣмъ полезно пока возбуждать этотъ вопросъ, говорить о немъ и приготовлять къ тому умы“ [1]).

Вопросъ поставленъ Штуромъ столь просто и разрѣшенъ столь ясно, что трудно что нибудь прибавить или убавить въ этой формулѣ. Одно названіе общаго языка „литературнымъ“ представляется намъ не вполнѣ удачнымъ. Подобные языки распространяются обыкновенно и на другія области народной жизни — государственную, общественную, церковную и научную, такъ что сфера собственно литературная или словесно-художественная представляется не только не единственнымъ, но быть можетъ и не главнымъ полемъ для воздѣлыванія общаго языка.

Переходя отъ западныхъ славянъ къ южнымъ, мы замѣчаемъ и у нихъ, особенно въ послѣднее время, укрѣ-

---

[1]) Штура Людевита, Славянство и міръ будущаго. Москва 1867 г., стр. 188 сл. Изъ позднѣйшихъ словенскихъ статей по этому вопросу истинно-штуровскимъ духомъ отличаются многія изъ напечатанныхъ въ Narodní Noviny, напр. корреспонденція изъ Пешта отъ 5 мая 1889 г. Тутъ авторъ совѣтуетъ не только полякамъ, но и мадьярамъ „osvojiť si jazyk ruský za diplomatický“, чтобы не прибѣгать къ нѣмецкому.

пляющееся сознаніе необходимости язычнаго объединенія славянъ по типу Юнгмана и Штура.

Между словенцами самымъ краснорѣчивымъ и одушевленнымъ поборникомъ этой идеи является даровитый редакторъ люблянскаго (теперь тріестскаго) журнала „Slovanski Svet", Францъ Подгорникъ. Въ 1878 г. онъ напечаталъ въ Альманахѣ славянской академической молодежи въ Вѣнѣ весьма замѣчательную статью: „О литературныхъ языкахъ вообще и общеславянскомъ въ частности" [1]).

Указавъ въ началѣ этой статьи на разноголосицу славянъ въ вопросѣ объ общемъ языкѣ, причемъ одни совершенно отрицаютъ-де его возможность, другіе допускаютъ въ теоріи, но не на дѣлѣ, считая всѣ нынѣшніе діалекты недостойными возведенія въ общіе языки, третьи желали бы сочинить для этой цѣли новый, искусственный языкъ, а четвертые рады бы навязать всѣмъ свою собственную рѣчь, авторъ берется освободить этотъ вопросъ отъ всѣхъ внѣшнихъ осложненій и рѣшить его чисто индуктивнымъ, раціональнымъ путемъ. Съ этой цѣлью онъ разсматриваетъ отношеніе говоровъ къ письменнымъ языкамъ, опредѣляетъ генетическую связь каждаго литературнаго языка съ однимъ изъ живыхъ нарѣчій и необходимость непрерывно освѣжать эту связь, ибо этимъ лишь поддерживается органическое единство языка, его вѣрность господствующимъ аналогіямъ, цѣльность и закономѣрность строя и состава.

Прилагая эти общія положенія къ вопросу объ языкѣ общеславянскомъ, г. Подгорникъ выражаетъ убѣжденіе, что таковой можетъ образоваться единственно на основѣ отдѣльнаго нарѣчія, добровольно избраннаго всѣми вѣтвями славянства. Онъ допускаетъ, что въ образованіи прочихъ европейскихъ общихъ языковъ историческая случайность или необходимость играла преобладающую роль, но не считаетъ этого нормою, обязательною для славянъ. Они

---

[1]) O pismenih jezikih na sploh in občeslovanskem literaturnem jeziku posebe. Fr. Podgornik. Стр. 216—250 Almanach'a.

могутъ-де дѣйствовать и въ этомъ случаѣ какъ люди свободные, а не рабы. Никто вѣдь изъ нихъ не имѣетъ-де теперь, да едва ли и будетъ скоро имѣть возможность навязать свою рѣчь насильно всѣмъ соплеменникамъ! При выборѣ общаго языка славяне должны руководиться, во 1-хъ тѣмъ, чтобы избранное нарѣчіе стояло по возможности въ діалектическомъ центрѣ прочихъ и не представляло излишнихъ затрудненій при его изученіи, во 2-хъ, чтобы оно обладало большой живучестью и силою внутреннихъ аналогій, для обезпеченія органичности и продолжительности развитія, и въ 3-хъ, чтобы лексикальный его составъ опирался на широкомъ діалектическомъ фундаментѣ и представлялъ достаточный матеріалъ для выработки всѣхъ оттѣнковъ научной и практической терминологіи. Ц.-славянскій языкъ при всѣхъ своихъ достоинствахъ, особенно по богатству склоняемыхъ и спрягаемыхъ формъ, не удовлетворяетъ-де изложеннымъ условіямъ, какъ языкъ мертвый, оторванный отъ нарѣчной почвы и лишенный претворяющей силы внутреннихъ аналогій.

Другое дѣло языкъ русскій. Его главныя преимущества передъ прочими заключаются-де не въ томъ, что онъ выше ихъ по силѣ государственной, народной, литературной, ибо это условія, лежащія внѣ языка, а потому и преходящія въ движеніи жизни. Важнѣе-де то, что звуковой и формальный строй русскаго языка занимаетъ середину между прочими языками и носитъ въ себѣ залогъ продолжительнаго и прочнаго развитія; что логическое расчлененіе его формъ строже и тоньше, чѣмъ въ другихъ языкахъ, за исключеніемъ ц.-славянскаго; что его лексиконъ безграниченъ, благодаря разнообразію естественныхъ и нравственныхъ условій жизни безчисленныхъ вѣтвей русскаго народа. Одного ему недостаетъ, по мнѣнію автора: главнаго нарѣчія, которое служило бы символомъ и органомъ объединяющихъ силъ языка. Но въ этомъ отношеніи и другіе славянскіе языки не могутъ-де особенно гордиться. Русскій языкъ можетъ устранить еще этотъ недостатокъ при тѣснѣйшемъ сближеніи со своими нарѣчія-

ми и говорами. Не вполнѣ достигъ-де онъ и полной закономѣрности строя и состава, что выражается въ присутствіи множества грамматическихъ исключеній и неправильностей, лексикальныхъ плеоназмовъ, недостаточно разграниченныхъ синонимовъ и т. п. Между тѣмъ эта закономѣрность необходима-де и для русскихъ, и для славянъ, такъ какъ безъ нея изученіе общаго языка весьма трудно, а это замедляетъ его распространеніе и дома, и въ средѣ иноязычной. Что касается мнѣній о принятіи славянами не одного, а двухъ общихъ языковъ (напр. русскаго на сѣверовостокѣ, а сербохорватскаго на югозападѣ), то г. Подгорникъ не особенно одушевляется этой идеей. Онъ предпочитаетъ ей такое единство общеславянскаго языка, при которомъ онъ развивался бы параллельно съ частными славянскими языками, обособленными уже и исторіей, и территоріальной разбросанностію [1]). У другихъ народовъ частные языки низошли-де къ положенію подчиненныхъ діалектовъ, у славянъ же они могутъ сохранить свою самостоятельность, не подрывая правъ общаго языка, который необходимъ и для интересовъ общечеловѣческаго развитія.

Это замѣчательное разсужденіе словинскаго публициста составляетъ во многихъ отношеніяхъ какъ бы противоположный полюсъ теоріи его земляка Матіи Маяра — о взаимныхъ языкахъ. Маяръ не придавалъ никакого значенія органическимъ факторамъ языкообразованія и считалъ возможнымъ въ интересахъ взаимности создать не одинъ, а восемь искусственныхъ языковъ; г. Подгорникъ, наоборотъ, ставитъ во главу угла понятіе естественности и закономѣрности язычнаго развитія. Первый совершенно подчиняетъ въ этомъ процессѣ коллективное творчество массъ единоличному произволу писателя или грамматиста;

---

[1]) Skupni jezik ni proti jezikom posameznih vej... Vsako narečje živi za domače potrebe poleg pismenega jezika. Takó živé lahko pismeni postranski jeziki poleg glavnega. Ibid. 249.

второй допускаетъ лишь въ минимальной дозѣ вклады личные, и то подъ условіемъ полнаго подчиненія формамъ и духу рѣчи простонародной. Но при этихъ контрастахъ есть между обоими словинскими теоретиками и нѣчто общее: оно заключается въ нѣкоторомъ пренебреженіи историческихъ моментовъ изучаемаго явленія, во имя практическихъ потребностей у Маяра и теоретическихъ у Подгорника. Послѣдній напоминаетъ въ этомъ отношеніи итальянца Манцони, который считалъ рѣчь флорентинскихъ торговокъ образцовѣе языка Данта, Аріоста и Тасса, такъ какъ у послѣднихъ недостаетъ-де той органичности и закономѣрности, какая наблюдается на mercato vecchio во Флоренціи. Но письменный языкъ образуется писателями, а не читателями, слѣдовательно отдѣльными лицами, а не смѣшанною толпою. Это не дикое, а культурное растеніе, въ развитіи котораго принимаютъ соединенное участіе природа и разумъ. Ихъ взаимодѣйствіе и опредѣляетъ историчессій обликъ образованнаго языка, занимающаго середину между непосредственностію говоровъ и искусственностію языковъ сочиненныхъ, въ родѣ новѣйшаго волапюка. Если же это такъ, если самъ Подгорникъ признаетъ такую двойственность взаимодѣйствующихъ силъ и историческихъ формъ во всѣхъ извѣстныхъ древнихъ и новыхъ письменныхъ языкахъ, то не ясно, почему предполагается возможнымъ, желательнымъ и даже необходимымъ устранить ее въ предполагаемомъ общеславянскомъ языкѣ.

Но это единственное возраженіе, какое мы можемъ сдѣлать на основы ученія г. Подгорника. Все остальное не противорѣчитъ ни аналогіямъ другихъ общихъ языковъ, ни условіямъ зарожденія ихъ въ средѣ славянской. Особеннаго же вниманія заслуживаютъ, на нашъ взглядъ, заключительныя слова автора о возможности сохраненія частныхъ славянскихъ языковъ при единовременномъ употребленіи языка общаго въ высшихъ областяхъ жизни и мысли [1]).

[1]) Въ N 22 „Slovanski Svet“ за 1888 г. Фр. Подгор-

Въ средѣ славянъ сербохорватскихъ лишь въ новѣйшее время стали раздаваться голоса въ пользу всеславянскаго языка Штуровскаго типа. Въ 1872 г. вопросъ этотъ былъ затронутъ бѣлградскимъ патріотомъ А. Орешковичемъ. Развивая планъ всеславянскаго союза, подъ главенствомъ русскаго царя, какъ наслѣдственнаго царя славянскаго и предсѣдателя федераціи, г. Орешковичъ призналъ русскій языкъ необходимымъ ея центромъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Принимая въ принципѣ соединеніе (славянъ), съ русскимъ народомъ въ центрѣ, мы должны признать и русскій языкъ органомъ всѣхъ междуплеменныхъ отношеній. Къ этому насъ обязываетъ какъ сила самаго факта, ставящаго Русь во главѣ (федераціи), такъ и логическія его послѣдствія. Уже по своему строенію русскій языкъ легко доступенъ прочимъ славянамъ, такъ что и незнакомые съ нимъ могутъ изучить его въ самое непродолжительное время. Итакъ для облегченія сношеній по дѣламъ славянскаго союза долженъ быть принятъ русскій языкъ; для успѣшнаго же развитія отдѣльныхъ племенъ слѣдуетъ оставить (въ домашнемъ обиходѣ) ихъ племенные языки. Кто не желаетъ признать русскій языкъ общимъ въ союзныхъ дѣлахъ, тотъ очевидно не желаетъ и самаго союза. Пусть же онъ остается при своей племенной ограниченности! Славянство ничего въ немъ не потеряетъ“ [1]).

Подобный взглядъ выраженъ и сербоугорскимъ адвокатомъ, однимъ изъ корифеевъ Московскаго съѣзда 1867 г. Михаиломъ Полит-Десанчичемъ, въ брошюрѣ: „Рецимо коју“:

„Я не боюсь, говоритъ онъ, русскаго поглощенія, ибо знаю упругость сербскаго народа. На вопросъ о признаніи сербами и другими славянами русскаго языка обще-

---

никъ еще разъ коснулся этого вопроса. При этомъ онъ подробнѣе разсмотрѣлъ культурную важность общихъ языковъ и констатировалъ право каждаго нарѣчія избрать себѣ органъ для высшей литературы.

[1]) Орешковић А., Славенска задруга. Београд 1872 г., стр. 28 сл.

славянскимъ литературнымъ языкомъ можно отвѣчать различно. Но я полагаю, что славянамъ ни мало не повредило бы принятіе русскаго языка, по крайности въ научной литературѣ. Рядомъ съ міровыми литературами: нѣмецкою, французскою, англійскою, литературы малыхъ народовъ не могутъ имѣть мірового значенія. Но въ болѣе тѣсномъ кругу, въ средѣ своего народа, сербы и другіе славяне могутъ конечно лелѣять и развивать свой языкъ. Для большихъ же научныхъ сочиненій они принуждены будутъ рано или поздно принять русскій языкъ" [1]).

И бѣлградскій проф. П. Сретьковичъ гласно выступилъ съ такой же программой, какъ Орешковичъ, въ открытомъ „Письмѣ къ редактору Извѣстій Славянскаго благотворительнаго общества" (ноябрь 1887 г.), гдѣ между прочимъ читаемъ:

„Всѣ народы славянскаго происхожденія имѣютъ свой славянскій языкъ, свои преданія, свои творенія ума, а это доказываетъ, что они дѣти одной матери, Славіи. Всѣ славяне составляютъ одну общую славянскую задругу, подобно единой солнечной системѣ, въ которой Россія занимаетъ мѣсто солнца, а остальнымъ народамъ славянскимъ выпадаетъ роль планетъ. Въ славянствѣ международный языкъ русскій" [2]).

Чуть ли не изъ Чехіи пересажена мысль Юнгмана еще въ 1830-хъ годахъ въ Россію. Погодинъ по возвращеніи въ 1839 г. изъ путешествія по славянскимъ землямъ пи-

---

[1]) Полит-Десанчић Мих., Рецимо коју. Новый Сад 1887, стр. 68. Проф. Богишичъ также коснулся этого вопроса въ ст. „Словенски музеум" (Новый Садъ 1867 г.). Органомъ этого музея онъ рекомендуетъ избрать или діалектъ его резиденціи, или „најразумљивији свијем племенима" (37 стр.): ужъ не нѣмецкій ли?

[2]) Извѣстія Слав. благотв. общества 1887 г., N 11—12, стр. 548. И проф. Ягичъ условно допускаетъ международное значеніе русскаго языка, но во 1-хъ не теперь, а когда въ Россіи исчезнетъ-де нынѣшнее большое разстояніе между силами территоріальною и культурною, во 2-хъ же — лишь для восточно-европейско-азіатскаго оборота (Archiv VIII, 135).

салъ о томъ министру народнаго просвѣщенія гр. С. С. Уварову нижеслѣдующее:

„Русскій языкъ, по моему мнѣнію, такъ могуществен и заключаетъ въ себѣ столько свойствъ, принадлежащихъ всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ порознь, что можетъ почитаться ихъ естественнымъ представителемъ. Самъ по себѣ, безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ, онъ рано или поздно сдѣлается общимъ литературнымъ славянскимъ языкомъ, какъ у нѣкоторыхъ племенъ было прежде нарѣчіе болгарское, а въ западной Европѣ латинское. Всѣ нарѣчія должны прежде принесть ему дань своими словами, оборотами, формами. Слѣдовательно не должно сушить Оку или Каму, не надо и для того, чтобы полнѣе стала Волга“ [1]).

Въ „Запискахъ изъ путешествія по славянскимъ землямъ“ встрѣчаемъ мы впервые мысль объ общеславянскомъ призваніи русскаго языка и у В. И. Ламанскаго, который донынѣ является главнымъ ея представителемъ въ Россіи. Вотъ что писалъ онъ о томъ въ 1864 г., если не ошибаемся изъ Бѣлграда:

„Что касается до южныхъ славянъ, то если Богъ благословитъ ихъ образовать федерацію, общимъ органомъ высшей образованности можетъ быть у нихъ только русскій языкъ. Славяне въ Австріи изъ чувства патріотизма не хотятъ сознаться, что они находятся къ нѣмцамъ въ отношеніи народностей къ національности. Тутъ вводитъ ихъ въ недоразумѣніе мысль, что они принадлежатъ къ одному великому 80-милліонному племени. Но они совсѣмъ, кажется, не обращаютъ вниманія на то, что изъ этихъ 80-ти мялліоновъ 50 принадлежатъ къ одному русскому племени, уже выработавшему себѣ одинъ письменный языкъ, а остальные 30 милл. раздѣлены на восемь народностей, имѣющихъ каждая свою особую литературу, находящихся въ самыхъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ обсто-

---

[1]) Погодинъ, Историко-политическія письма и записки впродолженіи Крымской войны 1853—56 г. Москва 1874 г., стр. 29.

ятельствахъ... Нѣмецкія и итальянскія нарѣчія не только не ближе, но даже гораздо дальше одно отъ другого, чѣмъ нарѣчія славянскія. Не предвидя для южныхъ славянъ Австріи никакой возможности освободиться отъ духовной подчиненности итальянской, нѣмецкой и мадьярской образованности, литературамъ и языкамъ, мы принуждены указать, какъ на единственный исходъ изъ этого печальнаго положенія, на необходимость для нихъ принять русскій языкъ органомъ науки и высшей образованности, языкомъ дипломатическимъ, съ сохраненіемъ своихъ нарѣчій и словесностей для мѣстныхъ потребностей... Только русскій языкъ можетъ быть общимъ органомъ славянъ австрійскихъ; только онъ можетъ вытѣснить у нихъ изъ нынѣшняго употребленія языкъ нѣмецкій, съ глубокою ироніею, но совершенно справедливо называемый у славянъ die panslawistische Sprache. Такимъ образомъ южные славяне австрійскіе могли бы соединиться не только съ турецкими и сѣверно-австрійскими соплеменниками, но и съ тѣмъ 50-ти милліоннымъ народомъ, который одинъ изъ всѣхъ народностей славянскихъ въ строгомъ смыслѣ образуетъ націю и можетъ притязать на всемірно-историческое значеніе. Отъ поколѣній нынѣ дѣйствующихъ у южныхъ славянъ надѣяться на такое принятіе русскаго языка нѣтъ никакого основанія. Отъ нихъ можно только ожидать, чтобы они постарались поближе узнать Россію и приготовить своихъ дѣтей къ изученію русскаго языка, русской литературы... Славяне могутъ принять или не принять нашъ русскій языкъ за общій письменный и дипломатическій языкъ, за органъ науки и высшей образованности, — мы, русскіе, должны объ этомъ откровенно высказывать свое мнѣніе, не стѣсняясь ложными приличіями".

Изложивъ затѣмъ вкратцѣ отзывъ южныхъ и западныхъ славянъ объ общемъ языкѣ славянъ, В. И. Ламанскій говоритъ въ заключеніе:

„Въ виду... внѣшней малочисленности и внутренней слабости девяти славянскихъ народностей внѣ Россіи, а многочисленности внѣшней и внутренней силы нашего на-

рода, мы, русскіе, не можемъ не вѣрить въ будущность русскаго языка, какъ общелитературнаго для всѣхъ славянъ. Чѣмъ больше мы будемъ узнавать славянъ, тѣмъ яснѣе будетъ представляться намъ необходимость и неизбѣжность такого исхода“ [1]).

И второе по времени заявленіе проф. Ламанскаго по тому же вопросу, въ предисловіи къ переводу сочиненія „Славянство и міръ будущаго“, также органически примыкаетъ къ теоріямъ западно-славянскимъ, именно Штуровой [2]). Впослѣдствіи нашъ ученый славистъ имѣлъ случаи значительно расширить и углубить историческія и языковѣдныя основы этой теоріи, приведя ее въ связь съ общеславянскимъ церковнымъ языкомъ и съ аналогическими явленіями западныхъ образованныхъ языковъ и народовъ [3]). Но все же это лишь дальнѣйшее развитіе теоріи Юнгмана и Штура, а не первоначальная ея постановка.

То же должны мы сказать о взглядахъ на этотъ предметъ Гильфердинга [4]), Данилевскаго [5]), Пыпина [6]), Ку-

---

[1]) Ламанскій В. И., Сербія и южнославянскія провинціи Австріи. СПб. 1864 г., стр. 33—41.

[2]) „Если русскому языку, читаемъ мы здѣсь, дѣйствительно суждено быть общеславянскимъ дипломатическимъ языкомъ, то его распространеніе у славянъ произойдетъ преимущественно чрезъ Угорскую Русь и словаковъ“. Стр. VI.

[3]) Напр. въ статьяхъ: „Непорѣшенный вопросъ“ въ Ж. М. Н. Пр. 1868 г., стр. 131 слл.; „Объ историческомъ изученіи греко-славянскаго міра“ СПб. 1871 г., стр. 48—51; въ разныхъ статьяхъ Извѣстій Сл. бл. общ. за 1887 и 1888г. и indѣ.

[4]) Общеславянская азбука. СПб. 1871, стр. 2, CXXVII.

[5]) „Необходимымъ плодомъ политическаго объединенія славянъ явился бы общій языкъ, которымъ не можетъ быть иной, кромѣ русскаго; онъ успѣлъ бы пріобрѣсти должное господство для того, чтобы между всѣми членами славянской семьи могъ происходить плодотворный обмѣнъ мыслей и взаимнаго культурнаго вліянія“. Далѣе авторъ доказываетъ, что литературное объединеніе не можетъ совершиться раньше политическаго, но неизбѣжно по достиженіи послѣдняго. Европа и Россія. СПб. 1871 г., стр. 456—458.

[6]) См. его статью о „Литературномъ панславизмѣ“ въ Вѣстникѣ Европы 1879 г., сентябрь.

лаковскаго [1]) и др. русскихъ писателей [2]). Ни одинъ изъ нихъ не выступилъ съ самостоятельной теоріей общеславянскаго языка, а лишь переработалъ въ томъ или другомъ направленіи теорію Юнгмано-Штуровскую. И это понятно: теорія эта слишкомъ тѣсно связана съ положеніемъ и ролью русскаго языка, чтобы не возбуждать нѣкоторыхъ сомнѣній въ полномъ безпристрастіи нашихъ писателей при ея разработкѣ. Конечно, въ подобномъ положеніи находится каждый историкъ, филологъ, этнологъ и т. д., разсуждающій о значеніи и задачахъ своего государства, языка, народа. Объективность здѣсь, какъ и вообще въ гуманитарныхъ знаніяхъ, можетъ быть лишь условная, а не абсолютная. Но въ данномъ вопросѣ для нашихъ писателей тѣмъ безопаснѣе было присоединиться ко взглядамъ Штуровскимъ, что они носили всѣ признаки тѣхъ высшихъ обобщеній, которыя выводятся изъ явленій при совмѣстномъ дѣйствіи анализа и синтеза, путемъ и внѣшняго наблюденія, и внутренняго постиженія.

Заключительнымъ звеномъ въ ряду разсмотрѣнныхъ теорій и вмѣстѣ первою программою практическаго ихъ выполненія является напечатанная въ „Варшавскомъ Дневникѣ“ 1888 г. (NN 183, 184, 188) статья славнаго угрорусскаго дѣятеля А. И. Добрянскаго, подъ заглавіемъ: „Взглядъ на вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ“.

Точкою отправленія Добрянскій избираетъ доказанное, по его мнѣнію, и общепринятое теперь у славянъ (кромѣ поляковъ [3]) мнѣніе, что общеславянскимъ языкомъ

---

[1]) Очеркъ исторіи попытокъ рѣшенія вопроса объ единомъ литературномъ языкѣ у славянъ. Меѳодіевскій юбилейный сборникъ. Варшава 1885 г.

[2]) Ср. и мое чтеніе: „О литературномъ единствѣ народовъ славянскаго племени“, въ III т. Славянскаго сборника. СПб. 1877 г.

[3]) Въ прежнее время и между поляками бывали люди всеславянскаго направленія, напр. Вороничъ, Линде, Бандтке, Суровецкій, Ходаковскій, Мацѣевскій. Но они не рѣшались говорить о такомъ щекотливомъ для польскаго общества во-

можетъ и долженъ быть русскій. Но такъ какъ языкъ этотъ и донынѣ не освободился-де еще отъ множества нѣмецкихъ и иныхъ чужеядныхъ наростовъ, въ родѣ напр. словъ: фрейлина, календарь, оберъ-прокуроръ, агитировать, телеграфировать, герой (вм. ирой), библіотека (вм. вивліоѳика) и т. п., то необходимо принять дѣйствительныя мѣры къ очищенію русскаго языка отъ подобныхъ варваризмовъ. Они дѣлаютъ-де его смѣшнымъ въ глазахъ славянъ и мѣшаютъ признанію языкомъ общеславянскимъ. Для этой цѣли слѣдовало бы-де основать въ Россіи общеславянскую академію словесныхъ наукъ, которая выработала бы общую графику, изгнала варваризмы, обработала славянскую исторію, энциклопедію и т. п. Это значительно облегчило и ускорило бы признаніе русскаго языка международнымъ органомъ славянъ какъ въ устныхъ и письменныхъ ихъ сношеніяхъ между собою, такъ и въ области наукъ. Лишь послѣ того могъ бы этотъ языкъ проникнуть не только въ верхніе, но и въ нижніе слои всѣхъ славянскихъ народностей.

Что касается мѣста, какое долженъ русскій языкъ, какъ общій, занять въ системѣ народнаго образованія, въ судахъ, управленіи, наукѣ, литературѣ и общественной жизни славянъ, то, по мнѣнію А. И. Добрянскаго, ихъ слѣдуетъ въ этомъ отношеніи раздѣлить на четыре группы, въ зависимости отъ ихъ нахожденія: А. въ предѣлахъ русскаго государства, Б. въ самостоятельныхъ славянскихъ государствахъ, связанныхъ съ Россіей (Болгарія и Черногорія), или В.—въ несвязанныхъ съ нею (Сербія), а наконецъ Г. въ государствахъ неславянскихъ—Австріи, Германіи, Турціи.

просѣ, какъ общеславянскій языкъ. В. И. Ламанскій (Сербія и южнославянскія провинціи Австріи 37 слл.) отыскалъ нѣсколько сочувственныхъ отзывовъ о немъ у анонимнаго автора берлинскихъ изданій: Polska, Europa, Rossya 1859 г. и въ журналѣ Prawda 1861 г.; но этотъ авторъ имѣлъ, кажется, въ виду языкъ польскій, а не русскій. Отъ новѣйшаго времени мы не можемъ указать въ польской литературѣ ничего положительнаго по этому вопросу.

Въ первой группѣ (А.) могутъ-де представляться спорными лишь права русскаго языка въ областяхъ чисто-польскихъ. Авторъ допускаетъ, что еслибы поляки отреклись отъ старыхъ мечтаній и примирились съ дѣйствительно принадлежащимъ имъ въ славянствѣ положеніемъ, то Россія могла бы отвести значительный просторъ для ихъ нарѣчія, конечно, въ областяхъ со сплошнымъ польскимъ населеніемъ. При такомъ условіи языкъ русскій могъ бы довольствоваться въ нихъ господствомъ въ системѣ высшаго образованія, въ дѣлопроизводствѣ генералъ-губернаторства, губернскихъ и уѣздныхъ присутствій, судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ, и всѣхъ правительственныхъ учрежденій военнаго, путейскаго и финансоваго вѣдомствъ. Въ системѣ низшаго и средняго образованія могъ бы-де тогда господствовать языкъ польскій, но съ тѣмъ, чтобы и въ низшихъ училищахъ обязательно было теоретическое и практическое обученіе русской грамотѣ и письму, въ связи со сравнительной русско-польской грамматикой. Въ среднихъ же заведеніяхъ и тогда слѣдовалобы обязательно обучать ц.-славянскому и русскому языкамъ, съ преподаваніемъ на послѣднемъ исторіи съ географіей и греческаго языка, которому необходимо-де дать бо̀льшее число часовъ, чѣмъ латинскому. Въ уѣздныхъ управленіяхъ и низшихъ судахъ, а по уголовнымъ дѣламъ и въ окружныхъ судахъ, возможно бы тогда допустить польскій языкъ въ допросахъ и при выдачѣ рѣшеній, но съ примѣненіемъ кирилловской графики. Въ жизни общинъ (городовъ, посадовъ, волостей, селъ) тоже могъ бы-де господствовать польскій языкъ. Лишь въ сношеніяхъ съ русскими вѣдомствами или общинами долженъ бы употребляться общеславянскій языкъ. Въ частной жизни, со включеніемъ поэзіи, польскій языкъ могъ бы господствовать безусловно, какъ и теперь, но не въ ущербъ русскимъ жителямъ.

Но авторъ плохо вѣритъ въ раскаяніе польской шляхты и ксендзовъ и въ твердую ихъ рѣшимость ограничиться своимъ, не притязая на чужое. При ихъ же нераскаянности придется-де посильнѣе колонизовать пограничныя съ

Пруссіей и Австріей области русскими людьми, соорудить для нихъ церкви, открыть епископія и подготовить постепенно ассимиляцію этихъ ненадежныхъ областей русскимъ населеніемъ.

Въ группѣ Б. (Черногорія и Болгарія) отношенія къ Россіи должны-де со временемъ установиться по такому типу, какъ въ Германіи между Пруссіей и прочими нѣмецкими государствами. Но еслибы это и не осуществилось, то все же русскій языкъ долженъ-де тутъ господствовать въ дѣлахъ иностранныхъ, торговыхъ, военныхъ и путейскихъ. Въ низшихъ училищахъ тутъ обязательно-де обученіе русской грамотѣ и письму, со сравнительною грамматикою сербскаго или болгарскаго нарѣчія. Въ среднихъ же слѣдовало бы ввести обязательное изученіе ц.-славянскаго и русскаго языковъ, съ преподаваніемъ закона божія на первомъ, а исторіи и географіи на второмъ. Въ высшихъ училищахъ на русскомъ языкѣ тутъ должны бы преподаваться: всеобщая исторія, славянская словесность, славянская исторія, славянская филологія, славянское право и богословіе, за изъятіемъ тѣхъ отдѣловъ его, въ которыхъ оказалось бы полезнымъ употребленіе ц.-славянскаго языка. Все прочее въ системѣ образованія, въ области государственной, а тѣмъ болѣе въ частной жизни слѣдовало бы-де предоставить тутъ полному господству мѣстныхъ діалектовъ.

Въ государствахъ группы В. (Сербія) желательно-де видѣть употребленіе русскаго языка вмѣсто французскаго въ сношеніяхъ мѣстныхъ учрежденій и обществъ съ русскими и инославянскими. Молодежь должна-де обучаться въ низшихъ школахъ ц.-славянскому чтенію и письму, въ среднихъ же — ц.-славянскому и русскому языкамъ. Въ высшихъ наконецъ заведеніяхъ желательно-де преподаваніе на послѣднемъ всѣхъ отдѣловъ славяновѣдѣнія и догматики, а на ц.-славянскомъ языкѣ — прочихъ отдѣловъ богословія.

Еще менѣе можно-де требовать отъ славянъ, живущихъ въ неславянскихъ государствахъ (группа Г). Поля-

ковъ Германской имперіи и сербовъ-лужичанъ вѣроятно ожидаетъ-де судьба славянъ поморскихъ и мекленбурскихъ. Въ земляхъ славяно-турецкихъ слѣдовало бы-де преподавать въ низшихъ училищахъ ц.-славянскій и русскій языки, съ краткою сравнительною грамматикою послѣдняго и мѣстныхъ нарѣчій. Въ среднихъ школахъ — гдѣ онѣ есть или будутъ — желательно-де, сверхъ обученія ц.-славянскому и русскому языкамъ, преподаваніе на послѣднемъ исторіи съ географіей и греческаго языка, на первомъ же — закона божія. Въ духовныхъ же училищахъ необходимо, сверхъ обученія обоимъ общеславянскимъ языкамъ, преподаваніе на русскомъ языкѣ догматики, а на ц.-славянскомъ прочихъ отдѣловъ богословія.

Въ Австріи отъ хорватовъ можно-де желать бо́льшаго уваженія къ кирилловскому письму и преподаванія въ среднихъ заведеніяхъ ц.-славянскаго и русскаго языковъ, въ университетѣ же — признанія послѣдняго преподавательнымъ языкомъ для всѣхъ отдѣловъ славяновѣдѣнія.

Австрійскіе поляки должны-де уступить русскимъ львовскій университетъ и всѣ среднія училища восточной Галиціи; но пока не замѣчается никакихъ признаковъ отрезвленія ихъ въ національномъ отношеніи.

Отъ чехоморавянъ можно-де требовать въ низшихъ училищахъ обученія русскому чтенію и письму, съ преподаваніемъ сравнительной русско-чешской грамматики, въ среднихъ школахъ — обязательнаго обученія ц.-славянскому и русскому языкамъ, въ университетѣ же — преподаванія на послѣднемъ всѣхъ отдѣловъ славяновѣдѣнія.

Отъ словаковъ нельзя-де ничего требовать, такъ какъ они не участвуютъ въ государственной и публичной жизни, не имѣютъ ни высшихъ, ни среднихъ заведеній и даже въ низшихъ сдавлены мадьяризмомъ. Это не мѣшаетъ впрочемъ имъ стремиться къ духовному объединенію славянъ не менѣе другихъ вѣтвей нашего племени.

Почти то же должно сказать объ угорскихъ сербахъ, которыхъ поддерживаетъ лишь національная церковь. Отъ нихъ можно-де требовать обученія въ низшихъ училищахъ

ц.-славянскому и русскому чтенію и письму, и сравнительной русскосербской грамматикѣ, въ среднихъ же училищахъ, сверхъ обученія ц.-славянскому и русскому языкамъ, преподаванія на первомъ закона божія, въ духовныхъ же училищахъ — преподаванія догматики на русскомъ языкѣ, а прочихъ отдѣловъ богословія — на ц.-славянскомъ.

Дѣлая эти уступки общему языку, славяне поступились бы собственно не столько правами своихъ діалектовъ, сколько привычкою пользоваться въ научной области чужими языками.

Сверхъ того Добрянскій рекомендуетъ славянамъ: не сочинять новыхъ терминовъ, а брать ихъ изъ языка общеславянскаго; замѣнять русскими тѣ новокованныя или заимствованныя слова и обороты, которые не привились еще прочно въ народныхъ говорахъ; отдавать предпочтеніе тѣмъ синонимамъ, которые находятся и въ русскомъ языкѣ; разъяснять другъ другу значеніе ц.-славянскаго и русскаго языковъ, а равно преимущества кириллицы, и стараться по возможности о введеніи ихъ въ жизнь; наконецъ, употреблять въ сношеніяхъ со славянами общій языкъ. Это постепенно сблизитъ-де славянскія нарѣчія съ языкомъ русскимъ и приведетъ къ замѣнѣ послѣднимъ языковъ чуждыхъ какъ въ дипломатической, такъ и въ научной области.

Таковъ взглядъ А. И. Добрянскаго на права языка общаго въ средѣ частныхъ и на разграниченіе законныхъ сферъ перваго и послѣднихъ. Еслибы подъ изложенной статьей подписано было другое имя, то мы, соглашаясь съ авторомъ въ основныхъ воззрѣніяхъ, выставили бы и нѣкоторыя возраженія, напр. противъ включенія Сербіи въ сферу не русскаго, а австрійскаго вліянія; разнообразія требованій отъ одного и того же частнаго языка (напр. сербскаго), въ зависимости отъ государственнаго дробленія племени; неравенства жертвъ на алтарѣ общаго языка, налагаемыхъ на различные частные языки; присвоенія полумертвому ц.-славянскому языку правъ на живое упо-

требленіе, въ преподаваніи закона божія и т. п. Но принимая въ соображеніе, что статья эта есть программа, начертанная самымъ компетентнымъ изъ живущихъ нынѣ славянскихъ дѣятелей, который принималъ въ теченіе полувѣка дѣятельнѣйшее участіе въ разработкѣ занимающаго насъ вопроса словаками, чехами, сербами и другими запредѣльными славянами, и имѣлъ возможность лучше другихъ ознакомиться и съ желаніями, и съ интересами этихъ славянъ,—мы не рѣшаемся возражать противъ этой программы съ одностороннихъ, быть можетъ, теоретическихъ точекъ зрѣнія. Подобно программѣ Штура въ посмертномъ „Посланіи съ береговъ Дуная“ [1]), пусть и программа Адольфа Ивановича Добрянскаго, какъ опытъ долгой и славной жизни, остается для насъ священнымъ завѣтомъ, котораго исполненіе сокрыто въ темномъ лонѣ будущаго [2]).

---

[1]) Славянство и міръ будущаго. Москва 1867 г.

[2]) Общій очеркъ этой V-й главы напечатанъ авторомъ въ „Русско-славянскомъ календарѣ на 1890 годъ“, который изданъ СПб. Слав. благотв. обществомъ.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Озираясь въ заключеніе этой второй и послѣдней части обзора на пройденный нами довольно длинный, но кажется прямой путь, и сравнивая встрѣченные на немъ виды, собранныя наблюденія и опыты съ извѣстною уже намъ изъ первой части картиною образованія прочихъ общихъ языковъ, мы усматриваемъ здѣсь и тамъ столько внутренняго сходства, что не можемъ сомнѣваться въ тожествѣ законовъ развитія восьмого общаго языка, славянскаго, съ семью другими, древнеевропейскими и новоевропейскими.

И у насъ, какъ индѣ, языкъ всего племени раздѣляется на нѣсколько (именно три) діалектическихъ группъ, распадающихся на дюжину нарѣчій. Серединное положеніе между группами этой системы занимаетъ восточная или русская. Лѣвымъ ея крыломъ служатъ нарѣчія южныя, правымъ же — западныя. Взаимныя различія всѣхъ этихъ нарѣчій приблизительно соотвѣтствуютъ различію нарѣчій древней Греціи, Испаніи, Англіи, и ужъ никакъ не дальше взаимнаго разстоянія нарѣчій древней и новой Италіи, Франціи, Германіи. И это относится въ равной мѣрѣ къ нарѣчіямъ какъ XIX-го, такъ и XVI-го и даже IX-го в., ибо измѣненіе славянскихъ нарѣчій совершается весьма медленно, а ихъ типы опредѣлились въ общихъ чертахъ уже за тысячу лѣтъ до нашего времени.

Такимъ образомъ, въ діалектическихъ условіяхъ славянства не было и нѣтъ никакихъ основаній для предположенія, что образованіе общаго языка на этой почвѣ невозможно или должно совершиться иначе, чѣмъ у семи прочихъ европейскихъ народовъ древняго и новаго времени.

То же подтверждается сравненіемъ совершеннаго донынѣ язычнаго оборота славянъ съ аналогическими фазами другихъ большихъ народовъ и языковъ.

Подобно всѣмъ прочимъ язычнымъ семьямъ, и въ славянской литературная обработка началась съ отдѣльныхъ нарѣчій, на почвѣ коихъ постепенно образовалась цѣлая дюжина діалектовъ. Борьба ихъ за преобладаніе началась довольно рано и велась съ перемѣннымъ счастьемъ. Нѣкоторые изъ діалектовъ возвысились до роли болѣе или менѣе независимыхъ языковъ частныхъ, а изъ послѣднихъ стали со временемъ вырабатываться у славянъ, какъ и индѣ, языки общіе — то для нѣсколькихъ нарѣчій, то для цѣлыхъ діалектическихъ группъ.

Прежде и раньше всего совершилъ этотъ оборотъ діалектъ болгарско-пропонтидскій. Уже въ X-мъ в. онъ сталъ общимъ языкомъ во всѣхъ трехъ группахъ, а потомъ, съ XII-го—XIII-го в., по утратѣ областей западнославянскихъ, сосредоточилъ свои силы преимущественно въ группахъ южной и восточной, гдѣ онъ и донынѣ остается въ литургическомъ употребленіи. Съ XIV-го—XV-го вѣка начинается подъемъ діалектовъ сербскаго и чешскаго, причемъ они становятся въ бо́льшей или меньшей мѣрѣ общими дипломатическими языками для цѣлыхъ группъ, первый — для южной, второй же — для западной, съ сопредѣльными инородческими краями. Въ XVI-мъ и XVII-мъ вв. блестящія завоеванія дѣлаетъ языкъ польскій, особенно на почвѣ русско-литовской, такъ что на нѣкоторое время и онъ возвышается до роли языка общаго.

Аналогическое передвиженіе то общихъ, то частныхъ язычныхъ центровъ замѣчается и у многихъ другихъ народовъ, напримѣръ у древнихъ грековъ, гдѣ гегемоническая въ язычной области роль принадлежала раньше малоазійскимъ іонянамъ, потомъ же европейскимъ аттикамъ, а еще позже—македонскимъ, ѳракійскимъ, анатолійскимъ, сирійскимъ и египетскимъ отпрыскамъ эллинизма.

То же можно замѣтить въ исторіи и всѣхъ другихъ общихъ языковъ. Исключеніе составляютъ развѣ языки

латинскій и французскій, гдѣ Римъ и Парижъ весьма рано заняли столь выдающееся политическое, общественное и литературное положеніе, что всѣ прочіе центры быстро и навсегда должны были отойти на задній планъ.

До сихъ поръ язычный оборотъ славянскій, какъ оказывается, не представляетъ существенныхъ уклоненій отъ всѣхъ прочихъ языковъ. Но по аналогіи послѣднихъ мы бы ожидали, что послѣ нѣсколькихъ колебаній языкъ общій установится наконецъ прочно на почвѣ одного изъ діалектовъ или частныхъ языковъ и создастъ для болѣе или менѣе продолжительнаго періода устойчивое равновѣсіе господствующихъ язычныхъ формъ. Случилось ли это въ средѣ славянской?

Пока еще нѣтъ. Ни одному изъ вышеназванныхъ славянскихъ языковъ не удалось прочно обезпечить достигнутаго господства въ одной или нѣсколькихъ группахъ.

Ц.-славянскій довольно рано потерялъ вслѣдъ за областями внѣшними внутреннія, былъ вытѣсненъ изъ употребленія государственнаго, общественнаго, литературнаго, и уединился подъ сѣнью храма, какъ іератическій языкъ неолатыненнаго славянства.

Сербскій распался на діалекты, изъ которыхъ впослѣдствіи вновь выработался языкъ,—но не общій, а частный. Попытка иллиристовъ возстановить общее значеніе этого языка на югѣ кончилась полной неудачей, такъ что онъ принужденъ донынѣ подчиняться въ разныхъ областяхъ то нѣмецкому, то итальянскому, турецкому, мадьярскому и румынскому языкамъ, и притомъ не въ одной Угріи, Далмаціи, Босніи, но и въ самой Шумадіи.

Подобную неудачу испыталъ и чешскій языкъ. Уже въ XVI-мъ в. обнаружилось, что онъ не въ силахъ сохранить своего положенія въ областяхъ польскихъ. Съ XVII-го же вѣка въ самой Чехіи и Моравіи онъ становится третьестепеннымъ діалектомъ, подчиненнымъ языкамъ латинскому и нѣмецкому. Отъ преобладанія послѣдняго онъ не освободился и до нашихъ дней. Это настолько подорвало

нравственный кредитъ чешскаго языка между соплеменниками, что словаки не захотѣли уже имъ пользоваться въ своей высшей литературѣ, вслѣдствіе чего онъ окончательно утратилъ право на названіе языка общаго.

И польскій языкъ не могъ удержаться на той высотѣ, на которую вознесли его пресловутыя уніи XVI-го в. По мѣрѣ освобожденія западной Руси, все болѣе подрывалось гегемоническое положеніе языка польскаго и ослабѣвалъ приливъ русскихъ силъ. А этому то приливу главнѣйше и обязанъ былъ польскій языкъ своимъ величіемъ въ Сигизмундовскій и Мицкевичевъ періоды. Теперь лишь во Львовѣ онъ господствуетъ надъ русскимъ, да и то не надъ настоящимъ, Ломоносовскимъ и Пушкинскимъ, а надъ бѣднымъ областнымъ діалектомъ, насильственно оторваннымъ отъ своихъ историческихъ корней и племенныхъ средоточій.

Конечная неудача этихъ четырехъ попытокъ образованія языка общаго навела многихъ на мысль, что и каждая новая попытка въ томъ же направленіи неизбѣжно закончится неудачей. Но подобный пессимизмъ не оправдывается ни аналогіями другихъ общихъ языковъ, ни современнымъ положеніемъ славянъ.

И въ древней Греціи не сразу образовалось киниѝ (κοινή), а послѣ продолжительныхъ колебаній въ пользу то эолическаго, то дорическаго, то іоническаго діалектовъ, надъ которыми лишь съ Эсхила постепенно восторжествовалъ аттицизмъ. И въ Испаніи не сразу возобладалъ діалектъ новокастильскій, а послѣ борьбы съ галлегскимъ и каталанскимъ. Но всего болѣе параллелей для языка общеславянскаго представляетъ нѣмецкій, въ средѣ діалектовъ котораго борьба за преобладаніе тянулась около тысячи лѣтъ, со временъ Карла Великаго и Алкуина до Фридриха II и Лессинга.

Конечно, были между большими европейскими народами и такіе, которые не могли выработать общаго языка, напримѣръ ѳрако-иллирскія племена на востокѣ, кельтскія на западѣ, скандинавскія же на сѣверѣ. Но въ средѣ пер-

выхъ двухъ и вообще не замѣтно самостоятельной культурной жизни, рано парализованной вліяніями греческими и римскими. Славяне же имѣютъ не только передъ собой, но и за собой уже цѣлое тысячелѣтіе болѣе или менѣе успѣшной культурной работы, между прочимъ и въ языччной области. Что касается скандинавцевъ, то оборотъ ихъ языччной жизни еще не закончился и легко можетъ довести до образованія на почвѣ датской или шведской общаго языка. Основы таковаго были уже нѣкогда выработаны скандинавско-исландскими скальдами.

Но сверхъ историческихъ аналогій возможность выступленія пятаго, болѣе счастливаго соискателя на роль языка общеславянскаго доказывается и наличными фактами. Такой соискатель даже выступилъ уже — въ языкѣ русскомъ.

Если мы вникнемъ въ условія его географическаго, этнологическаго, государственнаго, общественнаго, церковнаго и литературнаго положенія и развитія, то замѣтимъ, что они весьма благопріятны для роли языка общаго. Площадь русскаго нарѣчія не только весьма обширна, но и занимаетъ серединное до извѣстной степени расположеніе между прочими славянскими землями. Она представляется какъ бы большимъ материкомъ, отъ котораго отдѣляются два полуострова: на сѣверозападѣ — польско-чешско-лужицкій, на югозападѣ же — болгарско-сербско-словинскій. Оттого-то и діалектическій типъ русскаго языка занимаетъ середину между противоположностями славянскаго запада и юга. Сверхъ того русскій языкъ превосходитъ всѣ прочія славянскія нарѣчія по обилію грамматическихъ, а еще болѣе лексикальныхъ средствъ. Государственное положеніе этого языка уже въ XVII-мъ в. казалось Крижаничу самымъ прочнымъ и надежнымъ между всѣми славянскими. Со временъ Петра Великаго Россія становится одной изъ великихъ державъ. И вровень съ этимъ государственнымъ ростомъ Россіи шло постепенное развитіе ея общественнаго сознанія, достигшаго въ Хомяковѣ не только поэтическаго, но и философскаго выраженія. Въ его лицѣ и ре-

лигіозная мысль русскаго народа явилась впервые на той степени зрѣлости, при которой стало возможно исканіе и открытіе новыхъ истинъ и въ религіозномъ чувствѣ народа, и въ „писаньяхъ галилейскихъ рыбарей“. Наконецъ въ лицѣ Пушкина Россія получила такого художника, какой можетъ появиться лишь въ самостоятельномъ культурномъ народѣ, на разсвѣтѣ новаго и долгаго историческаго дня.

Все это создало для русскаго языка такой фундаментъ и пьедесталъ, на какомъ не стоялъ ни ц.-славянскій, ни сербскій, ни чешскій, ни польскій языки, при выступленіи на широкую историческую сцену. Болѣе того, языкъ Ломоносова и Пушкина не боится въ этомъ отношеніи сравненія съ аттическимъ діалектомъ при Эсхилѣ, латинскимъ при Цицеронѣ, тосканскимъ при Дантѣ, мидландскимъ при Чосерѣ, верхнесаксонскимъ при Лютерѣ, особенно по сравненію со своими нынѣшними соперниками въ славянской средѣ. Между аттическимъ напр. діалектомъ Аѳинъ и дорическимъ Спарты въ вѣкъ персидскихъ войнъ не было такой несоизмѣримости силъ и средствъ, какая замѣчается между русскимъ и польскимъ или сербскимъ въ наше время.

Не удивительно, что русскій языкъ со временъ Ломоносова сдѣлалъ столько и такихъ завоеваній, о какихъ не могли мечтать ни сербскій, ни чешскій, ни польскій языки. Съ поражающей быстротой онъ совершилъ процессъ внутренняго преобразованія; освободился если и не вполнѣ, то въ значительной степени отъ иноязычныхъ примѣсей въ составѣ и строѣ; объединилъ всѣ главныя вѣтви русскаго племени; подчинилъ своему верховенству цѣлый рядъ инородческихъ діалектовъ и областныхъ литературъ; ограничилъ права или лучше притязанія иноземныхъ общихъ языковъ, а наконецъ, расширилъ кругъ то прямого, то косвеннаго воздѣйствія на цѣлый рядъ смежныхъ языковъ. Такимъ образомъ, онъ фактически сталъ уже общимъ языкомъ всего восточнаго славянства, до нѣкоторой же степени — и восточнаго христіанства, съ его культурными спутниками въ предѣлахъ имперіи и сосѣднихъ областяхъ.

Въ этой своей роли русскій языкъ и независимо отъ инославянскихъ занимаетъ въ настоящее время по размѣрамъ внутреннихъ и внѣшнихъ силъ одно изъ первыхъ мѣстъ между общими языками Европы, Азіи, Америки. Но онъ не достигъ еще мѣры своего возраста. Ему предстоитъ не мало новыхъ мирныхъ завоеваній. Уже и теперь его эхо раздается въ ущельяхъ Балкановъ, Альпъ, Судетовъ, достигая береговъ Адріатики, Архипелага и Пропонтиды.

Въ прежнія времена лишь отдѣльныя личности, стоявшія на значительной высотѣ созерцанія и одаренныя особенной силой зрѣнія, какъ напр. Крижаничъ, Юнгманъ, Кузмани, Штуръ, могли разглядѣть въ отдаленіи восходъ этого новаго свѣтила. Теперь оно настолько поднялось на горизонтѣ, что его не замѣчаютъ лишь слѣпые. Какъ туманъ, разлетаются при этомъ освѣщеніи фантастическія теоріи о язычной взаимности, объ общеславянскомъ волапюкѣ, о наиорганичнѣйшемъ діалектѣ. Историческая дѣйствительность выступаетъ со своими требованіями и инстинктъ самохраненія учитъ народы различать друзей отъ враговъ. Все болѣе укрѣпляется убѣжденіе, что русскій языкъ не недругъ прочихъ славянскихъ, не соперникъ ихъ въ борьбѣ за жизнь, а наоборотъ, могущественный и надежный союзникъ. Для всѣхъ становится ясно, что ни польскому, ни чешскому, ни словинскому языкамъ не устоять въ борьбѣ съ нѣмецкимъ, ни словенскому въ борьбѣ съ мадьярскимъ, ни сербохорватскому въ борьбѣ съ нѣмецкимъ, итальянскимъ, мадьярскимъ и румынскимъ, ни болгарскому въ борьбѣ съ румынскимъ, турецкимъ, греческимъ и опять нѣмецкимъ, если не послужитъ имъ опорой и щитомъ языкъ русскій.

Одинъ лишь предразсудокъ стоитъ еще на пути къ признанію этой истины: непониманіе нормальныхъ отношеній между діалектами, языками частными и языками общими. Многіе думаютъ, что существованіе первыхъ несовмѣстимо съ утвержденіемъ послѣднихъ, что слѣдовательно между ними идетъ борьба не за преобладаніе, а за существованіе. Дѣйствительно, бывали языки, походившіе

на султановъ старой Турціи, которые не терпѣли братьевъ возлѣ трона, изъ опасенія бунтовъ. Таковъ былъ особенно латинскій языкъ, систематически истреблявшій соперниковъ, за исключеніемъ греческаго, котораго обаяніе чувствовалось и въ Римѣ. До нѣкоторой степени должно это сказать и о языкѣ французскомъ, слишкомъ безпощадно подавившемъ вмѣстѣ съ политической свободой юга и литературное развитіе ойльскаго языка. Но въ исторіи прочихъ общихъ языковъ, напр. испанскаго и англійскаго, а еще болѣе греческаго, итальянскаго и нѣмецкаго, мы вовсе не видимъ такого непримиримаго антагонизма между языками общими и частными или діалектами, а наоборотъ, цѣлые періоды дружнаго ихъ взаимодѣйствія, съ полюбовнымъ размежеваніемъ законныхъ сферъ каждаго. Такъ гегемоническая роль аттическаго діалекта довольно долго совмѣщалась съ обработкой дорическаго, которая продолжалась и въ періодъ александрійскій, при господствѣ языка общаго (κοινῆς) на всемъ эллинскомъ и эллинистическомъ востокѣ. Параллельно съ киней развивались тамъ, особенно съ византійскаго періода, и языки еврейскій, халдейскій, персидскій, арабскій, армянскій, грузинскій, эѳіопскій, готскій, наконецъ—ц.-славянскій. По своимъ началамъ и послѣдній принадлежалъ къ числу частныхъ языковъ, зависимыхъ отъ общаго среднегреческаго. Не менѣе свободны были отношенія многочисленныхъ нижнеитальянскихъ и верхнеитальянскихъ діалектовъ къ illustre vulgare Данта и его послѣдователей. До сихъ поръ въ Палермо, Неаполѣ, Генуѣ, Туринѣ, Миланѣ, Венеціи и др. областныхъ центрахъ Италіи держатся отдѣльные діалекты и областныя литературы, развивающіяся параллельно съ общеитальянской. То же видимъ въ каталанской литературѣ въ Испаніи, въ провансальской во Франціи, въ южношотландской въ Великбританіи, въ алеманской, швабской, франконской, слезской, фризской, нижнесаксонской и друг. въ Германіи. Такимъ образомъ, частные языки не только не гибнутъ съ появленіемъ общихъ, но нерѣдко еще успѣшнѣе развиваются.

Общіе языки не могутъ быть врагами частныхъ и потому еще, что самое существованіе первыхъ обусловлено нахожденіемъ рядомъ съ ними послѣднихъ, ибо общее и существуетъ лишь по противоположенію частному, какъ родъ противополагается виду.

Подтвержденіе тому находимъ и въ нынѣшнихъ языч-ныхъ отношеніяхъ Россіи. Мы видимъ въ ней, при господствѣ языка общерусскаго, существованіе и успѣшное развитіе цѣлаго ряда частныхъ языковъ и діалектическихъ литературъ, напримѣръ финской, эстонской, латышской, жмудской, татарской, грузинской, армянской, малорусской, польской. Довольно успѣшно развиваются въ ней и совершенно независимыя отъ русскаго языка литературы балтійско-нѣмецкая и финляндско-шведская. Высокое значеніе школъ Мицкевича и Залѣскаго въ польской словесности, а Шевченки въ малорусской, служитъ еще однимъ доказательствомъ, что параллельное существованіе съ ними общерусскихъ школъ Пушкина и Гоголя было не помѣхою, а скорѣе поддержкою для развитія областныхъ литературъ.

Правда, съ 60-хъ годовъ русскій языкъ занялъ въ Польшѣ боевое положеніе, которое быть можетъ и не соотвѣтствуетъ нормальнымъ отношеніямъ языка общаго къ частнымъ. Но вызовъ къ тому данъ не съ русской, а съ польской стороны, безумнымъ взрывомъ 1863 г. Еслибы Россія получила надежныя гарантіи, что возвращеніе польскому языку тѣхъ правъ въ системѣ низшаго и средняго образованія, въ гминномъ и городскомъ управленіи, въ мировыхъ и уголовныхъ судахъ, въ автономныхъ корпораціяхъ и обществахъ и т. п., которыя указаны выше въ статьѣ А. И. Добрянскаго, возстановило бы нормальныя отношенія между этимъ частнымъ языкомъ и нашимъ общимъ и привело бы къ параллелизму ихъ дальнѣйшаго развитія въ общественной и словесной областяхъ, то уступка эта, мы въ томъ убѣждены, была бы со временемъ сдѣлана въ общихъ интересахъ и русскаго, и польскаго народа. Но тутъ права и обязанности должны быть взаимны: со стороны общаго языка самая широкая терпимость къ язы-

камъ частнымъ, со стороны же послѣднихъ—параллельность развитія съ общимъ, дружественное съ нимъ взаимодѣйствіе, питаніе его своими соками, какъ серединной рѣки боковыми притоками. Въ противномъ случаѣ частные языки походили бы на каналы, отводящіе воду изъ своей рѣчной системы въ чужую и такимъ образомъ ослабляющіе первую на счетъ послѣдней! Тогда между ними и общимъ языкомъ должна бы завязаться борьба уже не за преобладаніе, а за жизнь, со всѣмъ ожесточеніемъ и безпощадностію, которыя обыкновенно свойственны коллизіямъ такого рода.

Во всякомъ случаѣ, въ ненормальности отношеній русско-польскихъ никто не можетъ видѣть прецедента для будущихъ отношеній инославянскихъ языковъ къ русскому, по признаніи его общимъ языкомъ славянъ. Нѣтъ вѣдь основаній предполагать, что и между ними станетъ „окровавленная тѣнь Банка", какъ память трехъ польскихъ возстаній, трехъ братоубійственныхъ войнъ, на протяженіи всего трехъ поколѣній совмѣстной государственной жизни!

Принявъ русскій языкъ добровольно, какъ люди свободные, а не рабы, славяне западные и южные будутъ имѣть полную возможность сами опредѣлить тѣ области научной и художественной литературы, международныхъ и внутреннихъ отношеній, употребленія государственнаго и школьнаго, какія они пожелаютъ передать языку общему. Они сами опредѣлятъ мѣру самостоятельности, и сферу дѣятельности своихъ частныхъ языковъ, даже своихъ діалектовъ, руководствуясь при этомъ завѣтомъ блаженнаго Іеронима: in necessariis unitas, in dubiis libertas, in omnibus autem caritas. Починъ въ этомъ отношеніи долженъ принадлежать имъ, а не намъ и потому еще, что тамъ настоятельнѣе чувствуется потребность въ общемъ славянскомъ языкѣ, какъ противовѣсѣ нѣмецкаго. Мы и теперь можемъ назваться beati possidentes, ибо имѣемъ уже вполнѣ довлѣющій своимъ цѣлямъ органъ для выраженія всѣхъ явленій нашей жизни и всѣхъ движеній мысли. Возможно полное осуществленіе язычнаго единенія славянъ для насъ важно лишь въ томъ отношеніи, что

оно служило бы лучшей гарантіей сохраненія нашихъ братьевъ отъ онѣмеченія. Съ тѣмъ вмѣстѣ оно обезпечило бы намъ культурное соратничество тридцати милліоновъ родственнаго намъ по крови, отчасти и по духу племени. Будучи поставлены на рубежѣ нашего и нѣмецкаго міровъ, эти милліоны славянъ своимъ переходомъ на ту или другую сторону могутъ существенно измѣнить шансы предстоящей великой борьбы.

Вотъ почему и мы должны итти на встрѣчу стремленію славянъ къ объединенію на почвѣ русскаго языка и и по возможности выровнять пути къ его осуществленію. Мы обязаны устранить между прочимъ и отмѣченные выше недостатки нашего языка, которые имѣютъ, положимъ, историческое оправданіе, но лишь въ прошедшемъ, а не въ настоящемъ и тѣмъ менѣе въ будущемъ.

Моментъ осуществленія мечтаній Крижанича, думъ Юнгмана и плановъ Штура можетъ быть и близкимъ, и далекимъ, смотря по ходу политической, общественной и литературной жизни Россіи. „Подъ напоромъ важныхъ событій" (выражаясь словами Штура) онъ можетъ наступить весьма скоро. Но возможно и то, что при извѣстномъ традиціонномъ искусствѣ нѣмцевъ ссорить славянъ между собою, нѣкоторые изъ нихъ очень долго или и совсѣмъ не успѣютъ пріобщиться къ нашей духовной жизни, сотрудничествомъ въ словесной области. И тогда имъ придется признать надъ собою общій языкъ, но уже не славянскій, а нѣмецкій, итальянскій или другой иноплеменническій...

Не разъ уже указываема была аналогія язычной системы славянъ съ нашею планетною системою, въ которой солнце соотвѣтствуетъ языку общему, планеты — языкамъ частнымъ, луны или спутники—діалектамъ, разбитые астероиды — дробнымъ говорамъ.

Въ этомъ сравненіи дѣйствительно есть общіе элементы, хотя иносказательнаго лишь рода. Какъ солнце служитъ центромъ притяженія для планетъ и поддерживаетъ ихъ круговращеніе по предуставленнымъ орбитамъ, за-

ливая ихъ волнами и свѣта и теплоты, такъ общій языкъ долженъ быть средоточіемъ и опорою дробныхъ вѣтвей славянства, въ коловратностяхъ судьбы и счастья. А съ другой стороны, какъ планеты расчленяютъ солнечную систему, перерабатывая въ новыя формы космическія вещества и силы, такъ и частные языки съ діалектами и говорами должны служить въ нашей племенной системѣ элементомъ разнообразія и красоты, источникомъ новыхъ возбужденій, а вмѣстѣ ареной для проявленія и переработки духовныхъ силъ племени.

По установленіи нормальныхъ отношеній въ сферѣ язычной, немедленно пробѣгутъ по всѣмъ частямъ нашего племенного организма объединительные токи и въ прочихъ областяхъ народной жизни. Такъ возстановится мало по малу потрясенное нынѣ единство ея содержанія и формъ, ибо, по ученію древняго мудреца, „слово есть образъ дѣлъ“:

Ο λόγος τῶν πραγμάτων εἰκών.

(Σιμωνίδης ὁ Κεῖος).

Конецъ.

Содержаніе II-го тома.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран. и строки:	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
57^{15}	*п*олжно	*д*олжно
68_{11}	определені*и*	определені*я*
81^{7}	Іоанномъ *XIII*	Бенедиктомъ *VI* (?)
83^{8}	Болеславу *I*	Болеславу *II*
89^{15}	*983* г.	*973* г.
90_{6}	славянскихъ	славянскихъ
95_{13}	*973* г.	*983(?)* г.
107^{4}	*983* г.	*973* г.
116_{1}	R*o*munischen	R*u*munischen
127^{6}	совершатъ	совершатъ
137_{14}	X *V*-го в.	X *VI*-го в.
150_{17}	1*571* г.	1*751* г.
177^{16}	ослабѣла*на*	ослабѣла *на*
194_{7}	*н*редѣлами	*п*редѣлами
196_{11}	к*о*нціоналъ	к*а*нціоналъ
208^{7}	Ме*т*кою	Ме*к*кою
222^{10}	уда*у*ъ	уда*р*ъ
236^{17}	*я*тынь	*л*атынь
239_{15}	*во*зникнемъ	*вник*немъ
251_{2}	іератическимъ	іератическимъ
276_{4}	соед*н*неніи	соед*и*неніи
289^{1}	архе*г*рафомъ	архе*о*графомъ
344^{9}	славя*п*ами	славя*н*ами
345^{18}	историчес*с*ій	историчес*к*ій

22. По поводу „Исторіи славянскихъ литературъ“ гг. Пыпина и Спасовича. СПБ. 1879 (въ Ж. М. Н. Пр.).
23. Очерки изъ церковной исторіи западныхъ Славянъ. Нѣсколько критическихъ замѣчаній на латинскую легенду о пражскомъ епископѣ Войтѣхѣ (St. Adalbertus). Варш. 1880 (въ Холмско-Варш. Епарх. Вѣдом.).
24. Объ отношеніяхъ Пушкина къ инославянскимъ литературамъ. М. 1880. (въ Моск. Вѣд.).
25. Вступительная лекція, читанная въ Имп. Варш. Университетѣ 10 сентября 1881 года. М. 1881 (въ газ. Русь N 47).
26. О преподаваніи отечественнаго языка въ нашихъ гимназіяхъ. Варш. 1882 (въ Рус. Фил. Вѣстн.).
27. Варшавскій листокъ изъ церковнославянскаго евангелія русскаго письма 11—12 вѣка. Варш. 1882 (въ Рус. Фил. Вѣстн.).
28. Начертаніе церковно-славянской грамматики, примѣнительно къ общей теоріи русскаго и другихъ родственныхъ языковъ. Варшава. 1883.
29. Учебникъ церковно-славянской грамматики для среднихъ учебныхъ заведеній. Одобренъ Ученымъ Комит. М. Н. Пр. какъ учебное руководство для гимназій и прогимназій. Варшава 1883.
30. Іеронимъ Каваньинъ, полузабытый далматинскій панславистъ начала 18-го вѣка. Въ Сборн. статей по славяновѣдѣнію, изданномъ учениками В. И. Ламанскаго. СПБ. 1883.
31. О сочиненіи Н. Засадкевича: Мелетій Смотрицкій, какъ филологъ Въ Ж. М. Н. Пр. 1884.
32. Объ изданіи В. Ягича: Маріинское четвероевангеліе: Въ Ж. М. Н. Пр. 1884.
33. О сочиненіи Я. Ѳ. Головацкаго: Географическій словарь западно-слав. и юго-славянскихъ земель. Въ Ж. М. Н. Пр. 1884.
34. Обзоръ важнѣйшихъ явленій германистики за послѣдніе годы. Въ отчетѣ, напечатанномъ въ Варш. Универс. Извѣстіяхъ 1884 г.
35. Нѣсколько мыслей о греко-славянскомъ характерѣ дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія. Варшава 1885 (въ Меѳодіев. юбил. сборн.).
36. Новыя данныя для исторіи восточнаго вопроса (Sécrets d'état de Venise. Par V. Lamansky. S. P. B. 1884). Въ Ж. М. Н. Пр. 1885.
37. Обзоръ областей западнаго и южнаго славянства, со включеніемъ червонорусскихъ, въ орографическомъ и гидрографическомъ отношеніяхъ. СПБ. 1886.
38. О сочиненіи Ѳ. Вержбовскаго: Христофоръ Варшевицкій и его сочиненія. Въ Рус. Фил. Вѣстн. 1886 г.
39. Микрофонологія въ примѣненіи къ русской грамматикѣ (по поводу курса грамматики русскаго языка В. Богородицкаго). Въ Ж. М. Н. Пр. 1887.
40. Историко-политическія замѣтки по вопросамъ болгарскому и альзасъ-лотарингскому. Варш. 1887 г.
41. О сочиненіи Н. П. Некрасова: Очеркъ сравнительнаго ученія о звукахъ и формахъ древняго церковнославянскаго языка. Въ Рус. Фил. Вѣстн. 1889.
42. О трудахъ по моравской діалектологіи и народной словесности г. Фр. Бартоша, въ присужденіи премій А. А. Котляревскаго СПБ. 1890.
43. О сочиненіи Е. В. Барсова: Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси. Т. III. Въ Ж. М. Н. Пр. 1890.
44. Объ изданіи И. В. Помяловскаго: Житіе св. Савы Освященнаго, въ древне-русскомъ переводѣ Въ Рус. Фил. Вѣстн. 1890.
45. О сочиненіяхъ П. В. Владимірова: 1. Житіе св. Алексѣя, человѣка божія и 2. Докторъ Францъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. Въ присужд. премій гр. Уварова. СПБ 1890.
46. Къ предстоящему тысячелѣтію со дня смерти патр. Фотія. Въ Рус. Фил. Вѣстн. 1891.

Складъ изданія въ помѣщеніи Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества, въ С.-Петербургѣ, на площади Александринскаго театра, домъ Голубева № 9.